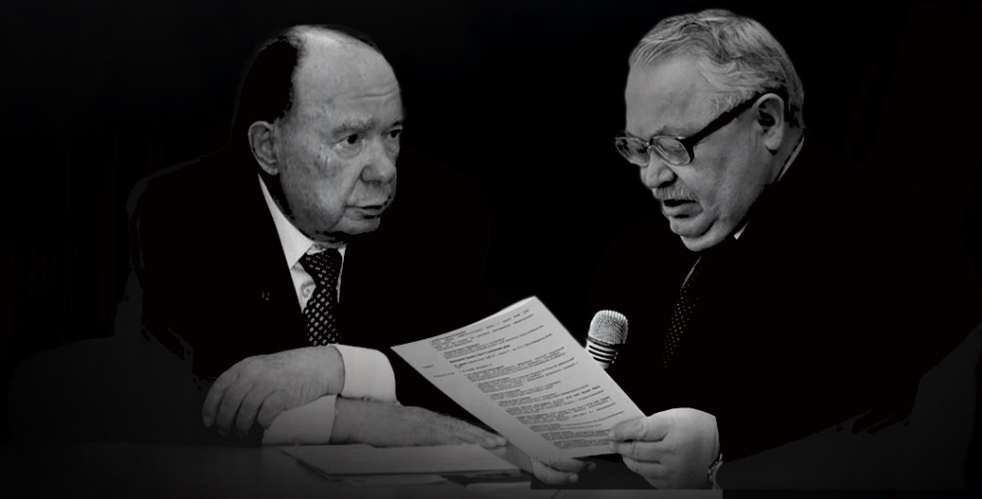

ВЕЛИЧАЙШИЕ ПОДЛОГИ В ИСТОРИИ

ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА

ТАЙНА СЕКРЕТНЫХ ПРОТОКОЛОВ

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. Они пришли к соглашению в следующем:

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между двумя государствами государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и которая будет описана в дополнительном протоколе.

Обе Стороны признают, что эта граница является границей обоюдных государственных интересов и что никакое вмешательство третьих держав не допускается.

АЛЕКСЕЙ КУНГУРОВ

Величайшие исторические подлоги

Алексей Кунгуров

**Пакт Молотова-Риббентропа.
Тайна секретных протоколов**

«Алгоритм»

2018

УДК 94(47+57)"1939"
ББК 63.3(2)61

Кунгуров А. А.

Пакт Молотова-Риббентропа. Тайна секретных протоколов
/ А. А. Кунгуров — «Алгоритм», 2018 — (Величайшие
исторические подлоги)

ISBN 978-5-907024-67-0

Книга известного историка и публициста Алексея Кунгурова посвящена разоблачению мифа о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 года одновременно с заключением пакта о ненападении между СССР и Германией. Автор отвечает на вопрос, кто и зачем начал внедрять в массовое сознание этот миф о сговоре с Гитлером, и рассказывает, как современные «историки» и чиновники сфабриковали «оригинал» протоколов, найденный, по официальной версии, в 1992 году в архиве президента России.

УДК 94(47+57)"1939"

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-907024-67-0

© Кунгуров А. А., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Пролог	5
Договор	7
Протокол	18
Гальдер	29
Молотов	36
Нюрнберг	44
Зайдль	52
Гаусс	56
Бланк	60
Риббентроп	63
Вайцсеккер	76
Павлов	79
Хильгер	86
Херварт	95
Микрофильмы	102
Безыменский	110
Яковлев	117
Доклад	126
Прения	145
Постановление	164
Записка	172
Политбюро	183
Оригиналы	197
Квицинский	217
Вульфсон	221
Граница	233
Карта	245
Атлас	256
Сувалки	260
Вильно	272
Исход	284
Метод	299

Алексей Кунгуров

Пакт Молотова – Риббентропа: тайна секретных протоколов

Он наполнил бокалы и поднял свой.

– Итак, за что теперь? – сказал он с тем же легким оттенком иронии. – За посрамление полиции мыслей? За смерть Старшего Брата? За человечность? За будущее?

– За прошлое, – сказал Уинстон.

– Да, прошлое важнее, – веско подтвердил О'Брайен.

Джордж Оруэлл, «1984».

Пролог

24 декабря 1989 г., Москва, Кремлевский Дворец съездов. На II Съезде народных депутатов СССР прораб Перестройки Александр Яковлев зачитал «Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Этот документ часто именуют просто докладом Яковлева. 24 февраля 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литовской ССР большинство мест получают кандидаты, поддержанные «Движением за перестройку» («Саюдис»). 11 марта 1990 г. новый состав Верховного Совета республики провозглашает независимость Литвы. Союзное правительство в Москве отказалось признать независимость республики и начало экономическую блокаду Литвы, которая показала свою безуспешность и была отменена в июле. Литовское и союзное правительства начали переговоры.

Противники независимости, члены литовской компартии, оставшейся на платформе КПСС после раскола КПЛ и создавшие «Комитет национального спасения» во главе с Миколасом Бурокаявичюсом¹, встали в оппозицию к сепаратистам. 13 января 1991 г. в Вильнюс были введены войска. Вопрос о непосредственном инициаторе войсковой операции остается открытым, президент СССР и главнокомандующий Михаил Горбачев публично заявил 14 января, что узнал о ней из газет, придерживается он этой позиции и поныне. В тот день возле телебашни в Вильнюсе погибло 14 человек, в том числе боец группы «Альфа» лейтенант Виктор Шатских. Суд по факту этих смертей в Литве длился в общей сложности более 6 лет, однако вину советских военнослужащих в убийстве мирных жителей доказать не удалось. Кем был убит спецназовец КГБ, установлено не было. Армия не стала штурмовать здание Верховного Совета. Вильнюсская бойня спровоцировала всплеск сепаратистского движения во всей Прибалтике. Москва потерпела жесточайшее моральное и политическое поражение.

На референдуме, проведенном в феврале 1991 г. более 90 % его участников (около 84 % избирателей) проголосовало за выход Литовской республики из состава СССР. 19–21 августа 1991 г. в Москве происходят события, получившие название путча ГКЧП. В результате путча союзное правительство фактически полностью утрачивает власть, которую концентрируют в своих руках республиканские руководители. 1 декабря на Украине прошли выборы президента и референдум о независимости, на котором по официальным данным за независимость Украины высказалось 90,32 % участников голосования. 5 декабря новоизбранный президент УССР Леонид Кравчук объявил, что Украина денонсирует договор 1922 г. о создании

¹ Миколас Бурокаявичюс – первый секретарь Коммунистической партии Литвы, входящей в КПСС. В 1994 г. похищен литовскими спецслужбами на территории Белоруссии, тайно доставлен в Литву и брошен в тюрьму, где провел 12 лет.

СССР. 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще президентами Российской Федерации Ельциным, Украины – Кравчуком и председателем Верховного Совета Белоруссии Шушкевичем подписывается соглашение об объявлении договора 1922 г. о создании СССР недействительным. Решение было абсурдным, так как договор 1922 г. был поглощен конституцией 1924 г., а для пересмотра Конституции предполагался совсем другой порядок, но эти юридические тонкости уже не имели значения перед лицом факта развала страны.

Ельцин немедленно сообщил о происшедшем президенту США Джорджу Бушу и заручился обещанием международного признания акта о ликвидации СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал постановление о выходе республики из состава СССР («за» – 161 депутат, «против» – 3, воздержались -9). 25 декабря Михаил Горбачев сложил с себя полномочия президента, и Советский Союз де юре прекратил свое существование.

Спрашивается, какое значение на фоне столь масштабных исторических событий имел доклад Яковлева, зачитанный на Съезде народных депутатов, и касавшийся событий полувековой давности? Как обнародование подробностей договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, подписанное в августе 1939 г. могло повлиять на текущую политику? На самом деле, этот акт имел громадное значение. Тот, кто знаком с технологиями управления толпой, знает, что контроль над историческим сознанием масс дает колоссальную власть над ними. Тот, кто способен изменить прошлое – тот и формирует будущее. Можно прибегнуть к такой метафоре: история – это руль корабля. Руль находится на корме, но нос судна смотрит только в ту сторону, куда поворачивается руль.

Многих моих соотечественников, контактирующих с иностранцами, часто шокирует, насколько они обладают стерилизованными представлениями о прошлом даже своих стран, не говоря уж о мировой истории. Многие испанцы не знают, кем был генерал Франко. Американцы совершенно не в курсе, что штат Калифорния отторгнут Соединенными Штатами у Мексики в ходе захватнической войны 1846–1848 гг. Некоторые опросы показывают, что каждый пятый житель США уверен, будто атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили русские. И эта кастрация исторической памяти вовсе не случайна. Богатые страны способны потратить достаточно средств на образование своих граждан, однако на деле громадные деньги тратятся именно на стерилизацию их мышления. Элитам нужно манипулируемое быдло, а не народ-носитель политической воли. Уничтожение исторической памяти преследует именно эту цель – лишение народа политической воли, превращение его в атомизированную массу потребителей, легко поддающуюся манипулятивному воздействию. Джордж Оруэлл вовсе не выдумал министерство правды, переделывающее прошлое, в своем знаменитом романе «1984», он просто срисовал его с натуры.

Цель, которую преследовали перестройщики и их закордонные вдохновители – уничтожение СССР. Сделать это можно было двумя путями: либо путем вооруженного насилия извне; либо следовало сформировать разрушительные силы внутри советского государства. Первый путь в отношении ядерной державы, конечно, был неосуществим. Поэтому была сделана ставка на создание сепаратистских движений в национальных республиках Советского Союза. Ведущая роль отводилась трем прибалтийским республикам – Литве, Латвии и Эстонии. Для мобилизации масс под знамена сепаратистов нужна была мощная идея, возбуждающая ненависть к русским. Таким мобилизующим фактором стал миф о вероломной оккупации прибалтийских стран Советским Союзом в 1940 г. Базировалась эта установка на другом мифе – о подлом сговоре между Молотовым и Риббентропом, которые, якобы в августе 1939 г. цинично «распилили» Восточную Европу. Этот миф был, кроме прочего, направлен на раскол советско-польского послевоенного содружества и, как следствие, развал всего военного блока Варшавского договора. Таким образом, созданию мифа о «пакте Молотова – Риббентропа» внедрению его в массовое сознание придавалось стратегическое значение.

Договор

Сговор был выражен, якобы в договоре о ненападении между двумя державами, подписанном в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом и председателем советского правительства и по совместительству народным комиссаром иностранных дел Вячеславом Михайловичем Молотовым. В историю дипломатии этот договор вошел под нарицательным именем «Пакт Молотова – Риббентропа». Уже сам этот ярлык является манипулятивным, ибо существенно искажает суть соглашения. Сам по себе этот межгосударственный договор не может быть признан враждебным какой-либо третьей стране или преступным, договор о ненападении Германия имела со многими странами, в том числе с Великобританией, Францией, Польшей. Вот текст советско-германского договора, опубликованный в советской прессе 24 августа 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

*По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов*

*За Правительство
Германии
И. Риббентроп²*

Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и Рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября 1939 г. Как видим, ни о каком разделе Восточной Европы речь здесь не идет. Единственным отступлением от норм, принятых советской дипломатией, являлось отсутствие положения о том, что договор может быть расторгнут одной стороной в случае, если другая сторона совершит агрессию против третьей страны. Но стоит заметить, что подобная щепетильность была тогда совсем не в духе мировой дипломатии (да и сегодня тоже). Поэтому заявлять, что Советский Союз таким образом косвенно способствовал развязыванию войны в Европе, совершенно недопустимо. Второй нюанс, который обращает на себя внимание – пункт о том, что договор вступает в силу немедленно, а не после ратификации парламентами двух стран (включен по настоянию германской стороны). Впрочем, это формальность, никто не сомневался в том, что договор будет ратифицирован и Рейхстагом и Верховным Советом.

² Цит. по: «Известия», 24 августа 1939 г.

Момент подписания договора о ненападении между Германией и СССР. Кремль, 23 августа 1939 г.

В ситуации разворачивающегося германо-польского кризиса у Советского Союза было несколько вариантов действий:

- а) создать антипольскую коалицию с Германией;
- б) заключить соглашение о военном сотрудничестве с Польшей;
- в) присоединиться к англо-французским гарантиям в отношении Польши, на что опять же необходимо было получить согласие Варшавы;
- г) сохранять нейтралитет, преследуя исключительно собственные интересы.

Вопрос об альянсе с Германией никогда не ставился в повестку дня. Если бы СССР напал на Польшу совместно с Германией, то Англия и Франция должны были объявить ему войну, чего Москва совершенно не желала. Польша, как известно, наотрез отказалась заключать какие-либо военные соглашения с Советским Союзом. Речь даже не шла о взаимных обязательствах, Советский Союз предлагал Польше одностороннюю и бескорыстную военную помощь в случае немецкого вторжения. Если немцы нападут на Польшу, Франция, связанная договором с Польшей, объявит войну немцам, а Польша должна предоставить союзнику Франции – СССР – узкий коридор, чтобы Красная Армия могла войти в боевое соприкосновение с немцами.

Задним числом историки сегодня объясняют польское упрямство страхом, который они якобы испытывали перед большевистскими ордами. Мол, войдя в Польшу под благовидным предлогом, Советы оккупируют страну, после чего замирятся с немцами. Но гарантом против этого выступали Франция и Англия. Они, в конце концов, могли первыми замириться с немцами и устроить совместный «дранг нах остен», так что советская сторона рисковала куда более Польши. Такой вариант развития событий был для СССР еще хуже по последствиям, чем военный союз с Гитлером. Насчет того, что поляки боялись Советскую Россию – это, конечно, полная чушь. Уж так они боялись, что все предвоенные годы их генштаб составлял «оборонительные» планы, целью которых был выход Польши к Черному морю и включение в состав Речи Посполитой Правобережной Украины. Так или иначе, но Варшава решительно отвергла все советские инициативы. Известна пафосная фраза, брошенная министром иностранных дел Польши Беком по этому поводу: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу». Да, такая вот загадочная польская душа.

Историческая ирония заключается в том, что поляки, как этнос (с их пресловутой душой), сохранились именно благодаря России. После ликвидации Польши Венским конгрессом 1815 г. автохтонные польские земли были поделены между Россией, Австрией и Пруссией. На попавших под власть немцев землях не то что польской автономии не существовало, но и проводилась довольно настойчивая германизация. Польский язык стремительно исчезал из повседневного оборота, особенно в городах, лютеранство постепенно вытесняло традиционное для поляков католичество, а уж о такой роскоши, как польский университет, ляхи не могли даже мечтать.

В составе Российской империи с 1815 г. находилось Царство Польское со своей армией, национальной администрацией, денежной единицей, Конституцией (сама Россия являлась абсолютной монархией). Налоги в русскую казну поляки не платили, таможенные пошлины на ввоз товаров из Польши отсутствовали, чем повсюду пользовалось тамошнее купечество, наживаясь на торговле европейским импортом. При этом расходы на содержание польской армии несла российская казна. Единственным «ущемлением» польского правительства было то, что оно не имело возможности самостоятельно проводить внешнюю политику – этот вопрос полностью находился в компетенции русского царя Александра I, который являлся также и польским королем.

Правда после двух шляхетских восстаний польские вольности были существенно урезаны, но даже после упразднения Царства Польского и переименования его в Привислинский край там не проводилась политика русификации или религиозного ущемления. В делопроизводстве применялся польский язык, русский не преподавался в обязательном порядке в школах, католики пользовались всеми правами граждан империи, а вот от некоторых обязанностей, например, воинской повинности, были освобождены. Если уж, согласно советским пропагандистским штампам, считать Российскую империю тюрьмой народов, то в этой тюрьме два народа – польский и финский по тюремным понятиям были блатными, то есть имели привилегированное положение. Впоследствии именно 10 польских губерний в составе России стали ядром восстановления независимой Польши в 1918 г.

В этой связи многие исследователи совершенно не в силах понять фанатическую польскую русофобию 20–30 годов, считая ее либо проявлением дикого иррационализма польской элиты, либо гипертрофированным выражением антибольшевизма. Польский антибольшевизм, кстати, выглядит столь же иррациональным, как и русофобия, если учесть, что именно большевики выступали за независимость Польши еще до 1917 г., а после взятия власти с готовностью признали ее независимость.

На самом деле польская ненависть к Советскому Союзу имеет вполне очевидное объяснение. Поляки в версальской Польше составляли чуть более 40 % населения, остальные были украинцами, белорусами, евреями и немцами. Более 13 миллионов человек проживали на территориях, захваченных Польшей в ходе советско-польской войны 1920 г. При этом Польша была ярко выраженным расистским государством. Все «нетитульные» народы страны подвергались жестокому политическому, экономическому, религиозному и культурному угнетению. Русские, украинские и белорусские школы закрывались, для устрашения национальных меньшинств, сопротивляющихся полонизации восточных окраин Речи Посполитой был даже создан концлагерь в Березе Картузской.

В этой связи шляхта, действительно, как огня боялась пропустить Красную Армию даже по узким коридорам, поскольку это могло спровоцировать мощные антипольские выступления в Западной Белоруссии и Западной Украине. Собственно, так и произошло в сентябре 1939 г, когда белорусы и украинцы начали стихийно расправляться с ненавистными осадниками и полицейскими. В городах происходили восстания, в которых ведущую роль играли коммунисты. То, что польская армия с первых же дней немецкого вторжения обратилась в бегство, так и не дав интервентам сколь-нибудь значимого сражения, тоже можно считать результатом расистской политики Варшавы по отношению к большей части своих подданных. Как могла армия стоять насмерть, если половина ее солдат не имела причин горячо любить польское государство? Белорусские хлопцы в сентябрьские дни 39-го весело распевали частушку:

Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем бараніць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.

Я говорю об этом только для того, чтобы стало понятно, почему польское правительство ни при каких обстоятельствах не могло пойти на военное сотрудничество с СССР. Это действительно ставило под угрозу польскую государственность, однако причины состояли во внутренней несостоятельности «уродливого детища Версальского договора», как охарактеризовал тогдашнюю Польшу Вячеслав Молотов, а не в «имперском экспансионизме» Москвы, тогда еще никак не проявившемся.

Советское правительство неоднократно выступало с предложениями по созданию в Европе коллективной системы безопасности. Даже после Мюнхена. Даже видя, как Англия

явно науськивает Германию на СССР. 15 марта, в день оккупации немцами Чехословакии, нарком иностранных дел Литвинов предложил созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей гитлеровской агрессии. Английский премьер-министр Нэвилл Чемберлен назвал это предложение преждевременным. 17 апреля Литвинов предложил подписать трехстороннюю военную конвенцию о взаимопомощи между

Англией, Францией и Советским Союзом. К этому альянсу могла бы при желании присоединиться и Польша.

Суть предложения сводилась к тому, что Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. Так же этот трехсторонний договор гарантировал безопасность восточно-европейских стран и предусматривал военную помощь им в случае агрессии.

Но даже этот договор о намерениях, без каких либо конкретных обязательств по отношению к СССР, не был подписан. Как заявил 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс, «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения» (нужда, время созрело, когда люфтваффе стали бомбить Лондон). Английское правительство демонстративно тянуло с ответом до 8 мая и ответило на советскую инициативу отказом. 31 мая глава правительства Вячеслав Молотов (по совместительству наркоминдел после отставки Литвинова 3 мая), выступая в Верховном Совете СССР, повторил ранее сделанные предложения Англии и Франции (трехсторонний договор о взаимопомощи, гарантии малым государствам, военная конвенция). Но при этом глава советского внешнеполитического ведомства отметил, что СССР не избегает сотрудничества и с другими странами, в частности с Германией и Италией. Этот пассаж с благосклонностью был встречен в Берлине, где уже начали подумывать о нормализации отношений с Советским Союзом в свете обострения германо-польских отношений.

Намек на готовность к диалогу с Берлином и Римом прозвучал из уст генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина еще 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б). Впоследствии эта сталинская речь, названная на Западе речью о жареных каштанах, получила широкую известность, и иные историки пытаются представить, как инициативу советской стороны по сближению с Германией. Однако никаких реальных последствий выступление Сталина не имело.

В конце мая на фоне некоторого потепления советско-германских отношений забеспокоившиеся англичане и французы, наконец, согласились обсудить поставленные Москвой вопросы. С советской стороны возобновившиеся 15 июня переговоры вел Молотов, с англо-французской – дипломаты второстепенных рангов, что воспринималось советским руководством как свидетельство несерьезного отношения западных партнеров к переговорам. Вялотекущие политические консультации велись в общей сложности с 10 апреля до конца июля 1939 г., но закончились фактически ничем. 2 августа СССР заявил, что будет вести политические переговоры только после достижения военного соглашения. Англия и Франция были вынуждены послать военную делегацию, дабы не предстать в глазах мировой общественности виновниками срыва переговоров. Однако, не смотря на настойчивые просьбы СССР прислать делегацию самолетом, англичане не сочли нужным спешить, и переговорщики отплыли из Лондона 5 августа пассажирско-грузовым пароходом, прибыв в Москву через Ленинград только 11 августа. При этом они прислали в Москву в качестве главы делегации второстепенного чиновника МИД Стрэнга, а в качестве представителя Генштаба – генерала Дракса, имевшего в то время небольшой вес в военном руководстве. Для сравнения: на переговоры в Польшу незадолго до этого летал начальник британского Генерального штаба генерал Айронсайд, а Чемберлен в течение нескольких предшествующих месяцев трижды лично прилетал на встречу с Гитлером.

12 августа начались переговоры, которые советской стороны вел нарком обороны Климентий Ефремович Ворошилов, что подчеркивало значение, которое советское правительство придавало вопросу общеевропейской безопасности. Французы были настроены более благожелательно, чем англичане (еще бы, ведь Германию от Франции отделял лишь пограничный шлагбаум, а не море!) но находились в полной зависимости от Лондона во внешнеполитических делах. Ворошилов поставил перед англо-французами ряд конкретных вопросов, на которые они не смогли дать внятных ответов, так как не имели полномочий на ведение полномасштабных военных переговоров. СССР даже раскрыл план развертывания своих вооруженных сил, согласно которому против Германии должны были действовать до 136 дивизий. Представители Англии и Франции не предоставили подобных планов.

Через день был поднят вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши, по виленскому и галицийскому коридорам – без чего, по мнению советской стороны, не могла быть отражена возможная германская агрессия. На этом переговоры зашли в тупик, потому что Польша наотрез отказалась рассматривать такой вариант, а Франция не смогла (или не захотела) убедить поляков согласиться на военную помощь СССР. Уильям Ширер, автор широко известной книги «Взлет и падение третьего рейха» классифицирует такое поведение поляков, как «непостижимую глупость», что является по сей день общепринятой точкой зрения. Какова же была реальная причина польской «советофобии», указано выше.

В целом англо-французы были не против создания коалиции, но пытались свести дело к тому, чтобы не иметь прямых обязательств по отношению к Советскому Союзу, который был обязан прийти на помощь «союзникам» в любом случае. 17 августа Ворошилов временно прервал переговоры и объявил, что дальнейший их ход зависит от ответа Англии и Франции на поставленные советской военной миссией принципиальные вопросы, прежде всего о пропуске советских войск Польшей. Он предупредил, что, если в течение двух дней ответы получены не будут, переговоры придется прекратить окончательно. В указанный срок ответа не последовало. 21 августа западные делегации предложили отложить заседание еще на 3–4 дня. В ночь на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении. Советское руководство выступило с заявлением, что данный факт не является препятствием для заключения соглашения о взаимопомощи с другими странами, но английская и французская делегации, убыв на родину «для консультаций», в Москву уже не вернулись.

Антисоветски настроенные историки пытаются представить дело так, что СССР вел переговоры с Западом для вида, лишь для того, чтобы использовать их как ширму и средство давления на Германию для скорейшего заключения «сговора». В качестве аргумента неизменно приводится тот факт, что 11 августа – в день прибытия в Москву англо-французской делегации, Политбюро приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин». Но, во-первых, советская сторона настаивала на заключении именно торгового соглашения с Германией, без чего отказывалась серьезно обсуждать все иные вопросы.

Во-вторых, если Москва еще только известила немцев о желании вступить в контакт, то в Лондоне в это время уже шли англо-германские переговоры ни много, ни мало, о разделе мира! Англия готова была признать страны Юго-Восточной Европы сферой государственных интересов Германии, а также предоставить рейху доступ к эксплуатации африканских колоний. Однако немцы, не доверяя англичанам, отклонили их предложения. К тому же в колониях они, вопреки расхожему мнению, не нуждались. Советское правительство знало об этих переговорах, и даже получило по каналам внешней разведки некоторые подробности, что, безусловно, подтолкнуло к активизации переговорного процесса с Германией и убедило в несерьезности намерений Великобритании в отношении военного сотрудничества с Советским Союзом. Усугубляло ситуацию и то, что правительства западных стран начали вводить эмбарго на поставку в СССР определенных видов товаров и промышленного оборудования.

Итак, военного союза с Германией советское правительство не желало, а западные державы, прежде всего Великобритания, не желали брать какие-либо взаимные военные обязательства перед СССР. Польша категорически отвергала даже односторонние военные гарантии Москвы в случае германской агрессии. Румыния так же отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Оставался последний вариант – нейтралитет. Некоторые исследователи считают, что договор с Гитлером означал для Москвы выбор меньшего зла, то есть Советскому союзу они отводят роль объекта, а не субъекта большой политики. Нет, речи об уступках кому-либо не шло. Уж если СССР занял нейтральную позицию, преследуя собственные интересы, то и заключение договора о ненападении было нашей стране выгодно – Германия очень щедро заплатила за него, к тому же авансом. Изначально немецкая дипломатия рассчитывала лишь на совместную декларацию о неприменении силы друг против друга. Однако 15 августа в ответ на послание министра иностранных дел Германии Риббентропа, в котором тот выражал готовность лично приехать в Москву для выяснения германо-советских отношений, Молотов предложил заключить договор о ненападении, но непременно условием поставил заключение широкого торгового соглашения. 19 мая 1939 г. в Берлине это соглашение было подписано. Газета «Правда» 21 августа сообщила по этому случаю следующее:

«19-го августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-Кредитное Соглашение между СССР и Германией. Соглашение подписано со стороны СССР – Зам. Торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны – г. Шнурре. Торгово-Кредитное Соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 миллионов германских марок, сроком на семь лет из 5 % для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания Соглашения. Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т. е. в течение двух лет на сумму в 180 миллионов германских марок».

По этому кредиту Сталин потребовал от Германии не ширпотреб, а ценное промышленное оборудование для нужд военной промышленности, передовые технологии и вооружение!!). Когда Германия, скрепя сердце, согласилась удовлетворить столь обширные советские требования, СССР подписал с ней 23 августа 1939 г. договор о ненападении. Он был нужен именно Германии, Советскому Союзу он никаких гарантий не давал. Советская же сторона получила взамен поставки (прежде всего военные), важность которых трудно переоценить в свете приближающейся войны.

Критики этого соглашения через полвека пытались обосновать мысль, что заключение договора о ненападении принесло нашей стране только вред, поскольку, де, усыпило бдительность и позволило Германии внезапно напасть на СССР и нанести катастрофические потери Красной Армии. Мнение это широко распространено, но ничем не обосновано. Факты показывают, что именно с августа 1939 г. в Советском Союзе разворачивается форсированное военное строительство – за два года РККА увеличила свою численность почти втрое. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. Одновременно проводилась широкая программа по техническому перевооружению армии. На утрату бдительности и самоуспокоение это никак не походит. Критики Сталина неизменно указывают на его подозрительность даже по отношению к ближайшим соратникам, однако при этом делают абсурдные заключения о том, что Гитлеру он верил. Никаких фактов, прямо свидетельствующих о доверии Сталина к немецкому диктатору, они не приводят, а свидетельства обратного старательно игнорируют. В результате эта концепция получается довольно хлипкой, и используется ныне лишь в сфере пропаганды, оставаясь за рамками серьезной научной дискуссии.

Наконец последний аргумент критиков заключается в «аморальности» самого факта заключения каких-либо сделок с Гитлером. Если принять такую точку зрения, то придется объ-

явить аморальной саму дипломатию, которая апеллирует лишь к целесообразности и выгоде, но никак не к морали. СССР перед войной пытался проводить открытую политику, чего другие державы старательно избегали. Например, политические англо-франко-советские переговоры весной-летом 1939 г. зашли в тупик из-за нежелания Англии и Франции принять советское определение понятия «косвенная агрессия», при котором союзные обязательства вступали в силу. В советском варианте она определялась следующим образом: «Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств [страны, пограничные с СССР, а также Бельгия и Греция] соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон».

Это было расценено англо-французами как требование СССР предоставить ему возможность по желанию и под любым предлогом вводить свои войска в соседние страны, прежде всего прибалтийские республики. Повышенное внимание советской стороны к Прибалтике было отнюдь не случайным. Как выяснилось в ходе переговоров, западные державы не намерены давать гарантий безопасности Литве, Латвии и Эстонии, что в Москве расценили как явный намек Гитлеру на маршрут, по которому тому следует направить свою экспансию. Хочу напомнить, что в то время Германия имела с Литвой общую границу, и потому гипотетически могла атаковать СССР через Прибалтику даже в обход Польши.

Со своей стороны западные партнеры предлагали такой вариант договора, при котором наличие «косвенной агрессии» устанавливалось лишь после трехсторонних консультаций. Вот и скажите, кто в данном случае вел себя аморально и лицемерно? СССР хотел честно предупредить малые страны, что их добровольное содействие военным устремлениям Германии или подчинение ей под давлением будет расценено как агрессия и неминуемо приведет к ответным мерам. Таким образом, правительства этих стран получали возможность адекватно оценивать последствия своих сношений как с Германией, так и с ее политическими противниками. Англо-французы же не желали формулировать четкие критерии вступления в силу союзных обязательств, оставляя этот вопрос исключительно на свое усмотрение. Мол, захотим – признаем Грецию косвенным агрессором всего лишь за поставку оливкового масла в Германию, потому что оно идет в пищу немецких солдат.

Наконец, западные «демократии» отнюдь не считали аморальным оккупировать нейтральные или даже союзные страны, если видели в этом необходимость. Гитлер предпринял 9 апреля 1940 г. вторжение в Норвегию с целью противодействовать оккупации этой страны Великобританией. Но ведь Норвегия даже косвенно не поддерживала немцев, следовательно, никакого морального и правового обоснования английской интервенции быть не могло. Хотя не буду спорить, что военная целесообразность в этом имелась. В 1944 г. англичане оккупировали Грецию – своего союзника по антигитлеровской коалиции и спровоцировали там гражданскую войну. Какими моральными принципами это можно обосновать?

С конца 80-х годов в СССР ведется мощная пропагандистская работа по дискредитации советско-германского Договора о ненападении, а в более широком смысле – советской внешней политики. Основной аргумент ревизионистов (особенно усердствует в этом секта резуноидов) заключается в том, что Германия была не в состоянии напасть на СССР в 1939 г., а потому не было нужды заключать соглашение с Гитлером. За два года после заключения договора германский военный потенциал вырос многократно, и потому в 1941 г. соотношение сил стало менее выгодно Советскому Союзу, чем в 39-м. Таким образом, критики дезавуируют основной аргумент своих противников о том, что двухлетняя мирная передышка нужна была нашей стране для подготовки к большой войне. Мол, это Гитлер получил передышку на Востоке и воспользовался ею более эффективно, нежели Сталин.

Пропагандисты игнорируют, причем сознательно, то обстоятельство, что военный потенциал измеряется не количеством дивизий, танков и самолетов, а прежде всего способностью страны производить вооружение, быстро мобилизовать и оснащать новые дивизии. В этом смысле к 1941 г. военная мощь СССР увеличилась гораздо более, нежели возрос военный потенциал Германии. Ведь немцы уже в 1939 г. имели те образцы вооружения, которые использовали вплоть до конца войны. А у нас в августе 1939 г. не было ни Т-34, ни КВ. Современные истребители, способные на равных противостоять Ме-109 еще только проектировались, так же как и знаменитый впоследствии штурмовик Ил-2. Легендарная «Катюша» и грабинская 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 существовали тогда лишь на бумаге, на вооружении Красной Армии не было ни единого автомата. Да и промышленность была не готова дать новейшие образцы оружия в необходимых количествах.

За считанные месяцы перед войной на вооружение были приняты десятки новых образцов боевой техники, заводы смогли освоить их массовое производство. В чем, кстати, немцы, скрипя зубами, очень помогли товарищу Сталину. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться со списком тех товаров, которые Германия поставила Советскому Союзу в обмен на зерно, сырую нефть, пеньку и шлак железной руды – например, бомбардировщики люфтваффе в небе над Москвой сбивали зенитки, произведенные на заводах «Шкода». Немцы ввели всеобщую воинскую обязанность в 1935 г., и за четыре года подготовили неплохой мобилизационный резерв для своих вооруженных сил. В СССР же закон о всеобщей воинской обязанности был принят лишь 1 сентября 1939 г., и потому 22 июня 1941 г. врага встретил кадровый состав Красной Армии, а не милиционные дивизии, куда личный состав призывали на военные сборы.

Но все же главное значение советско-германского договора о ненападении лежит не в экономической и военной, а в политической плоскости. В 1939 г. Советский Союз действительно находился в тисках агрессивных государств. Польская пресса открыто писала о великом крестовом походе против России, а польский генштаб разрабатывал соответствующие военные планы. Румыния продолжала оккупировать Бессарабию. Даже прибалтийские карлики – Латвия и Эстония заигрывали с Германией, а немецкие генералы инспектировали границу с СССР. Финны в 30-е годы строили планы создания Великой Финляндии с границами по реке Неве и Беломоро-Балтийскому каналу (оцените-ка их аппетиты!). Финляндию ныне принято изображать этакой мирной демократической овечкой, невинной жертвой сталинской агрессии, при этом как-то не забывается, что само финское правительство объявило в 1941 г. войну СССР, имея на повестке дня план стратегического наступления на Петрозаводск. На востоке в момент подписания советско-германского договора в августе 1939 г. Красная Армия вела боевые действия против японских агрессоров. Казалось бы, локальное столкновение, но на Халхин-Голе мы потеряли за полгода около 10 тысяч солдат. Для сравнения: за десятилетие войны в Афганистане безвозвратные потери Советской Армии составили 14,5 тысяч человек.

Англия и Франция вроде бы не проявляли открытых агрессивных намерений, но именно эти державы последовательно выстраивали в течение полутора десятилетий систему антисоветских союзов и блоков. Политика так называемого умиротворения Германии в конечном итоге преследовала цель толкнуть ее против СССР. На это же была направлена жесткая стратегия внешнеполитической изоляции Советского Союза. Относительно нормальные отношения, да и то лишь внешне, связывали СССР из ближайших соседей только с Чехословакией, но та приказала долго жить в марте 1939 г. Союзник же у нас был на всем земном шаре лишь один – Монголия.

И вот в августе 1939 г. русские одним ударом разрывают удавку, которую Запад годами плел вокруг нашей шеи! Когда современники описывают реакцию Японии на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г., они, словно его-ворившись, используют слово «шок». Английский посол в Токио Крейги телеграфировал в Лондон, что подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом». А вот

телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в НКВД СССР: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь».

Уникальный случай в истории дипломатии: заключение договора между двумя странами вызвало отставку правительства в третьей стране, которую данный договор никак не затрагивал. Японский кабинет, возглавляемый Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая свое решение, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создано новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». В результате этой новой ориентации 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан пакт о нейтралитете, о котором в свою очередь английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщала, что это соглашение представляет собой подлинный провал американской дипломатии³.

Сами посудите: Япония воюет с СССР в Монголии, Германия – союзник Японии по «Антикоминтерновскому пакту»⁴, но Риббентроп заключает договор с врагом японцев не только не консультируясь со своим восточным партнером, но вообще не ставя в известность Токио о своих намерениях. Самураи вынуждены были в сентябре замирились с Москвой, объявив халхин-гольское побоище случайным инцидентом, но к Германии они с тех пор питали стойкое недоверие. Поэтому каждая держава вела в 1941–1945 гг. свою отдельную войну – немцы с СССР, японцы с США, и об атаке на Пирл-Харбор Гитлер узнал из газет. Фактический срыв германо-японского военного союза – вот главный стратегический выигрыш, который получил Советский Союз 23 августа 39-го. Нетрудно представить себе, какие катастрофические последствия имел бы одновременный удар Германии и Японии 22 июня 1941 г. по СССР.

То, какие истинные намерения имели по отношению к русским западные «демократии», стало ясно через несколько месяцев. В конце 1939 г. французский и британский генштабы планировали операцию по уничтожению с воздуха нефтепромыслов Баку и отправку на помощь финнам воинского контингента. И это в то время, когда обе страны находились в состоянии войны с Германией! Тут, правда, есть один нюанс: с немцами англо-французы вели «сидячую» войну, а вот с Советским Союзом намеревались воевать по-взрослому. Надо прочувствовать всю глубину отчаяния лондонских и парижских стратегов: они усиленно, и как им казалось, успешно, наускивали Германию «нах остен», а этот чертов Молотов подмахнул Риббентропу одну бумажку, и все их многолетние комбинации пошли насмарку. На Гитлера англо-французы тоже сильно обозлились, и войну Германии объявили, вероятно, лишь с одной целью – образумить его. Поэтому, совершая налеты на Германию, английские бомбардировщики сбрасывали на немецкие города не бомбы, а листовки. Удар по СССР, который западные союзники планировали осуществить в апреле 1940 г. – это уже не намек, а совершенно открытое послание Гитлеру: друг Адольф, на востоке у нас есть общий враг, давай забудем небольшое недоразумение с Польшей и займемся, наконец, делом.

Но тут своих западных союзников подвели финны. Получив перспективу полного разгрома к середине марта, они спешно запросили у Москвы мира, каковой и получили на вполне приемлемых условиях. Но даже тогда западные союзники не отказались от планов бомбового

³ см. газету «Правда» за 19 апреля 1941 г.

⁴ «Антикоминтерновский пакт» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».

удара по объектам нефтяной промышленности на Кавказе, но перенесли дату окончания приготовлений на середину мая 1940 г. Советское командование в свою очередь передислоцировало в Закавказье несколько дальнебомбардировочных полков и стало готовить ответный удар по сирийским и иракским авиабазам союзников.

Неизвестно, как бы повернулся ход мировой истории, если бы за несколько дней до предполагаемого начала войны между СССР и англо-французами Гитлер не показал последним, что такое блицкриг. В результате этого показа французы капитулировали, а англичане поспешно бежали на свои острова. Заключение советско-германского договора о ненападении действительно сыграло значительную роль. Значительную, но совсем не ту, которую приписывают ему антисоветские манипуляторы. 23 августа 1939 г. – это не только день триумфа советской дипломатии, но и момент позорного провала многолетней внешнеполитической стратегии Запада. Поэтому не должно удивлять, что западные пропагандисты маниакально стараются переписать именно эту страницу истории.

Благодаря стараниям некоторых «историков» договор о ненападении представляется как договор о союзе между Германией и СССР. Нет, это было лишь соглашение о нейтралитете в случае войны. Особо наглые баснописцы утверждают, будто Советский Союз после заключения Молотовым и Риббентропом «дьявольской сделки» стал снабжать Гитлера стратегическим сырьем, помогая ему таким образом расправиться с западными демократиями. Снова налицо спекуляция – мы торговали с Германией, а не снабжали ее. Наоборот, воюющая Германия поставляла СССР вооружение, что ослабляло ее собственный военный потенциал.

Даже те «историки», которые пытаются оправдывать Договор от 23 августа, отчего-то испытывают комплекс вины, единогласно объявляя его вынужденным шагом: мол, мы не хотели, но нам пришлось... Успокойтесь, ребята, Советскому Союзу адвокаты не нужны. Вынуждают подписывать договора только слабых, а СССР был сильной мировой державой, и в отличие от нынешней РФ мог позволить себе действовать, исходя из собственных интересов, а не по чьему-то принуждению.

Протокол

Заклученный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении не ущемлял интересы третьих стран. Прибалтийский кризис 1939–1940 гг. был вызван началом войны в Европе, но не имел прямой связи с советско-германским соглашением. Тем не менее именно в Прибалтике в конце 80-х годов разразилась массовая истерия по поводу преступного сговора между двумя диктаторскими режимами, якобы в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости.

Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами перестройщики объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. В дальнейшем на базе этой фальсификации был даже разработан пропагандистский миф о том, что Вторая мировая война, дескать, началась лишь потому, что Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши (особенно отличился на этой ниве беглый предатель Владимир Резун, пишущий под псевдонимом «Суворов»). Немудреная байка, но поляки в нее верят до сих пор.

Почему я называю «секретные протоколы» к советско-германскому пакту фальсификацией? Хотя бы потому, что таковые документы не найдены ни в советских, ни в германских архивах, а официальное их признание Съездом народных депутатов СССР во время перестроечной вакханалии в 1989 г. было сделано на основании ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, что они существовали, но были уничтожены. В РФ якобы обнаружены в 1992 г. «оригиналы» протоколов, но и их до сих пор никому не удалось увидеть собственными глазами. Что же до изображений оных, которые гуляют в Интернете, то совершенно очевидно, что они слеплены в программе «Photoshop» из книжных иллюстраций (часто даже просвечивают строчки текста на оборотной стороне листа).

Дипломатия – старшая сестра разведки, и секретность – их мать. Общественность видит лишь результаты усилий дипломатов, механизмы же их достижения чаще всего сокрыты завесой тайны. Разумеется, секретные договоренности между странами практикуются, ибо такова есть давняя дипломатическая традиция – щепетильные вопросы межгосударственных отношений решать в конфиденциальном порядке (советская дипломатия оперировала таким понятием, как конфиденциальный протокол). Например, к договорам о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими государствами, заключенными осенью 1939 г. прилагались конфиденциальные протоколы, определяющие порядок ввода и размещения на их территории советских войск. При этом в тексте самих договоров есть ссылка на конфиденциальные протоколы.

Есть и другой тип секретных договоренностей – решения в отношении третьих стран, имеющие крайне узкий круг лиц, посвященных в тайну. Подобные соглашения обычно оформлялись не в виде официального межгосударственного трактата, а в форме личного договора между правителями. Не припоминаю за всю историю дипломатии ни одного подобного тайного соглашения, которое бы было заключено с соблюдением официального ритуала и формальностей документооборота. Зато есть пример решения вопроса о разделе сфер влияния между СССР и Великобританией в Восточной Европе на встрече Черчилля со Сталиным в Москве 9 октября 1944 г. Вот как об этом вспоминал сам Черчилль:

«Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?»

Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал: «Румыния: Россия – 90 процентов. Другие – 10 процентов

Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов Россия – 10 процентов.

Югославия: 50 на 50 процентов.

Венгрия: 50 на 50 процентов.

Болгария: Россия – 75 процентов. Другие – 25 процентов».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Rumania
Russia 90%
The others 10%

Greece, G. Bulgaria
Russia 90%
The others 10%

Yugo Slavia 50/50

Hungary 50/50

Bulgaria
Russia 75%
The others 25%

Записка Черчилля по поводу раздела сфер влияния в Восточной Европе. Достоверность ее не подтверждается ничем, кроме слов самого Черчилля. Однако причин врать он, вроде бы, не имеет.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку».

«Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин».⁵

Можно, конечно, усомниться, что дело происходило в точности так, как это описал Черчилль, но примерно таким образом секретные соглашения о разделе сфер влияния и заключаются. Какой смысл официально подписывать тайный договор, если его юридическая сила равна нулю? В случае невыполнения одной стороной тайного соглашения другая сторона не может публично потребовать его исполнения. Страна-нарушитель просто станет отрицать наличие каких-либо тайных обязательств, а страна, предъявившая претензии, окажется в крайне глупом

⁵ Уинстон Черчилль, «Вторая мировая война»// http://www.knigivinternet.ru/kniga/MEMOR/WORLD_II/90.html.

положении. Всякий межгосударственный договор обретает силу лишь после взаимной ратификации. Нужды в оформлении «секретных протоколов» к договору о ненападении не было ни малейшей, тем более что переговоры происходили не на высшем уровне.

Поскольку советско-германские переговоры носили серьезный характер, во время бесед Риббентропа со Сталиным и Молотовым, несомненно, рассматривался очень широкий спектр вопросов, к коим относились и вопросы безопасности границ СССР. Не сомневаюсь, что в беседах было установлено представление об интересах двух держав в Восточной Европе и Балтийском море. Но рассуждать об этом можно только гипотетически.

Те «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев, разоблачая «преступления Сталина», представляют собой откровенную фальшивку. Он пытался убедить депутатов в их подлинности уверениями, что он, якобы держал в руках копии с фотокопии «секретных протоколов», неизвестно кем и неизвестно когда сделанные, и переданные ему властями ФРГ, которые в свою очередь получили их от американцев. При каких обстоятельствах янки их приобрели, вообще установить не представляется возможным.

Опубликованы тексты «оригиналов» протоколов были впервые в журналах «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) и «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993 г.). После публикации «оригиналы», якобы найденные в 1992 г., куда-то таинственно исчезли и сотрудники Архива президента РФ ничего вразумительного об их местонахождении сказать не могут. Валентин Антонович Сидак, генерал КГБ, расследующий историю с сомнительными протоколами в течение многих лет, утверждает следующее:

«Когда МИДу России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали... ну, правильно» все к тому же журналу «Новая и новейшая история».⁶

Давайте ознакомимся с «каноническим» текстом «секретных протоколов».

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

⁶ <http://www.rusk.ru/st.php?idar=11702>.

Москва, 23 августа 1939 года

*По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов*

*За Правительство
Германии
И. Риббентроп*

Текст воспроизводится по фотокопии, опубликованной в выпущенном в США сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939–1941» (Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Washington, 1948), где были представлены тексты протоколов, якобы захваченные союзниками в 1945 г. Поскольку протокол фальшивый, то честь первой публикации принадлежит американцам, как бы это в дальнейшем не пытались затушевать этот факт «историки». К тому же, например, «официальная» публикация в журнале «Новая и новейшая история» (1993 г., № 1) менее достоверна, нежели американская версия: Риббентроп назван здесь «И. ФОН РИББЕНТРОП», хотя в советских дипломатических документах титулатура никогда не использовалась.

На русском языке американский сборник выпущен в США в 1983 г. литовским эмигрантским издательством «Moksvo» под названием «СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г.» (в качестве переводчика выступил известный беглый антисоветчик, «историк» Фельштинский). В 1989 г. в Вильнюсе в издательстве «Mokslas» 100-тысячным тиражом выпущена книжка «Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», являющаяся выжимкой из упомянутого выше источника. В данном издании присутствует предисловие на русском и литовском языке, подписанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В. Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А. Эйдintasом. Наконец, в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла та же самая книга в переводе Фельштинского под названием «Оглашению подлежит: СССР-Германия. 1939–1941. Документы и материалы».

В печатных изданиях тексты «секретных протоколов» зачастую приводятся в переводе с английского, в связи с чем в нем много неточностей. Например, вместо слова «договор» в преамбуле «секретного протокола» используется слово «пакт». Вероятно, в этих случаях использовался текст Фельштинского, а тот выполнил перевод с английского текста американского сборника, где действительно значится Non-aggression Pact. Уму непостижимо, на кой черт Фельштинскому потребовалось делать обратный перевод с английского, если в его распоряжении якобы была фотокопия русского «оригинала».

В Интернет можно найти массу изображений, выдаваемых то за американскую фотокопию протокола с немецкого микрофильма, то за советский «оригинал» с солидной ссылкой: «Leihgeber: Politisches Archiv des Auswartigen Amtes, Berlin» или «Архив Президента РФ, Особая папка, пакет № 34»⁷. Но на самом деле во всех случаях представлены лишь репродукции из выпущенной госдепартаментом США в 1948 г. книги⁸. На приведенном рисунке отлично видны номера страниц (196, 197), а так же то, что на оборотной стороне отпечатан какой-то текст, чего на оригинале быть не могло, а уж на фотокопии и тем паче.

⁷ См., например, открытую электронную энциклопедию «Википедия»

⁸ См. <http://www.dhm.de/lemo/objekte/pict/stalina2/index.html>.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер общих интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обоими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Наревы, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в общих интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного общего согласия.

- 2 -

3. Восточно-полюсному Карелии с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Вессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строжайшем секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

В. Молотов
Г. Риббентроп

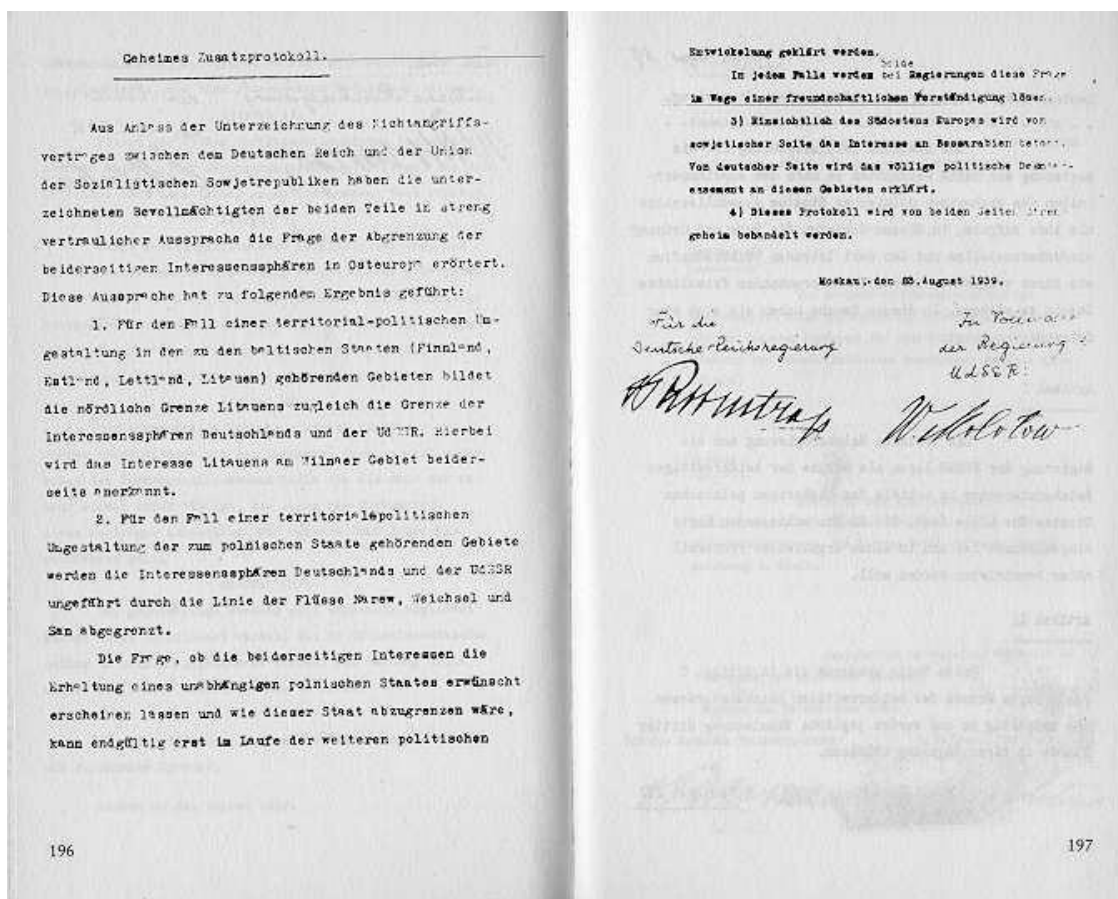
За Правительство
Германии

Вильгельм Фридрих фон Шпеер

Секретный протокол по репродукции из сборника «Нацистско-советские отношения. 1939–1941». Изображение взято с сайта Баварской государственной библиотеки «Ключевые документы немецкой истории». Нумерация страниц стерта, приведены ссылки на микрофильмы, хранящиеся в Германском политическом архиве.

Бросается в глаза грамматическая ошибка: написано «обоими сторонами» вместо «обеими сторонами». На фотокопии мы видим, что такая ошибка допущена трижды. Помимо этого в протоколе имеется исправление (хорошо видно на снимке): в слове «разграничении» пропущена буква «з». Строго говоря наличие ошибок не является доказательством фальсификации (известны договоры, в которых присутствуют исправления), но в случае с «секретными протоколами» следует обратить внимание на количество и, особенно, характер ошибок.

Скажем, в официальных юридических документах во избежание разночтений географические названия не склоняются, иногда и фамилии тоже. То есть фраза «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Наревы, Вислы и Сана» должна была быть записана так: «... по линии рек Нарев, Висла и Сан».

Единственное отличие «секретных протоколов» в госдеповском сборнике от микрофильмов фон Леша – отсутствие нумерации кадров. Данное изображение взято с официального сайта Германского исторического музея (<http://www.dhm.de>). Поразительная наглость: под видом архивного документа публикуется скан книжного разворота! Даже нумерацию страниц стереть поленились.

Кстати, история с реками имела свое продолжение. Оказалось, что Молотов и Риббентроп, перекраивая политическую карту Европы, отчего-то как раз карты под рукой не имели. В результате раздел сфер интересов был проведен по реке Нарев, которая имеет исток в Белостокском воеводстве, не касаясь своим течением границ Польши. Для устранения недоразумения якобы был составлен следующий документ.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана».

Москва, 28 августа 1939 года

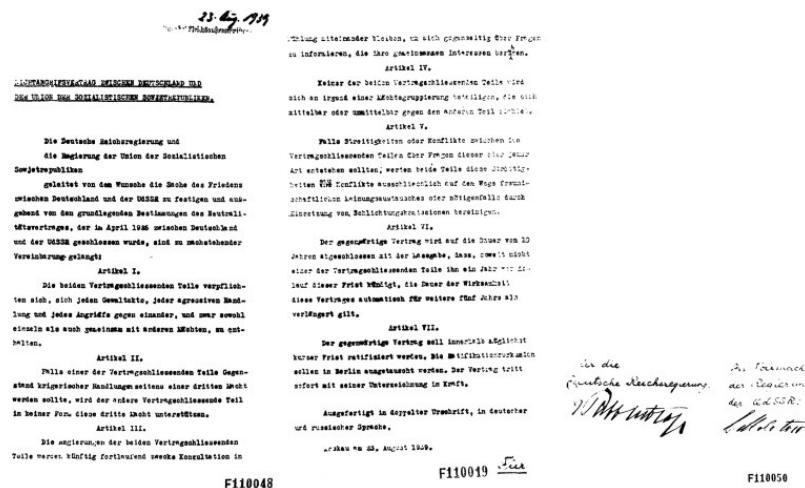
По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

За Правительство Германии И. Риббентроп

Текст воспроизводится по изданию МИД СССР «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в двух томах», вышедшему в 1990 г. Издатели, чтоб никто не подумал, что они высосали этот текст из пальца, ссылаются на источник: «Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3».

Но стоит только посмотреть на текст, как сразу видно, что его слепили идиоты. Риббентроп не мог подписать это разъяснение 28 августа 1939 г., потому что он улетел в Берлин 24 августа, а следующий визит в Москву совершил только 27 сентября. Потом фальсификаторы спохватились, и в журнале «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) разъяснение за правительство Германии подписал уже посол Шуленбург. Чтоб общественность не волновалось, даже картинку с автографами сделали.

Коль уж решили уточнить границу, так следует уточнять ее на всем протяжении. В первоначальном варианте упущено, что Нарев впадает в реку Буг, а уж тот соединяется с Вислой чуть севернее Варшавы. Вроде бы мелочь, подумаешь, в границе образовалась брешь километров в 40. Но когда сходятся друг с другом миллионные армии, желательно провести разграничительную линию так, чтобы исключить даже гипотетическую возможность эксцессов, потому что если буквально руководствоваться «разъяснением к секретному протоколу», то германская армия вполне может получить плацдарм на правом берегу Вислы. В оправдание такой небрежности можно сказать то, что на польских картах значилось, что Буг впадает в Нарев, а не наоборот. Однако на советских картах таких казусов никогда не наблюдалось. В старые времена было обыкновение небольшой участок течения от слияния двух рек до впадения в Вислу именовать Буго-Нарев. То есть необходимость устранения кривотолков имелась в любом случае. Вывод: фальсификаторы пользовались не русскими картами, иначе текст «секретного протокола» и разъяснение к нему обладали бы большей точностью. Но почему в Кремле, где якобы и подписывались все «секретные протоколы» не было русских карт?

Немецкий текст договора о ненападении по якобы захваченному союзниками микрофильму (коллекция фон Леша). Сомнительно, что третья страница договора не содержит ничего кроме подписей, не видна нумерация страниц. Многостраничные документы всегда сшивались нитью, которая скреплялась сургучными печатями, чего здесь не видно. Разве так оформляются межгосударственные соглашения? В этом случае можно третью страницу подшить к любому тексту и утверждать, что его подписали Молотов и Риббентроп.

Наконец, мы читаем здесь: «...граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана». Название реки Нарев написано с ошибкой, вызванной неправильным склонением. Такую ошибку вполне мог допустить человек, говорящий на английском языке, где, как известно, географические названия не склоня-

ются. В пользу того, что исходный текст «секретного протокола» делал явно англоговорящий человек, косвенно свидетельствуют и такие лингвистические особенности:

- написано «Польского Государства» вместо «польского государства»;
- «Прибалтийских государств» вместо «прибалтийских государств».

В русском языке прилагательное «прибалтийский» однозначно пишется со строчной буквы, в то время как имя собственное «Прибалтика» всегда с заглавной. По-английски же вполне допустимо писать Polish State и Baltic States, однако в указанном американском издании в тексте «секретного протокола» встречается только второе словосочетание, а «Польское государство» пишется как Polish state, хотя в других документах в том же сборнике встречается и написание Polish State. В советском двухтомнике «Год кризиса 1938–1939» в приведенном тексте «секретного протокола» (со ссылкой на сохранившуюся машинописную копию: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2.) в обоих случаях написано «Польского государства», что не соответствует русскому варианту американской фотокопии из сборника 1948 г.

Американское издание выполнено очень халтурно. Одно и то же слово «договор» там переводится тремя различными способами: agreement, treaty, pact. А уж чтобы перевести слово «Германия», как German Reich, надо обладать большим пренебрежением к источнику, пусть даже и фальшивому. Любопытно, что в немецком тексте «секретного протокола» «Польское государство» пишется как polnischen Staate, а «Прибалтийских государств» как baltischen Staaten, в то время как «Виленская область» обозначена Wilnaer Gebiet – оба слова с заглавной буквы, что не может не вызвать недоумения.

Снова фальсификаторы прокалываются с географией: Финляндия – это скандинавская страна, а Прибалтикой называют лишь территории бывших Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи. Впрочем, для янки это мелочи – к Прибалтике они приписали еще и страну тысячи озер. Следуя их логике Германию и Данию тоже можно назвать Прибалтикой, так как их берега омываются водами Балтийского моря.

Большое сомнение вызывает и стилистика протокола. В договорах о разграничении интересов стороны заинтересованы добиваться ясности смысла и четкости формулировок. А что означает выражение «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства»? Уж коли протокол секретный, то почему бы не писать откровенно: мол, в случае войны Вермахт занимает такие-то области, а РККА – такие-то? И что значит словосочетание «в течение дальнейшего политического развития» в отношении Польши, которую уже поделили? Советской дипломатии были совершенно несвойственны подобные туманные витиеватости.

Я не в силах поверить, что подобное мог написать человек, хорошо владеющий русским языком, тем более дипломат, и, тем паче, глава правительства СССР Вячеслав Молотов. Литератор Феликс Чуев, хорошо знавший Вячеслава Михайловича, характеризовал его так: «...ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе»⁹.

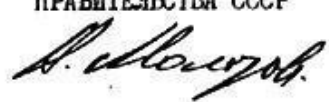
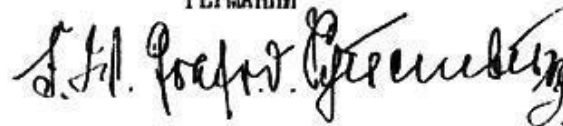
Факт, просто вопиющий о подложности документа – параграф о признании обеими сторонами притязаний Литвы в отношении Виленской области. Во-первых, Литва не была субъектом переговоров, а потому этот пункт здесь выглядит просто абсурдно. Во-вторых, если по смыслу п. 2 протокола Виленская область входит в сферу интересов Советского Союза, то признание или непризнание литовских претензий – это предмет двусторонних литовско-советских отношений (только в случае ликвидации Польши, конечно). При этом возникает принципиальное противоречие с п. 1 протокола, по которому Литва отнесена к германской сфере интересов. Но самое главное, Литва в 1938 г. официально отказалась от притязаний на Виленскую

⁹ Феликс Чуев, «140 бесед с Молотовым».

область, и потому ни Германия, ни СССР не могли признавать уже несуществующие интересы Литвы в данном вопросе. Наконец, если уж Виленская область переходит опосредованно в сферу интересов Германии, то надо четко обозначить ее границы. Появился пункт о Виленской области в протоколе видимо лишь потому, что фальсификаторы старались подогнать его под реальные события. Но сделали они это крайне неуклюже (подробности см. в главе «Вильно»).

Сам по себе этот документ алогичен и противоречив. Если речь идет о разграничении взаимных интересов, то это разграничение должно обсуждаться лишь если сферы интересов двух держав соприкасаются. В случае с Польшей все более-менее понятно, поскольку на польской территории на западе проживало более миллиона немцев, защищать права и интересы которых Германия считала своим долгом, а на востоке на отторгнутых Польшей от России в 1920 г. землях жило более 10 миллионов украинцев и белорусов. Но в отношении Литовской республики возникают некоторые вопросы. С какой стати Литва отнесена в сферу интересов Германии? С Литвой из всех балтийских стран у СССР были наиболее дружественные отношения (точнее, они были не настолько плохими, как со всеми прочими). В 1938 г. именно решительная позиция Советского Союза позволила избежать агрессии Польши против Литвы, к чему все дело и шло.

Москва, 28-го августа 1939 года.

ПО УПОЛНОМОЧИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР	За ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ
	

«Историки» категорически не желают показывать обнаруженные «оригиналы» протоколов целиком. Журнал «Вопросы истории» ограничился публикацией таких вот огрызков. Впрочем, даже этого достаточно, чтобы убедиться в подложности документа (см. главу «Оригиналы»).

Никаких значимых экономических или политических интересов у Германии в Литве после возвращения Мемеля не было. С Литвой у Германии не существовало договора о гарантиях в случае советской агрессии, а с Латвией и Эстонией соответствующие соглашения были подписаны. Эстония и Латвия – это территории бывшего Ливонского ордена, основанного в средневековье германскими крестоносцами. Немцы цивилизовали этот край, и многие века составляли в Эстляндии и Курляндии культурный и господствующий слой. Вплоть до 1940 г. там сохранялось значительное немецкое меньшинство. Литва в этом смысле стояла особняком, культурно тяготеея не к Германии, а к Польше.

Видимо Литву авторы «секретных протоколов» временно отдали Германии, подгоняя протокол от 23 августа под известные события. В сентябре 1939 г. Германия пыталась прибрать Литву к рукам: 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии и готовности вторгнуться в Литву. Чуть раньше – 20 сентября в Берлине был разработан проект документа под названием «Основные принципы договора об обороне

между Германией и Литвой», статья I которого гласила: *«Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха»*¹⁰.

В случае с Финляндией никак не разрешен вопрос именно о разграничении сфер влияния – является ли финско-норвежский и финско-шведский рубежи границей советской сферы интересов, или они распространяются на всю Скандинавию? О характере германских интересов в Скандинавии нет ни слова, хотя эти интересы присутствовали, и в первую очередь, в Швеции, откуда немцы получали стратегически важное сырье для своей промышленности (из Финляндии тоже, но в меньшем количестве).

То же самое и в случае с Румынией. Она в 1918 г. оккупировала Бессарабию (Восточная Молдавия), и СССР никогда не признавал этого захвата. Москва не отказывалась от мысли вернуть утраченную территорию, и спрашивать благословления Берлина на это не собиралась. Но о предмете немецких интересов в Румынии в документе ничего не говорится, не смотря на то, что еще 23 марта 1939 г. было подписано германо-румынское экономическое соглашение, создающее предпосылки для полной переориентации на Германию всей румынской экономики.

В первую очередь это касалось поставок нефтепродуктов и продовольствия, что в случае войны приобретало стратегическое значение для Берлина. Так почему бы не оговорить этот вопрос в секретном протоколе? Ведь дав добро на пересмотр советско-румынской границы, Риббентроп не мог исключать, что территориальный спор между двумя странами приведет к войне. Вот на этот случай и нужно было договориться, что, например, территория к юго-западу от линии рек Дунай-Прут не относится к советской сфере интересов. Логично? Необходимость четкого разграничения взаимных интересов в Румынии тем более актуальна, что Бессарабия является лишь частью Молдавии – исторической румынской области. А ну как Советский Союз решит прибрать к рукам и Запрутскую Молдавию?

Бессарабский вопрос, кстати, дает нам хорошую возможность увидеть, что Германия и СССР уже летом 1940 г. «забыли» о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. Между Москвой и Берлином велась активная переписка, касающаяся территориального переустройства Бессарабии и Северной Буковины и вытекающих из этого проблем (например, вопрос переселения в Германию 120 тысяч бессарабских немцев – фольксдойче). Но ни в одном из этих документов нет ссылок на августовские «секретные протоколы» даже в завуалированной форме. Например, не встречаются фразы «на основании достигнутых ранее в Москве соглашений...» или «в соответствии с известными московскими договоренностями...».

Более того, по румынскому вопросу как раз возникли серьезные трения. Гитлера так перепугало приближение советских границ в июне 1940 г. на 120 км к нефтяным месторождениям Плоешти (20 минут лета для бомбардировщика), что Германия принялась настойчиво добиваться своего военного присутствия в регионе для обеспечения безопасности стратегического топливного источника. Советское правительство энергично этому противилось. Бессарабский кризис стал для Берлина неприятной неожиданностью. Следовательно, «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев в 1989 г. – фальшивка.

Вызывает удивление, что в протоколе никак не отражены советские интересы в юго-восточном регионе Европы. В частности, ни слова не говорится о Болгарии, с которой СССР стремился в тот момент наладить дружественные отношения, дабы разместить на болгарском побережье Черного моря свою военно-морскую базу. Она имела очень большое значение, поскольку ее наличие могло предотвратить проникновение в Черное море вражеского флота через турецкие проливы. Учитывая то, что Болгария фактически находилась в полной политической и экономической зависимости от Германии, а германское влияние на Турцию было

¹⁰ Цит. по: Игорь Пыхалов, «За что Сталин выселял народы».

весьма велико, логично ожидать, что важный для СССР вопрос черноморских проливов найдет свое отражение в «секретном протоколе». Однако он совершенно игнорируется.

Из текста документа следует, что советская сторона не только была извещена о предстоящем нападении немцев на Польшу, но даже получила авансом половину территории страны. То есть на основании п. 2 фальшивых «секретных протоколов» визгливая демократическая общественность объявила Советский Союз агрессором и сообщником зачинщика Второй мировой войны. Однако ход дальнейших событий опровергает эту логику.

Во-первых, сразу после начала германской интервенции СССР не атаковал Польшу и даже не стал искать повода для вторжения. Советский Союз демонстративно отвел войска от границы еще до начала конфликта. Это вызвало очень негативную реакцию в Берлине, и Риббентроп 29 августа потребовал от Молотова объяснений через германского посла в Москве Шуленбурга и настойчиво попросил выступить с заявлением о том, что СССР наоборот наращивает свои силы на границе, объясняя это беспокойной обстановкой. Смысл просьбы понятен, ибо традиционно более мощные группировки польских войск были сконцентрированы на востоке против СССР, и Германия не желала, чтобы поляки получили свободу маневра своими силами. Однако официального советского заявления так и не последовало.

Во-вторых, Советский Союз заключил с Польшей торговые договора на поставку стратегических материалов, в частности хлопка, используемого в производстве пороха. Наконец, Красная Армия перешла границу лишь после того, как польское государство де факто прекратило существование в результате бегства правительства, а польская армия была в стратегическом отношении полностью разгромлена¹¹. Немецкие войска продвинулись не только за пределы своей пресловутой сферы интересов, но даже заняли часть территории восточнее будущей советско-германской границы. Частям РККА была дана директива продвигаться до соприкосновения с германскими частями, а вовсе не до рубежа, отмеченного как граница сферы интересов СССР. И будущая граница прошла не по Висле, как то предполагалось «секретным протоколом».

Допустим, что «дополнительный секретный протокол» действительно был подписан. Возникает вопрос: почему же Германия не соблюдала условия этого соглашения? Ведь в документе четко сказано, что Финляндия отнесена к сфере интересов СССР, однако там появились в октябре 1940 г. немецкие войска. Это является не просто грубейшим нарушением соглашения – это военное вторжение в зону интересов другой державы, то есть акт агрессии Германии против СССР. Почему Советский Союз не пресек подобное нарушение договоренностей со стороны Гитлера? И чего добивался Гитлер подобной провокацией – войны?

Но и Советский Союз грубо нарушил условия гипотетического «секретного протокола» уже через 28 дней после его подписания. Самый крупный польский город, занятый Красной Армией в ходе военных действий – Вильно, но Вильно, как известно, по условиям «секретного протокола» признавался за Литвой, а последняя была отнесена к сфере интересов Германии! Военной необходимости в захвате этой территории у СССР не было никакой, а вот вызвать конфликт с «партнером» такая акция вполне могла – в те дни нервы у всех были на пределе.

¹¹ Германское командование 5 сентября пришло к заключению о разгроме армии Польши. Со второй недели кампании войска с польского фронта стали перебрасываться на Запад.

Гальдер

Складывается впечатление, что две державы, на практике осуществляющие «территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав Польского Государства», совсем не помнили, о чем договаривались три недели назад! Франц Гальдер, сожалея о необходимости отдать Львов (Лемберг) СССР даже в сердцах называет это «днем позора политического руководства». Генерал-полковник Гальдер, вообще-то был начальником штаба сухопутных войск. С политическим руководством находился в самом тесном контакте (включая Гитлера, чьи высказывания он обильно цитирует в своих рабочих записях), и не мог не знать о секретных договоренностях по разделу территории Польши, если бы они имели место еще в августе. Но он не знал. В «Военном дневнике» Гальдера¹² за 17 сентября 1939 г. есть такая запись: *«В первой половине дня – обмен мнениями с ОКБ относительно будущей демаркационной линии»*. До этого момента вопрос разграничения «сфер интересов» с СССР командование Вермахта не волновал. Еще 7 сентября Гальдер писал:

«Главком у фюрера (во второй половине дня 7.9): Три возможных варианта развития обстановки.

1. Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный районнам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области [Западной] Украины – самостоятельны.

2. Русские выступят.

3. Если западные союзники начнут наступление, демаркационная линия та же. Политически мы не заинтересованы в продвижении к Румынии».

Здесь важно отметить, что ликвидация Польши не входила в планы Германии, поскольку с Варшавой немцы собирались договариваться о самостоятельности Западной Украины (которая якобы входила в сферу советских интересов по «секретному протоколу»). Гитлер о сохранении Польши неоднократно говорил уже в ходе начавшегося военного конфликта. Более того, после 3 сентября для него было жизненно важно сохранить Польшу и подписать с ее правительством мирный договор. Ведь Англия и Франция во исполнение своих союзнических обязательств объявили Германии войну.

Но если законное польское правительство подпишет с немцами мир (предварительные условия Гальдером изложены), тогда и западные державы будут обязаны замирились с Берлином. Война за польские интересы в случае, если сама Варшава не желает защищать их, утрачивает смысл. Вовлечение в конфликт советской стороны автор дневника оценивает лишь как вероятное (в этом случае вопрос о независимой Западной Украине отпадает сам собой). Любопытно упоминание о демаркационной линии: из контекста записи следует, что речь идет о демаркационной линии между германскими и польскими войсками после заключения ожидаемого перемирия, причем именно по реке Нарев – там, где по более поздней легенде якобы еще в августе была согласована линия разграничения сфер интересов Германии и СССР. За 22 августа находим у Гальдера такую запись:

«Уничтожение [армии] Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями».

¹² См. <http://militera.lib.ru/db/0/chm/halder.zip>.

Следует ожидать, что заключение договоренностей с Москвой по территориальному разделу Польши повлечет за собой и уточнение задач для армии, то есть о выходе на определенные рубежи, переступать которые не следует. Гальдер был в курсе советско-германских консультаций по заключению договора еще до визита Риббентропа в Москву. Подробная запись относительно условий будущего соглашения датирована 14 августа:

«Взаимоотношения с Россией: слабый контакт, начаты торговые переговоры. Будет выяснено, пошлем ли мы в Москву своего представителя. В стадии выяснения вопрос, кого послать – авторитетную личность или нет. [Россия] не думает о своих обязательствах по отношению к Западу. Русские допускают разгром Польши, но интересуются, как будет обстоять дело с [Западной] Украиной. Обещание соблюдать русские интересы...

Генерал Гейнц Гудериан (в центре) и комбриг Семен Кривошеин (справа) наблюдают за торжественным маршем войск Вермахта при передаче Брест-Литовска 22 сентября 1939 советской администрации. В антисоветской литературе этот марш называют совместным парадом Вермахта и РККА, хотя на самом деле бойцы Красной Армии на мероприятии присутствовали лишь в качестве зрителей.

Начало мифу о совместном параде было положено немецкими кинодокументалистами, смонтировавшими кинохронику таким образом, что у зрителя создавалось впечатление, будто советские войска участвовали в параде. Однако эти вклейки сделаны достаточно грубо и распознаются при внимательном просмотре.

... Русские хотят углубить переговоры. Недоверие. Никакой общей границы. Фюрер склоняется к тому; чтобы пойти навстречу русским».

Да, общая граница с СССР в планы Германии тогда не входила. В дальнейшем договор с СССР упоминается неоднократно, как до, так и после его подписания, но почти исключительно в политическом контексте. Никаких уточнений в план военной кампании против Польши внесено не было. Если «секретные протоколы» и были подписаны в Москве, придется признать, что они являлись секретом и для всего высшего военного руководства Германии. Представить то, что Гитлер скрывал от своих генералов свой большой дипломатический успех, невозможно.

Лишь 20 сентября, судя по содержанию дневника Гальдера, русский вопрос становится для него ключевым. Вот первые записи за этот день:

«20 сентября 1939 года (среда)

Трения с Россией: Львов.

Разговор с генерал-полковником Браухичем.

Йодль: Действовать совместно с русскими. Немедленное совместное урегулирование разногласий на месте. Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию.

Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства. Окончательное начертание демаркационной линии. Сомнительные вопросы оставлены открытыми. Не должно произойти никакого обострения политической обстановки. «Окончательная линия по реке Сан».

Браухичу [сообщить]: Дистанция – 10 км. Русские вперед не продвигаются (Кейтель!). Отходить постепенно. Ярослав, Перемышль, далее на юг – Турка. За четыре перехода.

Форман [докладывает]: Для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала – неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат.

Вейцеккер [запрос по телефону]: Какова же теперь окончательная линия?

Немецкий издатель дневников Гальдера в этом месте делает следующее примечание: «Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцеккер ответил Гальдеру, что окончательное урегулирование вопроса о демаркационной линии будет осуществляться не министерством иностранных дел, а верховным главнокомандованием». Этот момент весьма существенный. Если бы раздел польской территории являлся следствием тайного политического соглашения, достигнутого в Москве 23 августа 1939 г., то и урегулировать его следовало по линии МИД. Но вопрос с обеих сторон решали военные, о чем свидетельствует, в частности, упоминание Гальдером настойчивых требований Ворошилова. Это указывает на то, что относительно Польши между Москвой и Берлином до начала войны никаких четких договоренностей не существовало, а территориальные притязания Советского Союза стали следствием войны, и только поэтому с обеих сторон проблему на первом этапе решали генералы. Дипломаты подключились лишь в конце сентября. Вот другие записи Гальдера, датированные тем же днем, 20 сентября:

«Вечером 3 октября немецкие войска должны перейти окончательную демаркационную линию. Политические переговоры относительно точного начертания этой линии еще продолжаются.

Большое значение придается непосредственной передаче нашими войсками всех важных объектов русским войскам (аэродромы, крупные города, вокзалы, важные в экономическом отношении объекты, с тем чтобы не допустить их разрушения). Переговоры вести через офи-

церов связи, которые будут устанавливать детали передачи объектов в каждом конкретном случае в зависимости от их величины и значения. Точный порядок будет выработан»...

... После доклада главкома фюрер согласился со следующим порядком: чисто военные причины вынуждают нас провести эвакуацию немецких войск за демаркационную линию в восемь этапов. Необходимое время – 14 дней, так как следует закончить или прервать еще продолжающиеся местами бои.

Русские могут вступить на теперешние передовые позиции немецких войск (черная линия), включая населенные пункты Белосток, Брест, Холм, 10 км западнее Львова, Дрогобыч, Борислав, к середине дня 22 сентября. Продвижение с этой линии на запад только в 6.00 25.9 скачками, от рубежа к рубежу. Рубежи будут сообщены к этому времени с указанием их на картах.

Эвакуация всех войск за демаркационную линию будет закончена 4.10. Между немецкими и русскими войсками постоянно должен быть промежуток в половину дневного перехода».

Далее в дневнике начальника штаба ОКВ приводятся многочисленные подробности о графике отвода немецких войск с передаваемой СССР территории и установлении демаркационной линии (в частности подчеркивается, что уступки в Галиции делаются Германией в обмен на Сувалки). Никаких намеков на то, что ранее существовали иные договоренности. В целом же «отход перед лицом Советов» высшим военным руководством Германии был воспринят негативно, как то следует из записей Гальдера.

Касаясь польской кампании, стоит затронуть еще один миф о якобы вероломном ударе Сталина в спину героически сражающейся Польше. Польская пропаганда на все лады перепевает старую песню о том, что если бы Советский Союз не вторгся в Польшу, то ляхи бы смогли продержаться до того момента, пока англо-французы ударят на западе и разгромят Германию. Между тем по состоянию на 17 сентября 1939 г., когда Красная Армия перешла западную границу СССР, Польша, как государство уже не существовало. Вся собственно польская территория страны кроме враждебных Польше восточных окраин, была оккупирована Германией, потеряны все промышленные районы. Бывшая столица, была полностью блокирована Вермахтом, который не стал штурмовать Варшаву лишь во избежание бессмысленных потерь. Польская армия расчленена, деморализована и разгромлена.

Но даже когда она еще сохраняла относительную боеспособность, поляки не смогли нанести Вермахту, не то что чувствительного удара, но даже завязать сколь-нибудь эффективные оборонительные бои. Пассивное сопротивление поляки оказывали только в районе Модлина и Варшавы. Лодзинская группировка к тому времени уже капитулировала. Польские ВВС прекратили свое существование на четвертый день боевых действий, ВМФ еще раньше. Бронетанковые силы поляков были совершенно к тому времени истреблены. Верховное командование бросило армию, правительство сбежало из страны. Англо-французские «союзники» 12 сентября официально пришли к заключению о разгроме Польши и бессмысленности оказания ей помощи, хотя они поняли это еще 8 сентября.

О каком сопротивлении агрессору можно говорить? Даже антисоветски настроенные европейские державы не нашли возможности обвинить СССР в нарушении принципов международного права в связи с освободительным походом Красной Армии, как эта военная кампания называлась в нашей стране. Нынешние пропагандисты, особенно польские, из кожи вон лезут, чтобы убедить нас, будто Советский Союз способствовал германскому вторжению в Польшу. Из одной агитки в другую кочует эпизод, в котором рассказывается, как советская сторона на базе минской вещательной радиостанции организовала радиомаяк для люфтваффе, бомбивших Варшаву.

1 сентября в 11 часов в народный комиссариат иностранных дел явился советник германского посольства в Москве Хильгер и и передал просьбу начальника генштаба германских

ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово «Минск». Удивительно, но о том, что Германия ведет войну против Польши, Хильгер проинформировал НКВД только в 13 часов. В сборнике документов «Год кризиса. 1938–1939», выпущенным МИД СССР в 1990 г., в сноске к опубликованной докладной записке сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В. Н. Павлова нарком Молотову сообщается: *«Из резолюции В. М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск». АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 74, л. 26»*.

Как видим, дело обстояло с точностью наоборот. Советская сторона отказалась удовлетворить просьбу немцев о передаче в эфир ночью специального сигнала. Днем же в минском радиомаяке особой потребности нет. Фактически начальник генштаба германских ВВС своим обращением ничего не добился. Как утверждают мифотворцы, Сталин и Гитлер затеяли совместную агрессию против Польши, однако вопросы аэронавигации отчего-то заранее не решили. Нет уж, совместные агрессии так не осуществляются.

Когда же в 1992 г. МИД РФ выпустил XXII-й том сборника «Документы внешней политики СССР», в примечании к документу содержится такая резолюция Молотова: *«1) +2 часа [далее 2 слова неразборчиво], 2) «Минск» (но не другое)»*. Странно, что двумя годами ранее в том же самом документе никто нечитаемых слов не увидел, так же как и слов «+2 часа». Никакой нужды публиковать нечитаемые резолюции нет, достаточно было сообщить удовлетворена просьба немцев или нет. Но публикаторы идут по другому пути: якобы не могут разобрать резолюцию Молотова, и при этом публикуют ее в таком виде, что можно сделать выводы о том, что нарком пошел на встречу пожеланиям Люфтваффе.

Никак нельзя предположить, что разгром Польши был совместной акцией Германии и СССР. Вот очень характерная запись Гальдера:

«12 сентября. Разговор главкома с фюрером:

Русские, очевидно, не хотят выступать. [Они] хотят взять себе Украину (чтобы удержать французов от вмешательства). [Русские] считают, что поляки будут согласны заключить мир...

...[Гитлер] готов удовлетвориться восточной частью Верхней Силезии и Польским коридором, если Запад не будет мешать».

Подобного рода свидетельства очень уж не вписываются в официальную версию событий, поэтому редактор русского издания «Военного дневника» дает здесь такое примечание: *«Как свидетельствуют документы, гитлеровцы намеревались полностью ликвидировать Польшу и польский народ, частично истребив его, а частично онемечив. См.: Pospieszalski, K. Hitlerowskie «prawo» okupacyjne w Polsce. Poznan, 1952 – 1958»*. Да уж, ссылка на польское пропагандистское издание выглядит неубедительно, да и к Гальдеру отношения явно не имеет.

Сейчас трудно установить, что конкретно имел в виду начальник генштаба германских сухопутных сил, когда писал о намерении русских удержать французов от вмешательства. Не стоит забывать, что начиная с 3 сентября, немецкие генералы находились в постоянном страхе, ожидая удара англо-французов по Руру. Потому на любые события Гальдер неизбежно должен был смотреть сквозь призму вопроса: «А как это повлияет на Францию и Британию?».

Эти записи Гальдер делал для себя лично, а не для посторонних, в них отражен его субъективный взгляд на происходящие события, чем этот источник и ценен. Дневник Гальдера в 1945 г. был захвачен американцами и ими же впервые издан. В СССР трехтомник «Военных дневников» выпущен в 1968–1971 гг. «Воениздатом», перевод выполнен с немецкого издания (Haider F. Kriegstagebuch. Tagliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–

1942. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962–1964). В дневниках мы не видим даже намека на существование предвоенных секретных договоренностей о разделе Польши в виде известного нам «секретного протола» от 23 августа 1939 г. Наоборот, приведенные им сведения заставляют еще больше усомниться в его существовании

Молотов

Компетентно ответить на вопрос о уществовании «секретных протоколов» могли только Риббентроп и Молотов, Шуленбург. И еще, разумеется, Сталин и Гитлер. К свидетельствам остальных, которые, дескать, «держали в руках», «видели собственными глазами» или «стояли за спиной» следует относиться осторожно.

Шуленбург казнен нацистами в 1944 г., как участник заговора против Гитлера. Риббентроп повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г. После были выпущены его мемуары (ниже рассмотрим их подробно), однако в их авторстве приходится сомневаться. Сталин умер в 1953 г. При жизни советского вождя перед ним никто вопроса о «секретных протоколах» не поднимал – ни союзники по антигитлеровской коалиции, ни противники по Холодной войне.

Вячеслав Михайлович Молотов не оставил мемуаров, однако в течение последних 17 лет его жизни беседы с ним записывал литератор Феликс Чуев. В 1991 г. он выпустил книгу «Сто сорок бесед с Молотовым». Привожу подборку цитат из книги.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине; Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну, хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам».

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, по-моему, неплохо.

Визит Молотова в Берлин. Ноябрь 1939 г.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

– Но ведь первый приехавший мог предупредить других, – говорю я.

– А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами – фашистской Германией и советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска.

Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились.

Они должны были согласиться. Это их инициатива – Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно, принадлежит Советскому Союзу.

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели.

Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви – потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он

читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

24.07.1978

– А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

– Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

– Да, да.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

– А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

– Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились. Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали.

– Гитлер им сказал: «Отдайте, я скоро верну!»

– Они под его руководством все время... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, – говорит Молотов вроде серьезно, кто его не знает, может, так бы и понял, – границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» – «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» – «Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» – посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» – «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» – «Надо решать. А украинцы теперь – и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»

Как это называется... Буковина.

Вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился.

Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись.

Окончательное разграничение было после войны. Некоторые удивлялись: при чем тут Черновицы и Россия? Никогда такого не было!

25.04.1975, 30.09.1981

– Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии.

– Это там, в Германии?

– Здесь, на обеде. Они поднимали тост за Сталина, я-за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия.

12.03.1982

– Ходят разговоры о том, что перед войной вы со Сталиным, чтобы задобрить Гитлера, решили отдать ему Прибалтику...

– Это не имеет ничего общего с действительностью. Мы прекрасно понимали, что Гитлера подобный шаг не только не остановит, но, наоборот, разожжет его аппетит. А нам самим пространство нужно.

– Писатели это говорят...

– Писатели могут быть обывательского толка. Абсолютная ерунда. Прибалтика нам самим была нужна.

17.07.1975

– На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

– Никакого.

– Не было?

– Не было. Нет, абсурдно.

– Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

– Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимаясь этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка.

29.04.1983

... Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

– Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

– Не помню.

– Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

– Ну, ну.

– И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

– Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

– А вы сказали, что не знаете мнения Сталина на этот счет. Вы, конечно, знали?

– Конечно. С Гитлером нельзя было держать душу нараспашку.

09.03.1986

– Гитлер... Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза...

...Во время первой беседы он почти все время говорил один, а я его подталкивал, чтоб он еще что-нибудь добавил. Наиболее правдиво наши встречи с ним описаны у Бережкова, в художественной литературе на эту тему много надуманной психологии.

Гитлер говорит: «Что же получается, какая-то Англия, какие-то острова несчастные владеют половиной мира и хотят весь мир захватить – это же недопустимо! Это несправедливо!»

Я отвечаю, что, конечно, недопустимо, несправедливо, и я ему очень сочувствую.

«Это нельзя считать нормальным», – говорю ему. Он приободрился.

Гитлер: «Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия – вот ваша перспектива». Я ему: «А что, это интересная мысль, как вы это себе представляете?» Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию и толкает нас в Индию через Иран. Невысокое понимание советской политики, недалекий человек, но хотел втащить нас в авантюру, а уж когда мы завязнем там, на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо было быть слишком наивным, чтобы не понимать этого.

А во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли дого-

воренности, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи».

Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. «Зачем вы их держите?» – «Мелочи». – «Какже мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?»...

06.12.1969.09.07.1971

А Гитлер удивляется, почему я настаиваю, такая мелочь второстепенная, можно уладить...

Я ему: «Давайте уладим!»

Он в ответ что-то неопределенное.

22.06.1971

Гитлер – среднего роста, такого же, примерно, как я. Гитлер, конечно, говорил, остальные позволяли себе некоторые дополнения, объяснения, вопросы...

Он меня хотел сагитировать. И чуть не сагитировал, – иронически щурится Молотов. – Все меня агитировал, агитировал, как нам надо вместе, Германии и Советскому Союзу, против Англии объединиться. «Англия уже почти разбита». – «Как же разбита – не совсем пока разбита!» – «Мы с ней скоро закончим, а вы куда-нибудь на юг, к теплым морям, берите Индию»...

...После бесед с Гитлером я посылал телеграммы Сталину, каждый день довольно большие телеграммы – что я говорю, что Гитлер говорит. А когда встретились со Сталиным, побеседовали, он говорит: «Как он терпел тебя, когда ты ему все это говорил!»...

...Когда приезжал Риббентроп в 1939 году, мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии – пограничное с нами государство – там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска». Политические вопросы. Мы много говорили.

Он мне: «Великобритания – вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» – «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробыться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению». – «Это мелочь. Давайте о большом вопросе договариваться».

Мы с ним так и не договорились, потому что я ему свое говорю: «Это не ответ. Я вам поставил вопрос, а вы не даете никакого ясного ответа, а я прошу дать ясный ответ». На этом мы должны были их испытать, хотят ли они, действительно, с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать. Толкать толкали, но все-таки они имели дело не просто с чужаками – это он (Гитлер) тоже понимал. Мы, со своей стороны, должны были прощупать его более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять –

не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали вывод.

16.11.1973

– Был ли смысл для немцев встречаться с вами в 1940 году?

– Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, чтобы мы выступили вместе с Германией против Англии. Гитлеру желательно было узнать, можно ли нас втянуть в авантюру. Они остаются гитлеровцами, фашистами, а мы им помогаем. Вот удастся ли нас в это втянуть?

Я ему: «А как вы насчет того, что нас непосредственно касается, вы согласны выполнить то, что вы обязаны выполнить?»

И выяснилось, конечно, что он хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии.

08.03.1974

– Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацуокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуокаусебя потом заплатил за этот визит к нам...

29.04.1982¹³.

Какова достоверность чуевской публикации? Внук Молотова, экс-депутат Государственной думы РФ Вячеслав Алексеевич Никонов в своем интервью так выразил отношение к ней:

«Чуев действительно приезжал к деду и, гуляя, беседовал с ним. Но при этом держал – в тайне от собеседника! – в кармане диктофон. Не очень этично, согласны? Одно дело – вы беседуете приватно, за обедом или на прогулке, другое – даете официальное интервью. Даже незавизированное интервью лучше, чем такая, исподтишка записанная «беседа». Дед текста, естественно, не видел, не правил, даже не подозревал о его существовании. Поэтому в этой книге дед предстает недалеким человеком. Чуевская манера подачи материала опускает человека. Этого я Чуеву не простил. С другой стороны, в своих беседах с дедом Чуев зафиксировал некоторые моменты, которые не удержала моя память...»¹⁴.

Должен согласиться с Никоновым. О Чуеве складывается впечатление, как о недалеким человеке, склонном к самолюбанию и позерству. Никакой исследовательской глубины в беседах не чувствуется, это лишь бытовые разговоры на примитивном обывательском уровне. Но, как пишет Чуев, Молотов «умел общаться с людьми разного уровня развития и образованности». Выходит, что недалеким человеком Молотов предстает потому, что подстраивался под уровень развития своего собеседника.

Действительно, материал для печати и приватная беседа не могут быть равноценны. В разговорной речи, как считают психологи, 80 % информации передается невербальными сред-

¹³ <http://lib.rus.ec/b/92433>.

¹⁴ «Вестник», № 16(327), 2003 г. // <http://www.vestnik.com/issues/2003/0806/win/nuzov.htm>.

ствами. Интонация меняет смысл сказанного на противоположный. Как мы можем сегодня интерпретировать приведенный ниже фрагмент беседы?

«... Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

– Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

– Не помню.

– Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

– Ну, ну.

– И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

– Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная».

Молотовские слова «не помню» могли означать, что он действительно не помнил о протоколе, так как на 97-ом году жизни память ему откзала, или то, что он не желает говорить на эту тему. Вероятно, сказано это было с возмущением, и сопровождалось жестом, который собеседник должен был понимать, как решительное отрицание факта подписания протокола. Междометие «ну, ну» в ответ на вопрос о Южной Буковине можно с одинаковыми основаниями считать и согласием и отрицанием. И кого же, спрашивается, Молотов назвал негодяем – Гитлера, пытающегося вовлечь СССР в орбиту своей политики или Черчилля, который пишет брехню про секретный протокол? Литератор из Чуева более чем посредственный, а историкограф вообще никакой.

Возникает вопрос и о достоверности воспроизведения слов Вячеслава Михайловича. Никонов считает, что Чуев пользовался диктофоном. Если аудиозаписи уцелели, они представляют большую ценность. Но, вообще говоря, вариант с аудиозаписью сомнителен. В 1969 г., когда Чуев стал регулярно общаться с Молотовым, портативными диктофонами обладали разве что сотрудники спецслужб, а журналисты вплоть до начала 90-х годов использовали в работе здоровущие магнитофоны, сначала бобинные, потом кассетные, которые носили в угловатом кожаном кофре. Чуев утверждает, что точно передает содержание 4-часовых бесед благодаря своей феноменальной памяти, о чем он многословно хвастает во вступлении к книге. Вполне возможно, что публикация подверглась идеологической цензуре, ведь, по словам автора, из 5 тысяч страниц записей бесед для публикации было отобрано лишь 700. Наконец, нет гарантии, что диалоги не сфабрикованы самим Чуевым. Не все, разумеется, а лишь наиболее значимые в пропагандистском смысле. Ведь книга вышла в 1991 г., в самый разгар сепаратистского шабаша, и антисоветчикам были ценны даже косвенные признания в том, что по отношению прибалтийских республик в 1939–1940 гг. было осуществлено насилие.

Тем не менее, даже эти тенденциозно представленные молотовские откровения представляют для нас определенный интерес. Приводя подробности берлинских переговоров с Гитлером, Молотов неоднократно требует вывести войска из Финляндии и Румынии, ссылаясь на обещания Риббентропа:

«Когда приезжал Риббентроп в 1939 году, мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах; в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии – пограничное с нами государство – там не будет никаких войск; кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска»...

...Он мне: «Великобритания – вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» – «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению».

Допустим на минуту, что в августе 39-го был таки подписан пресловутый «секретный протокол». В этом случае Молотов должен был предъявить его Гитлеру и потребовать строгого соблюдения Германией взятых на себя обязательств, поскольку Риббентроп подписал его от имени германского правительства. Но в том-то и дело, что в известном нам протоколе нет никаких условий относительно возможности пребывания иностранных войск в Румынии и Финляндии. Скорее всего, Молотов ссылается на соглашение, нам неизвестное, аналогичное устному соглашению по Бесрабии (см. главу «Метод»).

Молотов беседовал о протоколах не только с Чуевым. Вот какое свидетельство о встрече с Вячеславом Михайловичем 15 октября 1983 г. оставил профессор Георгий Александрович Куманев в своей книге «Говорят сталинские наркомы»:

«Я сразу задаю вопрос о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. Был ли в действительности такой дополнительный протокол?»

– Трудный вопрос затронули, – замечает Молотов. – Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились».

Кто-то скажет: какая разница, на словах Молотов с Риббентропом поделили Европу или зафиксировали условия сделки на бумаге? В том-то и дело, что о предполагаемых устных соглашениях, которые заключили представители двух крупнейших держав Европы, нам ничего не известно. Поэтому нет никаких оснований считать их гипотетические договоренности аморальными, а тем более преступными. И речь я веду совсем не о них, а о том, как через полвека после подписания советско-германского договора о ненападении кучка проходимцев руками толпы дебилов уничтожила Советский Союз, используя в качестве мощной дубинки ложь о «секретных протоколах», которых не существовало.

Нюрнберг

Каноническая версия мифа о «секретных протоколах» гласит, что впервые широкая общественность узнала о «дьявольской сделке» Молотова – Риббентропа на Нюрнбергском процессе в 1946 г. Пропагандисты ссылаются не на кого-нибудь, а на участника этой сделки:

«Годы спустя на Нюрнбергском процессе в своем последнем слове Риббентроп заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...». Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса»¹⁵.

Вообще-то, о каких-либо «секретных протоколах» здесь нет ни слова. Что значат слова «Сталин дал понять»? На конфиденциальных переговорах обычно не говорят туманными намеками, а четко выражают свою позицию. В беседах с высоким гостем, советский вождь, прощупывая позиции Германии, действительно мог «дать понять», что русские желают вернуть свои военно-морские базы, прежде всего незамерзающую Либаву, которую еще при царе планировалось сделать главной базой Балтийского флота. Это, кстати, вовсе не предполагает оккупации Прибалтики. США владеют военной базой Гуантанамо на Кубе, но ведь Куба от этого не становится оккупированной страной.

Вопрос относительно военно-морских баз на Балтике был жизненно важен для СССР. От царской империи нам достался Балтийский флот, который был почти бесполезен – он не мог предотвратить даже прорыв кораблей противника в Финский залив для захвата Ленинграда. Не имея морских баз и береговых батарей, невозможно было закрыть вход в Финский залив посредством минных полей, как это сделал русский флот в 1914 г. Кстати, и война с Финляндией была вызвана отказом финнов предоставить в аренду мыс Ханко или какой-нибудь необитаемый остров для нужд Балтийского флота. Германию в свою очередь волновала безопасность коммуникаций со Швецией, откуда она получала стратегическое сырье, и потому балтийский вопрос неминуемо должен был обсуждаться на встрече в Кремле.

Семиряга, кстати, приводя высказывание Риббентропа, обращается не к первоисточнику, а ссылается на журнал «Международная жизнь» (№ 9, 1989 г.). Делает он это умышленно, и скоро будет ясно, зачем. Владимир Карпов в двухтомнике «Генералиссимус» вообще не утруждает себя указанием источников. Он лишь неопределенно ссылается на исследования комиссии I Съезда народных депутатов СССР и то, что он разыскал сам как дополнение к этим исследованиям:

«При допросе в суде статс-секретаря германского МИД Вайцзеккера защитник Гесса стал задавать ему вопросы о секретном протоколе. Вайцзеккер подтвердил существование такого документа и подробно пересказал его содержание.

Председатель суда спросил:

– Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения?

Вайцзеккер ответил:

¹⁵ Михаил Семиряга, «Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941», // [http:// militera.lib.ru/research/semiryaga1/title.html](http://militera.lib.ru/research/semiryaga1/title.html).

– Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел даже подлинник; но, во всяком случае, фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе»¹⁶.

Если судья спрашивает про подлинник, то отвечать надо так: «Нет, подлинника протокола я не видел». А байки про фотокопию, запертую в сейфе, следовало оставить для посиделок в пивной. Что это за «секретный протокол», который чиновники министерства хранят у себя в сейфе в виде фотокопий?! Вообще-то, в случае необходимости изготавливались машинописные заверенные копии, а после завершения работы с ними, они уничтожались. Если же необходимости нет, то секретные документы никогда не копировались, тем более фотографическим способом, и никому на руки для хранения в сейфе не выдавались. Более подробно этот эпизод мы рассмотрим в главе «Вайцзеккер».

Как утверждают некоторые «историки», первым о существовании «секретных протоколов» якобы заявил Фридрих Гаусс, бывший заведующий юридическим отделом МИД Германии, сопровождавший Риббентропа во время московской встречи в августе 1939 г. На самом деле это ложь. Защитник Гесса Альфред Зайдль представил 25 марта 1946 г. аффидевит (письменные показания под присягой) участника германской делегации на московских переговорах, приближенного к синистру чиновника Гаусса, которые содержали описание хода встречи и пересказ содержимого «секретных протоколов» от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Сам Гаусс не выступал ни на процессе в Нюрберге, и после никогда не заявлял о том, что ему известно о «секретных протоколах»

Зайдль в дальнейшем попытался огласить текст «секретного протокола» по имеющейся в его распоряжении фотокопии, но судья Лоуренс прервал его, попросив указать источник получения документа. Тот не смог сказать по этому поводу ничего вразумительного, поэтому *«... Трибунал запретил оглашать этот документ, как не вызывающий доверия. Но Зайдль не успокаивался и потребовал вызова на процесс в качестве свидетеля бывшего советника германского посла в Москве Хильгера, тоже участвовавшего в советско-германских переговорах, и заместителя Риббентропа Вайцзеккера. Бывший заместитель Риббентропа подтвердил показания Гаусса о секретном протоколе. Тогда Зайдль потребовал в своем выступлении вызвать в качестве свидетеля министра иностранных дел СССР Молотова... и обвинил Советский Союз в совместной с Германией агрессии против Польши. И в связи с этим поставил вопрос о правомерности участия СССР в процессе»¹⁷.*

Из этого эпизода видно, что демарш с «секретными протоколами» был лишь эпатажной выходкой молодого немецкого адвоката. Он прекрасно понимал, что его попытка исключить представителей СССР из участия в процессе в нарушение устава Трибунала бессмысленна. Не назвав источник получения фотокопии протокола, он осознавал, что такой документ не может быть приобщен к материалам дела. Но даже не смотря на это, Вайцзеккер был допрошен судом (см. главу «Вайцзеккер»), но фактически не подтвердил того, что видел оригинал «секретного протокола», хотя некоторые публицисты пытаются интерпретировать его несуразный лепет о некой фотокопии, как свидетельство в пользу того, что он видел именно оригинал.

Странно, что второй человек в германском МИДе не видел оригинал «секретного протокола», а третьестепенные клерки вроде Гаусса и Хильгера якобы видели. Впрочем, то, что Хильгер был готов свидетельствовать в пользу существования «секретного протокола», не добавляет этому мифу убедительности. Скорее, наоборот, выдает изготовителей фальшивки.

¹⁶ <http://www.libereya.ru/biblus/karpov/gener2.htm>.

¹⁷ Вилен Люлечник, «Неизвестный Нюрнберг», «Русский глобус», № 10, 2006 г. // <http://www.russian-globe.com/N56/Lulechnik.NeizvestnijNjurnberg.htm>.

После войны Густав Хильгер состоял на службе в Государственном департаменте США в качестве «эксперта по русским делам», а сотрудничать с американской разведкой начал еще до войны, будучи завербованным известным дипломатом и разведчиком Чарльзом Боленом¹⁸.

Хильгер и Гаусс так и не были допрошены Трибуналом, хотя аффидевит последнего приобщен к делу. Никаких письменных показаний Хильгера в материалах Трибунала я не обнаружил. Кстати, во время процесса он находился в Соединенных Штатах. И уж совсем удивительно, что Хильгер не был использован госдепом после войны для того, чтобы официально засвидетельствовать факт подписания в Москве секретных протоколов – ведь он состоял переводчиком при Риббентропе и в отличие от Гаусса непосредственно присутствовал на переговорах. Хильгер умер лишь в 1965 г., но в своих мемуарах он отразил ход секретных московских переговоров еще более немногословно, нежели Гаусс и Риббентроп (подробный анализ см. в главе «Гаусс»).

Зайдль, однако, не прекратил свои выходки. То, что он сделал далее, вообще выходит за рамки здравого смысла. Он отправился в начале апреля в советское представительство и потребовал официально заверить аутентичность фотокопии, полученной от неизвестного лица, сославшись на то, что ее достоверность уже подтверждена представителями западных союзников. Это было ложью, хотя в распоряжении англичан и американцев находились захваченные в горах Гарца и Баварии архивы Германии. Зайдль, что называется, брал на понт. Принявший адвоката заместитель советского обвинителя Руденко генерал-майор Николай Дмитриевич Зоря заявил, что разговор об этом не имеет смысла. Тогда Зайдль отправился заверить фотокопию к... Фридриху Гауссу, который, будто бы сделал это (Гаусс в это время предположительно находился в США), однако его показания отчего-то «затерялись».

21 мая в суд по настоянию Зайдля был вызван Вайцзеккер, которому адвокат Гесса попытался предъявить фотокопию «секретного протокола», дабы, как он выразился, освежить память свидетеля. Однако председательствующий в суде лорд Лоуренс не позволил ему это сделать, поскольку данный документ был отвергнут судом, как сомнительный. Советский обвинитель Руденко заявил протест, сказав, что задача Трибунала состоит в том, чтобы разобраться с конкретными преступлениями обвиняемых лиц, а не дискутировать о внешней политике союзных государств. Томас Додд, помощник американского обвинителя, поддержал протест советской стороны.

На этом нюрнбергская эпопея «секретных протоколов» закончилась. Через пару дней произошло два заслуживающих нашего внимания события: в американской провинциальной газете «St. Louis Post-Dispatch» («Сент Луис пост диспетч») были опубликованы тексты скандального «секретного протокола» (публикация не имела никакого резонанса) и при невыясненных обстоятельствах погиб Николай Зоря, который по официальной версии случайно застрелился при чистке пистолета. Ну конечно, как же советский генерал пойдет на заседание Трибунала с нечищеным пистолетом – вдруг придется воспользоваться им прямо в зале суда? Пропагандисты геббельсовско-яковлевского замеса вовсю вопят, что Зоря якобы убрало НКВД в отместку за то, что он допустил утечку компромата о сделке Молотова с Риббентропом, или, что он застрелился сам, опасаясь мести со стороны жуткого сталинского режима. Версия эта совершенно глупа. Если б органам надо было покарать Зоря за некую провинность (тогда уж в первую очередь Руденко, а не его заместителя), того просто отозвали бы в Москву, допустим для доклада о ходе процесса, отстранили от должности, а потом убрали тихо и без шума, не провоцируя громкий скандал.

Вероятно, смерть Зоря вызвана тем, что он должен был поддерживать обвинение со стороны СССР в массовом убийстве немцами польских военнопленных под Катынью. Обвинителем была советская сторона, поскольку преступление было совершено на территории Совет-

¹⁸ См. <http://tbrnews.org/Archives/a101.htm>.

ского Союза и жертвы преступления в тот момент находились под советской юрисдикцией. Лондонские поляки, враждебно настроенные против СССР, через англичан попытались подсунуть сфабрикованный ими «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу: факты и документы», якобы изобличающий в убийстве НКВД. Однако советская сторона при содействии польских официальных органов собрала неопровержимые доказательства того, что убийство было совершено немцами в 1941 г. В частности, польский прокурор специального уголовного суда в Кракове профессор Роман Мартини собрал свидетельства живших тогда в Польше свидетелей – польских офицеров, не ставших дожидаться в июле 1941 г. прихода немцев и разбежавшихся из лагеря после ухода охраны. Так вот, этот самый Мартини, ответственный за поиск очевидцев, был застрелен у себя дома боевиками подпольной группировки, контролируемой Лондоном.

Следом в Нюрнберге был убит Зоря. *Quid prodest?* – кому выгодно? Именно такой вопрос советовали выяснять в данном случае древнеримские законники. Единственный реальный мотив в убийстве советского обвинителя был у лондонских поляков и англичан, которые финансировали их террористическую деятельность в Польше. Им совершенно невыгодно было, чтобы катынское дело официально расследовалось Трибуналом, поскольку от запущенной в оборот Геббельсом в 1943 г. версии об убийстве поляков большевистскими евреями не осталось бы камня на камне. Великобритания, поддерживающая лондонскую шляхту, попала в этом случае в очень неудобное положение. Таким образом, единственная возможность избежать скандала заключалась в срыве процесса. Это и было достигнуто убийствами ключевых фигур обвинения от Польши и СССР. Как известно, Трибунал так и не рассматривал по существу катынский вопрос и не признал никого виновным в массовом убийстве польских пленных. Именно это было выгодно Западу в условиях разворачивающейся Холодной войны.

Но давайте вернемся к Риббентропу и выясним, было ли в его интересах вообще заикаться о «преступном сговоре» со Сталиным. Обвинялся он в заговоре с целью развязывания агрессивной войны. А как можно было интерпретировать сговор, выраженный в «секретных протоколах»? Выходит, что Иоахим фон Риббентроп будто бы сам сознался в совершении преступления, но он свою вину отрицал полностью. Между тем, мотивы напустить туману в дело у Риббентропа имелись. Послевоенное обострение отношений между СССР и Западом давало обвиняемым надежду на использование этих противоречий, и они со своей стороны всеми силами провоцировали раскол в стане союзников. После Фултонской речи Черчилля, и ответных обвинений Сталина в адрес бывшего союзника в фашизме, возникла угроза раскола между СССР и Западом. Утопающий склонен хвататься и за соломинку, поэтому подсудимые воспряли духом, надеясь, что ссора между союзниками поставит крест на процессе, и они смогут уйти от наказания. Обвиняемые нацисты начали изо всех сил тянуть время и даже пытались обвинять союзников в совершении многочисленных военных преступлений. Особенно в этом преуспел Геринг. Риббентроп со своей пространной демагогией следовал тем же руслом. Достигнуть желаемой цели они, конечно, не смогли, но откровенно провокационная тактика Зайдля прекрасно вписывалась в новую стратегию защиты.

В своей речи на суде 25 июля 1946 г. Зайдль заявил, что существование «секретных протоколов» доказано помимо прочего еще и допросом генерала Йодля, но это утверждение, что называется, за уши притянута. Альфред Йодль ни слова не произнес о секретных договоренностях между Молотовым и Риббентропом, а лишь сказал о том, что во время польской кампании отдал приказ немецким войскам отойти на позиции, предусмотренные советско-германским соглашением о демаркационной линии между Вермахтом и Красной Армией. Не совсем понятно, почему именно Альфред Зайдль так активно пытался ворошить дело с «секретными протоколами», ведь к его подзащитным Рудольфу Гессу и Гансу Франку это не имело ни малейшего отношения.

Дэвид Ирвинг в книге «Нюрнберг. Последняя битва» пишет:

«Лишь годы спустя Зайдль пришел к заключению, что этот документ (фотокопия «секретного протокола» – А. К.) целенаправленно был «вложен» в его руки государственным департаментом США, и именно придание им его широкой огласке тогда в Нюрнберге явилось, по сути, первым крупнокалиберным выстрелом в холодной войне».

Гипотеза не лишена убедительности. 5 марта в Фултоне посетивший США по приглашению госдепа Черчилль объявляет холодную войну СССР. Через десять дней в Нюрнберге Зайдль делает «крупнокалиберный выстрел» снарядом, вложенным в его руки неизвестными представителями западных союзников. Платный сотрудник госдепартамента с конца 30-х годов Ганс Хильгер готов свидетельствовать о том, что «секретный протокол» существует. Наконец, в 1948 г. тот же самый государственный департамент США выпускает скандальный сборник документов. А кто передает ФРГ в 1958 г. микрофильмы, с которых отпечатаны фотокопии, врученные Зайдлю? Верно, все тот же госдеп.

Надо полагать, и публикация 22 мая 1946 г. в «St. Louis Post-Dispatch» была инициирована Государственным департаментом. Вадим Роговин в книге «Мировая революция и мировая война» утверждает, что публикация была организована Зайдлем, который находился тогда в Германии, но никаких подтверждений или ссылок на источник информации не приводит. Впрочем, последнее было возможно, учитывая, что в Нюрнберге был аккредитован корреспондент этой газеты Ричард Стоукс. Последний, опять же, не раскрыл тайны получения материалов для публикации.

Так или иначе, но утверждения некоторых пропагандистов о том, что на Нюрбергском процессе был установлен факт подписания Молотовым и Риббентропом «секретных протоколов» ничем не обоснованы. Международный Трибунал официально отверг все свидетельства в пользу существования «секретных протоколов», как сомнительные. Об этом более чем определенно свидетельствует следующее обращение четырех главных обвинителей к Трибуналу от 1 июня 1946 года:

«...заявление защитника подсудимого Гесса адвоката Зайдля от 22, 23 и 24 мая 1946 года о приобщении к материалам процесса «копий» так называемых «секретных дополнительных протоколов» к договорам от 23. VIII.39 г. и 28. IX.39 г. являются повторением попыток вернуть суд к рассмотрению уже решенных вопросов.

В свое время Трибунал уже отклонил ходатайство адвоката о приобщении к делу этих заведомо «дефектных» документов, являющихся «копиями» неизвестно где находящихся фотокопий и удостоверенных по памяти» одним из участников в преступлениях подсудимого Риббентропа Гауссом.

Однако очередное заявление адвоката Зайдля по этому же вопросу подлежит отклонению не только ввиду дефектности представленных им документов.

Это ходатайство должно быть отклонено также и потому, что оно является одним из резких проявлений принятой защитником тактики, направленной на то, чтобы отвлечь внимание Трибунала от выяснения личной вины подсудимых и сделать объектом исследований действия государств, создавших Трибунал для суда над главными военными преступниками.

Все заявления Зейдля, как и сами документы, о приобщении которых ходатайствует Зейдль, не имеют никакого доказательственного значения ни для Франка, ни для дела Гесса.

Явно провокационный характер носит указание на источник происхождения этих документов – получение от «неизвестного американского военнослужащего», при малопонятных обстоятельствах вручающего Зайдлю «копии с фотокопий».

Излишне указывать, насколько противоречило бы статусу Трибунала и вредило объективному судебному исследованию подобное искажение судебной процедуры в случае хотя бы частичного успеха защиты.

В силу изложенного мы возражаем против удовлетворения ходатайства адвоката Зейдля от 22.23 и 24 мая 1946 года и просим Трибунал их отклонить»¹⁹.

Данное заявление выражало консолидированную позицию СССР, США, Великобритании и Франции. Трибунал счел оценку поведения Зейдля верной, возражение Комитета обвинителей уместным, удовлетворив его.

«Историки», убеждающие нас в существовании «секретных протоколов», в один голос утверждают, что в Нюрнберге обвинители США, Великобритании и СССР заранее составили список вопросов, обсуждение которых на процессе недопустимо. В число запретных тем для обсуждения по настоянию Советской стороны был внесен вопрос о советско-германском Договоре о ненападении и сопутствующих ему соглашениях. Это они объясняют желанием Москвы не допустить придания огласке содержания тайного сговора с Германией. Вот что сообщает журнал «Международная жизнь»:

«В соответствии с указаниями комиссии Вышинский в конце ноября 1945 года выехал в Нюрнберг; где под его руководством был составлен первый перечень вопросов, который обсуждался в Нюрнберге на совещании советской делегации. Совещание постановило:

«1. Утвердить представленный т. Вышинским перечень вопросов, которые являются недопустимыми для обсуждения на суде (перечень прилагается).

2. Обязать т. Руденко договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали предметом критики со стороны подсудимых».

На заседании было также решено:

«Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на комитете обвинителей.

По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Приложением к этому подписанному Вышинским протоколу служил следующий документ: «Перечень вопросов.

- 1. Отношение СССР к Версальскому миру.*
- 2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.*
- 3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.*
- 4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.*
- 5. Советские прибалтийские республики.*
- 6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.*
- 7. Внешняя политика Советском Союзе и, в частности «вопрос о проливах» о, якобы, территориальных притязаниях СССР*
- 8. Балканский вопрос.*
- 9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии»²⁰.*

¹⁹ Цит. по: Юрий Зоря, Наталья Лебедева, «1939 год в нюрнбергских досье», «Международная жизнь», № 9, 1989 г.

²⁰ Там же.

Вполне допускаю, что тема о нежелательности некоторых вопросах поднималась союзниками, но инициатива исходила от Великобритании, а СССР не проявил интереса к данному предложению. Цитирую тот же источник:

«8 марта 1946 года Джексон обратился к главным обвинителям от СССР и Франции с предложением представить перечни вопросов, как это сделала британская делегация в декабре 1945 года. В его письме, адресованном главным обвинителям от этих стран, говорилось:

«На совещании главных обвинителей 9 ноября 1945 года мы обсуждала возможность политических выпадов со стороны защиты по адресу представителей наших стран, особенно по вопросам политики Англии, России и Франции в связи с обвинением в ведении агрессивной войны.

На том же совещании было принято решение о том, что все мы будем противостоять этим выпадам, как не имеющим отношения к делу, и что так как США вступили в войну поздно и находились далеко от непосредственной операции, то, очевидно, выпадов против США будет меньше, а, следовательно, в этом отношении положение представителей этой страны несколько удобнее для того, чтобы препятствовать политическим дискуссиям.

Кроме того, договорились о том, чтобы каждая делегация составила меморандум... От советской и французской делегаций до сих пор нет никакой информации...».

Далее Зоря и Лебедева цитируют ответное письмо Руденко:

«Ознакомившись с Вашим любезным письмом от 8 марта сего года, я рад сообщить о полном согласии с Вашими предложениями. Разделяя Ваше мнение; я также считаю, что Комитету обвинителей в соответствии со ст. 18 Устава Международного Военного Трибунала необходимо солидарно принимать меры к решительному устранению всех попыток со стороны обвиняемых и их защитников использовать настоящий судебный процесс для рассмотрения вопросов, не имеющих прямого отношения к делу.

Хочу с признательностью отметить своевременность Вашего письма. В настоящей стадии рассмотрения дела некоторые обвиняемые и их защитники уже обнаруживают попытки поставить на обсуждение вопросы, не относящиеся к делу, и извратить значение отдельных актов правительств союзных стран при помощи лживой информации, опровержение которой было бы связано с потерей времени и, следовательно, с необоснованной затяжкой процесса.

Согласно высказанному в Вашем письме пожеланию, сообщаю примерный перечень вопросов, которые по указанным мотивам должны быть устранены от обсуждения:

1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.

2. Внешняя политика Советского Союза:

а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопрос, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения.

3. Советские прибалтийские республики.

С искренним уважением

Р. РУДЕНКО генерал-лейтенант

Нюрнберг, 11 марта 1946 г».

Как видим, список нежелательных вопросов весьма сократился. При этом следует учитывать, что советская сторона желала не полностью исключить эти вопросы из обсуждения на суде, а лишь не хотела вдаваться в дискуссии по ним, как не имеющим отношения к делу. Причем проявила она это желание лишь тогда, когда столкнулась с явными попытками со стороны подсудимых и из защитников затянуть процесс. Западные союзники со своей стороны представили свои списки нежелательных тем, в частности, по вопросам, связанным с Мюнхенскими соглашениями. При этом сами обвиняемые свободно затрагивали этот вопрос, и их высказывания были малоприятны для Великобритании и Франции. Однако ни американская, ни советская сторона не использовали эту возможность, чтобы представить своих союзников в невыгодном свете.

Что же касается советско-германского договора о ненападении, то Руденко вовсе не собирався придать его забвению. Нацистские руководители обвинялись как раз в вероломном нарушении международных договоров, в том числе нарушении договора о ненападении между Германией и СССР. Сам договор был официально представлен обвинением от Советского Союза в качестве доказательства вины подсудимых. Советская сторона не могла при этом объявить вопрос о договоре в принципе нежелательным для обсуждения.

Таким образом, можно констатировать, что байка о «черном списке запретных вопросов» не имеет под собой серьезных оснований. Если б «секретные протоколы» действительно существовали, скрыть этот факт не представлялось возможным, поскольку и Риббентроп, и свидетели допрашивались всеми союзниками во время следствия. Но за все эти месяцы о «секретных протоколах» никто даже не заикнулся. Если мы обратимся к стенограмме судебных заседаний, то увидим, что «запретный» вопрос о «секретных протоколах» затрагивался неоднократно. Более того, западные представители не особо препятствуют обсуждению этой темы, даже когда она явно неуместна.

Зайдль

Материалы Нюрнбергского Международного трибунала не издавались полностью на русском языке. Наиболее достоверным является издание документов на немецком языке. В нем содержится масса сведений об искажениях и купюрах, имевших место в американском издании. К сожалению, немецких текстов мне найти не удалось, и поэтому я использовал материалы из библиотеки Конгресса США, доступные в Интернет по адресу http://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/NT_major-war-crinninals.htm. Мои познания в английском языке оставляют желать лучшего, поэтому не могу гарантировать абсолютной аутентичности перевода, но за верную передачу смысла ручаюсь. В любом случае всякий желающий может свериться с первоисточником и указать на мои ошибки. Ему даже не придется перелопачивать все 30 томов, так как ниже я привожу в хронологическом порядке те фрагменты, где содержится обсуждение вопроса о «секретных протоколах» по существу. Я опустил лишь очевидные повторы или те места, где «секретные протоколы» (аффидевит доктора Гаусса) упоминаются в связи с процедурными вопросами. Так же я не стал приводить массу упоминаний о пресловутых протоколах в выступлениях защиты, поскольку они не несут никакой новой информации, а являются интерпретацией показаний свидетелей и обвиняемых, иногда более чем вольной. Показания свидетелей цитируются лишь в тех местах, где те говорят строго по существу вопроса. Все слова, что не относятся к делу напрямую, я старался опускать.

Итак, впервые «секретные протоколы» всплыли 25 марта 1946 г. в выступлении защитника Рудольфа Гесса доктора Альфреда Зайдля (том X).

ЗАЙДЛЬ: <...> 23 августа 1939 года в Москве был заключен договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, который был ранее представлен обвинением как QВ-145 (Document TC-25). В тот же самый день, то есть за неделю до начала войны и за три дня до планируемого нападения на Польшу, эти государства заключили другое, секретное соглашение. Это секретное соглашение по существу содержало определение сфер интересов обеих держав в пределах европейской территории, лежащей между Германией и Советским Союзом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, не забывайте, что Трибунал не предоставлял Вам возможность выступить с речью. Вы можете внести документы и заявить свидетелей. У Вас будет возможность произнести речь на следующей стадии....

ЗАЙДЛЬ: Да, согласен. Я не намереваюсь произносить речь, но хочу анонсировать документ, который я представлю Трибуналу. Германия в секретных документах объявила об отсутствии своих интересов в Литве, Латвии, Эстонии, и Финляндии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, мы еще не видели документ. Если Вы собираетесь представить документ, сделайте это.

ЗАЙДЛЬ: Да, действительно. Я могу представить документ сразу. Это – показание под присягой бывшего работника МИД Германии доктора Фридриха Гаусса. В 1939 году он был руководителем юридического отдела министерства иностранных дел. Он присутствовал на переговорах, как помощник тогдашнего немецкого полномочного представителя в Москве, и именно он разработал договор о ненападении, который был уже представлен. Также он составил секретное соглашение, содержание которого я хочу представить Трибуналу как важное свидетельство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, Вы вручите документ?

ЗАЙДЛЬ: Конечно. Однако я намереваюсь прочитать выдержки из этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал действительно не совсем понимает, что это за документ, потому что он не включен в Вашу книгу документов и потому Вы не можете ссылаться на этот документ, пока он не переведен.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, когда я готовил книгу документов подсудимого Гесса, в моем распоряжении еще не было этого аффидевита, датированного 15 марта 1946 года. <...>

Выдержки, которые я намереваюсь прочесть из этого документа, коротки, и будет возможно перевести их немедленно через переводчиков в зале суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли у Вас копия документа для суда?

ЗАЙДЛЬ: Конечно, немецкая копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что разрешить этот вопрос не в моих силах. Я не знаю, представлен ли этот документ всем участникам процесса. Имеет ли обвинение какое-либо возражение против чтения этого документа?

РУДЕНКО (главный Обвинитель от СССР): Господин председатель, мне не известно о существовании этого документа, и поэтому я решительно возражаю против занесения его в протокол. Я хочу, чтобы процедура, установленная Трибуналом, соблюдалась защитой. Обвинение; внося какие-либо документы, всегда представляло копии стороне защиты. Теперь же защита Гесса представляет совершенно неизвестный документ, и обвинение хотело бы ознакомиться с этим документом заранее. Я не знаю, на каких фактах защита базирует свои утверждения о некоем секретном соглашении. Я бы определил их, по меньшей мере, как сомнительные. Поэтому я протестирую против чтения этого документа и внесения его в протокол.

ЗАЙДЛЬ: Обвинитель от Советского Союза заявляет, что у него нет никаких данных о существовании этого секретного документа, содержание которого раскрывается данным аффидевитом. В этих обстоятельствах я вынужден просить вызова на допрос в качестве свидетеля народного комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова, чтобы установить следующее: во-первых, было ли это соглашение действительно заключено, во-вторых, что содержало в себе это соглашения, и, в-третьих...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, первая вещь, которую вы должны были сделать – представить перевод этого документа. И пока нет перевода, сделанного Трибуналом, мы не готовы обсуждать его. Мы даже не знаем содержание этого документа.

ЗАЙДЛЬ: Относительно содержания документа, я уже пытался объяснить прежде. В документе есть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, Трибунал не желает получать от вас разъяснения, что содержит этот документ. Мы хотим видеть документ непосредственно, видеть его на английском и на русском языках. Я не подразумеваю, конечно, что Вы должны сделать перевод сами, доктор Зайдль. Если Вы представите копию обвинению, документ переведут. После того, как это будет сделано, мы можем вернуться к обсуждению этого вопроса.

<...>

(заседание после перерыва в тот же день)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Аффидевит был переведен и представлен на соответствующих языках Главным обвинителем?

ЗАЙДЛЬ: я не знаю, полон ли перевод. Во всяком случае, сегодня в полдень я представил шесть копий аффидевита в отдел перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вы скажете, сэр Дэвид и полковник Покровский?

МАКСВЕЛЛ-ФАЙФ (главный обвинитель от Великобритании): Я не видел это показание под присягой. Мы перевели его поспешно на английский язык, но только благодаря доброй воле моих советских коллег вопрос продолжает рассматриваться без русского. <...> Очень неудобно, когда эти показания под присягой разыскиваются в последнюю минуту, и мы не имеем возможности изучить их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, видели ли Вы это показание под присягой или перевели его?

ПОКРОВСКИЙ (заместитель главного обвинителя от СССР): Члены Трибунала и я полностью разделяем точку зрения сэра Дэвид Максвелл-Файфа. Мне видится абсолютно недопустимым представлять этот документ на рассмотрение Трибуналом.

Если я понял сэра Дэвида Максвелл-Файфа правильно, он не получал это показание под присягой. Советская делегация находится в том же самом положении. Кроме того, я хотел бы напомнить Вам, что вопрос этого свидетеля был уже обсужден, было принято вполне определенное решение, и я не вижу никаких оснований для дальнейшего рассмотрения данного вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал полагает, что аффидевит [Гаусса] должен быть переведен и представлен Трибуналу для рассмотрения в установленном порядке, поскольку этот свидетель был заявлен как свидетель подсудимого Риббентроп, а затем отозван. Вы не заявляли Гаусса, как свидетеля, и я напоминаю Вам, что это очень неудобно, когда документы представляются в последний момент и без перевода. И мы не станем обсуждать это более, документ должен быть переведен и представлен Трибуналу на трех языках.

ЗАЙДЛЬ: Возможно, я мог бы сделать одно короткое замечание относительно последнего пункта. Я считал, что не нужно формального заявления, чтобы вызвать свидетеля, которого Трибунал уже допустил для другого ответчика. Это был как раз случай с Гауссом, который заявлен как свидетель защиты фон Риббентропа. Поэтому я счел возможным не делать формальное заявление, так как у меня в любом случае будет возможность опросить свидетеля в перекрестном допросе.

Мне только что сообщили об отозвании свидетеля защитой фон Риббентропа, и поэтому я, в свою очередь, прошу вызвать доктора Гаусса для допроса по существу показаний, содержащихся в его аффидевите.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда мы увидим этот документ, мы решим вопрос.

Альфред Зайдль работает на публику, как заправской шоумен – именно этим объясняется его ходатайство допросить в качестве свидетеля наркома Молотова. Им сознательно была нарушена процедура приобщения материалов к делу – 10 дней Зайдль носил аффидевит Гаусса в кармане, а затем прямо в судебном заседании пытался огласить его содержание. Такая возможность не состоялась, если б аффидевит был заранее переведен и представлен обвинению. Но Зайдль добивался именно этого – публично огласить его содержание. Зачем? Нюрнбергский процесс был открытым, на нем присутствовали сотни журналистов из многих стран мира. Адвокат Гесса стремился придать делу общественный резонанс, ведь его целью было, как выразился Дэвид Ирвинг, сделать «первый крупнокалиберный выстрел в Холодной войне».

А вот как Зайдль получил скандально знаменитые фотоснимки «секретных протоколов», согласно публикации журнала «Международная жизнь»:

«В начале апреля после допроса рейхсминистра фон Риббентропа произошло следующее: я сидел во время перерыва на скамье в фойе зала суда. Вдруг ко мне подошел человек лет тридцати пяти и сел рядом. Он начал разговор словами: «Господин доктор Зайдль, мы следим с большим интересом за Вашими попытками внести в число доказательств секретный дополнительный протокол к германо-советскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года». С этими словами он передал мне незапечатанный конверт, в котором было два листа. Я начал читать. Когда я закончил, то должен был, к своему изумлению, отметить, что мой собеседник исчез. Один из двух листов, напечатанных на машинке, имел следующее содержание: «Секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа». Я

еще до сих пор не знаю, кто передал мне эти листы. Однако многое говорит за то, что мне подыграли с американской стороны, а именно со стороны обвинения США или американской секретной службы»²¹.

К сожалению, авторы не приводят источник, которым они воспользовались, но, учитывая ангажированность Зори и Лебедевой, трудно представить, что они были заинтересованы в разоблачении мифа о «секретных протоколах». Полагаю, что сделано это было умышленно, поскольку они цитировали художественно-публицистическую книгу Зайдля «Падение Рудольфа Гесса», не представляющую документальной ценности.

²¹ Юрий Зоря, Наталья Лебедева, «1939 год в нюрнбергских досье», «Международная жизнь», № 9, 1989 г.

Гаусс

Первый, и на долгие десятилетия единственный артефакт, «доказывающий» существование «секретных протоколов» – микрофильмы, которые всплыли в Германии в 1958 г. при передаче их американцами властям ФРГ. Первый, и на долгие десятилетия единственный свидетель, оставивший письменные воспоминания о тайной вечере в Кремле – заведующий юридическим отделом МИД Германии Фридрих Гаусс. Почему я называю его, а не Риббентропа единственным свидетелем? Потому что 1 апреля 1946 г. Иоахим Риббентроп, допрошенный в качестве свидетеля, начал подробно распространяться о «секретных протоколах» лишь после того, как защитник Зайдль огласил письменные показания Гаусса, датированные 15 марта. Поэтому Риббентропу осталось лишь пересказать своими словами то же самое. Но как бы многословно Риббентроп не комментировал политические последствия московской встречи, об обстоятельствах подписания мифических секретных соглашений он не добавил совершенно ничего к тому, что содержалось в affidavitе Гаусса и фотокопиях фон Леша. Честь быть первоисточником мифа о «секретных протоколах» принадлежит именно письменным показаниям Фридриха Гаусса. Вот что он поведал о них в своем affidavitе (том XXX):

«23 августа к полудню в Москву прибыл самолет рейхсминистра иностранных дел, которого я, как юрисконсульт, должен был сопровождать на переговорах о заключении договора. Во второй половине того же дня состоялся первый раунд переговоров фон Риббентропа с господином Сталиным, на котором с германской стороны кроме рейхсминистра иностранных дел участвовал в качестве переводчика лишь советник посольства Хильгер и, вероятно, также посол граф Шуленбург.

Рейхсминистр иностранных дел вернулся с этой очень продолжительной встречи очень довольным и высказывался в том духе, что почти все идет к тому результату, к какому стремится германская сторона. Продолжение переговоров и подписание документов состоялось в тот же вечер. Я принял личное участие в этом втором раунде переговоров. На встрече также присутствовали посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С советской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым при помощи переводчика господина Павлова. <...>

Наряду с пактом о ненападении много времени ушло на согласование особого тайного документа, который получал наименование «Секретный протокол» или «Секретный дополнительный протокол», содержание которого сводилось, насколько я помню, к разграничению обоюдных сфер влияния в европейских территориях, лежащих между обоими государствами. Использовалось ли там выражение «сферы влияния» или какое-либо другое, я точно не помню. Германия в этом документе заявляла об отсутствии политических интересов в Латвии, Эстонии и Финляндии. Литва, напротив, была отнесена к ее сфере влияния. В отношении политической незаинтересованности Германии в обеих упомянутых балтийских странах поначалу возникли разногласия. Рейхсминистр иностранных дел на основании данных ему на сей счет инструкций хотел оставить за собой часть этих территорий, с чем не согласилась советская сторона, желавшая иметь доступ к находящимся там незамерзающим гаваням.

Вероятно, по этому поводу рейхсминистр иностранных дел запросил телефонную связь с Гитлером еще во время первой встречи в Кремле. Разговор состоялся только во время второго раунда переговоров, и он в непосредственной беседе с Гитлером был уполномочен удовлетворить требования советской стороны. Для польской области демаркационная линия также была согласована, но наносилась ли она на прилагаемую к документу карту или только описывалась в документе словесно, я теперь уже не помню.

Впрочем, соглашение устанавливало, что при урегулировании польской проблемы, обе стороны будут действовать во взаимном согласии. Данное соглашение в дальнейшем уточнялось более пяти раз, пока не было выработано окончательное решение. Относительно балканских стран устанавливалось, что у Германии там имеются только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ подписывались уже глубокой ночью. <...>

Примерно месяцем позже во время переговоров при заключении второго германо-советского политического договора были подписаны три новых тайных документа, упомянутых выше. По советской инициативе, о чем Берлин был заранее информирован, Литва за исключением маленького примыкающего к Восточной Пруссии «кончика» переходила из германской сферы влияния в советскую. Взамен демаркационная линия в польской области переносилась дальше на восток. Припоминаю, что позже, в конце 1940 года или в начале 41-го по дипломатической линии были проведены переговоры, по результатам которых «литовский кончик» также был передан Германией Советскому Союзу.

В заключение я хотел бы заметить, что мои воспоминания об этих событиях довольно отчетливы лишь в самых основных пунктах, поскольку с тех пор прошло много времени, а также по той причине, что более масштабные происшествия последних лет заслонили собой те события. Я не могу говорить о них с абсолютной точностью, поскольку не располагаю в настоящий момент необходимыми документальными данными и не могу говорить с компетентными лицами о тогдашних делах, дабы освежать мою память».

Показания эти очень характерны. Даже беглого ознакомления достаточно, чтобы понять, что Гаусс не мог составить такой документ. Возможно, он был составлен с его слов, но не им лично. Настоящий свидетель, описывая какое-либо происшествие, упоминает много подробностей, возможно и не имеющих отношения к делу, но указывающие на то, что он действительно присутствовал на месте события, приводит факты, которые могли бы подтвердить другие свидетели. Лжесвидетель наоборот старается описывать дело максимально обтекаемо, уклоняется от упоминания любых подробностей. В противном случае слова других свидетелей не совпадут с его интерпретацией. И чем больше деталей, тем больше будет несовпадений.

Однажды я изучал показания, которые человек дал под пытками. Суть их была в следующем: такого-то числа он и его подельник угнали в селе таком-то автомобиль «Газель». И все, более никаких подробностей. Следователь даже не попытался уточнить обстоятельства угона. Почему? Да потому что ни следователь, ни его «клиент» не знали подробностей. Следователь знал лишь о факте совершения преступления и о том, что оно не раскрыто, поэтому его и «повесили» на арестованного, дабы улучшить показатели раскрываемости. А те детали, которые, по идее, должно содержать «чистосердечное признание» пытаемого, были известны лишь потерпевшему: откуда была угнана машина – из гаража или с улицы, ее внешние приметы и т. д. На суде же выяснилось, что угон был совершен в тот день, когда подсудимый вообще находился за границей, о чем свидетельствует штамп в его загранпаспорте. Об этом следователь тоже не мог знать, иначе бы «пришил» угон другому бедолаге.

Лорд юстиции Джеффри Лоуренс, председатель Международного военного трибунала.

Так вот, если посмотреть на показания Фридриха Гаусса, то они не содержат ни малейших подробностей, которые бы делали его рассказ убедительным. Суть аффидевита сводится к тому, что Молотов и Риббентроп подписали секретные дополнительные протоколы в Кремле, но об этом в довольно обширном послании всего несколько строк и оговорка что, дескать, простите, остальных подробностей не помню. Опасность заключалась в том, что трибунал мог допросить других свидетелей, которые, не имея возможности согласовать свои показания с Гауссом, допустили бы противоречия.

Сомнительным выглядит упоминание Гаусса о разговоре Риббентропа с Гитлером. По общепринятой версии на первой встрече Риббентропа с Молотовым и Сталиным без лишних свидетелей обсуждались условия секретного протокола, а во время второй встречи происходила церемония подписания договора в присутствии многих официальных лиц. После имел место торжественный ужин. Соответственно, если уж Риббентропу так необходимо было связаться с фюрером для согласования деталей раздела сфер интересов, то он мог сделать это во время перерыва, находясь в посольстве. Однако он, если верить Гауссу, этого не сделал, и телефонный разговор состоялся во время второго раунда переговоров. Складывается такое впечатление, что Гауссу очень хочется сказать, что разговор был, но поскольку на первой встрече он не присутствовал, то перенес этот разговор на вечер 23 августа, когда по логике вещей все условия сделки уже должны были утрясти.

Единственная попытка восстановить ход кремлевских переговоров Риббентропа была предпринята немецким историком Ингебог Фляйшхауэр, которая постаралась использовать все доступные свидетельства участников переговоров. Так вот, по ее версии перерыв понадобился как раз для того, чтобы Риббентроп отправил в Германию телеграмму относительно советских требований. Ответ был передан по ее мнению следующим образом:

«Из Берлина, где была установлена прямая телефонная связь с Москвой, это сообщение было передано в германское посольство. Устный ответ Гитлера, который-уже после отъезда Риббентропа в Кремль был продублирован по телеграфу, скромно гласил: «Да, согласен»²².

Кстати, Гитлер в момент московских переговоров находился в своей резиденции Берхтсгаден и хотя бы только поэтому не мог беседовать по телефону с Риббентропом. Показания Гаусса являются сфальсифицированными. Не сомневаюсь, что он был в Кремле в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., но то, что у него плохая память (у высокопоставленного дипломата?), которой он объясняет крайнюю скомканность своих показаний об обстоятельствах подписания «секретных протоколов» – в это я, конечно же, не верю. Но постараемся войти в положение фальсификаторов: чем-то же надо объяснить немногословность Гаусса, когда речь идет о совсем недавних событиях, повернувших ход мировой истории, и кроме как на плохую память сослаться не на что. Впрочем, это еще цветочки.

Самый главный аргумент в пользу подложности аффидевита – чудовищный географический ляп. Гаусс сообщает о том, что во время сентябрьских переговоров 1939 г. Германия якобы отказалась в пользу Советского Союза от Литвы за исключением маленького «кончика» литовской территории, которая была уступлена СССР позже. Фальсификаторы показаний Гаусса в данном случае допустили оплошность, посчитав польские Сувалки с окрестностями литовской территорией (анализ этой ошибки смотри в главе «Сувалки»). Мог ли Гаусс сам ошибиться? Гипотетически мог, но это говорило бы о его вопиющем непрофессионализме, как дипломата. Представить это так же сложно, как то, что кандидат математических наук запутается в таблице умножения, решая задачу для третьего класса. А какова вероятность, что его начальник, доктор математических наук, совершит точно такую же ошибку, решая ту же задачу? Таковая ероятность практически равна нулю. Между тем начальник Гаусса Риббентроп также оговаривается насчет «кончика» литовской территории, и происходит это лишь потому, что Риббентроп вынужден во всем поддерживать вранье своего бывшего подчиненного.

То, что показания Гаусса не писал он сам, свидетельствует очень характерная для западных источников по «секретным протоколам» ошибка – там постоянно путается граница сфер интересов и демаркационная линия. Но если это простительно для провинциального журналиста, то профессиональный дипломат не может смешивать эти понятия. Ведь если граница сфер интересов в «секретных протоколах» определялась «примерно по линии...», то установление демаркационной линии подразумевает топографическую точность. И, кстати, если сферы интересов можно примерно разграничить на словах, то демаркационную линию без карты провести нереально – вот почему возникает противоречие в вопросе о карте, которая то ли была, то ли не была приложена к протоколу от 23 августа 1939 г.

Имеются в аффидевите и мелкие детали, выдающие подлог. Например, Гаусс говорит о прибытии в Москву самолета с германской делегацией, в то время как она была столь многочисленной, что для нее потребовалось два самолета. В любом случае остается констатировать: аффидевит Фридриха Гаусса – несомненная фальшивка, причем фальшивка довольно неуклюжая. Тем не менее, именно в аффидевите Гаусса сформулирован миф о «секретных протоколах» примерно в том виде, в каком мы его знаем. Этимологический анализ показывает, что другие источники в дальнейшем лишь дополняли его и базировались на нем. Это видно по тому, что имея массу противоречий между собой, они более-менее согласуются с канонической версией Фридриха Гаусса.

²² Ингеборг Фляйшхауэр «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии».

Бланк

Об этом «свидетеле» сегодня молчат все публицисты, пережевывающие тему «секретных протоколов». Причина в том, что свидетель этот, мягко говоря, сомнительный – слишком уж мелкий клерк, чтоб иметь касательство к государственным тайнам. Знакомьтесь, Маргарет Бланк, личный секретарь Риббентропа с февраля 1935 г. Она была допрошена Трибуналом в качестве свидетеля 28 марта 1946 г. Вот что она рассказала о «секретных протоколах» (том X):

ХОРН: Каковы были взгляды и намерения Риббентропа относительно России?

БЛАНК: Его намерения относительно России показал договор о ненападении от августа 1939 года, и торговое соглашение от сентября того же года.

ХОРН: Вы знаете, что, в дополнение к договору о ненападении и торговому Соглашению в Москве было подписано еще одно соглашение?

БЛАНК: Да, было дополнительное секретное соглашение.

РУДЕНКО: Ваша честь! Мне кажется, что свидетель, которого вызвали на настоящее заседание Трибунала, по самой природе ее положения как секретаря бывшего министра иностранных дел Риббентропа может свидетельствовать только о личности ответчика, его образе жизни, особенностях его характера. Но свидетель совершенно некомпетентен, чтобы высказывать мнение по вопросам, имеющим отношение к соглашениям, внешней политике, и так далее. В этом ключе я нахожу вопросы защиты абсолютно недопустимыми и прошу, чтобы они были сняты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, вы ведете речь о том же документе, о котором говорится в аффидевите доктора Гаусса?

ХОРН: Я полагаю, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Советский обвинитель возразил против упоминания этого соглашения, ссылаясь лишь на показание под присягой. Вы можете представить это соглашение в письменной форме?

ХОРН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Предполагаемое соглашение между советским правительством и Германией заключено в письменной форме?

ХОРН: Да, оно было заключено в письменном виде, но я не обладаю копией соглашения, и поэтому прошу Трибунал дать мне возможность получать показания под присягой от фрейлейн Бланк, которая видела оригинал. Ваша честь, Вы согласны на это?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, имеется ли у Вас непосредственно экземпляр этого соглашения?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, есть только два экземпляра этого соглашения. Один оставили в Москве 23 августа 1939. Другой экземпляр был привезен в Берлин фон Риббентропом. Согласно сообщению в прессе все архивы министерства иностранных дел были конфискованы советскими войсками. Могу ли я на этом основании просить, чтобы советское правительство или советская делегация представили Трибуналу оригинал секретного соглашения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я задал Вам вопрос, доктор Зайдль, а не спрашивал вашего мнения на сей счет. Я спросил Вас конкретно: имеете ли Вы в наличии экземпляр соглашения, о котором идет речь?

ЗАЙДЛЬ: Я не обладаю им. Показание под присягой посла Гаусса только раскрывает содержание секретного соглашения. Он компетентен в этом вопросе, потому что лично составлял текст секретного соглашения. Секретное соглашение, составленное Гауссом, было подписано комиссаром иностранных дел Молотовым и господином Риббентропом. Это – все, что я могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко?

РУДЕНКО: Господин председатель, я желаю сделать следующее заявление: соглашение, упомянутое адвокатом Зайдлем, предположительно захваченное советскими войсками, – есть, соглашение, заключенное в Москве в августе 1939 года. Обращаю внимание защиты, что это соглашение было опубликовано в газетах, поскольку это был советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939. Это – известный факт.

Поскольку о других соглашениях ничего не известно, советское обвинение полагает, что ходатайство доктора Зайдля о приобщении к материалам дела показаний под присягой Фридриха Гаусса должно быть отклонено по следующим причинам: показания Гаусса об этом договоре и истории заключения советско-германского пакта, не соответствуют действительности.

Представление таких показаний под присягой, которые искажают действительность, может рассматриваться только как провокация. На это ясно указывает тот факт, что в его аффидевите описываются действия Риббентропа, хотя приняла показания свидетеля и просила приобщить их к делу защита Гесса. Но показания Гаусса не имеют никакого отношения к Гессу. На этом основании я прошу Трибунал отклонить ходатайство, сделанное адвокатом Зайдлем и считать вопрос поднятый защитой, не соответствующим предмету настоящего судебного разбирательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, доктор Зайдль? Вы хотите что-то сказать?

ЗАЙДЛЬ: я могу уточнить? Перевод того, что только что сказал советский обвинитель, сделан не полностью. Я не понял, отрицает ли генерал Руденко в целом, что такое соглашение было заключено или он только хочет заявить, что содержание этого секретного соглашения не относится к делу.

В первом случае, я повторю свое ходатайство о вызове Трибуналом на допрос советского комиссара иностранных дел Молотова; в последнем случае я прошу предоставить мне возможность привести доводы в пользу существования этого секретного соглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В настоящее время мы рассматриваем возражение относительно допроса свидетеля, поэтому не станем отвлекаться на выяснение этого вопроса

[Объявляется перерыв]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал напоминает защите, что в их материалах не было никакого упоминания об этом гипотетическом соглашении, но поскольку вопрос был поднят, Трибунал постановляет, что свидетель может быть опрошен по этому вопросу.

ХОРН: [свидетелю.] Вы говорили о секретном соглашении. Как Вы узнали о заключении этого соглашения?

БЛАНК: Вследствие болезни я не могла сопровождать фон Риббентропа в двух его поездках в Россию. Я также отсутствовала, когда осуществлялась подготовка к заключению договоров. Я узнала о существовании этого секретного соглашения через специальный запечатанный конверт, который, согласно инструкциям, был подан отдельно и имел надпись вроде «немецко-русское секретное» или «дополнительное соглашение».

ХОРН: Вы были ответственны за регистрацию отдельно от остальных документов этих секретных дел? Верно?

БЛАНК: Да.

<...>

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, Трибунал разрешил задавать вопросы свидетелю относительно секретного соглашения. Свидетель знал только о существовании этого соглашения, но не его содержании. Могу ли я рассматривать это, как повод просить Трибунал о возможности приобщить к материалам дела аффидевит посла Гаусса, и предоставления мне возможности зачитывать выдержки из этого показания под присягой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Показание под присягой было представлено суду?

ЗАЙДЛЬ: В прошлый понедельник; то есть, три дня назад были представлены шесть копий показания под присягой в отдел перевода лейтенанту Шредеру. Я предполагаю, что за истекившие три дня суд получил переведенную копию.

МАКСВЕЛЛ-ФАЙФ: Обвинение не получило копии. Я еще не видел показание под присягой. Их нет у моего коллеги господина Додда, их не имеют другие мои коллеги, генерал Руденко и Шампентье де Риб.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда я думаю, что мы должны ждать, пока документ не появится на руках; тогда его можно будет рассмотреть.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я полагаю, что сделал все, что в моих силах, чтобы снабдить суд этим показанием под присягой. Я не имею никакого влияния на дела генерального секретаря Трибунала, и буду очень обязан, если Трибунал поможет мне в этом вопросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Никто не сказал, что Вы сделали что-то не так, доктор Зайдль.

Итак, мы видим, что после неудачной попытки ввести в юридический оборот фальшивку 25 марта, Зайдль предпринимает ход со свидетельством Маргарет Бланк, которая не была в Москве, не участвовала в подготовке договоров с Советским Союзом, но якобы видела некий конверт с таинственными «немецко-русскими» секретными соглашениями. На этом основании Зайдль добивается того, чтобы аффидевит Гаусса был рассмотрен Трибуналом и мог в дальнейшем использоваться защитой в ходе процесса.

Свидетельство Бланк, разумеется, не вызывает никакого доверия. Если она болела, то как могла регистрировать конверт с секретными соглашениями? Неужели во время болезни ее некому было заменить? Или, может быть, секретные документы валялись на столе Риббентропа, пока его секретарь не вышла на работу, чтобы проставить нужные штампы и отнести в архив? Вообще-то с секретными соглашениями такого рода предусмотрен особый порядок работы, и девочек, приносящих кофе, к их оформлению не допускают. И уж тем более, характер засекреченного документа не может раскрываться на конверте, его содержащем, ибо засекречен должен быть сам факт наличия подобного соглашения. Самое большее, что могло быть нанесено на конверт – код, смысл которого понятен лишь избранным сотрудника министерства.

Риббентроп

То, что подробности «секретных протоколов» раскрыл непосредственный участник соглашения Риббентроп во время Нюрнбергского процесса, стало как бы общеизвестным фактом. Настолько общеизвестным, что историки не утруждают себя обращением к первоисточнику. Между тем, обратиться к показаниям Риббентропа будет совсем не лишне. Сразу бросается в глаза, что всегда Риббентроп говорит внятно, четко и убедительно, уверенно оперирует фактами, датами, именами, цифрами и географическими названиями. И лишь только речь заходит о «секретных проколах», речь его становится сбивчивой, начинаются проблемы с памятью и всевозможная путаница.

Судья Лоуренс разрешил Зайдлю допросить Риббентропа только после того, как он будет допрошен его адвокатом Хорном. Зайдль встречался с Хорном и согласовал с ним этот вопрос, о чем открыто заявил во время процесса. Без сомнения, он передал адвокату Риббентропа показания Гаусса, а Хорн ознакомил с ними своего подзащитного. Допрос происходил 29 марта 1946 г. (том X).

РИББЕНТРОП: Вечером 22 августа я прибыл в Москву. Прием, оказанный мне Сталиным и Молотовым, был очень дружественным. У нас была сначала двухчасовая беседа, во время которой был обсужден весь комплекс советско-германских отношений. Результатом ее стало, во-первых, взаимное желание обеих стран, перевести эти отношения на принципиально новую основу, базой которых должен был стать договор о ненападении. Во-вторых, в соответствии с секретным дополнительным протоколом были поделены сферы интересов между двумя странами.

ХОРН: Для какого случая предусматривался этот секретный дополнительный протокол? Каково было его содержание и политические основания для его заключения?

РИББЕНТРОП: Я хотел бы сказать, прежде всего, что об этом секретном протоколе говорили несколько раз здесь в этом суде. Я говорил очень искренне во время переговоров со Сталиным и Молотовым, и они также были просты и откровенны со мной. Я передал пожелание Гитлера, чтобы наши страны достигли взаимовыгодного соглашения, и, конечно, я также говорил о критической ситуации в Европе. Я заявил, что Германия сделает все, чтобы уладить ситуацию в Польше; и уладить ее мирным путем, несмотря на все трудности.

Однако, я не оставил сомнений, что ситуация очень серьезна и возможность вооруженного столкновения очень велика. Для обоих государственных деятелей, как для Сталина, так и для Гитлера, это был вопрос территорий, которые обе страны потеряли после неудачной войны. Было бы неправильно отрицать эту точку зрения. Я высказал в Москве точку зрения Адольфа Гитлера, что эта проблема так или иначе должна быть решена, и был понят советской стороной.

Мы тогда обсуждали то, что должны делать русские и немцы в случае вооруженного столкновения. Линия установления границ была согласована, как известно, для того, чтобы в случае невыносимой польской провокации, или в случае войны германские и советские интересы на польской арене не могли столкнуться. Известная линия была согласована вдоль линии рек Вислы, Сан, и Буг на польской территории. Была достигнута договоренность, что в случае конфликта территории, лежащие к западу от этих рек, являются сферой германских интересов, и те, что на восток – советских.

Известно, что позже, после начала войны, эти зоны были заняты с одной стороны Германией, а с другой стороны – советскими войсками. Я могу повторить, что тогда у меня от бесед с Гитлером и Сталиным осталось впечатление, что эти польские территории, а также другие территории, которые были определены в этих сферах интересов, о котором я

коротко скажу, – что они были территориями, которые обе страны потеряли после неудачной войны. И оба государственных деятеля, несомненно, считали, что если последний шанс для разумного решения этой проблемы, будет исчерпан – за Адольфом Гитлером остается право включить эти территории в состав рейха иным путем.

Помимо этого также известно, что сферы интересов определялись в отношении Финляндии, балтийских государств и Бессарабии. Это было масштабным урегулированием интересов двух великих держав, предусматривающих как мирное решение проблемы, так и достижение ими своих интересов военным путем.

ХОРН: Верно ли, что эти переговоры были осуществлены только тогда, когда без договора о ненападении и политического урегулирования между СССР и Германией, стало невозможно уладить польский вопрос дипломатическим путем?

<...>

РИББЕНТРОП: Да, это так. Я заявил тогда, что с германской стороны все будет принято для того, чтобы решить проблему дипломатическим, мирным способом.

ХОРН: Советский Союз обещал Вам дипломатическую помощь или доброжелательный нейтралитет в этом вопросе?

РИББЕНТРОП: Как следовало из содержания договора о ненападении и из содержания переговоров в Москве, это именно так. Мы были убеждены в том, что, если из-за польской провокации вспыхнет война, СССР проявит дружественное отношение к нам.

<...>

ХОРН: В сентябре 1939 года Вы совершили второй визит в Москву. Какова была его причина и что там обсуждалось?

РИББЕНТРОП: Моя вторая поездка в Москву стала необходимой в связи с окончанием польской кампании. Я полетел в Москву в конце сентября, и на сей раз я получил особенно сердечный прием. Ситуация требовала, прояснения ситуации на польской территории. Советские войска заняли восточные области Польши, а мы заняли западные до линии установления границ, ранее согласованной. Теперь мы должны были установить определенную линию государственных границ. Мы также стремились укрепить наши связи с Советским Союзом и установить сердечные отношения с ним.

Данное соглашение было достигнуто в Москве, линия границы в Польше была установлена. Также было намечено наладить более тесные экономические отношения между нашими странами. Всестороннее соглашение, касающееся поставок сырья, было обсуждено и позже заключено. Политический акцент договора, заключенного тогда был смещен от нейтралитета в сторону дружбы между странами. Лишь вопрос о территории Литвы оставался открытым. Ради установления более доверительных отношений между Москвой и Берлином, фюрер отказался от влияния на Литву и в соответствии со вторым соглашением предоставил СССР свободу действий в Литве. <...>

ХОРН: Это верно, что 15 июня 1940, после предъявления ультиматума, русские заняли всю Литву, включая часть, которая была германской, не уведомляя правительство рейха?

РИББЕНТРОП: Не было никакого специального соглашения относительно данного вопроса, но известно, что эти области были фактически заняты.

ХОРН: Какие дальнейшие советские действия вызвали беспокойство Гитлера относительно России и ее намерений?

РИББЕНТРОП: Дальнейшие события сделали фюрера скептиком в отношении России. Во-первых, я имею в виду аннексию балтийских государств, о чем я только что упомянул. Во-вторых – присоединение Бессарабии и Северной Буковины. Нас просто поставили перед фактом без проведения каких-либо консультаций. Король Румынии спрашивал у нас тогда совета. Фюрер из лояльности к советскому договору, советовал королю Румынии согласиться с советскими требованиями и эвакуировать Бессарабию.

Кроме того, война с Финляндией в 1940 году вызвала определенное беспокойство в Германии, поскольку у немцев существовали сильные симпатии к финнам. Фюрер чувствовал себя обязанным до некоторой степени принимать это во внимание.

<...>

ХОРН: 12–14 ноября 1940 года советский нарком Молотов посетил Берлин. По чьей инициативе был осуществлен этот визит и каков был предмет обсуждений?

РИББЕНТРОП: Переговоры с Молотовым в Берлине касались следующего. Когда мы пытались урегулировать отношения с СССР по дипломатическим каналам, я в конце осени 1940 года с разрешения фюрера написал письмо маршалу Сталину и пригласил Молотова в Берлин. Это приглашение было принято, и во время беседы между Гитлером и Молотовым советско-германские отношения были обсуждены во всей их полноте. Я присутствовал при этом. Молотов сначала обсуждал вопрос двусторонних отношений в общем, а затем сделал акцент на Финляндии и Балканах. Он сказал, что у России есть жизненные интересы в Финляндии. Он заявил, что, когда определялись границы зон влияния, было согласовано, что Финляндия входит в советскую сферу. Фюрер возразил, что у Германии также имеются обширные интересы в Финляндии, особенно, что касается поставок никеля. И, кроме того, нельзя забывать, что немецкий народ симпатизирует финнам. Поэтому он просил, чтобы Молотов пошел на компромисс в данном вопросе. Эта тема поднималась несколько раз. <...>

Я надеюсь, читатель без труда заметил то, в словах Риббентропа погрешности:

1. Он утверждает, что в августе 1939 г. граница сфер интересов СССР и Германии были определены по линии рек Висла, Буг и Сан. Вообще-то в известном нам тексте «секретных протоколов» речь шла первоначально о линии Нарев-Висла-Сан.

2. Далее бывший гитлеровский министр утверждает, что советские и германские войска заняли территории в полном соответствии с установленной линией раздела сфер интересов, хотя мы знаем, что фактически германские войска продвинулись значительно восточнее (вот тут они действительно дошли до Буга и форсировали Сан).

3. Пассаж Риббентропа про занятые немецкие области в Литве отдает откровенным маразмом, но тут он вынужден подпевать фальсификаторам, которые уже прокукарекали в аффидевите Гаусса, что Сталин якобы поделил с Гитлером не только Польшу, но и Литву. Ниже этот вопрос подробно рассматривается в главе «Сувалки». Подобные заявления Риббентропа совершенно ясно указывают, что он говорил под чью-то диктовку. Сам он до такого бреда вряд ли бы додумался.

4. Сначала Риббентроп утверждает, что Прибалтика и Бессарабия были отнесены к советской сфере интересов, и тут же заявляет, что аннексия этих территорий Москвой сделали фюрера скептиком в отношении России. Это как же понимать? Выходит, что СССР строго соблюдал соглашение о разделе Восточной Европы, а Гитлера это насторожило. По логике Риббентропа следует, что еще в 1939 г. Германия признала за СССР право на Бессарабию, а в 1940 г. для Берлина стало полной неожиданностью то, что Советский Союз потребовал от Румынии вернуть оккупированные ею в 1918 г. земли. Концы с концами совершенно не сходятся!

5. Совсем удивительно слышать из уст Риббентропа по поводу советского ультиматума Литве от 15 июня 1940 г. и последовавшего ввода на ее территорию дополнительных войск, что «не было никакого специального соглашения относительно данного вопроса». Что же тогда зафиксировано в «секретном протоколе» от 28 сентября 1939 г.? Видимо иногда бывший рейхсминистр, делая такие оговорки, сообщает правду.

6. Риббентроп грубо искажает суть берлинских переговоров с Молотовым. Советский нарком в ноябре 1940 г. требовал вывода германских войск из Финляндии, а вовсе не признания там интересов СССР. Вячеслав Михайлович неоднократно предлагал разрядить ситуацию

в Финляндии, выведя оттуда германские войска, но Гитлер всякий раз уклонялся от обсуждения этого вопроса.

7. То, что Риббентроп путается в датах, утверждая, что прибыл в Москву вечером 22 августа 1939 г., можно не принимать во внимание, но вообще-то это не добавляет ему убедительности.

1 апреля после того, как Хорн закончил допрос своего подзащитного, Зайдль, наконец, получил возможность задать Риббентропу интересующие его вопросы (том X).

ЗАЙДЛЬ: <... >Свидетель, преамбула к секретному договору, заключенному между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939, сформулирована примерно таким образом: «Ввиду существующей напряженности между Германией и Польшей, следующее согласовано в случае конфликта...» Вы вспоминаете, была ли у преамбулы приблизительно такая формулировка?

РИББЕНТРОПА не помню точную формулировку, но она была приблизительно такой.

ЗАЙДЛЬ: Это верно, что руководитель юридического отдела министерства иностранных дел, доктор Гаусс участвовал как юрисконсульт на переговорах в Москве 23 августа 1939 года и составлял текст этого соглашения?

РИББЕНТРОП: Доктор Гаусс участвовал частично в переговорах и составлял соглашение вместе со мной.

ЗАЙДЛЬ: Я теперь прочитаю извлечение из показаний доктора Гаусса и задам Вам несколько вопросов в связи с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, какой документ Вы собираетесь прочитать?

ЗАЙДЛЬ: Я буду читать из параграфа 3 аффидевита доктора Гаусса, и в связи с этим задам несколько вопросов свидетелю, потому что некоторые аспекты данного договора, кажется, не были достаточно прояснены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко?

РУДЕНКО: Я не знаю, господин председатель, какое отношение эти вопросы имеют к подсудимому Гессу, которого защищает доктор Зайдль, или к подсудимому Франку. Я не желаю обсуждать этот аффидевит, поскольку он вообще не имеет никакого значения. Я хочу напомнить Трибуналу, что мы не изучаем проблемы, связанные с политикой союзных государств, мы исследуем обвинения против главных немецких военных преступников. Подобные вопросы со стороны защиты – попытка отвлечь внимание Трибунала от вопросов, которыми мы занимаемся. Поэтому я считаю, что вопросы подобного характера должны быть отклонены как неуместные.

[Объявлен перерыв. Суд совещается.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: доктор Зайдль, Вы можете задать вопросы.

ЗАЙДЛЬ: Гаусс заявил, согласно параграфу 3 его показания под присягой:

(зачитывает показания Гаусса (см. их в главе «Гаусс»))

Свидетель, в аффидевите Гаусса упомянут договор, в соответствии с которым две страны соглашались действовать для окончательного разрешения польского вопроса. Такое соглашение было достигнуто 23 августа 1939?

РИББЕНТРОП: Да, это верно. Тогда германо-польский кризис достиг большой остроты, и, само собой разумеется, что этот вопрос был всесторонне обсужден. Я хотел бы подчеркнуть, что у меня не было ни малейшего сомнения в трезвости взгляда на этот вопрос Сталина или Гитлера: если переговоры с Польшей зашли в тупик, территории, которые были отняты у двух великих держав силой оружия, могли быть возвращены также силой оружия. В соответствии с этой установкой, восточные территории были заняты советскими войсками, а западными – германскими войсками. Сталин никогда не может обвинять Германию в агрессии против Польши. Если это считать агрессией, то обе стороны виновны в ней.

ЗАЙДЛЬ: Демаркационная линия была в этом секретном договоре согласована в письменной форме, или она была проведена на приложенной карте?

РИББЕНТРОП: Демаркационная линия была приблизительно проведена на карте. Она шла вдоль Рек Писса, Буг, Нарев, и Сан. Эти реки я помню. Это была линия, которой следовало придерживаться в случае вооруженного столкновения с Польшей.

ЗАЙДЛЬ: Это верно, что на основе того соглашения, не Германия, а именно Советская Россия получила большую часть Польши?

РИББЕНТРОП: Я не знаю точные пропорции, но, во всяком случае, соглашение было таково, что территории к востоку от этих рек отходили к Советской России, а территории к западу должны были быть заняты германскими войсками. В то время статус территории, отходящей Германии, не был определен. Гитлер заранее не имел на счет нее четких планов. Позже области, потерянные Германией после Первой мировой войны, были включены в состав рейха.

ЗАЙДЛЬ: Теперь, еще кое-что. В прошлую пятницу Вы заявили, что хотели, чтобы Россия участвовала в Трехстороннем пакте. Почему эта инициатива терпела крах?

РИББЕНТРОП: Она провалилась из-за чрезмерных советских требований. Я согласился с Молотовым в Берлине насчет того, чтобы провести дальнейшие переговоры по дипломатическим каналам. Я хотел повлиять на фюрера относительно требований, заявленных Молотовым в Берлине, чтобы компромисс был достигнут.

Тогда Шуленбург послал нам сообщение из Москвы с русскими требованиями. В этом сообщении было, прежде всего, требование относительно Финляндии. Фюрер, как известно, уже говорил Молотову; что он не желает, чтобы после зимней кампании 1939–1940 годов на Севере опять вспыхнула война. Однако претензии на Финляндию снова были заявлены, и мы предполагали, что это будет означать полную оккупацию Финляндии. Это советское требование было трудновыполнимо, так как ранее уже было отвергнуто фюрером.

Другое требование русских касалось Балкан и Болгарии. Москва, как известно, желала наладить отношения с Болгарией. Болгарское правительство, с которым мы обсуждали данный вопрос, не хотело этого. Кроме того, советское проникновение на Балканы было как для фюрера, так и для Муссолини нежелательным из-за наших экономических интересов там: зерно, нефть, и так далее. Но прежде всего это было желание самого болгарского правительства, которое противилось советскому проникновению.

В-третьих, имело место требование русских выходов в Средиземное море и получения военных баз на Дарданеллах. И, наконец, вопрос, который Молотов уже обсуждал со мной в Берлине: СССР заинтересован в выходах из Балтийского моря. Сам Молотов заявил, что Советский Союз заинтересован в беспрепятственном проходе своих судов через проливы Скагеррак и Каттегат.

Тогда я обсуждал эти вопросы с фюрером, он сказал, что мы должны будем войти в контакт с Муссолини, поскольку он был заинтересованной стороной в некоторых из них. Но притязания на Балканы и Дарданеллы не были встречены Муссолини с одобрением. Как я уже говорил, Болгария также была обеспокоена. Относительно Скандинавии: ни Финляндия, ни фюрер не хотели удовлетворять претензии Советского Союза.

Переговоры продолжались в течение многих месяцев. Я вспоминаю, что по получении телеграммы из Москвы в декабре 1940 у меня была еще одна продолжительная беседа с Гитлером. Я высказал идею, что, если бы мы нашли компромисс между требованиями Москвы и интересами других сторон, советско-германо-итальянская коалиция могла быть сформирована, и она была бы настолько сильна, что в конечном счете побудила бы Англию к заключению мира.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К чему это Вы говорите? Каков был вопрос?

ЗАЙДЛЬ: В основном он уже ответил на вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: доктор Зайдль, если он ответил на вопрос, Вы должны прервать свидетеля.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде, чем Вы сядете, доктор Зайдль, я хочу спросить: Вы зачитали показания Гаусса, дабы свидетель мог подтвердить их? Я верно понял?

ЗАЙДЛЬ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не зачитывали параграф 4 этого аффидевита, не так ли?

ЗАЙДЛЬ: Я прочитал только параграф 3. Я не читал остальные параграфы, чтобы сэкономить время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответ на мой вопрос был «да». Конец параграфа 4 заканчивается таким образом: «Министр иностранных дел Рейха составил текст [секретного протокола] в такой манере, что он представлял вооруженный конфликт Германии с Польшей не как вопрос, уже окончательно решенный, но лишь как вероятность. Советская сторона не желала изменять формулировки, которые бы трактовались как одобрение или поддержку такого развития событий. Скорее советские представители ограничили себя в этом отношении, приняв во внимание объяснения германской стороны». Это верно?

ЗАЙДЛЬ: Это правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Яспрашиваю свидетеля. Это правильно?

РИББЕНТРОП: Я могу сказать следующее. Когда я прибыл в Москву, окончательное решение еще не было достигнуто фюрером...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, разве Вы не могли ответить на вопрос прямо? Я спросил Вас, были ли показания Гаусса верными или нет. Вы можете изложить свое мнение после.

РИББЕНТРОП: Показания не совсем верны, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь Вы можете объяснить.

РИББЕНТРОП: Они не верны, поскольку в тот момент решение о нападении на Польшу еще не было принято фюрером. Однако, без сомнения, возможность такого конфликта стала совершенно очевидной во время обсуждений в Москве.

<...>

ЗАЙДЛЬ: Господин президент, я могу кратко дополнить кое-что в этой связи? Свидетель Гаусс присутствовал только на второй встрече [23 августа 1939 г.]. Он не был на встрече, которая имела место ранее между свидетелем Риббентропом с одной стороны и Молотовым и Сталиным с другой. На этих встречах присутствовал только консультант посольства Хильгер, и я прошу, чтобы Трибунал в виду важности этого пункта вызвал свидетеля Хильгера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, как известно, Вы можете подать любое ходатайство в письменной форме для того, чтобы вызвать любого свидетеля, какого пожелаете. Так же могу сказать, если обвинение не против перекрестного допроса свидетеля Гаусса, его можно осуществить.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я хотел бы внести как приложение № 16 Hess, аффидевит доктора Гаусса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

Что нового добавил Риббентроп к сказанному Гауссом? Ничего. Про Финляндию Риббентроп брешет так нагло, что это уже ни в какие ворота не лезет. Из его слов можно сделать вывод, что Молотов только затем и ездил в Берлин, чтобы выклянчить у Гитлера патент на Финляндию. Ту самую Финляндию, которую он вроде бы уже выторговал в августе 1939 г. Врет об этом Риббентроп только потому, что он, как и все германское руководство в целом, совершенно неадекватно воспринял результаты советско-финской войны. Причиной войны стало не желание Сталина распространить свою власть на всю территорию бывшей Российской импе-

рии, хотя и такой благоприятный вариант развития событий в Кремле не исключали. Истинной же причиной войны... было желание англичан отрезать Германию от источников сырья, прежде всего железных и никелевых руд, которые она получала от нейтральных Швеции и Финляндии. О важности этих поставок для немцев свидетельствуют такие цифры: только в 1943 году из добытых 10,8 млн. тонн железной руды в Германию из Швеции было отправлено 10,3 млн. тонн.

Коммуникации снабжения проходили через Балтийское море (порты Лулео и Укселезунд), а зимой через незамерзающий норвежский порт Нарвик, связанный железной дорогой со Швецией. Англичанам нужен был благовидный повод для захвата нейтральной Норвегии, и таким поводом могло стать оказание помощи Финляндии в защите от кровожадных большевиков. Но для этого Лондону нужна была советско-финляндская война. Англичане убедили финнов, что если те спровоцируют войну, они окажут Финляндии самую широкую поддержку и атакуют Советский Союз на Кавказе и на Севере. Финнам же в качестве награды был обещан Кольский полуостров, Карелия и граница по Неве и линии Беломоро-Балтийского канала. Именно поэтому финское правительство объявило войну СССР (правда, уже после того, как Красная Армия перешла границу), имея планы наступления на Мурманск и Петрозаводск. Нет, финны не сошли с ума, просто поверили англичанам, забыв, что те являются чемпионами мира по обману своих союзников.

Риббентроп и его адвокат Хорн. Нюрнберг, 1946 г.

Поводом к вооруженному конфликту послужила дерзкая наглость, с которой финская сторона отвергла абсолютно все, даже не требования, а просьбы советского правительства по аренде финской территории для нужд обороны Ленинграда с моря и очень незначительному переносу границы на Карельском перешейке в обмен на передачу Финляндии куда больших территорий восточнее Ладоги. Предложения СССР даже финский главнокомандующий Маннергейм охарактеризовал как разумные и очень умеренные, но политическое руководство Финляндии пребывало в эйфории от обещаний Лондона создать Великую Финляндию, после разгрома Советского Союза.

Действительно, с началом военных действий британцы начали сколачивать экспедиционный корпус, который весной планировалось перебросить морем в... норвежский Нарвик. А куда же еще? Ведь в Балтику англичан не пустили бы немцы, а финский порт Петсамо (Печенга) на Белом море в первые же дни войны был захвачен Красной Армией. Высадившись в Нарвике, англичане, возможно, никуда бы не пошли, зато ни один сухогруз с рудой в Германию оттуда бы уже не вышел. Собственно тех сил, которые собрали англичане якобы для помощи финнам, как раз и хватало лишь для захвата и удержания Нарвика. Финнам путем колоссального напряжения всех сил удалось остановить первое декабрьское наступление советских войск, однако генеральный штурм линии Маннергейма в феврале 1940 г. не оставил им ни малейшего шанса. Финская армия была выбита с укрепленных позиций, путь на Хельсинки был открыт. Если бы Сталин захотел полностью оккупировать Финляндию, он мог беспрепятственно это сделать. У него даже было подготовлено на сей случай карманное финское правительство во главе со старым большевиком Куусиненом. Но финны запросили мира и, еще раз повторю, удовлетворили все советские требования, которые, естественно, уже предполагали не обмен территориями, а аннексию их в пользу СССР.

Современные историки пытаются объяснить умеренность требований Москвы страхом перед англичанами и якобы обескуражившим Сталина упорством финского сопротивления, но если им чего-то и не хватает, так это убедительности. Реально Англия не могла оказать военной помощи финнам, не оккупировав предварительно нейтральные Норвегию и Швецию. А уж от стойкости финских войск к марту 1940 г. остались одни воспоминания. Да, сравнивать их с поляками нельзя, но и реальной силы они после прорыва Красной Армией линии Маннергейма уже не представляли. Сам факт, что Кремль охотно принял предложение Хельсинки о начале мирных переговоров, указывает на то, что в планы Сталина в 1940 г. не входила оккупация и советизация Финляндии. В противном случае надо было потянуть с ответом еще с пятюк дней, пока советские танки не войдут в финскую столицу. А там уже можно было просто объявить свою волю побежденному.

Однако Риббентроп, не будучи осведомленным ни о кознях англичан, ни о реальном положении на советско-финском фронте, пытается представить дело так, будто СССР потерпел поражение в Зимней войне, и в ноябре 1940 г. жаждал реванша. Да, в Германии результат войны ошибочно оценили, как поражение, исходя из того, что целью Сталина была оккупация и советизация Финляндии. Базируясь на этой ошибочной установке, Гитлер провозгласил свой знаменитый тезис о колоссе на глиняных ногах. Риббентроп же, будучи фигурой не вполне самостоятельной, находился под сильным влиянием фюрера, и волей-неволей смотрел на мир сквозь призму заблуждений своего шефа. Поэтому он и рассказывает сказки о том, что Молотов выторговывал в Берлине Финляндию, пытаясь доказать этим агрессивный характер советских устремлений. Все известные на сегодняшний день свидетельства о переговорах Молотова в Берлине полностью опровергают брехню Риббентропа. Я имею в виду, разумеется, достоверные источники, ибо в обороте находится немало фальшивок о той встрече.

Очень сомнительно утверждение бывшего рейхсминистра о том, что раздел сфер влияния на Балканах не состоялся из-за того, что этому воспротивился Муссолини, с которым официальный Берлин считал нужным проконсультироваться. Вообще-то с Муссолини Гитлер не советовался и по более важным вопросам. Совершенной неожиданностью для Рима оказался и аншлюс Австрии, и атака на Польшу. Муссолини в отместку решил сделать для Гитлера сюрпризом вторжение в Албанию, закончившееся провалом. Спасая своего незадачливого союзника, Германия была вынуждена атаковать в 1941 г. Грецию. Так с какой стати германское правительство будет раскрывать Муссолини суть секретных(!) переговоров с Москвой, касающиеся весьма далекой от Италии Болгарии, бывшей фактически вассалом Германии, или вопрос о базе советских ВМС на Дарданеллах?

Последнее вообще выглядит более чем сомнительно. Дарданеллы находятся в Турции, следовательно переговоры об аренде там военных баз Москва должна вести с Турцией, а не с Германией. С Турцией у СССР были относительно спокойные отношения, известны случаи, когда германский МИД просил Москву повлиять на турок в определенных вопросах (например, о непропуске британских военных кораблей в Черное море для усиления британского влияния в Румынии). С другой стороны, Дарданелльский пролив разделяет Мраморное и Эгейское моря, и база для советского флота там нужна лишь в том случае, если СССР будет контролировать Босфор, связующий Черное море с Мраморным. Но о Босфоре Риббентроп как раз ничего не сказал. Где логика? Или Риббентроп не знал географию на уровне школьного курса?

Совершенно очевидно, что Риббентроп брешет о том, что 23 августа 1939 г. к «секретному протоколу» была приложена некая карта с обозначенной на ней линией раздела Польши. Дело даже не в том, что эту карту никто до сих пор не видел. Вспомним, что по официальной легенде изначально линия раздела была проведена по Висле и Нареву (Буг при этом позабыли). Лишь через несколько дней дипломаты якобы спохватились, что на севере Польши осталась брешь и уточнили линию по реке Писсе. Если бы Молотов и Риббентроп сразу воспользовались картой, то у них никак не получилось бы разделить Польшу по Нареву. Тут уж волей-неволей пришлось бы как-то довести разграничительную линию до рубежей Восточной Пруссии.

Итак, совершенно очевидно, что карта к секретному соглашению не могла быть приложена, но Риббентроп заявляет обратное. Все это происходит лишь потому, что заранее нельзя согласовать все детали. В своих показаниях Гаусс говорит, что не помнит, была ли отмечена линия на карте, но Зайдль зачем-то о ней заикнулся. Что в этом случае говорить Риббентропу? Вот он и начинает импровизировать. Риббентроп врет, и чем больше говорит, тем больше в его словах путаницы и противоречий. Это указывает на то, что его показания являются вторичными по отношению к аффидевиту Гаусса, хотя, казалось бы, бывший рейхсминистр иностранных дел должен быть куда более компетентным в том, что касается секретных переговоров в Москве, нежели его подчиненный, присутствовавший лишь в момент подписания договора.

И вот, наконец, последнее слово Риббентропа, произнесенное им 31 сентября 1946 г. перед оглашением приговора. Терять ему абсолютно нечего, зато имеется последняя возможность откровенно рассказать о «преступном сговоре» со Сталиным и «секретных протоколах». Однако о каких-либо протоколах он не говорит, ограничивая свое оправдание следующими словами:

«Когда я встречался с маршалом Сталиным в Москве в 1939 году, он не обсуждал со мной возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Келлога-Бриана; а скорее он намекнул, что, если в дополнение к половине Польши и балтийским странам он не получит Литву и гавань Либаву, я могу тотчас возвращаться домой. В 1939 году ведение войны еще не расценивалось им как преступление против мира, иначе я не могу объяснить телеграмму Сталина в конце польской кампании, в которой указывается: «Дружба Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, которую они пролили вместе, имеет все основания быть длительной и прочной»²³.

Сравним этот текст с тем, что был опубликован в статье Зори и Лебедевой «1939 год в нюрнбергском досье» в журнале «Международная жизнь» (№ 9, 1989 г.) и цитируется Михаилом Семирягой в книге «Тайны сталинской дипломатии»:

«Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бри-

²³ Том XXII.

ана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...». Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса».

Легко заметить, что журнальный текст сильно искажает слова Риббентропа. Из оригинального текста следует, что Сталин потребовал Литву и гавань Либаву В ДОПОЛНЕНИЕ к половине Польши, а не «половину Польши и прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы». Получается, что у Зори и Лебедевой Сталин еще не требует Литву, поскольку речь идет об августовской встрече, а Риббентроп утверждает, что Сталин уже тогда требовал Литву с гаванью Либавы. Авторы грубо подгоняют слова Риббентропа под уже известную версию истории, когда сначала Литва была отнесена к германской сфере интересов, и лишь в сентябре 39-го была отдана СССР. Из этого фрагмента следует, что «распил» Восточной Европы был ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ сталинским требованием для заключения договора о ненападении, и если Риббентроп не согласен с этим, то может сразу же лететь восвояси. Таким образом, Сталин предстает в качестве инициатора территориального раздела.

Сам же Риббентроп говорит о том, что этот диалог состоялся после заключения «секретного протокола», по которому Москва уже получила половину Польши, а теперь требовала Литву и Либаву. По логике вещей такой разговор мог иметь место только во время сентябрьских переговоров, когда рейхсминистр иностранных дел прибыл в Москву для решения вопроса о советско-германской границе. Но при чем здесь тогда урегулирование польско-германского конфликта в рамках пакта Келлога-Бриана?

Из всего этого видно, что, во-первых, «историки» легко меняют смысл слов Риббентропа на прямо противоположный, когда это им нужно; во-вторых, что Риббентроп произносит абсолютно бессвязные фразы, когда речь идет о секретных протоколах. Порт Либавы (Лиепая) находится в Латвии, а не в Литве – фальсификаторов слишком часто подводит незнание географии. Ни о каком мирном урегулировании германо-польского конфликта во время второго визита Риббентропа в Москву не могло быть и речи, поскольку Польша к тому времени перестала существовать. Если же он повествует о первой встрече 23 августа 1939 г., то на ней не мог быть поднят вопрос о Литве, как о дополнительном требовании, поскольку пресловутые сферы интересов еще вообще не были к тому времени поделены.

Вот эти-то противоречия и были устранены публикаторами «Международной жизни» путем полного искажения смысла слов Риббентропа. Как они это сделали? Очень изящным образом: стенограмму процесса Зоря и Лебедева всегда цитируют по советским архивным документам, и лишь последнее слово Риббентропа – по авторскому сочинению – художественно-публицистической книге Зайдля «Падение Рудольфа Гесса» («Der Faf! Rudolf Hess. 1941–1987»). Семиряга же вообще умалчивает о первоисточнике. Вот таким незамысловатым способом любую ложь можно выдать за «научную истину», а потом превратить эту «истину» в общеизвестную.

Есть все основания полагать, что исходные высказывания Риббентропа либо были переверканы еще во время суда и в таком виде попали в стенограмму процесса на английском языке, либо этот фрагмент был полностью сфабрикован уже после его смерти, когда американцы издавали материалы Трибунала. В противном случае трудно понять, почему Риббентроп путается в датах, географии и утверждает, что говорил в 1939 г. с маршалом Сталиным, хотя это воинское звание советский вождь получил лишь в 1944 г. «Маршал Сталин» – так стало принято официально именовать Иосифа Виссарионовича в конце войны у западных союзников, но не среди руководителей Третьего рейха. В материалах Нюрнбергского процесса на английском языке лишь Риббентроп из всех обвиняемых почему-то неоднократно называет

советского вождя Marshal Snalin. Причем именно в тех случаях, когда дело касается «секретных протоколов». Ну не смешно ли?

Трудно обойти вниманием и так называемые мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой», доработанные и изданные его вдовой после смерти «автора». Я ставлю авторство Риббентропа под сомнение, потому что в них очень много ошибок, недопустимых для профессионального дипломата, да и написаны они как-то сухо, бесцветно, в них практически отсутствует авторская субъективность, почти не обозначается личная оценка автора тех эпохальных событий, участником которых он являлся. Складывается впечатление, что текст написан на основе показаний Риббентропа, данных на следствии и суде, но сторонним человеком.

Риббентроп в своих мемуарах пишет:

«В самолете я прежде всего вместе с Гауссом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили».

Это очевидная ложь, свои проекты подготовили обе стороны, и окончательный вариант был как раз утвержден на основе советского варианта. Рейхсминистр не мог не знать этого, но у того баснописца, что сочинял от его имени мемуары, в голове могла возникнуть путаница между самим договором и «секретными протоколами», что на Западе стали обозначать одним словом «пакт». Поскольку в показаниях Гаусса говорится о том, что текст «секретного протокола» был разработан германской стороной, эта установка и была зафиксирована в мемуарах Риббентропа.

Далее он пишет, что германская делегация прибыла в московский аэропорт между 16 и 17 часами, в то время как в действительное время прибытия – 13 часов. По мемуарам Риббентропа следует, что на встречу в Кремле он был приглашен к 18 часам (при этом рейхсминистр как-то успел прибыть в здание бывшего австрийского посольства, отобедать там, и имел предварительную беседу с послом Шуленбургом). В действительности же он беседовал со Сталиным уже в 15.30.

О разделе пресловутых сфер интересов Риббентроп пишет настолько путано, что я не в силах понять, например, смысл такой фразы: *«Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности».* Смысл сказанного становится еще более непонятным, если припомнить, что в «секретных протоколах» от 23 августа 1939 г. Польша была поделена на две сферы интересов. Кстати, само понятие «сфера интересов» было настолько нехарактерно для советской дипломатии, впрочем, как и германской, что оно нуждалось, как минимум, в подробном разъяснении.

Но вместо объяснения Риббентроп лишь множит путаницу, рассуждая о том, что тогда же сторонами была установлена демаркационная линия по рекам Висла, Буг и Сан (а где Нарев? – А. К.). Но, как известно, переговоры о демаркационной линии происходили в Москве в ночь с 20 на 21 сентября, и Риббентроп не принимал в них участия, поскольку они велись военными представителями Германии и СССР. Спрашивается, мог ли реальный участник переговоров допустить такую чудовищную путаницу? Вроде бы Риббентроп амнезией или старческим маразмом не страдал. Для домохозяйки, вероятно, и нет особой разницы между военной демаркационной линией и границей сферы интересов, но дипломаты никогда не смешивают эти понятия.

Если верить выступлению Риббентропа на суде, инициатором раздела сфер интересов выступил Сталин, но текст «секретного протокола» составлял не инициатор предложения, а германская сторона, да еще заранее (вот ведь какие услужливые!). Сам «секретный допол-

нительный протокол» автор мемуаров поему-то упорно именуется «секретным договором», из-за чего в русском издании книги присутствуют примечания переводчика, поправляющего «автора». Весьма любопытно, как Риббентроп объясняет секретность дополнительного протокола: якобы его засекретили потому, что он нарушал... советско-французские договоренности 1936 г. Бред полнейший! Всего на трех страничках текста я насчитал более полутора десятков сомнительных мест, сигнализирующих о том, что перед нами, скорее всего, не оригинальное авторское повествование, а довольно неуклюже скомпилированный текст, причем лицом, не имеющим отношения к описываемым событиям.

Что же касается описания второго визита Риббентропа в Москву в сентябре 1939 г., то уже с первых строк чувствуется душок низкопробной беллетристики. Риббентроп пишет о том, что ему в Кремль звонил... сам Гитлер и «заявил – явно не с легким сердцем, – что согласен включить Литву в сферу советских интересов». Уж не знаю, что такого дорого для сердца фюрера было в Литве, но его звонок в кабинет Сталина – очевиднейшая ложь. Разве что если в рейхсканцелярии стояла «вертушка» для прямой связи с советским вождем. Вероятно, у сочинителей риббентропов-ских мемуаров засел в памяти аффидевит Гаусса, где он невнятно упоминает некий разговор по телефону (без четкого указания, где он происходил), но речь тогда шла об августовской встрече, и телефонировали в германский МИД из московского посольства.

Что же касается Литвы, то по официальной версии, подкрепленной фальшивыми документами (например, запись беседы Шуленбурга с Молотовым от 25 сентября 1939 г.), советская сторона высказала свои пожелания как минимум за два дня до визита рейхсминистра в Москву, и потому обсуждать этот вопрос с Гитлером по телефону из Кремля не было нужды. Кстати, сам Риббентроп в суде ничего о телефонных беседах с фюрером не говорил. Фальсификаторов в очередной раз подводит несогласованность в деталях. Вот еще одна цитата:

«Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я во второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до этого Сталин сообщил им, что советские войска вступят в их страны».

Эта фраза прекрасно демонстрирует, что так называемые воспоминания Риббентропа подложны если и не полностью, то частично. Почему эти слова попали в книгу воспоминаний? Фальсификаторы знали, что 28 сентября в Кремле был подписан договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией. Поэтому авторы воспоминаний Риббентропа и предположили, что немецкая и эстонская делегации могли столкнуться нос к носу. Но первая германо-советская встреча в Кремле состоялась в 22:00, когда эстонская делегация уже находилась в своем посольстве (ровно в это же время там проходило совещание, на котором обсуждались советские предложения). На следующий день Риббентроп обедал в Кремле, а переговоры начались в полночь, в 5 часов утра 29 сентября был подписан договор о дружбе и границе. Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией был подписан несколько ранее – поздно вечером 28 сентября. Так что встреча эстонцев с немцами в Кремле маловероятна.

Но почему Риббентроп пишет о «прибалтийских министрах» во множественном числе? В составе эстонской делегации находился министр иностранных дел Сельтер в сопровождении председателя Государственной думы Улуотса и члена думы Пийпа. Однако в госдеповском сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939–1941» опубликована найденная в бумагах помощника статс-секретаря Андора Хенке запись хронологии визита Риббентропа в Москву 27–29 сентября 1939 г. О втором дне пребывания в советской столице сообщается следующее:

«28 сентября 1939 г.

Возобновление переговоров с 15 до 18.30.

Обед в Кремле.

Один акт балета («Лебединое озеро»); Сталин тем временем ведет переговоры с латышами.

Возобновление переговоров в 24.00. Подписание в 5 утра. Затем прием для делегации у посла до 6.30 утра».

Маловероятно, чтобы Хенке спутал эстонцев с латышами, поскольку переговоры с Латвией по вопросу заключения договора начались в Москве только 2 октября (3 октября состоялся первый раунд советско-литовских переговоров). Но такая ошибка легко могла возникнуть в том случае, если бы документы фабриковались несколько лет спустя при подготовке к печати указанного сборника документов. А при составлении мемуаров Риббентропа авторы, вероятно, уже пользовались госдеповским сборником, поэтому в их сознании эстонская делегация благодаря этой ошибке как бы раздвоилась, превратившись в объединенную делегацию прибалтийских министров. Кстати, ошибка о переговорах с латышами перекечывалась из мемуаров Риббентропа в сочинения многих западных авторов. Обнаружил ее я и в такой известной книге, как «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяма Ширера.

Германия никогда не считала, что СССР оккупировал Прибалтику, но если уж Риббентроп говорит об оккупации, то почему он датирует ее осенью 1939 г., когда сами прибалты стонают, будто подверглись оккупации летом следующего года? Да и о том, что Советский Союз желает разместить на эстонской территории свои военные базы, Молотов проинформировал Сельтера еще 24 сентября, следовательно, этим никак нельзя объяснить усмотренную Риббентропом бледность на лицах «прибалтийских министров». В общем, приходится констатировать, что мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой» никоим образом не могут рассматриваться в качестве достоверного источника по вопросам «секретных протоколов» из-за колоссального количества противоречий, ошибок и неточностей. Наоборот, последнее явно указывает на фальсификацию данного сочинения.

Вайцзеккер

Продолжим изучение стенограммы Нюрнбергского трибунала. 21 мая 1946 г. был допрошен в качестве свидетеля Эрнст фон Вайцзеккер, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии, то есть первый заместитель Риббентропа в 1939 г. Вайцзеккер происходил из дворянской семьи, отец Эрнста до объединения Германии был премьер-министром королевства Вюртемберг. В 1900 г. будущий дипломат стал офицером военно-морских сил кайзеровской Германии, в 1917 г. награжден железным крестом. В 1920 г. Эрнст фон Вайцзеккер начал работать в министерстве иностранных дел. В 1938 вступил в НСДАП, а также в СС, получив назначение на должность статс-секретаря в министерство иностранных дел, участвовал в заключении Мюнхенского соглашения. В 1943–1945 гг. состоял послом Германии при Папском престоле. В 1947 г. Вайцзеккер был арестован в связи с делом против бывших имперских министров и обвинен в участии в массовых депортациях французских евреев. Несмотря на то, что вина его не была доказана (в общепринятом смысле этого слова), суд приговорил его к семи годам заключения. Но провел в тюрьме Вайцзеккер лишь пять лет, освобожден досрочно. Обратимся к стенограмме Трибунала от 21 мая 1946 г. (том XIV)

ЗАЙДЛЬ: Свидетель, пожалуйста, опишите содержание [секретного] соглашения, насколько Вы можете вспомнить его.

ВАЙЦЗЕКЕР: Речь идет об имевшем далеко идущие последствия секретном приложении к пакту о ненападении, заключенному тогда же. Этот документ касался широкого спектра вопросов, так как определял разграничение сфер влияния и повлек установления границ между областями, которые, отходили сфере Советской России и теми, которые попадали в сферу интересов Германии. Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и, насколько я могу помнить, определенные области Румынии, включались в сферу интересов Советского Союза. Все, что находится к западу от этой линии, попадало в германскую сферу интересов. Это секретное соглашение в дальнейшем было уточнено. Позже, или в сентябре или октябре того же года в него были внесены определенные изменения. Насколько я могу вспомнить, существенное изменение заключалось в том, что Литва, или как минимум, большая часть Литвы, переходила в сферу интереса Советского Союза, в то время как на польской территории линия установления границ между двумя сферами интереса очень значительно смещалась на запад.

Я полагаю, что передал Вам суть секретного соглашения и последующего приложения к нему.

ЗАЙДЛЬ: Действительно ли последующее территориальное переустройство польского государства произошло в соответствии с демаркационной линией?

ВАЙЦЗЕКЕР: Я не могу сказать Вам точно, содержалось ли выражение «линия установления границ» в этом протоколе или то была «линия разделения сфер интересов» с указанием срока действия соглашения.

ЗАЙДЛЬ: Но линия была проведена.

ВАЙЦЗЕКЕР: Я припоминаю, что этой линией, когда соглашение вступило в силу, как правило, придерживалась с возможными небольшими отклонениями.

ЗАЙДЛЬ: Вы можете вспомнить – это – мой последний вопрос – секретное приложение от 23 августа 1939 содержало соглашение о будущей судьбе Польши?

ВАЙЦЗЕКЕР: Это секретное соглашение содержало в себе план полного переустройства судьбы Польши. Возможно, оно предусматривалось соглашением в неявной форме. Я, однако, не могу утверждать относительно точности формулировки.

ЗАЙДЛЬ: Ваша честь, у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, Вы видели оригинал секретного соглашения?

ВАЙЦЗЕКЕР: Я видел фотокопию оригинала, возможно, оригинал тоже. В любом случае в моем распоряжении была фотокопия. Она хранилась в моем личном сейфе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы признали бы копию, если бы ее показали Вам?

ВАЙЦЗЕКЕР: О, да, я думаю так.

Судья объявил перерыв, и после совещания вынес решение не предъявлять свидетелю документ, как не заслуживающий доверия. Итак, какие выводы можно сделать, ознакомившись с этим фрагментом стенограммы судебного заседания:

1. Вайцзекер не видел оригинал «секретного соглашения». По крайней мере, он не помнит этого (что-то слишком часто немецких дипломатов подводит память, когда речь заходит о тайной сделке с Молотовым).

2. Он неверно передает содержание документа, утверждая, что в нем в явной или неявной форме предусматривалось изменение судьбы Польши. В известном нам тексте «секретного протокола» от 23 августа 1939 о «территориально-политическом переустройстве» Польши речь идет исключительно в гипотетическом ключе.

3. Вайцзекер утверждает, что первоначальное соглашение о разделе сфер интересов соблюдалось с небольшими изменениями, в то время как на самом деле германские войска заняли территории далеко к востоку от Вислы. Если же он имеет в виду несекретный договор о дружбе и границе, то непонятно, почему он его упоминает в связи с «секретными соглашениями».

4. В сентябре 1939 г. во время московских переговоров ни о каком «смещении на запад» линии разграничения интересов на территории Польши речи не шло, ибо тогда был подписан договор о границе между странами. К тому же, если линия куда-то и смещалась, то именно на восток. Впрочем, эта ошибка могло произойти из-за оговорки свидетеля, оплошности переводчика или стенографиста.

5. В МИД Германии не существовало практики фотокопирования секретных документов и хранения фотокопий их в личных сейфах сотрудников. Так что слово «фотокопия» всплыло в речи Вайцзекера, надо полагать, лишь для того, чтобы как-то легитимировать фотокопии, доброшенные Зайдлю. Или это была классическая оговорка по Фрейду.

6. Заместитель Риббентропа не сказал абсолютно ничего сверх того, что уже было известно из фотокопий «секретных протоколов», представленных Зайдлем, аффидевита Гаусса и показаний Риббентропа. Наоборот, он кое-что переврал, что вполне объяснимо – все лжесвидетели не могут брехать абсолютно одинаково. Так же как Гаусс и Риббентроп, Вайцзекер уклоняется от описания подробностей, говорит очень обтекаемо и ссылается на плохую память.

Изучив материалы Нюрнбергского процесса, мы неизбежно приходим к выводу: вброс «секретных протоколов» – провокация. Точнее, лишь первый ее этап. Даже на Нюрнбергском процессе, где тон задавали англичане и американцы, судья Лоуренс отказался приобщить фотокопии секретных протоколов к делу. Никаких доказательств их подлинности защита не представила, основываясь лишь на письменных показаниях доктора Гаусса. Сам Риббентроп мог бы подтвердить аутентичность этих протоколов, мог бы поведать о том, что он дал указание микрофильмировать в 1944 г. документы (см. главу «Микрофильмы»), однако он об этом даже не заикнулся. И Зайдль его об этом почему-то не спрашивал.

Впечатление складывается такое, что фальсификаторы боялись поднимать вопрос о «секретных протоколах» всерьез, так как если бы Москва почувствовала угрозу, то ответила бы эффектно и разгромно. Например, как в случае со свидетелем Паулюсом, германским фельд-маршалом, взятым в плен в Сталинграде, которого считали мертвым, а он вдруг воскрес на процессе в качестве свидетеля обвинения от СССР, чем произвел настоящий фурор. То есть если бы вопрос о «секретных протоколах» действительно затронул в 1946 г. престиж Совет-

ского Союза, то Руденко мог бы предъявить советские оригиналы договора от 23 августа и потребовать провести, например, экспертизу на предмет аутентичности машинописи с филькиными грамотами фон Леша.

Потому-то тема секретных протоколов мушкетировалась как-то воровато-испуганно, а фотокопии так и не были приобщены к делу. Когда впервые всплыл этот вопрос, ни судья Лоуренс, ни советская сторона долго не понимали, о чем вообще идет речь. В дальнейшем советские представители считали навязчивое желание Зайдля поговорить о протоколах исключительно как попытку затянуть процесс и серьезно не воспринимали, ограничиваясь дежурными протестами. И это не смотря на то, что ход процесса отслеживал лично Сталин, а непосредственное руководство советским представительством из Москвы осуществлял Вышинский, опытный дипломат.

На процессе были аккредитованы сотни журналистов со всего мира, поскольку процесс был открытым, но о сенсационных «секретных протоколах», об откровениях Риббентропа и Гаусса не написала ни одна газета кроме «St. Louis Post-Dispatch»! А ведь в это время уже шла Холодная война, и западная пресса порой сочиняла всякую чушь: например, что кровожадные русские собираются убить всех обвиняемых еще до вынесения приговора.

Эпатажное поведение Зайдля имеет какое-то объяснение лишь в том случае, если его целью было привлечь внимание прессы. Но это, как видим, ему не удалось. Поэтому введение «секретных протоколов» в пропагандистский оборот было осуществлено американцами только со второго захода путем издания Госдепом 1948 г. сборника «Нацистско-советские отношения. 1939–1941».

Павлов

Почему-то никому из историков не пришло в голову побеседовать со свидетелем, а точнее, участником московских переговоров – переводчиком Молотова и Сталина Владимиром Николаевичем Павловым. Лишь писатель Владимир Карпов, известный своей страстью к жареным фактам и сомнительным сенсациям, в своей книге «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» повествует о поистине детективной истории:

«А теперь я расскажу о дополнительных сведениях, на мой взгляд, тоже убедительно подтверждающих существование протокола. Я удивляюсь, как не пришло в голову никому из членов комиссии воспользоваться таким достоверным источником.

Просматривая свои материалы о тех далеких днях, перечитывая текст договора, глядя в подписи под ним, рассматривая фотографии Нюрнбергского процесса, я размышлял о том, что участники тех событий – Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп, Геринг, Гесс и другие – сошли с исторической сцены, никто уже не может рассказать, что и как тогда произошло. И вдруг я вспомнил – еще жив один человек; который нередко бывал рядом со всеми этими деятелями, не только слышал их разговоры, но и помогал объясниться это переводчик Павлов Владимир Николаевич.

Бросив все дела, я немедленно стал добывать телефон и адрес Павлова. Именно добывать – в Москве найти нужного человека не так просто.

И вот я у Павлова. Меня встретила его жена – общительная и, сразу видно, властная дама. Она тут же предупреждает, что Владимир Николаевич не дает интервью, не пишет мемуаров, а со мной будет беседовать из уважения, которое испытывает ко мне как писателю. Маленький магнитофон, который я хотел использовать как записную книжку; она взяла и вынесла в прихожую.

– Будем говорить без этого.

В гостиную вошел Владимир Николаевич, непохожий на того, каким я видел его на многих фотографиях: там он небольшого роста, худенький и, я бы сказал, не выделяющийся, всегда сбоку или позади тех, кому помогает вести разговор. Теперь он пополнел, блондин от природы, стал совсем светлый, даже не седой, а какой-то выцветший. Ему за восемьдесят, не очень здоров, но память светлая, видимо, по профессиональной привычке не берет на себя инициативу разговора, а лишь отвечает на вопросы. Ему бойко помогает супруга.

Для знакомства я попросил Владимира Николаевича коротко рассказать о себе.

– Я никогда не собирался быть переводчиком, окончил энергетический институт, занялся научной работой, хотел увеличить прочность лопастей турбин. А языками увлекался для себя. Как сегодня говорят, это было хобби. Нравилось и легко давалось. Видно, от природы мне это было отпущено, свободно владел немецким, английским, а позднее французским и испанским. И вот в 1939 году меня вызывают в ЦК ВКП(б). Представляете? Я всего кандидат в члены партии. В ЦК со мной беседовали два человека на немецком языке в присутствии какого-то работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как я знаю язык. И выяснили, сказав: «Он знает немецкий лучше нас». Тут же мне было сказано, чтобы я ехал в Наркоминдел к товарищу Молотову. Его только что назначили наркомом вместо Литвинова, и он обновлял аппарат.

Все это было как во сне, я не хотел быть дипломатом, мне было 24 года, все мои мысли были в науке. Я об этом честно сказал Молотову на первой же беседе. Но он коротко и четко отрезал:

– Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее.

Так я стал помощником наркома иностранных дел СССР. Я переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером, был заведующим Центральным европейским отделом наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны – Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской. С 1974 года на пенсии в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла.

– Расскажите подробнее о подписании договора о ненападении с Германией.

– Да, я тогда переводил разговор Сталина, Риббентропа и Молотова.

– В наши дни много пишут и говорят о секретном дополнении к договору – протоколе. Даже в докладе Яковлева Съезду народных депутатов, после изложения всех косвенных доказательств о существовании протокола, все же сказано – подлинников нет. Если вы были при подписании договора и этого секретного приложения, то на сегодня вы единственный живой свидетель происходившего в тот день – 23 августа 1939 года. Скажите четко и прямо: был ли секретный протокол?

– Да, был. И еще добавлю такую подробность, в которую сегодня вообще трудно поверить. Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны.

Владимир Павлов (стоит рядом со Сталиным) в момент подписания германо-советского договора о дружбе и границе (фото из газеты «Известия» за 29 сентября 1939 г.).

– *Это действительно очень неожиданно слышать.*

– *Ничего удивительного. Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина. Гитлеру нужен был спокойный тыл. Он очень спешил с подписанием договора. Оставалось несколько дней до нападения на Польшу, а позднее на Францию. Не допустить открытия фронта на*

востоке, обеспечить тыл было заветной мечтой Гитлера. Риббентроп привез только текст основного договора, Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия: Прибалтийские республики и Финляндия станут сферой влияния Советского Союза. Кроме того, Сталин заявил о нашей заинтересованности в возвращении Бессарабии и объединении украинских и белорусских западных областей с основными территориями этих республик.

Риббентроп растерялся от таких неожиданных проблем, сказал, что не может их решить сам, и попросил разрешения позвонить фюреру. Получив такое разрешение, он из кабинета Сталина связался с Гитлером и изложил ему пожелания Сталина. Фюрер уполномочил Риббентропа подписать дополнительный протокол. Он и не мог не согласиться. У него войска были сосредоточены – через неделю начнется война, любые обещания он готов дать, понимая, что все они будут, нарушены и не выполнены, когда в этом появится необходимость. (Кстати, этот разговор подтверждает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший начальник юридического отдела МИД Германии Фридрих Гаусс: «Рейхсминистр по этим пунктам... заказал разговор по телефону с Гитлером... Гитлер уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения» – В. К.)

После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен «Секретный дополнительный протокол». Его отредактировали, отпечатали и подписали.

Все это я видел своими глазами, слышал и переводил разговор участников переговоров. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено.

Подтверждение рассказа Павлова я нашел в показаниях самого Риббентропа на Нюрнбергском процессе.

Цитата из последнего слова Риббентропа на Нюрнбергском процессе, которую я уже привел в этой главе, на мой взгляд, убедительно подтверждает достоверность рассказа Павлова»²⁴.

Разберем все по порядку. Найти человека в Москве труда не составит, тем более для бывшего офицера ГРУ, – надо просто обратиться в адресно-справочное бюро. К тому же Карпов, окончив Литературный институт в середине 50-х годов, с 1962 г. был членом Союза писателей. А Павлов с 1953-г. до середины 70-х гг. работал главным редактором Издательства литературы на иностранных языках (с 1964 г. – издательство «Прогресс»), так что вращались они в одной профессиональной сфере, и вполне могли знать друг друга. По крайней мере, сам Павлов знал Карпова со слов последнего. Но это не столь важно.

Коснемся самого разговора. Карпов не зря акцентирует внимание читателя на жене Павлова, Наталье Лупановне: она мол, мигера этакая, не дала записать ценнейшее историческое свидетельство на «магнитофон в качестве записной книжки», выставила его в коридор, да еще и присутствовала при разговоре, помогая отвечать(!) мужу. Интересно мадам Павлова мотивировала и согласие своего мужа дать интервью: мол, никому Владимир Николаевич интервью не дает, а Карпову даст, как писателю. Можно подумать, ранее у него пытались взять интервью читатели.

В общем, Карпов оказался в очень удобном положении: он единственный будто бы интервьюировал Павлова, но аудиозаписи беседы нет, и потому никто не сможет уличить его во лжи. Дату встречи с отставным дипломатом Карпов тоже почему-то не приводит, но поскольку по его словам, Павлову тогда было за 80 лет, то встреча происходила позже 1995 г. Вот здесь

²⁴ <http://militera.lib.ru/bio/karpov/10.html>.

Карпов первый раз прокалывается, поскольку Павлов скончался в 1993 г. в возрасте 78 лет. Карповское сочинение «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» публиковалось в 1991 г. в «Роман-газете», следовательно, описываемая встреча могла состояться, когда Павлову было не более 76 лет.

Почему же Владимир Николаевич, причастный к одной из самых великих тайн минувшего века, никогда не пытался раскрыть подробности кремлевских переговоров 1939 г.? Загадка. Впрочем, теперь кое-кто утверждает, что он предпринимал шаги в этом направлении:

«В 1989-м, когда разразился политический скандал по поводу этого секретного протокола, подлинники текстов которого якобы не были обнаружены, Владимир Николаевич был единственным живым свидетелем данного события и считал нужным написать об этом записку в Министерство иностранных дел СССР. Но ему никто не ответил...»²⁵.

Детский лепет! Комиссия Яковлева была создана I Съездом народных депутатов СССР в июне 1989 г. Заседания Съезда транслировались в прямом эфире, вся страна сидела у телевизоров, раскрыв рот (в период трансляций было даже зафиксировано падение производительности труда), стенограммы заседаний печатались в газетах. Но Корягина пытается убедить нас, что Павлов не догадался связаться с членами комиссии Яковлева (это можно легко сделать через депутата своего округа), в конце концов, обратиться к прессе, кипевшей страстями по поводу «секретных протоколов»! Дескать, не пришел ответ из МИДа, ну и черт с ним, до визита Карпова никаких действий Павлов не предпринимает.

Если же обращение Павлова в МИД действительно имело место, то проигнорировано оно могло быть исключительно в одном случае – если его веревка в корне отличалась от той, которая в тот момент активно навязывалась общественности, в том числе и стараниями высокопоставленных мидовских чиновников. Сам министр Шеварднадзе и его серый кардинал Ковалев являлись сторонниками признания «секретных протоколов», и получи они подтверждение их подлинности лично от участника переговоров 1939 г. – разве бы стали скрывать это?

Теперь коснемся собственно текста Карпова (язык не поворачивается сказать «слов Павлова»): «После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали». Совершенно очевидно, что дополнительный протокол не мог быть подписан раньше, чем сам Договор о ненападении, потому-то протокол и назван дополнительным (правда не ясно, ²⁴ дополнительным по отношению к чему, ведь если протокол один, то он не дополняет, а лишь прилагается к договору, что следует из преамбулы к нему). Трехчасовая беседа Риббентропа с Молотовым и Сталиным началась в 15:30, после перерыва переговоры продолжились в 22:00, а церемония подписания договора состоялась глубокой ночью. Но из карповского текста можно заключить, что протокол был подписан «здесь же, в кабинете Сталина» еще до подписания собственно договора. Уже одно только это полностью обесценивает все свидетельство.

Звонок Гитлеру по сталинскому телефону – это, как мы уже выяснили (см. главу «Гаусс») нездоровая фантазия. Совершенно очевидно, что раздел Европы по телефону не согласовывают, разве что в голливудских фильмах. Звонок этот был невозможен по техническим причинам. Во-первых, выход на городскую телефонную сеть происходит через коммутатор правительственной связи в Кремле. Я с трудом себе представляю, как бы Риббентроп объяснял телефонистке, что желает поговорить с Гитлером.

Но даже если бы та поняла, что он хочет, международная телефонная линия соединяла Москву с Варшавой, и потому польскую барышню на коммутаторе опять пришлось бы просить

²⁵ Иванна Корягина, «Независимая газета», // http://www.ng.ru/style/2003-03-05/8_stalin.html.

²⁴ <http://militera.lib.ru/bio/karpov/10.html>.

соединить с Гитлером вручную. Соответственно, о том, как Гитлер и Риббентроп кроют карту Европы, могли слушать телефонисты в Москве и Варшаве. Какая тут может быть секретность? Даже прямая телефонная линия, что связывала Берлин с германским посольством в Москве, проходила через Варшаву и поскольку она являлась незащищенной, то для передачи секретной информации всегда использовалась исключительно телеграфная связь шифром. В некоторых случаях телеграммы приходили с пометкой, что расшифровать ее должен лично посол. То есть даже шифровальщику не полагалось знать лишнего.

В любом случае текст писателя-билетриста Карпова ничем не подтверждается, книга «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» – не историческое исследование, а художественно-фантастическое произведение детективного жанра. Принимать карповское свидетельство во внимание нельзя, особенно учитывая внутреннюю противоречивость изложения и неточность (например, Карпов пишет, что Сталин затребовал себе всю Прибалтику, хотя в канонической версии «кремлевского сговора» речь идет лишь о Латвии и Эстонии). Утверждение, приписываемое Павлову, будто, инициатива заключения «секретного протокола» исходила от советской стороны, да еще была высказана непосредственно в ходе переговоров, чем вызвала растерянность Риббентропа, прямо противоречит общепринятой версии мифа. Согласно ее Гитлер, отправляя своего министра в Москву, дал ему добро на передачу в сферу интересов СССР даже черноморских проливов, а проект первого «секретного протокола» был разработан Фридрихом Гауссом в самолете по пути в Москву.

Многие могут возразить: мол, какой интерес Карпову врать? Спросите у него сами. Вообще, Карпов достаточно тупой махинатор. Профессиональный фальсификатор всегда следует золотому правилу: подложный документ надо впаривать в комплекте с безупречными, не вызывающими ни малейших сомнений. Карпов же, например, свою самую известную книжонку «Генералиссимус», в которой повторяет эпизод о встрече с Павловым, так наспиговал самыми низкопробными сплетнями, что это способно вызвать недоверие даже к неоспоримым фактам, которые соседствуют с его домыслами. Например, он совершенно серьезно пишет о предложении Сталина Гитлеру заключить сепаратный мир и совместно вести войну против Англии, США и международного еврейства (так в тексте). Мало того, что это клинический бред, так ведь Карпов догадался датировать это предложение не 41-м годом, а 19 февраля 1942 г. С какого перепугу Сталин стал просить мира в момент успешного контрнаступления под Москвой через две недели после того, как он обрел мощного союзника в лице США?

Другая фальшивка, фигурирующая у Карпова – текст Генерального соглашения между НКВД и гестапо от 11 ноября 1938 г. Несмотря на многочисленные разоблачения этой совершенно неумелой подделки, Карпов упорно приводит ее в новых изданиях своей книги «Генералиссимус», правда с небольшими изменениями. А уж когда он дает интервью, то так нагло врет, что просто диву даешься. Например, в интервью «Комсомольской правде» от 21 июня 2007 г. он заявил, что, будучи членом ЦК КПСС, ознакомился с личным архивом Сталина, хранящимся в Кремле, где видел сверхсекретные документы, которые он обильно цитирует в своих сочинениях, правда без ссылки на источник²⁶. Все бы ничего, да только никакого «архива Сталина в Кремле» не существовало.

Можно уверенно констатировать: все писатели, пытающиеся доказать факт существования «секретного протокола» врут, и врут настолько грубо, что сами себя разоблачают. К тому же между собой они вранье не согласуют, и потому брешут по-разному.

Не отстает от билетриста Карпова и «серьезный историк» Безыменский. Очень «научный» журнал «Новая и новейшая история» (№ 3, 1998 г.) публикует его статью «Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы», где на первый взгляд, весь

²⁶ См. <http://www.kp.ru/daily/23921/68943>.

«научный аппарат» оформлен безупречно – более 80 ссылок на научные публикации и архивные документы. Но вот мелькает знакомая нам фамилия Павлова:

«Гаус вспоминал, что у немецкой делегации уже был текст дополнительного секретного протокола. Об этом косвенно свидетельствует и переводчик В.Н. Павлов, который вспоминал, что все переговоры Сталина с Риббентропом начались с того, что генсек выразил несогласие с немецким желанием провести разграничительную линию между «сферами государственных интересов» на Западной Двине. Тогда в немецкой сфере оставались порты Либав (Лиеная) и Виндава (Вентспилс), которые Сталин хотел сделать советскими военно-морскими базами. На это Риббентроп запрашивал согласие Гитлера и получил его».

Самое интересное в этом месте – ссылка на источник, откуда он заимствовал воспоминания Павлова – AD AP. Bd. VI. Dok. 20, 210. Я, конечно, не знаю, какой документ хранится в германском политическом архиве по указанным реквизитам, но уж точно, не воспоминания советского дипломата. В дальнейшем процитированный текст перекочевал в книжку Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой», где уже нет никаких ссылок на источник. Вообще-то для исторического исследования список использованных книг и материалов строго обязателен. И потому Безыменский, объясняя его отсутствие, просит у читателя «кредит доверия»: мол, был в архивах, все цитируемые документы видел своими глазами. Особо дотошных читателей он отправляет к своим журнальным публикациям, где, якобы, отсылочный материал оформлен по всем правилам. Но описанный выше эпизод отлично демонстрирует, насколько легко «ученый» Безыменский спекулирует (подробности см. в главе «Безыменский»).

Хильгер

На переговорах 23 августа 1939 г. в качестве переводчика с германской стороны участвовал советник посольства Густав Хильгер. Родился он в 1886 г. в Москве в семье немецкого фабриканта и потому отлично владел русским языком. Образование инженера он получил в Германии, после чего вновь вернулся в Россию, где и работал до начала Первой мировой войны, пока не был интернирован. После революции с весны 1918 г. сотрудничал в германской комиссии по делам военнопленных и гражданских лиц. Став карьерным дипломатом, он с 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. После нападения Германии на СССР служил в министерстве иностранных дел, занимался вместе с Хервартом и Кестрингом созданием власовской армии.

После войны он благодаря содействию Кеннана и Болена (см. главу «Херварт») удивительно быстро оказался в США, где до 1951 г. подвизался в качестве «эксперта по русским делам» в Госдепартаменте и ЦРУ (Хильгер был завербован американцами еще в 30-х годах). Поскольку советское правительство добивалось его выдачи, как военного преступника (он был замешан в депортации евреев и прочих сомнительных делишках), в Америке Хильгер укрывался под псевдонимами Стивен Холкомб и Артур Латтер. В 1953–1956 гг. состоял советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам». По совместительству в 50-60-е годы продолжал консультировать и американское правительство.

Густав Хильгер написал мемуары, в частности «Мы и Кремль» («Wir und der Kreml») и «Сталин. Путь СССР к мировой державе» («Der Ausflug der UdSSR zur Weltmacht»). Обе книги вышли во Франкфурте на Майне, первая – в 1959 г., вторая пятью годами позже, незадолго до смерти автора. На русском языке они не издавались, но «Дипломатический ежегодник» за 1989 г. (вышел из печати в 1990 г.) опубликовал выжимки из его воспоминаний, дав им тенденциозный заголовок «Я присутствовал при этом». Думаю, будет очень любопытно ознакомиться с этим текстом. Поскольку цитата довольно обширна, я буду прерывать ее своими комментариями.

Риббентроп прощается с Молотовым. Хильгер находится между ними. Берлин 14 ноября 1940 г.

Риббентроп прибыл в Москву 23 августа на самолете. Первая беседа в Кремле началась в 15.30. Она длилась три часа и продолжилась вечером. Задолго до полуночи состоялось подписание пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола, который определил судьбу Польши, Прибалтийских государств и Бессарабии.

В данном случае Сталин впервые лично вел переговоры с представителем иностранного государства о заключении договора. <...>

Когда Риббентроп в сопровождении графа Шуленбурга 23 августа прибыл в Кремль, он думал, что ему придется вести переговоры с одним Молотовым, а Сталин, возможно, присоединится к переговорам на более поздней стадии. Поэтому Риббентроп был поражен, когда, войдя, увидел стоящего рядом с Молотовым Сталина. Это был заранее рассчитанный Сталиным эффект и вместе с тем явное предостережение Риббентропу, что договор будет либо заключен прямо на месте, либо – никогда.

<...>

Переговоры 23 августа оказались простыми. Господин Риббентроп никаких новых предложений не привез, но прибыл с желанием покончить дело с подписанием пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола как можно быстрее и сразу же уехать.

Его заявления Сталину и Молотову в значительной мере ограничивались воспроизведением того хода мыслей, который служил предметом предварительных переговоров между Молотовым и Шуленбургом и содержался в телеграфных директивах из Берлина. Риббентроп рассыпался в заверениях о доброй воле Германии, на которые Сталин реагировал сухо, деловито и лаконично.

Редактирование текста пакта не составило никаких трудностей, так как Гитлер в принципе принял советский проект. Однако окончательный текст получил два важных дополнения: статью 3, в которой договаривающиеся стороны соглашались постоянно консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и статью 4, согласно которой ни одна из договаривающихся сторон не должна была участвовать в каких-либо группировках, направленных против другой стороны. Срок действия пакта вместо предусматривавшихся 5 лет продлевался до 10 лет. Согласно статье 7, определялось, что пакт должен вступить в силу сразу же после его подписания, а не после ратификации, как первоначально планировалось.

Видим явную нестыковку с показаниями Гаусса и Риббентропа. Первый нафантазировал, что сочинял «секретный протокол» в самолете по пути в Москву, в мемуарах второго присутствует сенсационное признание, что русские даже не имели подготовленного заранее текста договора о ненападении. Я уж молчу про клинический бред Карпова со ссылкой на Павлова, будто шокирующая инициатива заключения «секретного протокола» была высказана Сталиным непосредственно в ходе первой встречи.

Секретный дополнительный протокол, которому русские придавали наибольшее значение, предусматривал разграничение сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Согласно ему, граница между германской и советской сферами влияния в районе Балтийского моря проходила по северной границе Литвы, а в Польше – вдоль течения рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, секретный дополнительный протокол при знавал русское притязание на Бессарабию.<...>

Собственно, это все, что написал Хильгер о самых таинственных переговорах XX столетия. Вы верите, что так мог написать ЕДИНСТВЕННЫЙ к тому времени живой ОЧЕВИДЕЦ события по ту сторону «железного занавеса»? Даже Гаусс, который знал о ходе переговоров лишь со слов... (кстати, так и не ясно с чьих слов) – но он, все же, был куда более красоречив.

Что касается Гитлера, то он, как кажется, в течение первых 5–6 месяцев после заключения договоров верил, что они не только осуществили непосредственную цель, но и заложили основу выгодных для обеих сторон отношений на ближайшие годы. Я обладал надежной информацией о том, что зимой 1939/40 г. Гитлер неоднократно высказывался в этом духе в кругу своих ближайших сотрудников. Мысль о том, что Сталин в подходящий момент сможет оказать нажим на ослабленную войной Германию, в то время еще явно не беспокоила Гитлера. Напротив, тогда он казался твердо убежденным в том, что военное превосходство Германии обеспечено на длительный срок и что Сталин уже по одной этой причине увидит себя вынужденным придерживаться заключенных договоров. О переменах, которые произошли в отношении Гитлера к Сталину и Советскому Союзу летом 1940 г., речь пойдет ниже.<...>

Каково было на душе у графа Шуленбурга и у меня в то время, когда нам пришлось познакомиться с тогдашними руководителями Советского Союза ближе, чем нам хотелось, можно себе представить. И если мы тем не менее честно содействовали усилиям по установлению взаимопонимания с Советским правительством, то это делалось нами в надежде, что пакт о

ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира. Сколь ни неправдоподобно звучит это сегодня, но летом 1939 г. мы действительно считали, что, как только Германия создаст себе русское прикрытие с тыла, Англия и Франция заставят Польшу проявить умеренность. В качестве следствия этого мы ожидали достижения германо-польского взаимопонимания и предоставления [Польшей] «коридора через коридор». Находясь в московской дали, мы были склонны верить заверениям Гитлера, что тогда он «больше не будет предъявлять никаких территориальных требований в Европе». Подобное решение польской проблемы мы рассматривали как единственную возможность не допустить Второй мировой войны. <...>

Минуточку! Хильгер, как переводчик, якобы присутствовал в момент подписания «секретного протокола», по которому две державы разделили между собой польский «пирог». И при этом искренне верил, «что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира». Большой бред трудно себе представить.

3 сентября граф Шуленбург напомнил Советскому правительству, что оно должно сделать выводы из секретного дополнительного протокола и двинуть Красную Армию против польских вооруженных сил, находящихся в сфере советских интересов.

Весьма буйная фантазия у автора этого текста (сомнительно, что его писал сам Хильгер). Шуленбург не встречался в этот день с представителями советского правительства. Этим числом фальсификаторы из Госдепа датировали в сборнике «Нацистско-советские отношения 1939–1941» телеграмму германскому послу в Москве с просьбой встретиться с Молотовым и обсудить вопрос о советском вторжении. Встречи, повторюсь, не было, однако в том же сборнике опубликован текст ответа советского правительства (памятной записки), якобы врученного Молотовым Шуленбургу 5 сентября:

«Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов. Мы понимаем, что в ходе операций одна из сторон либо обе стороны могут быть вынуждены временно пересечь демаркационную линию между своими сферами влияния, но подобные случаи не должны помешать непосредственной реализации намеченного плана»²⁷.

Кстати, в 1992 г., когда яковлевцы готовили к изданию том XXII сборника «Документы внешней политики СССР», они, не утруждая себя, просто передрали эту памятную записку слово в слово из госдеповского сборника фальшивок. Но при этом оказались более тупыми, нежели их американские коллеги, потому что поленились сочинить преамбулу к «памятной записке». К тому же опять налицо путаница между «сферами влияния» и «границами госинтересов». Начать надо было примерно так: советское правительство в ответ на запрос (указать чей – Риббентропа, посла Шуленбурга, правительства Германии) от (указать число) по вопросу (указать суть) сообщает (далее идет текст сообщения). Только абсолютный кретин может счесть, что официальный дипломатический документ может начинаться со слов: «Мы согласны с вами». В любом случае должно быть указано КТО, с КЕМ и в ЧЕМ согласен. Иначе не ясно, какой смысл передавать записку, не содержащую никакой конкретной информации. Выразить согласие можно и устной нотой.

²⁷ <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/wwar.php>.

Как всегда осторожный, Сталин не желал допускать, чтобы его вовлекли в какие-либо чересчур поспешные действия. Целых четырнадцать дней он вел себя тихо и наблюдал за продвижением армий Гитлера. Даже когда германские войска, преследуя отступающие польские части, через Вислу вторгались в советскую сферу влияния, Сталин, несмотря на настойчивые требования германской стороны вступить в Польшу\отказывался это сделать, мотивируя тем, что несоблюдение согласованного разграничения сфер взаимных интересов все равно не предотвратило бы предусмотренного раздела Польши.

Последнюю фразу я прочитал раз двадцать, но так и не смог вникнуть в ее смысл. Если Хильгер лично присутствовал на встрече с советским вождем, на которой обсуждался польский вопрос, он мог бы более подробно изложить его точку зрения. Вместо этого он городит какую-то словесную ахинею.

Для этого бездействия имелись три причины: первая – Сталин считался с мировой общественностью, которую он не хотел снова неприятно поразить; вторая – его решение начать действовать только тогда, когда ему представится удобный предлог для вступления в Польшу; и третья – тот факт, что Кремль переоценивал силу военного сопротивления Польши и рассчитывал на более длительную кампанию.

10 сентября Молотов заявил графу Шуленбургу: Красной Армии для ее подготовки требуется еще две-три недели. Но уже 16 сентября, когда польское правительство покинуло страну, Молотов сообщил, что Сталин примет посла «еще сегодня же ночью» и назовет ему «день и час советского наступления». При этом Молотов заявил: «Советское правительство в подлежащем публикации только им одним коммюнике обоснует свое решение, в частности, тем, что вследствие развала польского государства оно видит себя обязанным выступить на защиту своих украинских и белорусских братьев и дать этому несчастному населению возможность спокойно трудиться». Граф Шуленбург выразил удивление столь своеобразной формулировкой коммюнике. Ведь оно законно вызывает вопрос, от кого, собственно, следует защищать украинцев и белорусов, раз на польской территории находятся только германские и советские войска. К тому же в этой форме коммюнике создаст за границей впечатление, будто между Германией и Советским Союзом что-то не в порядке. Вопрос о коммюнике был решен только через два дня, после того как вмешался лично Сталин, и было предложено советское коммюнике, с текстом которого согласились наконец обе стороны.

17 сентября в 2 часа ночи граф Шуленбург, германский военный атташе генерал Кестринг и я были приглашены к Сталину. Сталин объявил нам, что в 6 часов утра Красная Армия перейдет советскую границу по всей линии от Полоцка до Каменец-Подольского, и просил нас соответствующим образом известить об этом компетентные германские органы. Ошеломленный военный атташе попытался объяснить, что за те несколько часов, которые еще имеются в его распоряжении, своевременно поставить об этом в известность войска невозможно и потому неизбежны столкновения.

Однако Ворошилов отклонил все возражения Кестринга репликой, что немцы при их испытанном организационном таланте легко справятся и с этой ситуацией. Ворошилов оказался прав, поскольку при русском продвижении и при встрече советских и германских войск никаких значительных недоразумений не произошло.

25 сентября Сталин вновь вызвал к себе посла, чтобы заявить ему: при окончательном урегулировании польского вопроса следует избежать всего, что в будущем могло бы вызвать трения между Германией и Советским Союзом. Со словами, что если с этой точки зрения «сохранение самостоятельного остатка Польши кажется ошибочным», Сталин предложил внести в секретный дополнительный протокол следующее изменение предусмотренной ранее демаркационной линии: Литва должна быть включена в советскую сферу влияния, за что

Германия может быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, которая охватывает Люблинское и Варшавское воеводства. В случае согласия Германии, добавил Сталин, Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблем Прибалтийских государств в соответствии с соглашениями от 23 августа и ожидает при этом безоговорочной поддержки со стороны германского правительства.

Для переговоров по этому предложению 27 сентября в 5 часов дня в Москву со вторым визитом прибыл Риббентроп. На аэродроме приветствовать его собралось много высоких партийных функционеров и несколько высших офицеров Красной Армии, был выстроен почетный караул. Переговоры со Сталиным и Молотовым начались 27 сентября поздно вечером, продолжались во второй половине следующего дня и закончились ранним утром 29-го подписанием договора о границе и дружбе, который вошел в историю с датой 29 сентября 1939 г. В качестве важного пункта он содержал договоренность о разграничении сфер влияния согласно сталинскому предложению. Одновременно обе стороны договорились о начале экономических переговоров, о переселении немцев из советской сферы влияния в Германию, а также о многом другом. В ходе переговоров со Сталиным Риббентроп высказал большой оптимизм насчет военного положения Германии и подчеркнул, что Германия не нуждается ни в какой военной помощи Советского Союза, но рассчитывает на поставку важных военных материалов.

Вечером 28 сентября Молотов дал в честь Риббентропа банкет, на котором вместе со Сталиным присутствовали многие высокие советские руководители, такие как Микоян, Каганович, Ворошилов и Берия. Сталин был в весьма хорошем расположении духа, и Риббентроп позже не раз повторял: «Я чувствовал себя в Кремле так хорошо, словно находился среди старых национал-социалистических партайгеноссен».

Вообще-то подобные слова Риббентроп не произносил – это распространенная байка, и не более того. На самом деле они были сказаны членом его делегации Форстером. Олег Вишлев в книге «Накануне 22 июня 1941 года» приводит со ссылкой на Политический архив ФРГ (ADAP. Serie D, Bd. VIII. Dok. № 665) отрывок из записи беседы между Риббентропом и Муссолини 10 марта 1940 г., сделанной главным переводчиком германского правительства Шмидтом: «Во время своего второго визита в Москву у него (Риббентропа. – О.В.) была возможность за ужином, данным Сталиным, поговорить со всеми членами Политбюро. С немецкой стороны присутствовали также старые товарищи по партии, например, гауляйтер Форстер, и, в частности, Форстер после мероприятия заявил, что было так, будто он беседовал со старыми товарищами по партии...»²⁸.

Выходит, что воспоминания Хильгера являются не воспоминаниями, а компиляцией публикаций из желтой прессы.

Общее настроение подогревалось тем, что по инициативе Сталина Молотов произносил множество тостов за здоровье присутствующих. Однако сам Сталин в тот вечер почти не пил. Я сидел наискосок от него. Берия, сидевший рядом со мной, все время старался уговорить меня выпить перцовки больше, чем мне хотелось. Сталин заметил, что мы с Берией о чем-то спорим, и спросил о причине. Когда я ему ответил, он сказал: «Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может». – «Даже шеф НКВД?» – спросил я шутя. На это последовал ответ: «Здесь, за этим столом, даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-нибудь другой». <...>

Попахивает дешевой детективной биллетристикой. Коварный Берия опаивает германского дипломата и американского шпиона, чтобы выведать все секреты, но тот стойко дер-

²⁸ <http://moskprf.ru/content/view/554>.

жится. Вот только переводчик Хильгер находился во время этого обеда (который почему-то именуется банкетом, что неверно) при исполнении служебных обязанностей, и в принципе пить не мог. Даже есть переводчикам не полагается, поскольку переводить с набитым ртом трудновато. А уж пьяного толмача я не могу себе представить при всем желании.

Во исполнение обязательства консультироваться друг с другом, которое договаривающиеся стороны взяли на себя согласно статье 3 пакта о ненападении, граф Шуленбург 7 мая [1940 г.], то есть за три дня до германского вторжения в Бельгию и Голландию, посетил Молотова, чтобы проинформировать его о предстоящей акции Германии. Молотов дал ясно понять, на сколько она была желательна для советского правительства. «Советское правительство, – сказал он, – проявляет полное понимание того, что Германия должна защищаться от англо-французского нападения». Чего ждало Советское правительство от германского наступления на Голландию и Бельгию, было совершенно ясно: более упорного англо-французского сопротивления, затягивания войны, а тем самым еще большего ослабления как Германии, так и ее противников. <...>

Я готов поверить даже в то, что Хильгер, презрев служебный долг, наяривал перцовку во время обеда в Кремле. Но в то, что Шуленбург еще за три дня до начала операции «Гельб» проинформировал Советский Союз о наступлении на западе, – в это я не поверю, даже если сам Хильгер встанет из могилы и скажет это лично. В этом месте у меня уже не было сомнений, что мемуары Хильгера написаны кем-то очень далеким от дипломатии и военного ремесла.

Об атаке на Польшу Германия проинформировала СССР уже после вторжения (уведомил советское правительство об этом Хильгер через шесть часов после вторжения). Но почему-то об атаке на Францию Сталин получил известие за три дня. Вообще-то даже Гитлер не знал наверняка, когда начнется операция (дата переносилась неоднократно). В конце концов, многое зависело от погоды. Наконец, даже если фюрер окончательно решил начать наступление 10 мая, об этом не должен был узнать даже его ближайший союзник Муссолини. Но советскому правительству, формально нейтральному, а на деле желающему военного истощения Германии, Шуленбург якобы раскрывает все карты. А если бы коварный Сталин во исполнение своего желания раскрыл бы тайну французам и англичанам?

Наверное, туповатый литератор, который сочинял мемуары Хильгера, пробежал глазами американский сборник фальшивок «Нацистско-советские отношения. 1939–1941», и в его памяти что-то запало касательно Шуленбурга и даты 7 мая. Давайте и мы полистаем выпущенную госдепом книжицу:

РИББЕНТРОП – ПОСЛУ ШУЛЕНБУРГУ

Инструкция

Берлин, 7 мая 1940 г.

Москва, 10 мая 1940 г.

Германскому послу графу фон Шуленбургу

Москва

Вы получите два экземпляра меморандума 84, который будет вручен нашими дипломатическими миссиями в Гааге, Брюсселе и Люксембурге правительствам этих стран в день и час, указанный Вам устно курьером. 85 До тех пор, пока не будет исполнено то, о чем говорится ниже, меморандум и эти инструкции должны держаться в секрете и не упоминаться даже никому из сотрудников посольства.

Я прошу Вас, чтобы по получении этих инструкций Вы поставили на приложенных экземплярах меморандума – на последней странице, под текстом, предпочтительно на пишу-

щей машинке или же чернилами – дату дня, предшествующего тому, в который Вы вручите эти меморандумы советскому правительству.

Около 7 часов утра по германскому летнему времени в день, указанный Вам курьером, я прошу Вас попросить о встрече с Молотовым и затем, утром же, в самое раннее удобное для него время, вручить ему экземпляр меморандума. Я прошу Вас сказать господину Молотову, что Имперское правительство, ввиду наших дружественных отношений, желает уведомить советское правительство о тех операциях на Западе, к которым Германия была принуждена англофранцузским продвижением через Бельгию и Голландию в район Рура.

В остальном, я прошу Вас использовать объяснения и доводы, которые Вы найдете в тексте меморандума.

Я прошу Вас немедленно телеграфировать о реакции на Вашу миссию.

Риббентрон²⁹

Встреча Шуленбурга с Молотовым действительно состоялось. В том же сборнике незадачливый сочинитель хильгеровских воспоминаний мог бы найти текст ответной телеграммы в Берлин.

ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ- РИББЕНТРОПУ

Телеграмма

Москва, 10 мая 1940- 18.00

Очень срочно!

№ 874 от 10 мая

На Вашу инструкцию от 7 мая

Имперскому Министру иностранных дел

Предписание относительно Молотова выполнено. Я нанес ему визит. Молотов по достоинству оценил сообщение и сказал, что он понимает, что Германия должна была защитить себя от англофранцузского нападения. У него нет никаких сомнений в нашем успехе.

Шуленбург³⁰.

Если же допустить, что подобную ахинею про встречу Молотова с Риббентропом 7 мая 1940 г. написал сам Хильгер, то его следует признать злостным фальсификатором и сдать все его книжки в макулатуру.

Уже 17 мая 1940 г. Сталин был вынужден передать через Молотова германскому послу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск» во Франции. Но одновременно Молотов поставил посла в известность, что советское правительство направит в Прибалтийские страны своих специальных эмиссаров, чтобы обеспечить создание там новых, приемлемых для Советского правительства правительств. А еще через пять дней Молотов сообщил нам, что советское правительство решило – если потребуется, силой – осуществить возвращение Бессарабии и что оно претендует на Буковину.

Нет, ребята-фантазеры, это уже даже не смешно. Если по версии Хильгера Риббентрон слил Молотову сверхсекретную информацию о начале вторжения во Францию за три дня до начала операции, то Молотов оказался еще любезнее – предупредил друга Иоахима о советских захватнических мероприятиях аж за месяц до их начала!!! Даже в госдеповском сборнике фальшивок нет на сей счет никаких упоминаний.

²⁹ <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/union.php>.

³⁰ Там же.

Вскоре после этого Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Советского Союза. Было ясно, что советское правительство, обеспокоенное неожиданными германскими успехами во Франции, решило ускоренными темпами расширить и укрепить свои позиции, чтобы извлечь максимальную пользу из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов. При этом Сталин был столь неосторожен, что в орбиту своих экспансионистских устремлений включил Буковину хотя о ней в германо-русских договорах не было и речи и она никогда России не принадлежала. Включение Северной Буковины в состав Советского Союза являлось нарушением германо-советских договоренностей. Когда посол заявил Молотову протест против этого акта, тот не только попытался оправдать советский шаг, но и добавил, что в том случае, если советское правительство проявит интерес к включению и Южной Буковины, оно ожидает в этом поддержки со стороны германского правительства.<...>

Конечно, в годы Холодной войны можно было приписывать Советскому Союзу любые грехи. Но следовало бы сначала договориться о разумных пределах. Иначе нестыковочка выйдет. Пишущий от имени Хильгера фантаст рисует Молотова таким хамом, который в ответ на недоуменные вопросы германского посла нагло ему заявляет: дескать, если захотим, то и Южную Буковину заберем, а вы, фрицы еще и помогать нам будете!

Но все в том же госдеповском сборнике мы находим телеграмму Шуленберга с отчетом об описываемой встрече с Молотовым, в которой ей дается несколько иная интерпретация:

«Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав! что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с бессарабским. Тем не менее у меня создалось впечатление, что Молотов полностью не отбросил возможность советского отказа от Буковины в ходе переговоров с Румынией»³¹.

Если же мы попробуем проверить сведения, приводимые в сочинениях Хильгера на соответствие не с госдеповскими фальшивками, а с настоящими документами, то ничего кроме легкой брезгливости не испытаем – брешет автор, и брешет крайне топорно. Признанный по обе стороны Атлантики «эксперт по русским делам» вряд ли мог написать такие тупые тексты.

Ниже мы еще пару раз коснемся «мемуаров Хильгера», опубликованных «Дипломатическим ежегодником» за 1989 г. в тех местах, где они слишком уж будут расходиться с показаниями других участников секты «Свидетели Протоколов». Следует отдать должное домогренным фанатам «секретных протоколов». Доказывая общественности факт «дьявольской сделки» Молотова – Риббентропа за подтверждением к мемуарам Хильгера они обращаются крайне редко. Видимо, понимают, что такое топорное лжесвидетельство если в чем и убеждает, так это в том, что «секретные протоколы» – выдумка. Есть и другой вариант: в «Дипломатическом ежегоднике» за 1989 г. опубликованы не выдержки из воспоминаний Хильгера, а высосанный из пальца бред со ссылкой на его мемуары.

³¹ Там же.

Херварт

Оказывается, Павлов был не единственным дожившим до 90-х годов «свидетелем» кремлевского «сговора». Впервые сведения о содержании «секретного протокола» якобы просочились из стен московского посольства Германии уже 24 августа 1939 г. Утечка произошла стараниями советника посольства в Москве Ганса фон Херварта, который, дескать, передал содержание тайного документа секретарю посольства США Чарльзу Болену уже через несколько часов после подписания документа. Тот, якобы нанес своему немецкому коллеге частный визит... в германское посольство. Болен незамедлительно довел информацию до сведения президента Рузвельта³².

Открытая электронная энциклопедия «Википедия» сообщает, что американцы не передавали эту информацию ни одной из европейских стран, да и вообще, как можно понять, до начала раздела Польши не верили сообщению. То, что янки располагали целой агентурной сетью в московском посольстве Германии – бесспорный факт. Госдепартамент получал очень подробную информацию о характере советско-германских контактов. Вывод об этом можно сделать, ознакомившись с официальным изданием американских дипломатических документов – Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Но во всех двух томах, отражающих события 1939 г., никакие «секретные протоколы» Молотова – Риббентропа ни разу не упоминаются. Если есть желание проверить, даю ссылки: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1939v01> и <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1939v02>.

Эти тома вышли в 1956 г., когда миф о «секретных протоколах» уже был запущен в оборот. При желании Госдепартамент мог вернуть и сюда несколько фальшивок. Но, видимо, американцы решили не засорять сборник своих официальных документов низкопробными подделками. К тому же несколько затруднительно было «редактировать» донесения посла Штейнгардта даже не смотря на то, что он погиб в 1950 г. в авиакатастрофе.

Чарльз Болен, Ганс Херварт и Эрнст Кестринг.

Ведь те высокопоставленные чиновники, что читали его отчеты, еще были живы.

Однако «зыбкость прошлого» приводит к странным метаморфозам. Со ссылкой на только что вышедшую в Финляндии книгу магистра философии Кауко Румпунен «Я шпион», «Парламентская газета» сообщает, что *«через пять дней сам президент Франклин Рузвельт счел необходимым сообщить о нем («секретном протоколе» – А. К.) послу Финляндии в*

³² См. http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_E._Bohlen.

Вашингтоне Ялмару Юхану Прокопе». И это не смотря на то, что «на эту информацию, добытую в Москве, США наложили тогда гриф строжайшей секретности. О ней знали только президент Рузвельт и всего несколько доверенных лиц в его администрации»³³.

Если на сообщение был наложен гриф строгой секретности, значит, американцы не только поверили донесению Болен, но и придали ему большое значение. Но в этом случае полностью исключалась передача сведений стране, не являющейся союзником США. Хотя бы потому, что этот акт ставил под угрозу очень ценного агента, поскольку Финляндия имела традиционно дружественные связи с Германией. Круг лиц, причастных к московским переговорам, был чрезвычайно узок, что облегчало поиски предателя. И уж тем более, передача информации не могла произойти описанным в «Парламентской газете» способом. Если уж американский лидер решил проинформировать руководство Финляндии, то Рузвельту следовало передать эти сведения президенту Каллио через американского посла в Хельсинки или по линии разведки.

Чем же объясняет финский писатель-биллетрист то, что финское руководство ничего не знало о «секретных протоколах» и данный фактор во время напряженнейших советско-финских переговоров осенью 1939 г. не принимало во внимание? Ответ, мягко говоря, неубедительный: посол Прокопе, дескать, воспринял сообщение Рузвельта, как слухи, и в соответствующем ключе проинформировал собственное внешнеполитическое ведомство. Только идиот поверит, будто в компетенции посла давать оценку сведениям, лично переданным президентом США. Если бы передача информации действительно имела место, то Прокопе должен был немедленно сообщить об этом своему правительству по закрытому каналу связи. Допустим, в финском министерстве иностранных дел тоже не поверили Рузвельту. Но после начала советско-финской войны все сомнения должны были отпасть, в своей пропаганде надо было растрепать о «секретных протоколах» на весь свет. Но этого не произошло. Так есть ли хоть какие-то основания верить финскому сочинителю шпионских историй Румпунену?

Об услугах, оказанных Америке Хервартом, Болен поведал в своих мемуарах лишь в 1973 г. незадолго до своей смерти³⁴. Никаких доказательств получения данных о «секретном протоколе» им приведено не было. И почему Рузвельт, если он действительно получал столь важное сообщение от Болен, никогда не использовал его для давления на русских? Ведь Чарльз Болен был личным переводчиком президента Рузвельта на Ялтинской конференции, где большие трения возникли как раз по вопросам польских границ. Наконец, почему Чарльз Болен обнародовал сенсационные подробности шпионской истории лишь в 1973 г. – через 25 лет после выхода скандального сборника документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941»? Ответов на эти вопросы нет.

Английскую делегацию в Ялте возглавлял самый лютый антикоммунист всех времен и народов Уинстон Черчилль. Вопрос: почему он не поднял вопрос о разделе Польше на основании советско-германского «секретного протокола»? О нем английское правительство якобы тоже было извещено стараниями все того же Ганса фон Херварта, который контактировал в Москве с английским дипломатом Фицроем Маклином, а тот был близок к самому Черчиллю³⁵. Основным ремеслом Маклина была разведка – он даже стал прототипом знаменитого Джеймса Бонда (Ян Флеминг, автор романов об агенте 007, кстати, тоже служил в Москве по линии английской разведки с весны 1939 г.).

Ганс Херварт фон Биттенфельд, родственник знаменитого полковника фон Штауффенберга, принадлежал к аристократической оппозиции Гитлеру и считался важнейшим агентом

³³ «Парламентская газета», № 147(2215), 2 ноября 2007 г. // http://www.pnp.ru/chapters/world/world_4771.html.

³⁴ См. Charles E. Bohlen, *Witness to History 1919–1969* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1973).

³⁵ См. <http://tbrnews.org/Archives/a101.htm>. Известный польский историк Павел Вечоркевич так же считает, что англичане узнали о «секретных протоколах» 24 августа 1939 г., но не сообщили о них полякам, опасаясь, что те примут немецкий ультиматум и война не начнется (см. <http://www.inosmi.ru/world/20050929/222599.html>)

западных держав в Москве (поддерживал связь в частности с Гарриманом, Боленом, Тайе-ром и Кенаном). Именно он, якобы, сливал британцам полную информацию о ходе советско-германских переговоров с одобрения своего шефа, посла Германии в СССР Шуленбурга. С 1939 г. он работал в армейской разведке (Абвер) под началом Фридриха Канариса – еще одного агента союзников в ходе войны и участника антигитлеровского заговора. Под непосредственным руководством своего московского знакомого, бывшего военного атташе Германии в СССР Эрнста Кестринга, Херварт принял деятельное участие в создании Конгресса освобождения народов России – организации генерала-предателя Власова. В 1955 г. он стал первым послом ФРГ в Лондоне³⁶.

Кстати, германский военный атташе в СССР в (1931–1933 и 1935–1941 гг. генерал Эрнст Кестринг (1876–1953) личность тоже весьма примечательная. Он – русский немец, более 30 лет живший в России. Эрнст Августович родился в 1876 г. в Тульской губернии, где его отец был помещиком. Закончив в Москве гимназию, поступил в Михайловское артиллерийское училище. Прослужив некоторое время в русской армии, он перед Первой мировой войной выехал в Германию, где вскоре становится начальником разведки при Главном штабе армии Германской империи. В 1931–1933 гг. Кестринг играл ключевую роль в сотрудничестве между Рейхсвером и РККА, осуществляющейся в рамках рапалльских соглашений.

В СССР он занимался прежде всего разведывательной деятельностью, с каковой целью использовал большой штат военного представительства – около 20 сотрудников, большинство из которых были немцы российского происхождения, как и он сам. Советская контрразведка считала его настолько важной фигурой, что в его дом на Хлебном переулке даже был тайно прорыт подземный ход, а сейф Кестринга регулярно исследовался «медвежатниками» ГУГБ.

Во время Великой отечественной войны, в сентябре 1942 г. генерал становится специальным уполномоченным по вопросам Кавказа в группе армий «А». В его задачу входило формирование так называемых «национальных легионов», состоявших из добровольцев-кавказцев. Наконец в 1944 г. генерал-лейтенант Эрнст Кестринг становится командующим всеми «добровольческими» формированиями, действующими в составе Вермахта, в том числе и власовской РОА. В этот период под его началом служит и Ганс Херварт. Несложно предположить, что и Кестринг стал на каком-то этапе сотрудничать с американскими спецслужбами. По крайней мере, сразу после сдачи в плен американцам он был тут же вывезен за океан, где уже в 1946 г. он был официально признан невиновным в военных преступлениях и освобожден. Проживал он в США, будучи «экспертом по русским делам» (известен, как член знаменитой «тройки Болена» в которую помимо него входили Херварт и Хильгер).

Что ж, версия о том, что Херварт шпионил на англичан и американцев выглядит вполне правдоподобно. Он действительно мог передать информацию о ходе московских переговоров американцам и англичанам. Но нет никаких подтверждений тому, что он сообщал им о «секретных протоколах» в 1939 г. До 1948 г. почему-то никто никогда не поднимал этот вопрос на официальном уровне. В 1939 г. Британия воевала, пусть и номинально, с Германией и чуть было не ввязалась в войну с СССР из-за Финляндии. Однако даже тогда о «секретных протоколах» никто не заикался, хотя это был бы мощный пропагандистский козырь. Сам Херварт в своих мемуарах утверждает, что еще в августовские дни посол США в Москве Штейнгардт сообщил о «секретных протоколах» послу Италии в Москве А. Россу. Это-то с какой стати – кто дал ему санкцию на разглашение сверхсекретных сведений? Ведь Италия была союзником Германии, а не США! Короче, если верить позднейшим выдумкам мемуаристов, о «секретных протоколах» полмира узнало уже в августе 1939 г.

Херварт умер только в 1999 г., и в истории с «секретными протоколами» он сыграл видную роль во время Перестройки в СССР. В июне 1989 г. он встречается с народным депутатом

³⁶ См. http://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Herwarth.

СССР Мавриком Вульфсоном во время визита последнего в ФРГ и, как считается, передал ему фотокопии «секретных протоколов» из архива министерства иностранных дел ФРГ. Вульфсон (о нем подробнее будет рассказано ниже), один из ярых прибалтийских сепаратистов, играл активную роль в комиссии Яковлева. Я бы поостерегся безоговорочно верить тому, что исходит от Херварта. Не стоит забывать, что он профессиональный шпион, к тому же двойной агент.

Его бывший московский контактер Чарльз Тайер был шефом Управления стратегических служб (OSS), предшественницы ЦРУ. Херварт в 1945 г. работал под его началом в американской военной администрации Вены, а главным резидентом в Европе тогда являлся небезызвестный Аллен Даллес. В 1947 г. Тайер возглавил «Голос Америки», радиостанцию, финансируемую по каналам спецслужб. Тайер был убежденным сторонником использования бывших функционеров Третьего рейха для борьбы с коммунизмом. Уж не его ли давнюю идею реализовал Херварт, всучив Вульфсону фальшивые фотокопии? Что-то очень часто в деле о «секретных протоколах» фигурирует американская разведка. Но сам Вульфсон заявляет, что копии «секретного протокола» он нашел самостоятельно, а Херварт лишь раскрыл ему при встрече подробности тайной вечера в Кремле 23 августа 1939 г.

Вдова бывшего депутата Эмма Брамник так описывает в своих воспоминаниях встречу советского депутата и американского шпиона:

«В ответ на требования прибалтов была создана комиссия съезда для рассмотрения политической и правовой оценки документов 1939 года во главе с секретарем ЦК КПСС по идеологии академиком Александром Яковлевым. Среди 24 членов комиссии было 11 депутатов из балтийских республик и среди них – трое из Латвии: Маврик Вульфсон, Ивар Кезберс и Николай Нейланд.

Но это было лишь первым шагом к исторической истине. Вначале многие из членов комиссии, как и большинство депутатов Верховного Совета СССР и главное – Горбачев, другие руководители страны, продолжали категорически отрицать существование протоколов: «Для их рассмотрения и оценки документов требуются подлинники. Без этого дискуссия беспредметна».

Депутаты были допущены во все советские архивы, но поиски оказались безрезультатными. Тогда член комиссии народный депутат Вульфсон решил поискать документы в архивах МИДа Германии. Его немецкие друзья – дипломаты и журналисты, которые симпатизировали идеям Народного фронта Латвии, подсказали, что, когда советские войска уже приближались к Берлину, перед капитуляцией Германии в ее МИДе срочно изготовили копии многих документов российско-германских отношений разных времен и эпох. И все это запрятано в архиве в горах Гарца.

Вульфсону разрешили ознакомиться с тем архивом, где вперемешку с договорами еще царских времен он нашел то, что искал – копии тех самых секретных протоколов, подписанных Риббентропом и Молотовым в ночь на 24 августа 1939 года в Кремле. Ему помогли изготовить их копии, и Вульфсон поспешил привезти их в те горячие дни в Кремль. Но Горбачев заявил: «Такие копии может изготовить каждый! Я им не верю. Никаких протоколов не было».

Помогла новая подсказка немецких коллег, и у Маврика появляется еще один колоссальный шанс: оказывается, в Северной Баварии живет уникальный человек – дипломат высокого ранга Ханс фон Херварт. В то время он – единственный еще живой свидетель подписания тех злосчастных протоколов в Кремле в 1939-м. Недавно вышла в свет его книга «Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte. 1931–1945» – «Между Гитлером и Сталиным. История прожитого времени. 1931–1945».

Ханс фон Херварт вплоть до сентября 1941 года восемь лет был личным секретарем графа В. фон Шуленбурга, посла Германии в СССР. 23 августа 1939 года фон Херварт был

в составе большой свиты того судьбоносного для мира визита министра иностранных дел Германии Иохима фон Риббентропа в Московский Кремль – многочисленной команды, которая прилетела на двух самолетах и включала журналистов, фотографов и кинооператоров, чтобы в мельчайших подробностях запечатлеть для истории все моменты предстоящего события. Летом 1944 года Ханс фон Херварт, активный участник заговора антинацистской оппозиции против Гитлера, чудом спасся от кровавых репрессий, последовавших после провала заговора. Жертвами репрессий стали многие антифашисты, а также боготворимый им его учитель граф В. фон Шюленбург, тот самый посол Германии в довоенной Москве.

«Попробуй встретиться с ним, получить у него интервью. Его свидетельства будут, пожалуй, самыми убедительными для ваших твердолобых в Москве, – посоветовали Маврику Германовичу немецкие журналисты – но, учти, это не так просто...»

И Маврик снова в Германии. Действительно, это было непросто. Пришлось обратиться за помощью в МИД и к шефу пресс-службы самого канцлера Гельмута Коля. И Вульфсону выделили группу телеоператоров и транспорт – путь до родового замка

Гогенцоллернов Кюнс был не близким. Наконец, Кюнс. 21 июня 1989 года. На «пороге» замка гостей встречают сами Ханс и Элизабет фон Херварт...

Почти три часа камеры немецких тележурналистов фиксировали вопросы Маврика Вульфсона и подробный рассказ Ханса фон Херварта о том, как проходила встреча в Кремле в ту ночь с 23 на 24 августа 1939 года. О том, как он лично по телефону согласовывал с Гитлером изменения в текстах протоколов, которые требовал Сталин – Курляндию, Windau (Вентспилс), Libau (Лиенау)! И удивлялся, как легко Гитлер соглашался со всеми капризами Сталина: Гитлер торопился, чтобы пакт о ненападении был подписан и как можно скорее. Тогда уже было решено, что через несколько дней, 26 августа, должен был начаться поход на Польшу (однако военные действия против Польши начались только 1 сентября – Гитлеру пришлось еще убеждать ближайших союзников).

После встречи в Кюнсе немецкие телевизионщики вручили Маврику Вульфсону две копии фильма-интервью с уникальным свидетелем подписания тех судьбоносных секретных документов. Окрыленный депутат Вульфсон срочно возвратился в Москву и уже через пару дней эту ленту показали Центральное телевидение СССР и очень популярная в то время программа Латвийского телевидения «Labvakar» («Добрый вечер»), которую вели Эдвин Инкенс, Оярс Рубенис и Янис Шипкевич.

Свидетельства ветерана германской дипломатии Ханса фон Херварта и помогли окончательно сломить сопротивление Горбачева и его команды...

...На подаренных в Кюнсе нескольких открытках с видами поместья собственноручная надпись: «Профессору Маврику Вульфсону в память о приятном знакомстве и проведенном дне в Кюнсе. 21.6.89». На обложке подаренной гостю книги «Zwischen Hitler und Stalin» значится: «Дипломат немецкого посольства в Москве...Офицер, участник войны и движения Сопротивления против Гитлера из круга Штауффенберга».

Но занимательная история: документальные кинокадры интервью с Хансом фон Хервартом, сыгравшие свою значительную роль в восстановлении свободы Балтии, исчезли из архивов и советского Центрального, и Латвийского телевидения. Не найти их и в Государственном архиве кинофотофонодокументов...»³⁷.

Запись исторического интервью, если она и существовала (в чем я очень сомневаюсь), исчезла неслучайно. Видимо, очень топорно набрехал Херварт. Но, скорее всего, это – фейк. Поэтому и приходится врать об исчезнувших кассетах (кстати, странно, что Вульфсон не снял

³⁷ Эмма Брамник-Вульфсон «Я вышла замуж за романтика» // <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>.

с нее копию даже для себя). Но если в той записи возникла надобность, можно было бы обратиться к германским журналистам, у которых остались оригиналы записи.

В 1991 г. по центральному телевидению была показана передача «Камера смотрит в мир» (ведущий Дмитрий Бирюков), где в кадре жена Херварта Элизабет рассказывает о своем муже и Шуленбурге. Сам фон Херварт почему-то не счел нужным уделить внимание телевизионщикам, снимающим фильм о нем и его шефе. Видимо к этому документальному фильму, не называя его, и апеллирует Эмма Вульфсон.

Стоит обратить внимание на следующее: писатель-фантаст Карпов утверждает, будто молотовский переводчик Павлов присутствовал при разговоре Риббентропа с Гитлером, когда рейхсминистр согласовывал с фюрером раздел Восточной Европы. В мемуарах Риббентропа указывается, что он связывался с шефом из здания австрийского посольства, причем каким образом – по телефону или шифротелеграммой, автором не уточняется. Но, поскольку, говорится об ожидании ответа, логично предположить второе. А по версии Маврика Вульфсона фюреру по поводу Прибалтики звонил Херварт.

Это, конечно, полнейшая чушь. Как мог какой-то секретарь посла звонить фюреру? Первое, что бы тот сделал, это потребовал к телефону своего министра Риббентропа – того он мог узнать хотя бы по голосу. К тому же, как явствует из мемуаров Риббентропа и показаний Гаусса, в первой встрече в Кремле с германской стороны участвовали помимо рейхсминистра лишь секретарь посольства Хильгер (в качестве переводчика) и посол Шуленбург. Но в том же affidavitе Гаусса (см. главу «Гаусс») говорится, что по телефону в Берлин Риббентроп звонил во время второго раунда переговоров. Правда, о том, что разговор происходил в кабинете Сталина, он не упоминает. Это самое раннее свидетельство, датированное 15 марта 1946 г. Все последующие публикации по идее должны быть согласованы с этими показаниями, данными свидетелем под присягой. Но Вульфсон здесь дал маху, поскольку содержание гауссовского affidavitа явно не было ему знакомо.

Херварт говорит о каких-то изменениях в протоколе (Курляндия, Windau, Libau). Ну, Курляндия здесь, конечно, для красного словца упомянута – не существовало Курляндии в 1939 г., с таким же успехом можно было рассуждать об Остзейском крае или Гиперборее. Но вот о Вентспилсе и Лиепае речь вполне могла идти. Вероятно, Сталин обсуждал с Риббентропом возможность аренды этих портов для нужд советского ВМФ и то, как отнесется к этому Берлин. На это же косвенно указывают и слова Риббентропа в Нюрнберге (в том виде, в каком их передает американский вариант стенограммы заседаний Международного Трибунала). Допускаю, что вопрос о появлении на Балтике советских военно-морских баз нуждался в дополнительном согласовании с Берлином (не по телефону, конечно же). Но ведь в «секретном протоколе» якобы давалась санкция на оккупацию советской стороной всей Прибалтики – так с какой бы стати в этом случае Сталин стал отдельно обсуждать вопрос о Вентспилсе и Лиепае? Нет логики.

Сам Вульфсон высоко оценил вклад Ганса фон Херварта в дело о фальшивых протоколах. В своем выступлении на юбилейной конференции интеллигенции Латвии в связи с 60-летием пакта Молотова-Риббентропа, как его именуют на Западе, в присутствии президента Латвии Вайры Вики-Фрейберги он предложил: «Учитывая роль, которую сыграли свидетельские показания Ханса фон Херварта в борьбе за восстановление независимости стран Балтии, было бы заслуженно и справедливо одну из улиц или площадей в Латвии назвать его именем».

В пояснительной записке от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР, представленной комиссией по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г, есть такие строки: «Члены комиссии ознакомились со свидетельствами – в том числе здравствующих поныне – непосредственных участников контактов и переговоров 1939 года между СССР и Германией, Англией и Францией». По всему выходит, что лишь «интервью», взятое Вульфсоном у Херварта могло быть представлено, как свидетель-

ство здравствующего поныне очевидца. Однако имя Херварта нигде в документах комиссии не упоминается, его показания там не фигурируют, видеозапись интервью якобы таинственно исчезла из архивов. Поэтому нельзя исключать, что историческая встреча в Кюпсе – позднейшая мистификация.

Микрофильмы

Откуда взялись фотокопии «секретного дополнительного протокола» у американцев? Согласно легенде, разрекламированной в СССР в 1989 г., по указанию Риббентропа в 1943–1944 гг. были сделаны микрофильмы документов МИД Германии. Весной 45-го поступил приказ уничтожить все архивы. Выполняя это распоряжение, некий советник МИД Карл фон Леш пожег бумаги, но, имея на то невыясненные мотивы, спрятал 20 катушек микропленок с 9725 страницами документов в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в парке замка Шенберг возле города Мюльхаузена, что в Тюрингии. 12 мая 1945-го фон Леш якобы вручил микрофильмированные документы английскому подполковнику Роберту Томсону. Тот, преисполненный союзническими чувствами, почему-то отдал ее американцам, а не своему начальству. 19 мая ценный груз доставили в Лондон, где американцы сняли копии со всех микрофильмов.

Судя по всему, автором этой детективной истории был перестроечный журналист Лев Безыменский. Самое раннее из найденных мною упоминаний об эпизоде с микрофильмами было сделано им 31 марта 1989 г. на круглом столе в редакции журнала «Вопросы истории». Возможно, никакого круглого стола не было, опубликована стенограмма круглого стола была только во второй половине июня того же года, когда начала свою деятельность яковлевская комиссия. Примечательно, что сам Яковлев – самый компетентный эксперт по «секретным протоколам» в интервью, датированном 2004 г. говорит следующее:

«О существовании секретных протоколов Запад узнал практически сразу после войны – и они там были опубликованы. Как они туда попали, одному богу известно – скорее всего, через Германию»³⁸.

Но так или иначе, общепризнанной, хоть и ничем не подтвержденной до сих пор, стала версия о происхождении микрофильмов фон Леша в редакции Безыменского. Кто такой фон Леш? Валентин Сидак в интервью газете «Правда» дает ему такую характеристику:

«Советник МИД Карл Кристиан фон Леш – один из ведущих немецких специалистов по проблемам «жизненного пространства Германии», автор многих трудов по германо-польским отношениям, в том числе по проблеме «данцигского коридора». В 1938 году он совместно с Фриком, Розенбергом, Бемом и другими видными деятелями нацизма издал в специализированном ежегоднике рейха статью «Немецкие приграничные территории», которая в своих основных положениях предваряла идеи «мюнхенского сговора» в отношении Чехословакии»³⁹.

Леш не оставил мемуаров, никогда не давал официальных показаний в связи с микрофильмами, да и вообще, каких-либо сведений о его жизни после 1945 г. мне найти не удалось. В 1958 г. американцы передали властям Западной Германии негативы микрофильмов из так называемой коллекции фон Леша и с тех пор они хранятся в политическом архиве ФРГ. Официальная публикация скандальных протоколов не осуществлялась, широкое хождение имеют только репродукции из американского сборника 1948 г. «Нацистско-советские отношения 1939–1941». Даже на сайте Германского исторического музея красуются именно

³⁸ «Вечерняя Москва», № 175 (23973), 17 сентября 2004 г. // <http://www.vmda.ru/article.php?aid=2910>.

³⁹ «Правда», 2007 г., № 44 // <http://www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda%20044.html>.

сканы из этой книжонки⁴⁰. На сайте «Ключевые документы немецкой истории» тоже выложены сканы из книги⁴¹, причем отсканированы не страницы из книги, а почему-то ксерокопии.

Сделано это было для того, чтобы придать изображению эффект старой пленки, однако любой специалист без труда отличит зашумленность пленки от грязи, которую оставляет на бумаге тонер копировального аппарата. Самое удивительное, мой анализ всех доступных изображений показывает, что качество картинки в госдеповском сборнике значительно более хорошее, нежели на микрофильмах. Например, на микрофильме первой страницы «секретного протокола» в нижней части листа наблюдается хорошо видимая линейная аберрация, вызванная искажениями, которые дает объектив при съемке (края изображения как бы уходят в перспективу). А в госдеповском сборнике, в котором «секретные протоколы» воспроизведены якобы по микрофильмам фон Леша, подобных искажений нет.

Получается, что микрофильмы фон Леша были сняты с госдеповской публикации, а не наоборот! Учитывая, что микрофильмы были переданы Германии через 10 лет после выхода сборника «Нацистско-советские отношения 1939–1941», это вполне логично. Конечно, для чистоты эксперимента надо бы сравнить не сканированные, а оригинальные изображения, но в этом случае мы получим еще более красноречивые результаты. Данный эксперимент путем анализа аберраций позволит не только выявить исходное изображение, но и позволит оценить, какое из изображений более четкое. Разумеется, любая аналоговая копия будет более размыта, чем оригинал. Пока же мы видим, что изображения микрофильмов намного менее резкие, чем репродукции в американском издании.

Вообще, видел ли кто-нибудь микрофильмы фон Леша? Весьма любопытное свидетельство приводит в своей книге «Я вышла замуж за романтика» вдова Маврика Вульфсона Эмма Брамник-Вульфсон:

«Как известно, власти СССР полвека категорически отрицали существование секретных протоколов к советско-германскому пакту 1939 года.

Но весь мир в то время очень интересовало, как живет в странах Балтии спустя полвека после того 1939-го. И в год 50-летия пакта по инициативе канала ТВ-3 Франции началась совместная работа с рижанами над созданием киноленты «Латвия. Август 1989 года». Французы пообещали получить разрешение МИДа ФРГ для киносъемки зловеющих документов.

Вот что об этих встречах в Германии мне поведали Ивар и Андрис Виестурс Селецкисы – латвийские мастера кинодокументалистики.

«Август 1989-го. В Бонн, тогда столицу ФРГ, отправилась четверка рижан: сценарист Таливалдис Маргевич; в качестве эксперта – Маврик Вульфсон, депутат Верховного Совета СССР, человек, уже тогда хорошо известный на Западе; звукооператор Гунар Нетребскис и я, кинооператор, – вспоминает Андрис Селецкис. – На киностудии мне доверили 35-миллиметровую синхронную западногерманскую кинокамеру «Arriflex», тогда самую современную. Ивар Селецкис, режиссер фильма, мой старший брат, остался в Риге – предстояло документировать «Балтийский путь» трех республик, организованный народными фронтами наших стран, волнующее событие, когда миллионы их жителей – и стар, и млад, взявшись за руки, создали живую цепь, протестуя против секретных протоколов и требуя восстановления независимости на своей земле.

В Бонне нас ждали сюрпризы: гостиница заказана, но платить нечем – еще не перечислили деньги. Пару дней даже пришлось почти голодать... Исчез наш французский шеф – атташе по культуре; и группу уже собирались выселить из гостиницы.

⁴⁰ <http://www.dhm.de/sammlungen/zendok/hitler-stalin-pakt/Vertrag.html>.

⁴¹ http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0025_pak.

Но постепенно все наладилось. Маврику удалось разыскать Паула Клявиньша, латвийского активиста, проживавшего тогда в Германии, – он и стал нашим помощником. Объявился и шеф-француз. Оказалось, ему было строго-настрого запрещено контактировать с латвийским диссидентом Вульфсоном.

Наконец, киносъемки в архиве разрешены. Но там особые строгости – тщательная проверка документов, личный досмотр. Из техники с собой разрешено занести только мой «АзгШех». Даже фотоаппарат нельзя: «В разрешении написано «киносъемка», значит только киносъемка». Немецкая точность и четкость.

...И вот свершилось – мы в подземельях, в хранилищах архива – святая святых самой Истории! Специально для нас, рижан, открываются тяжёлые двери, и в помещение вносят объемистую папку в крепком темно-красного, почти бордового цвета кожаном переплете и ящик с негативными фотопленками и микрофильмами, на которых заснят весь толстенный многостраничный пакт. И все это ставят... на обыкновенный рабочий стол перед нашим экспертом – предоставленный вариант документа на немецком языке.

Включаю камеру, и с этого момента она без остановки работает до самого нашего выхода из зала. Фиксирую каждый шаг, каждое движение.

Вот Маврик осторожно, с трепетом берет в руки папку и своими тонкими длинными пальцами открывает фоллиант, перелистывает его страницы размером около А-4, бегло просматривает, прочитывает тексты... Затем снова главную страницу – титульный лист, и перед глазами действительно сама История: с одной стороны страницы подпись «И. Риббентроп», с другой – «В. Молотов», их официальные титулы – министр иностранных дел Германии (Третьего рейха), народный комиссар иностранных дел СССР.

На оригинале хорошо сохранились и четко видны даже цвета чернил подписей, всех официальных гербовых печатей и многочисленных штампов. И дата – «23 августа 1939» (известно, что документы были подписаны в два часа после полуночи 24 августа, но по согласованию сторон они были датированы 23 августа. – Э. Б.).

...Ящик с фотопленками, микрофильмами пакта и всех секретных протоколов Маврик просматривает так, чтобы я мог все четко заснять. Впечатление было такое; что и эти съемки документов сделаны еще в 1939 году – по краям, на дорожках пленки постоянно пробегают фирменные знаки «АСЕА-39»(немецкая негативная пленка).

– Маврик; неужели это настоящие? – с недоверием шепчу Вульфсону.

– Более настоящих и быть не может!!!

«Съемка окончена! Это все!» – раздаётся в помещении. Оказалось, что уже промелькнули разрешенные минуты, а для нас это были моменты истины века. Только что своими глазами мы, четверо рижан, единственные из всего тогда еще Советского Союза, увидели секретные протоколы, которые взорвали мир не только в Европе. С которых началась Вторая мировая война и потекли реки человеческой крови. Увидели сатанинский документ, изменивший судьбы миллионов людей Восточной Европы – Польши, стран Балтии, Бессарабии и не только...

... Покинув мрачные архивные подземелья, от увиденного мы еще долго не можем говорить. Такое врезалось в память на всю жизнь», – и сегодня с волнением вспоминает Андрис Виестурс.

«Вместе с Майей Селецкой, режиссером по монтажу; работу над фильмом по заснятым материалам мы заканчивали уже на студии в Марселе, – вспоминает Ивар Селецкис. – 52-минутная документальная лента «Латвия. Август 1989 года» стала популярной во всей Франции – тогда фильм трижды демонстрировался по телевидению, получил хорошую оценку и имел обширную прессу. В моем архиве пачки восторженных рецензий ведущих изданий, начиная с «Фигаро», «Либерасьон» и др.

Тогда, готовясь к визиту в Латвию, этот фильм специально посмотрел президент Франции Франсуа Миттеран.

Однажды в 1989-м фильм показали и по латвийскому телевидению, но не особенно афишировали его – то было время противостояния разных политических платформ.

«Человек, видевший секретные протоколы», – так в своей книге «100 дней, которые разрушили мир» Маврик Вульфсон назвал главу о встрече с немецким дипломатом Хансом фон Хервартом, единственным в 1989-м году живым свидетелем событий той сатанинской августовской ночи 1939 года в Кремле.

«Человек, который держал в руках секретные протоколы», – с тех киносъемок в Бонне величают Маврика Вульфсона»⁴².

Андрис Селецкис упоминает о негативных фотопленках и микрофильмах. Спрашивается, на кой черт давать посетителям архива негативные фотопленки, если на них все равно ничего не рассмотреть, надо сначала отпечатать снимки. А вот с микрофильмами понятно – это диапозитивные изображения, которые можно просмотреть на просвет или спроецировать на экран (во времена моего детства были популярны диафильмы, просматриваемые с помощью диапроектора). Но для просмотра микрофильмов нужен читальный аппарат, представляющий собой проекционный прибор, в котором изображение кадра микрофильма через объектив и систему зеркал проецируется на встроенный в аппарат или вынесенный экран.

Кстати, никакой необходимости в фотографировании и, тем более, кинокопировании в архиве Бонна не было. Обратимся к Большой советской энциклопедии:

«Часто при работе с микрокопиями возникает необходимость получить увеличенный дубликат какого-либо документа. Для этого используют читально-копировальный аппарат, в котором конструктивно объединены читальный аппарат и репрографическое устройство. Первые читально-копировальные аппараты фирмы «Кодак» (США, 30-е гг. 20 в.) осуществляли копирование на фотобумаге. В современных читально-копировальных аппаратах увеличенные копии получают на электрофотополи-проводниковой бумаге или на обычной бумаге способом электрофотографического копирования. Работа с читально-копировальными аппаратами осуществляется в два этапа: поиск (чтение) нужного кадра микрофильма на экране и получение с него увеличенной копии. Читальные аппараты и читально-копировальные аппараты – одно из средств оргтехники, они применяются в библиотеках, отделах научно-технической информации НИИ, проектно-конструкторских и других организациях, где по роду деятельности приходится иметь дело с микрофильмированием»⁴³.

Так что откровения насчет того, что Селецкис якобы копировал документы с помощью синхронной 35-миллиметровой кинокамеры, можно смело назвать бредом. Тем более, далее он дословно утверждает следующее:

«...Ящик с фотопленками, микрофильмами пакта и всех секретных протоколов Маврик просматривает так, чтобы я мог все четко заснять. Впечатление было такое; что и эти съемки документов сделаны еще в 1939 году – по краям, на дорожках пленки постоянно пробегают фирменные знаки «AGFA-39»(немецкая негативная пленка)».

Что можно «четко заснять» при просмотре содержимого ящика? Если же Селецкис снимал проецируемые на экран изображения (что совершенно бессмысленно, как мы уже выяс-

⁴² <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>.

⁴³ <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00089/76300.htm>.

нили, поскольку с помощью читально-копировального аппарата можно легко получить копию), о чем он не упоминает даже намеком, то никакие фирменные знаки «AGFA-39» на микрофильмах мимо пробегать никак не могли. Кстати, число «39» означает не год выпуска, а светочувствительность пленки в градусах DIN (Deutsches Institut für Normung e.V.), Германского Института стандартизации. Можно предположить, что Вульфсон просматривал некие пленки в руках на просвет, сощуриив глаз, а Селецкис запечатлел этот момент на киноленту. Но и в этом случае маркировку Селецкис разглядеть не мог.

Давайте снова обратимся к Большой советской энциклопедии, чтобы выяснить, что же такое «микрофильм»:

«Микрофотокопирование – отрасль техники, осуществляющая получение фотографическим способом уменьшенных в десятки и сотни раз копий (микрофильмов) с различных оригиналов (рукописей, чертежей, рисунков, печатных текстов и т. п.); процесс изготовления микрофильмов. М. – одно из средств оргтехники; применяется в информационных центрах, архивах, библиотеках, научно-исследовательских, проектно-конструкторских и других учреждениях – там, где часто приходится иметь дело с большими массивами документальной информации. М. как научная дисциплина входит в репрографию. Применение М. приводит к сокращению размеров хранилищ в среднем на 90–95 %, обеспечивает доступность для широкого круга читателей редких изданий, имеющих большую историческую или художественную ценность, и способствует сохранению подлинников документов, исключая возможность их повреждения от частого пользования, позволяет оперативно размножать копии микрофильма и печатать с него копии документов, сокращает транспортные расходы (т. к. с применением М. значительно уменьшаются масса и размеры почтовых отправок).

Первые работы по М. восходят к началу 19 в. и связаны с именами изготовителя оптических приборов англичанина Д. Дансера и французского фотографа Л. Ж. М. Дагера. Большая заслуга в развитии М. документальных материалов в России принадлежит Е. Ф. Буринскому – одному из основоположников научной и судебной фотографии. Научно-технический прогресс; вызвавший резкое увеличение объема научно-технической информации, обусловил использование М. во многих сферах производственной и научной деятельности.

Известно несколько основных видов носителей микронизированных изображений: микрофильм рулонный (МР) – 16-, 35-, 70-мм кинолента длиной до 30 м; микрофильм в отрезке (МО) – 16-, 35-мм кинолента длиной до 150 мм; микрофиша (МФ), или диамикрочарта,

– фотопленка размерами 105.148 мм; апертурная перфокарта

– микрофильм, вмонтированный в стандартную перфокарту (обычно 80-колодную).

Выбор типа носителя микронизированных изображений зависит главным образом от принятой системы хранения и поиска документов.

При микрофильмировании используют следующее оборудование: аппараты для кадровой съемки на неподвижный носитель (рулонную микроленту или микрофишу) и установки для динамической или целевой съемки микрофильмов (носитель и оригинал непрерывно движутся), аппараты для контактной печати микрофотокопий, устройства для химической обработки, сушки и монтажа микрофильмов, читальные аппараты для контроля и чтения микрофильмов, читально-копировальные аппараты для получения увеличенных копий документов, например электрографическим методом, оборудование для хранения микрофильмов (боксы, шкафы, картотеки). Технология М. принципиально не отличается от обычного фотографирования; разница состоит лишь в том, что для М. применяют специальную оптику, фото- и киноленты с более высокой, чем в фотографии, разрешающей способностью (от 200 до 500 линий и более на 1 мм)»⁴⁴.

⁴⁴ <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00048/02300.htm>.

Совершенно очевидно, что немцы никак не могли микрофильмировать документы на стандартную фотопленку! Что же тогда видел Селецкис? Скорее всего, он не был ни в каком архиве, иначе просто постеснялся бы врать про «толстенный многостраничный пакт», состоящий, как известно, всего из двух листов. И уж совсем удивительно, что он видел именно погибший по общепризнанной версии оригинал «пакта» с гербовыми печатями, где на титульном листе стоят подписи Молотова и Риббентропа. Чушь! На титульном листе никто никогда не расписывается, подписи ставят лишь в конце договора, и Селецкис не мог узреть там «титул» Молотова – народный комиссар иностранных дел СССР. Абсолютно во всех публикациях рядом с подписью Молотова стоят слова «По уполномочию Правительства СССР» без всяких «титулов» (нарком – это, кстати, должность, а не титул). Короче, перед нами очередная глупая брехня.

При подписании советско-германского договора о ненападении кинохроникеры отсутствовали. Однако в пропагандистских фильмах очень часто как подписание договора 23 августа показывается заключение какого-то более позднего соглашения между СССР и Германией. Кадр из фильма «Литовская голгофа».

Заслуживает внимание и такая подробность: Селецкис якобы видел договор (то ли погибший при бомбежке в 1944 г., то ли уничтоженный по приказу Риббентропа в 1945 г.), на котором стояли гербовые печати и многочисленные штампы. Но везде и всюду мы видим репродукцию советско-германского договора о ненападении из коллекции фон Леша без печатей, штампов и сургуча, хотя следы от дырокола на некоторых изображениях рассмотреть можно. Да, на них видна маркировка, но это нумерация кадров микрофильма, а вовсе не штампы на самом оригинале договора.

По всему выходит, что или Брамник-Фульфсон выдумала показания Селецкиса, или тот нагло брешет. Либо нам демонстрируют какую-то туфту, а сохранившийся оригинал советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. спокойно лежит в германском архиве, но его почему-то не хотят представить публике. Разрешить все споры может репродуцирование советского оригинала Договора о ненападении, благо что он должен пребывать в полной сохранности. Советское правительство не могло его уничтожить, поскольку в нем не было ничего секретного и компрометирующего.

Мне известен лишь один единственный случай, когда был продемонстрирован советский «оригинал» секретного протокола – в художественно-публицистическом сериале «Россия в войне: кровь на снегу», снятом в 1996 г. Этот насыщенный примитивной брехней фильм представляет собой редкостную дрянь, и посвящен он большей частью не войне, а пропаганде ужасов Гулага и воплям по поводу многочисленных сталинских «преступлений». В качестве одного из них фигурирует подписание договора о ненападении с Германией, называемого на западный манер пактом. В этом фильме был продемонстрирован якобы найденный в 1992 г. «оригинал» секретного протокола – там действительно виден цвет чернил на подписях. Но снят этот документ в макрорежиме, чтобы не показывать его полностью, и чтобы не видны были края листа.

Зря оператор так поступил. При большом увеличении становится заметно, что шрифт на «оригинале» отличается от того, что использовался при изготовлении фальшивок с микрофильма фон Леша. Видно это главным образом по букве «К», поскольку именно ее начертание в различных гарнитурах имеет наибольшие расхождения. Но особенно бросается в глаза разница в длине знака переноса.

Почему же российским дипломатам, готовящим договор с Литвой, «оригинал» секретного протокола не предоставили, а для съемок фильма выдали, хотя в этом не было особой нужды? Давайте посмотрим, кто снимал этот фильм: авторы текста – Дональд Джеймс (по совместительству редактор), Стефан Поуп, Герман Боровик, Константин Славин; Консультанты – Ричард Овери, Дмитрий Волкогонов, Михаил Семиряга, Владимир Дмитриев. Снята лента была британской компанией IBP Films Distribution LTD и «Victory series» LTD, которая в титрах почему-то обозначена как российская студия (упоминаний других проектов этой студии мне нигде найти не удалось). Монтаж фильма осуществлялся в Лондоне, в РФ известен в дублированной версии. Выводы делайте сами.

Сделать верные выводы поможет приведенное выше свидетельство Брамник-Вульфсон о документальном фильме «Латвия: Август 1989 года»: ленту снимала французская телекомпания, организацией занимался французский продюсер; монтировали фильм в Марселе и трижды демонстрировали по французскому ТВ. Показали «не афишируя» и по латвийскому телевидению. Возможно, эта лента и есть тасамая запись интервью Херварта, которая по словам вдовы Вульфсона, пропала из архивов. Если нет, то очень любопытно будет ознакомиться с ней. Примечательно, что в «Энциклопедии отечественного кино СССР/СНГ» под редакцией Л. Аркуса⁴⁵ фильм «Латвия. Август 1989» значится как советский, снятый Рижской киностудией. О французах – ни слова. Зачем такая конспирация?

Брамник-Вульфсон в своих воспоминаниях, касаясь вопроса разыскания «секретных протоколов», запуталась сама (наверное, «случайно»), и пытается запутать читателя. Из ее слов следует, что сначала Маврик Вульфсон, уже в качестве члена комиссии Яковлева, по наводке таинственных дипломатов и журналистов побывал в неназванном германском архиве, где обнаружил копии (не фотокопии!) «секретных протоколов, которые к тому же хранились «вперемешку с договорами еще царских времен». Он, дескать, снял копии с копий, которые представил Горбачеву. Но тот им не поверил, сказав, что их может изготовить каждый. Тут

⁴⁵ См. <http://www.russiancinema.ru>.

очень кстати Вульфсону опять помогли неназванные «коллеги», сообщившие о живом свидетеле тайной вечера в Кремле – Хансе фон Херварте. С ним Вульфсон встречался в Кюпсе 21 июня 1989 г. при содействии МИД Германии и пресс-секретаря канцлера Хельмута Коля.

Сопоставляем даты. Комиссия Яковлева была создана I Съездом народных депутатов СССР 1 июня 1989 г. Сам Съезд завершил свою работу 9 июня. Следовательно, в качестве члена комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года Вульфсон мог посетить Германию не ранее 10 июня. Брамник пишет, что поездка состоялась лишь после того, как в советских архивах комиссия протоколы не обнаружила, но это можно не принимать во внимание, потому что никто их и не искал. А уже 21 июня он встречается с фон Хервартом в Кюпсе – родовом замке Гогенцоллернов в Баварии, причем Эмма Брамник подчеркивает, что путь туда был неблизким. Следовательно, всего за 10(!) суток Вульфсон успел побывать в таинственном германском архиве, снять копии «секретных протоколов», привести их в Москву, показать Горбачеву, получить подсказку насчет Херварта, согласовать визит с МИД Германии и пресс-службой канцлера, после чего прибыть к утру 21 июня в Кюпс.

А еще через пару дней фильм об этой встрече якобы был показан по общесоюзному телевидению (это был тот самый фильм, который потом, дескать, таинственно исчез по словам Брамник). Но ведь только монтаж документального фильма занимает, самое меньшее, несколько дней, а показать его могли лишь после того, какой внесен в программу – опять нестыковочка в хронологии. Ей богу, киношный Джеймс Бонд не мог действовать так молниеносно! Наконец, в августе Вульфсон уже по приглашению французов посещает со съемочной группой архив в Бонне, где «впервые» видит «настоящие» копии «секретных протоколов», в этот раз на микрофильмах. Концы с концами здесь явно не сходятся.

Безыменский

Оказывается, у «секретных протоколов» был еще один первооткрыватель – Лев Безыменский – журналист, историк, германист, профессор Академии военных наук, сын поэта Александра Безыменского. Вот что он пишет в предисловии к своей книге «Гитлер и Сталин перед схваткой»:

«Повезло из-за небрежности тех, кто готовил очередной визит канцлера ФРГ Гельмута Коля в Москву. Во время его беседы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым зашла речь о секретных протоколах. Коля сказал, что в руках боннских архивистов находятся не только копии, но и оригиналы секретных приложений. Когда мне рассказал об этом помощник Горбачева, мой давний знакомый Анатолий Черняев, я в сердцах заметил:

– Ну, это уж из области фантазий. Копии есть, но оригиналы – о них даже в Бонне специалисты знают, что в архивах их не было и нет.

Но помощник советского президента отнесся к моей реакции иначе. Он решил (давно принадлежало к числу тех, кто считал недопустимым далее отрицать факт существования протоколов), что явная оговорка Коля должна стать поводом для полудипломатической-полунаучной акции: поехать в Бонн и официально получить от архивной службы ФРГ те документы, которые имеются в распоряжении боннской дипломатии. Эти документы было бы полезно предъявить «не верующему» в наличие протоколов Горбачеву, дабы он покончил с недостойным отрицанием исторических фактов. Вашему покорному слуге предстояло стать неким курьером между Бонном и Москвой. Не надо говорить, что эту необычную функцию я принял на себя с удовольствием. Мою миссию согласовали с секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро Александром Николаевичем Яковлевым, который был в полном курсе «дела с протоколами» и полностью одобрил акцию. Ему она была нужна по специальной причине, корнящейся в серьезнейших политических обстоятельствах 1988-89 годов.

Увы, историку печально констатировать, что решающие события в развитии «историографических» ситуаций происходят совсем не из-за требований исторической науки, а под влиянием так называемой «большой политики». В 1988-89 годы эта большая политика для СССР включала два критических элемента: отношения с Польшей и с Прибалтикой. Оба эти элемента уходили корнями в 1939 год, в секретные протоколы. Для Польши это была судьба погибшей в тот год республики, для Эстонии, Латвии и Литвы – их судьбы перед вхождением в Советский Союз. В 1988 году М. С. Горбачев с трудом отмахнулся от щекотливой проблемы во время визита в Польшу, повторив версию с «копиями». В 1989-м с Прибалтикой было сложнее: на состоявшемся в мае I Съезде народных депутатов СССР по настойчивому требованию трех прибалтийских республик была создана Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года. Ее председателем и стал А. Н. Яковлев, прекрасно понимавший важность и сложность этой задачи. Комиссия в составе 20 человек приступила к работе; и первые ее заседания показали, что решение будет непростым.

Комиссии помогали многочисленные эксперты (автор книги – в их числе), были затребованы все материалы, поэтому и моя «боннская миссия» оказалась полезной. Тогда я побывал в Бонне, был в знаменитом Политическом архиве МИД ФРГ, где хранятся материалы еще со времен Бисмарка. Впрочем, не буду «просто» вспоминать, а приведу мой отчет, представленный М. С. Горбачеву и А. Н. Яковлеву, на основе бесед в МИД ФРГ и предыдущих моих исследований в Москве и Лондоне.

СПРАВКА

о происхождении фотокопий секретных протоколов к договору от 23.8.1939 г. и микрофильмах из личного бюро Риббентропа («коллекция фон Леша»)

1. Согласно данным, полученным в Политическом архиве МИД ФРГ, а также по материалам Государственного архива Англии («Паблик рекорд оффис»), фотокопии секретных протоколов имеют своим источником немецкие микрофильмы, захваченные англо-американской розыскной группой в Тюрингии в апреле 1945 г. Эти микрофильмы впоследствии получили условное наименование «коллекция фон Леша» – по имени сотрудника личного бюро Риббентропа Карла фон Леша, который вывез микрофильмы из Берлина и, вместо того чтобы уничтожить их согласно полученному приказу, передал англо-американской розыскной группе.

Микрофильмы были изготовлены по указанию Риббентропа, данному после того, как в 1943 г. начались интенсивные бомбежки Берлина. Микрофильмирование проводилось по тогдашней технике на неперфорированные негативные фильмы.

2. «Коллекция» состоит из 20 негативных микрофильмов, которые были сняты с документов личного бюро министра иностранных дел Германии, причем ряд из них относится к концу XIX-началу XX в. Однако основную часть составляют документы с 1933 г. до лета 1944 г.

Заполучив эти фильмы, розыскная группа перевезла их на сборный пункт трофейной документации в Марбург, а затем в Лондон, где их обработкой ведали специалисты Министерства авиации. Были изготовлены позитивные копии и начато их изучение, в ходе чего были обнаружены материалы по советско-германским переговорам 1939 г. Об этом в ноябре 1945 г. был составлен специальный доклад на имя Черчилля, хранящийся в Государственном архиве Англии под сигнатурой ПРЕМ 8/40⁴⁶. Обнаружены были и кадры с секретным протоколом.

В германском делопроизводстве фильмы носили обозначение «Г-20». Впоследствии при обработке в Национальном архиве США они получили сигнатуру «Т-120» (ролики 605–625). Оригинальные пленки ныне переданы в МИД ФРГ.

3. Во время беседы в МИД ФРГ мне были показаны эти ролики и переданы несколько фотокопий. Однако представлялось необходимым более подробно ознакомиться с характером самих микрофильмов. Это удалось сделать, получив некоторые из них в других архивах. Ознакомление показало:

а) на каждом ролике умещалось примерно 500–600 документов;

б) качество микрофильмирования весьма различно, что свидетельствует о поспешности;

в) документы снимались в весьма случайном порядке, без предварительной сортировки (также свидетельство поспешности); на одном и том же ролике можно встретить документы разных лет и принадлежности;

г) что касается секретного протокола от 23.8.39, то он оказался на ролике 624 (немецкое обозначение F-19), между текстом испано-германского соглашения 1937 г. и разрозненными страницами документа без подписи по поводу «московских процессов». Затем следуют немецко-югославские соглашения.

Текст самого договора от 23.8., к которому относился протокол, оказался в другом ролике (Г-16), причем опять же в соседстве с документами иного рода.

4. Фальсификация кадров секретного протокола представляется невероятной по следующим соображениям:

а) вся коллекция состоит из исторически важных документов, затрагивающих отношения Германии со многими государствами; едва ли возможно, что с целью фальсификации одного лишь протокола было затеяно все микрофильмирование тысяч документов;

⁴⁶ Вероятно, имеется в виду Государственный архив Великобритании (Public Records Office) в Кью, его фонд PREM.

б) документы, соседствующие с протоколом, не вызывают сомнения в своей подлинности;

в) если в некоторых опубликованных на Западе копиях подписи Молотова и Риббентропа расплывчатые, то на фильме они вполне отчетливы; под русским текстом (ролик 624) подпись Молотова – русскими, под немецким – латинскими буквами; этот порядок не должен вызывать подозрений, поскольку и под двумя основными официальными текстами пакта о ненападении (ролик 616) Молотов сделал свои подписи таким же образом;

г) кроме текста протокола на обоих языках на ролике 624 при просмотре обнаружен еще один текст протокола, отпечатанный на так называемой «пишущей машинке фюрера» со специальным крупным шрифтом (для близорукого Гитлера, который не любил надевать очки); к тексту прилагалась сопроводительная записка Риббентропа;

д) секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. находятся в ролике 2 (немецкое обозначение).

5. По сообщению зам. начальника Политического архива МИД ФРГ Гелинга, оригиналы протокола погибли в марте 1944 г. во время очередной бомбежки. Архив располагает в оригиналах ратификационными грамотами и делами посольства Германии в Москве за 1939 г. В этих делах секретные протоколы неоднократно упоминаются (см. приложение).

Политический обозреватель журнала «Новое время»

*Л. Безыменский*⁴⁷.

Безыменский отчего-то забывает указать дату составления справки, направленной Горбачеву и Яковлеву и даже отметить время, когда он побывал в германских архивах. Валентин Сидак пишет, что уже 9 июня 1989 г. Безыменский дал в Бонне пресс-конференцию, посвященную своим сенсационным находкам⁴⁸. В этой связи непонятно, почему Безыменский связывает свою миссию с работой яковлевской комиссии. Впрочем, он говорит об этом настолько обтекаемо, что ничего толком не ясно. Посланник Яковлева гордо называет себя экспертом, помогавшим комиссии Яковлева «в составе 20 человек» (на самом деле она насчитывала 26 членов), но этот «эксперт» безапелляционно утверждает, что анализ копий показал их подлинность. Копия не бывает подлинной в принципе, и уж тем более не может доказать подлинность того документа, с которого она снята. Копия может быть лишь аутентичной, то есть соответствовать оригиналу. Но для того, чтобы установить аутентичность копии, нужно сравнить ее с оригиналом. Для характеристики копий из коробки фон Леша лучше всего подойдет слово «симулякр», как обозначение копии, не имеющей оригинала в реальности.

Тут два варианта – либо Безыменский идиот, либо циничный подонок, нагло обманывающий главу государства и весь советский народ. Я склоняюсь к версии о его умственной неполноценности, потому что врет он очень топорно. Впрочем, Яковлеву как раз и нужен был придурок, чтобы легче было впарить общественности фальшивку чужими руками.

Поэтому Безыменский – лицо неофициальное, всего лишь журналист средней руки, едет с официальной миссией в Бонн. При этом происходит странная вещь – микрофильмы Безыменский по его словам получает «в других архивах», а не там, куда его послали. Содействовал ему неназванный помощник президента, хотя Горбачев в тот момент еще не был президентом. Можно предположить, что «справку Горбачеву» Безыменский сочинил, когда готовил к изданию свою книгу, то есть в 2000 г. События десятилетней давности потускнели в его памяти и он забыл, что Горбачев в тот момент являлся председателем Верховного Совета СССР. «Согласовывал» поездку, то есть фактически организовывал ее, секретарь ЦК КПСС Яковлев, а откровенно спекулировал на теме протоколов (якобы случайными оговорками) канцлер ФРГ Коль,

⁴⁷ <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html>.

⁴⁸ См. <http://www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda%20044.html>.

который содействовал так же и ближайшему соратнику Яковлева по работе в депутатской комиссии Маврику Вульфсону. Валентин Сидак утверждает, что в июне 1989 г. Коль лично передал Горбачеву копии микрофильмов из боннского архива с «секретными протоколами»⁴⁹.

Мне удалось разыскать еще одно свидетельство Безыменского, опубликованное в июньском номере журнала «Вопросы истории» за 1989 г.:

«... Как уже здесь говорилось, в архивах СССР оригинала этих протоколов нет. Как мне разъяснили в Политическом архиве МИД ФРГ, и там его нет, он погиб во время бомбежек Берлина. Что же касается происхождения бытующих в литературе Копии, то они имеют своим источником негативы микрофильмов, снятых по приказанию Риббентропа, начиная с 1943 года. Микрофильмы были вывезены в Тюрингию, где сотрудник МИД Карл фон Леш передал их англо-американской поисковой группе. Фильмы попали в Лондон, были обработаны, после чего на имя Черчилля был составлен специальный доклад (см. PRO, PREM 8/40).

Позитивы микрофильмов из «коллекции Леша» хранятся в Национальном архиве США (группа T-120), негативы возвращены в МИД ФРГ. Примечательно, что в этих фильмах (их 19) документы снимались попеременно, сам текст договора – на фильме F-11, а секретный протокол – на фильме G-19, кадры 179–185. На этих кадрах – немецкий и русский тексты с подписями Риббентропа и Молотова, а также немецкий текст, перепечатанный на специальной пишущей машинке для Гитлера...

...В МИД ФРГ мне разъяснили, что в отличие от оригинала протокола, дела немецкого посольства в Москве сохранились, в чем я имел возможность убедиться. В них имеется ряд телеграмм Шуленбурга с прямыми ссылками на протокол, а также изложение его (в ишифровке Риббентропа). Секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. находятся в другом микрофильме (G-2). Такова текстологическая ситуация.

Можно констатировать, что по содержанию ни один из пунктов не выходит за рамки широко бытовавшей в те времена практики. Аналогичные секретные договоренности имелись у демократий с Германией, Италией и Японией, а также у Польши. Но именно аналогия заставляет отнестись с дополнительной строгостью к тексту, известному лишь в копии. Всели в нем верно передает оригинал, если он существовал?»⁵⁰.

Вроде бы Безыменский говорит то же самое, что и в отчете Горбачеву, но круглый стол в редакции журнала «Вопросы истории» состоялся 31 марта 1989 г.! Выходит, что если Безыменский и бывал в Бонне, то это никак не было связано с деятельностью яковлевской комиссии, на которую он ссылается в своей книге. Зачем же Безыменский сознательно вносит в свои тексты путаницу, категорически не желая указывать дату своей поездки в ФРГ? Вероятно, в боннском архиве он вообще не был, а его свидетельства являются сфабрированными, что, кстати, объясняет их противоречивость и большое количество грубых ошибок. Например, совершенно немыслимо то, что специальный доклад британской разведки мог быть представлен Черчиллю в ноябре 1945 г., если еще в июле того года он лишился поста премьер-министра и был лишь депутатом парламента! Уж составляя отчет Горбачеву, можно было постараться подогнать свою брехню под реальные факты.

Скорее всего, Безыменский пишет об этом «докладе Черчиллю» с чужих слов. В реальности имел место быть меморандум для членов английского правительства от 29 октября 1945 г.⁵¹, подписанный государственным секретарем по международным делам Эрнестом Бевином. Брошюра отпечатанная в количестве нескольких десятков экземпляров, содержала крат-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ «Круглый стол»: вторая мировая война – истоки и причины», «Вопросы истории», 1989 г., № 6.

⁵¹ http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/details-result.asp?quer_yType=1&resultcount=1&Edoc_id=7970024

кое описание и выдержки из коллекции фон Леша, которая впоследствии стала известна по госдеповскому сборнику. Это самое раннее из известных на сегодняшний день документальных упоминаний «секретных протоколов». Можно предположить, что члены британского кабинета министров отнеслись к меморандуму Бевина скептически, по крайней мере никаких дипломатических шагов в связи с этим Лондоном сделано не было. Не исключая, что меморандум Бевина появился с подачи США, которые провоцировали англичан на антисоветские действия.

Почему я сомневаюсь в самом факте поездки Безыменского в Бонн? Потому что она выглядит столь же неправдоподобно, как если бы, например, генерал перед решающей битвой послал на рекогносцировку местности не офицеров штаба, а своего денщика или шлюху из походного борделя. Зачем вообще было нужно посылать какого-то журналиста из Москвы? В Бонне в тот момент сидел чрезвычайный и полномочный посол СССР Юлий Квицинский (см. главу «Квицинский»), получающий зарплату за то, что он представляет в ФРГ интересы Советского Союза. К тому же Квицинский являлся лицом компетентным в вопросах внешней политики и мог дать профессиональное заключение по вопросу «секретных протоколов» в отличие от туповатого писака Безыменского, который даже в отчете Горбачеву нес ахинею, ссылаясь на устные легенды Галинга. Все, что надо было сделать – дать распоряжение советскому послу разобраться в этом вопросе и представить отчет с приложением всех материалов к такому-то числу. Если вопрос был важным, то следовало бы вызвать его в Москву для доклада.

Если поверить, что Безыменский действительно писал отчет о своей поездке Горбачеву, то значит, последний был в курсе его визита. А теперь скажите, зачем генсек содействовал поездке, если он, как сегодня считается, еще в 1987 г. держал в руках «оригиналы» скандальных протоколов, спрятанные в «закрытом пакете» в сверхсекретной «особой папке» в спецфондах самого недоступного партийного архива страны? Если Горбачев скрывал не только от общественности, но и от своих коллег по Политбюро сам факт существования «секретных протоколов», почему он позволил влезть в это дело какому-то языкастому газетчику? Посла Квицинского, если бы он нашел в боннском архиве нечто компрометирующее, наносящее ущерб интересам страны, можно было бы заставить молчать (дипломат обязан свято хранить гостайну), а его доклад – засекретить. По всему выходит, что «полунаучная-полудипломатическая» миссия Безыменского – позднейшая мистификация.

Судя по воспоминаниям Селецкиса, Вульфсон держал в руках оригиналы советско-германского «пакта о ненападении» (официально считающиеся утраченными) и даже различил цвет чернил, которыми сделаны подписи. А Безыменскому заместитель начальника боннского архива Гелинг заявил, что в наличии имеется лишь оригинал ратификационных грамот к договору. Опять же, Безыменский сообщает, что пленка, на которую были засняты документы, была неперфорированной (собственно, микропленка и должна быть такой), а Селецкис говорит о том, что видел знак AGFA-39 на [перфорированной] дорожке.

Аргументы, которые «эксперт» Безыменский приводит в пользу подлинности снятых на пленку документов, просто смехотворны. Как он может утверждать, что «документы, соседствующие с протоколом» (на других кадрах микрофильма? – А. К.), не вызывают сомнения в своей подлинности? Но даже если это и так, то почему нельзя фальшивый протокол заснять вкуче с подлинными документами? Скорее всего, пленку, если она существовала, изготовили спецслужбы союзников. Фальсификаторы отсняли тысячи настоящих документов из захваченных ими в Гарце и Баварии архивов, а попутно вернули туда десяток подложных бумаг. А уж то, что подпись Молотова четкая – это, безусловно, неоспоримое доказательство того, что «секретные протоколы» существовали. Можно подумать, махинаторы не способны были четко подделать подпись фотоспособом!

Есть в справке Безыменского и другие сомнительные места. Копия «секретного протокола», отпечатанная на специальной пишущей машинке с крупным шрифтом для близорукого

Гитлера – явная глупость. Со зрением у Гитлера в конце 30-х годов все было хорошо, испортилось оно лишь в конце войны, когда советско-германские «секретные протоколы» для него никакого интереса не представляли.

Безыменский утверждает, что копии «были сняты с документов личного бюро министра иностранных дел Германии, причем ряд из них относится к концу XIX-началу XX в.». Во-первых, что это за «личное бюро» у человека, находящегося на государственной службе? Бюро – это либо стол для письменных занятий и хранения бумаг (конторка), либо название учреждения, либо группа руководящих работников. По смыслу текста личной здесь может быть только конторка, но с какой стати в личной конторке министр хранит 9725 страниц документов, часть из которых относится к XIX веку? Риббентроп пост министра занимал всего несколько лет. Во-вторых, Безыменский утверждает, что англо-американцы захватили документы в Тюрингии в апреле, в то время как остальные источники говорят о мае.

То, что «документы снимались в весьма случайном порядке, без предварительной сортировки» должно насторожить. Если бы это делали педантичные немцы, выполняя распоряжение министра, то вряд ли они стали бы мешать на одной пленке документы, относящиеся к разным векам, да еще и разрывать на части договора.

Вот какие сведения мне удалось обнаружить о судьбе германских архивов на специализированном сайте «Экономическое развитие фашистской Германии:

«Большую ценность с точки зрения исследования политики и стратегии фашистской Германии представляют документы из бывшего архива министерства иностранных дел фашистской Германии. В апреле 1945 г. они были обнаружены частями 1-й американской армии в горах Гарца в Тюбингене (Это ошибка; горы Гарц находятся в Тюрингии, а Тюбинген – это город в земле Баден-Вюртемберг – А. К.), где их спрятали гитлеровцы. Среди них были записи бесед Гитлера и Риббентропа с иностранными зарубежными деятелями, микрофильмы важнейших дипломатических документов, насчитывавших около 10 тыс. страниц. Их вес составлял более 300 т. Вскоре к ним были присоединены найденные дела имперской канцелярии, вес которых измерялся тоже многими тоннами. Здесь были представлены и директивы, распоряжения, приказы ставки Гитлера, штаба ОКВ и других высших инстанций вермахта. В 1948 г. все эти документы отправлены в Лондон, где они хранились до 1958 г. За это время американцы и англичане замикрофильмировали их. Было сделано около 3 млн. микрофильмов. С 1956 г. началась передача этих документов правительству ФРГ»⁵².

Да, некие микрофильмы важнейших дипломатических документов здесь упоминается, но ничего не сказано о роли фон Леша в их отыскании. Более того, неправдоподобной представляется мысль о том, что Леш получил указание уничтожить архивы, весом более 300 тонн! Судя по всему, архивы достались американцам в целостности и сохранности. Сюжет с коробкой микрофильмов, спрятанной в саду замка Шенберг придуман с единственной целью – объяснить отсутствие в огромном горном хранилище оригиналов скандальных протоколов. Врать без опаски можно было еще и потому, что западные союзники не допустили к изучению трофейных архивов советских специалистов. Кстати, замок Шенберг находится весьма далеко от гор Гарца, так что обнаружение там коробки фон Леша вызывает еще большее сомнение – кто же будет тащить пленки за сотню верст, чтобы спрятать (подвергаясь при этом риску быть схваченным) – неужели в горах Гарца приметного дерева с дуплом не нашлось?

Тем не менее, географическая локализация коробки Леша в Тюрингии имела смысл. Зайдль на суде нагло врал, будто по его сведениям архивы германского МИД были захвачены

⁵² http://www.economikager.ru/ekonomicheskoe_razvitiye_fashistskoj_germanii_d_o_vojny_ekonomicheskoe_razvitiye_fa_s_histskoj_germanii_d_o_vojny_ch_4.

советскими войсками, чем он и объяснял отсутствие у него оригиналов «секретных протоколов». Поэтому для того, чтобы объяснить отсутствие архивов, но наличие у западных союзников микрофильмов, мифическую коробку фон Леша решили зарыть в парке замка Шенберг близ Мюльхаузена, который первоначально был занят американцами, а потом передан советским властям. Таким замысловатым образом фальсификаторы попытались свести концы с концами в этой шпионской истории.

Можно, конечно, предположить, что микрофильмы фон Леша сфабриковали сами немцы, а потом Карл фон Леш подкинул их западным союзникам по заданию своего руководства. Но, во-первых, после разгрома Германии подобная акция уже не имела смысла (посмертная месть Третьего рейха выглядит романтично, но неправдоподобно). Во-вторых, если бы протоколы сочиняли немцы, они бы не допустили такой чудовищной путаницы с географией (см. ниже главы а и «Сувалки»). Все-таки по части провокаций и изготовления фальшивок гитлеровцы имели кое-какой опыт – одна только спецоперация «Катынь» чего стоит! Правда, и в случае публикации ведомством Геббельса документов по эксгумации тел польских офицеров в катынском лесу обнаружены многочисленные огрехи, дезавуирующие версию о расстреле поляков НКВД⁵³, однако это были ляпы совсем не того масштаба.

Сомнительна и версия о том, что союзники получили микрофильмы фон Леша в мае 1945 г. Если англо-американцы обзавелись «секретным протоколом» весной 45-го, почему они не использовали его в пропагандистской кампании накануне Потсдамской конференции? Тут есть такой нюанс. Если в СССР газеты пишут неприятные для западных союзников вещи, то совершенно очевидно, что стоит за этим политическое руководство страны и лично Сталин. Если же в американской прессе вдруг начинается пропагандистская кампания против Советского союза, то президент США к этому никакого отношения не имеет. Если советская сторона предъявит претензии, тот лишь горестно вздохнет и скажет, что, к сожалению, в его стране пресса свободна и может писать все, что считает нужным. Наоборот, этой ситуацией главы западных держав могут обосновать свои попытки давления на Сталина: дескать, мы вынуждены проводить жесткую позицию, поскольку общественное мнение настроено очень антисоветски. Короче, от широкой пропаганды «секретных протоколов» накануне потсдамской встречи в верхах англичане и американцы извлекали выгоду в любом случае. Однако они отчего-то не додумались сделать такой беспроигрышный ход. Не секрет, что сменивший Рузвельта Трумэн не был сторонником продолжения той политики, о которой великие державы договорились в Ялте. Но в 1945 г. еще не шла Холодная война. Она началась в 1946 г., и фабрикация «секретных протоколов» стала одним из первых ее выстрелов.

⁵³ См. книгу Юрия Мухина «Антироссийская подлость» http://lib.aldebaran.ru/author/muhin_yurii/muhin_yurii_antirossiiskaya_podlost.

Яковлев

Почему комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении возглавил именно академик Яковлев? Надо полагать потому, что данной провокации в деле развала СССР отводилось стратегическая роль, а Яковлев считался главным стратегом Перестройки. Хотя, скорее всего он был лишь исполнителем чьих-то замыслов, потому что сам обладал, мягко говоря, довольно ограниченным интеллектом. Будущий герой Перестройки родился в 1923 г. Некоторые озабоченные на предмет жидомасонства граждане отчего-то утверждают, что его настоящая фамилия Эпштейн. На самом деле они вольно или невольно путают его с расстрелянным в 1938 г. Яковлевым Яковом Аркадьевичем, бывшим в 1929–1934 гг. наркомом земледелия СССР. Этот действительно имел настоящую фамилию Эпштейн и соответствующую «пятую графу». Во время войны согласно официальной биографии, Александр Яковлев воевал, командовал взводом в 6-й бригаде морской пехоты, был тяжело ранен в августе 1943 г, после чего комиссован из армии по инвалидности.

Дальнейшая карьера нашего героя происходит все больше по партийно-бюрократической линии: начинал в 1946 г. в Ярославле с должности инструктора отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б), в 1953 г. он переезжает в Москву, получив должность в аппарате ЦК КПСС. В это время Яковлев примыкает к так называемой комсомольской внутрипартийной группировке, возглавляемой Шелепиным. Благодаря протекции своего покровителя Александра Шелепина⁵⁴, с которым Яковлев близко познакомился в Ярославле, он направляется в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где учился в 1956–1959 гг. в аспирантуре на кафедре международного коммунистического и рабочего движения. По содействию Шелепина с 1958 по 1959 гг. стажировался в Колумбийском университете (США). Кстати, Яковлев учился там вместе с известным впоследствии своим предательством генерал-майором КГБ Олегом Калугиным, с которым он в дальнейшем поддерживал тесные контакты в период Перестройки⁵⁵.

⁵⁴ Шелепин Александр Николаевич (1918–1994 гг.), видный советский государственный деятель. В 1952–1958 гг. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМОТРИ В 1958–1961 гг. председатель КГБ при Совете Министров СССР. В 1961–67 секретарь ЦК КПСС, в 1962–65 председатель Комитета партийно-государственного контроля, заместитель председателя Совета Министров СССР.

⁵⁵ Уникальность Калугина в том, что свою предательскую деятельность он продолжил даже после развала СССР. Есть основания полагать, что Калугин был завербован еще в 1959 г. В 1994 г. он, будучи депутатом Госдумы, опасаясь ареста, сбежал в США и выдал имена многих советских агентов, живущих на Западе. За измену был заочно осужден российским судом в 2002 г.

Яковлев получает орден Трех звезд из рук латвийского президента Вики-Фрейберги за заслуги в разгроме Советского Союза.

К «колумбийскому» периоду относятся первые контакты Яковлева с иностранными спецслужбами, о чем КГБ стало известно не позднее 1960 г. Об этом поведал на допросе по делу ГКЧП председатель КГБ Владимир Крючков. В интервью изданию «Газета» он рассказал о том, что во второй половине 80-х годов контакты Яковлева с представителями западных спецслужб участились:

«Однако он был членом Политбюро, и мы не имели права перепроверять эту буквально ошеломляющую информацию. Тогда я пошел к Горбачеву. Объяснился с ним по этому поводу. «Да-а-а... – протянул Горбачев, – что же делать? Неужели это опять Колумбийский университет? Да-а-а... Нехорошо это. Нехорошо».

...И вот теперь я наблюдал, как Горбачев, находясь в полном смятении, никак не может прийти в себя, словно за сообщением о Яковлеве для него скрывалось нечто большее. Тогда я сказал: «Происходящее с Яковлевым никуда не годится. Надо думать, как быть».

... Горбачев, как всегда, стал не искать решения возникшей проблемы, а стал думать, как уйти от нее. Как-то раз он сказал мне буквально следующее: «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал. Сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал»⁵⁶.

⁵⁶ <http://gzt.ru/politics/2003712/19/121615.html>.

Впрочем, сам Яковлев, как пишет в своих воспоминаниях перебежчик Калугин, признался ему, что его влияние на Горбачева в 1991 г. благодаря стараниям КГБ значительно ослабло, он якобы даже опасался покушения на свою жизнь со стороны спецслужб. Любой другой перевертыш на месте Яковлева, будучи разоблаченным, немедленно отправился бы искупать грехи на печорские лесоповалы, но председателем КГБ в 1960 г. являлся его друг Шелепин, и дело, разумеется, замяли, иначе тень яковлевского предательства пала бы на самого Александра Николаевича. По возвращении из заграниц наш «колумбиец» продолжил восхождение по карьерной лестнице, став в 1966 г. заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. В 1969 г. Яковлев выторговал себе звание профессора. Профессор – это ученое звание и должность преподавателя вуза или научного сотрудника научно-исследовательского учреждения, однако наш «деятель науки» не был ни тем, ни другим.

По долгу службы Яковлев курировал центральные СМИ. В ноябре 1972 г. он неожиданно публикует в «Литературной газете» свою скандально знаменитую статью «Против антиисторизма», в которой клеймил «неправильных» писателей, отказавшихся от классового подхода и рассуждающих о русском (грузинском, литовском, армянском и пр.) деревенском национальном характере, народной духовной традиции, исторических корнях и прочей антимарксистской ереси. Вероятно, мнение Владимира Крюкова покажется читателю субъективным, но он вспоминал о поразившем его поведении Яковлева, который никогда не проявлял гордости за победу СССР в Великой Отечественной войне, несмотря на то, что сам был ее участником, и вообще выказывал самое неуважительное отношение к русскому народу.

В наказание за эту дерзкую выходку Яковлева отправили послом в Канаду, где он провел время с 1973 по 1983 годы. Причиной скандальной публикации, возможно, стало то, что у нашего героя просто сдали нервы, ведь после того как Шелепин попал в опалу в 1967 г., стремительная карьера Яковлева замерла на одной точке: с 1968 г. четыре года он исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК, так и не получив официального назначения на эту должность. В Канаде его деятельность была отмечена лоббированием интересов компании «Макдоналдс» в СССР и срывом ответа на начавшую набирать тогда обороты клеветническую кампанию «украинского голодомора». В Оттаве Яковлев близко дружил с канадским премьер-министром Пьером Трюдо, настолько близко, что в честь советского друга своего младшего сына Александра канадский премьер стал звать на русский манер Sasha.

В Канаде в 1983 г. Яковлев впервые повстречал Горбачева, который приехал перенимать опыт канадских фермеров. Как вспоминал впоследствии Яковлев, с Михаилом Сергеевичем они имели долгую откровенную беседу на предмет внутреннего положения в СССР и пришли к выводу, что советский строй нуждается в радикальной либерализации. На профессиональном жаргоне спецслужб такое общение называется вербовочной беседой. После этого советский посол убедил своих западных «контактеров», что Горбачеву следует оказывать более радушный прием, потому что он вероятный претендент на кремлевский престол. Те прислушались к его мнению и Горбачев стал получать почести явно не по рангу.

Во время дипломатической командировки Яковлева вновь всплыл вопрос о его связях с забугорными спецслужбами. Вот что писал об этом Евгений Жирнов в журнале «Власть»:

«Что Яковлев завербован иностранной разведкой, утверждали и два весьма высокопоставленных сотрудника госбезопасности – генерал-лейтенант Евгений Питовранов и председатель КГБ Виктор Чебриков. Первый создал в 1969 году спецрезидентуру КГБ «Фирма», которая работала под крышей Торгово-промышленной палаты СССР и специализировалась на получении информации от западных бизнесменов, заинтересованных в контрактах с СССР. От бизнесменов «Фирма» перешла к установлению контактов с видными западными политиками. Сведения от одного из них – очень информированного американского политика – без промедления напрямую докладывали Андропову, а затем Брежневу. Как рассказывал мне

Питовранов, тот как-то сообщил, что посол в Канаде Яковлев сотрудничает с американской разведкой.

Андропов приказал Питовранову перепроверить информацию и получить какие-либо подтверждающие или опровергающие факты. За дело взялось представительство «Фирмы» в Канаде. Как рассказывал Питовранов, те сообщили, что у посла появляются новые дорогие вещи и что он утверждает, будто это подарки знакомых. Траты посла якобы значительно превышали не только зарплату, но даже те средства, которые главы советских диппредставительств обычно умудрялись втихую приватизировать из представительских денег. Для Андропова этого было достаточно. Он поручил подготовить записку Брежневу.

О том, что было дальше, мне задолго до Питовранова рассказывал Виктор Чебриков:

«Я помню такой случай. Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что Яковлев по всем признакам является агентом американской разведки. Леонид Ильич прочел и сказал: 'Член ЦРК (Центральной ревизионной комиссии КПСС. – «Власть».) предателем быть не может'. Андропов при мне порвал эту записку».

«Юрий Владимирович не согласился с Брежневым, – вспоминал Питовранов, – но в споры не полез»⁵⁷.

По отбытии приятной во всех отношениях канадской «ссылки» Яковлев с 1983 по 1985 годы занимает должность директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Должность эта была «пензионерской», поэтому тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов, крайне неприязненно относившийся к Яковлеву, считавший его антисоветчиком, не стал возражать против назначения, уступив ходатайству будущего генсека Черненко. Последний, кстати, был в прошлом подчиненным Яковлева по работе в отделе пропаганды ЦК. Ходатайствовал за Яковлева и министр иностранных дел Громыко (его жена была восхищена искусством Яковлева в лобызании ее руки и ставила его в пример другим дипломатам). Под руководством бывшего дипломата и профессора далеких от экономики наук институтом была направлена в ЦК КПСС записка о целесообразности создания в СССР предприятий с участием иностранного капитала. Почему за такую крамолу, его тут же не выгнали на пенсию – то нам не ведомо.

Звездный час Яковлева пробил в 1985 г., когда он по просьбе могущественного тогда заместителя председателя правительства Андрея Громыко провел переговоры со своим канадским приятелем Михаилом Горбачевым об избрании последнего генеральным секретарем партии. Горбачев отблагодарил своего «крестного»: Яковлев назначается заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, в следующем году он стал членом ЦК КПСС, секретарем ЦК, курирующим вопросы идеологии, информации и культуры, в 1987 г. избран членом Политбюро. По его предложению были назначены редакторы «перестроечной обоймы» – газет «Московские новости», «Советская культура», «Известия»; журналов «Огонек», «Знамя», «Новый мир» и др., ставших мощными пропагандистскими инструментами по делегитимации советского строя. А вот как оценивает один из пропагандистов мифа о «секретных протоколах» Владимир Абаринов достижения Яковлева на кинематографическом фронте: *«В руководстве Союза кинематографистов СССР в то время оказались либералы, постоянно испытывавшие режим на прочность – именно там получили крышу над головой и легальную трибуну люди, составившие впоследствии первую команду Ельцина»⁵⁸.*

Издательское дело стало при кураторстве Яковлева сверхприбыльным бизнесом, причем наибольшего коммерческого успеха добивались лишь те издания, которые усерднее всего

⁵⁷ «Власть», № 42(645), 24 октября 2005 г. // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=620319>.

⁵⁸ «Новая Польша», № 4(85), 2007 г.

проводили «политически правильный» курс на уничтожение советского строя. Малотиражный еженедельник «Аргументы и факты», задуманный в недрах ЦК, как издание для партийных пропагандистов, за несколько лет превратился в самое массовое еженедельное издание мира. Как человек, связанный со СМИ в течение пятнадцати лет, могу сказать одно: те чудеса, какие продемонстрировали «Московские новости» или «АиФ» нельзя объяснить рыночным успехом. Секрет заключался во внедренной Яковлевым системе накачки «свободной» прессы из государственного бюджета.

Финансирование получали, разумеется, лишь наиболее тонко чувствующие генеральную линию издания, не брезгающие никакой чернухой. По данным Госкомстата, только за первую половину 1991 г. было опубликовано не менее семнадцати тысяч материалов, обвиняющих Ленина (ключевая фигура в советском историческом сознании) в многочисленных политических и уголовных преступлениях – от шпионажа в пользу Германии до распространения венерических заболеваний. Размах компании по очернению Сталина был, вероятно, даже большим. Благодаря усилиям Яковлева в СССР были впервые опубликованы псевдоисторические бредни Солженицына, разоблачающие культ личности и повествующие о 20 миллионах расстрелянных в сталинских лагерях. Если же суммировать все публикации, так или иначе направленные на «переформатирование» исторического сознания советского народа, то это будет поистине девятый вал тотальной лжи, сметающий те устои, которые представляли собой морально-нравственный каркас народа. Взамен их массам навязывались абстрактные «общечеловеческие ценности», демократия, рынок, либерализм, потребительская идиллия лубочного капитализма и тому подобные химеры.

Важнейшей вехой Перестройки была мощная антисталинская компания. Ее стартером так же выступил Яковлев, лично возглавив созданную 28 сентября 1987 г. комиссию по реабилитации жертв политических репрессий. Бывший работник аппарата ЦК Виталий Легостаев делится своими воспоминаниями о Яковлеве в своей статье «Теневик демократии»:

«Весной 1988 года многие признаки говорили о том, что разочарование политикой Горбачева достигло в народе критического уровня. И в этот раз, правильно оценив опасный характер складывающейся обстановки, Яковлев решил, что настала пора снова разоблачать Сталина.

Можно с абсолютной точностью назвать дату, когда в СССР стартовала вторая, со времен Хрущева, массовая пропагандистская кампания против Сталина, намного превосходившая по своему размаху, накалу и цинизму все, что было достигнуто на этом поприще раньше. Это произошло 5 апреля 1988 года в день опубликования «Правдой» редакционной статьи «Принципы перестройки: революционность мышления и действия». Статья, подготовленная при решающем участии Яковлева, являлась разгромным директивным ответом ЦК на появившееся месяцем раньше в «Советской России» знаменитое выступление Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами».

Утром в день выхода «Правды» Яковлев, по дороге в свой кабинет, заглянул ко мне. После истории с Рустом, это был второй случай, когда я видел его настолько празднично взволнованным, почти счастливым. Взяв с моего стола свежий номер, Яковлев быстро отыскал на полосе со статьей те строки, которые считал в ней наиболее важными, и со вкусом зачитал их вслух: «Нет-нет, да и слышатся голоса, что Сталин не знал об актах беззакония. Не просто знал – организовывал их, дирижировал ими. Сегодня это уже доказанный факт». Присутствие в абзаце любимого словечка Яковлева «дирижировал» не оставляло места для сомнений в том, чья обличительная рука начертала эти, указующие цель для всех органов пропаганды, строки⁵⁹.

⁵⁹ http://www.pseudology.org/democracy/Tenevik_democracy.htm.

Период разгара Перестройки и торжества «гласности» является пиком карьеры «колумбийца», который приобрел громадное влияние, как на советское общественное мнение, так и на высшее политическое руководство СССР. Например, в 1987 г. он занимался несколько несвойственной идеологу работой – чисткой советского генералитета в связи с делом Руста. Валерий Легостаев так вспоминает о последовавшей за провокацией с перелетом Руста разгромом в армейском руководстве:

«Широкое, грубо прочерченное лицо Александра Николаевича светило торжествующей улыбкой. Он пребывал в откровенно приподнятом, почти праздничном расположении духа. Прямо с порога, победно выставив перед собой ладони, выпалил: «Во! Все руки в крови! По локти!» Из последовавших затем возбужденных пояснений выяснилось, что мой гость возвращается с очередного заседания Политбюро, на котором проводились кадровые разборки в связи с делом Руста. Было принято решение о смещении со своих постов ряда высших советских военачальников. Итоги этого заседания и привели Яковлева в столь восторженное победоносное состояние. Его руки были «в крови» поверженных супостатов»...

...В результате, как заявил на заседании Политбюро сам Горбачев, были отданы под суд 150 генералов и офицеров Советской армии. По данным американских спецов, внимательно следивших за ситуацией, «под Руста» было смещено не только руководство Войск ПВО во главе с маршалом авиации Колдуновым, но и министр обороны маршал Соколов со всеми своими заместителями, начальник Генерального штаба и два его первых заместителя, главнокомандующий и начальник штаба ОВС Варшавского Договора, все командующие группами войск (в Германии, Польше, Чехословакии и Венгрии), все командующие флотами и все командующие округами...

...«дело Руста» подвело окончательную черту под длительным историческим периодом, на протяжении которого Советская Армия и ее высший генералитет занимали в политической структуре СССР прочное высокое положение⁶⁰.

С конца 80-х годов Яковлев осуществлял прикрытие деятельности прибалтийских сепаратистских движений («крышевал», как бы сейчас сказали), участвовал в фальсификации катынского дела, за что впоследствии был награжден высшими орденами Литвы, Латвии, Эстонии и Польши. Начиная с 1988 г. в Прибалтике периодически проходили митинги с абсурдным требованием признания советско-германского Договора о ненападении 1939 г. недействительным и выхода республик из состава СССР.

Осенью 1988 г. Яковлев выехал в Прибалтику, где приложил немало усилий для разворачивания сепаратистских движений. Местные националисты радостно восприняли такое содействие, как поощрение со стороны верховной власти, о чем неоднократно заявляли впоследствии, как например Витаутас Ландсбергис, тогдашний председатель Верховного Совета Литвы:

«Запад должен понять, что Горбачев сам позволил сложиться нашей ситуации. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент. Может быть, он этого хотел или хочет сейчас. Но он его не остановил»⁶¹.

23 августа 1989 г. в годовщину подписания советско-германского договора, десятки тысяч жителей Литвы, Латвии и Эстонии образовали живую цепь через всю территорию При-

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Daily Mail, 7 апреля 1990 г.

балтики в знак протеста против «пакта Молотова-Риббентропа». Идиотизм? Массовая историческая паранойя? Нет, всего лишь весьма распространенный прием воздействия на общественное мнение. Для начала «горячей» фазы развала СССР требовалось, чтобы центральная власть хотя бы косвенно признала, что Прибалтика была оккупирована Сталиным после циничной сделки с Гитлером.

Но чтобы Съезд народных депутатов – высший законодательный орган страны рассмотрел этот вопрос, нужно было создать повод. Ведь фактически не было никаких причин, чтобы давать оценку хоть и важному внешнеполитическому акту, но утратившему юридическую силу почти полвека назад, относящемуся еще к довоенной эпохе. О «секретных протоколах» до того времени подавляющее большинство советских граждан и слухом не слыхивало. Поэтому доклад Яковлева и якобы принятое депутатами постановление играли важную роль в подрыве легитимности Советского Союза.

Регулировалась работа яковлевского «министерства правды» с помощью государственных и партийных финансовых рычагов, но кто был мозговым центром пропагандистской кампании, до конца не ясно. Современники почти единодушно отдают пальму первенства академику Яковлеву, как главному идеологу Перестройки. Вот, какую оценку вклада Яковлева в уничтожение СССР дает Валерий Легостаев в упомянутой статье:

«Яковлеву принадлежит циничная, но технически плодотворная идея назвать корыстные политические игрища Горбачева «радикальной реформой». Сначала – экономики. А когда «пипл» этим наелся досыта, взялись за политическую систему. Как профессиональный пропагандист Яковлев правильно оценивал огромные возможности манипулирования людской массой при помощи умело подобранного слова. Вы хотите реформ? Вы их получите. Но это будут наши реформы!»

Наибольшее зло, которое Яковлев и Горбачев совместно причинили своему народу, состоит в том, что они похитили у него шанс провести действительно необходимые, исторически вызревшие, материально и политически обеспеченные реформы. Реформы, при которых не надо рушить заводы и есть всем миром, не брезгуя и не краснея, протухшую «гуманитарную помощь». Причем сознательно ставлю здесь на первое место Яковлева. Именно ему принадлежит и сама идея, и особенно – ее практическая разработка средствами массовой пропаганды.

Первое условие успешного разрешения любой крупной общественной проблемы заключается в том, чтобы дать ей правильное имя. Правдивое имя делает народ единым и сильным. Ложное – превращает его в толпу, неспособную к самостоятельному мышлению. Это хорошо понимали те, кто называли нашу войну с Германией «Великой Отечественной войной советского народа». Но это также хорошо понимала и шайка политических паскудников, называвшая, вслед за Яковлевым, «реформами» воровскую распродажу советской империи»⁶².

Но я не могу согласиться с Легостаевым при всем желании. Во-первых, размах и сложность проекта не позволяют допустить мысль, что такой громадный объем работы провернул человек, не владеющий практическим опытом в подобных делах и не имеющий штата опытных профильных специалистов. Во-вторых, сам Яковлев был слишком тупым даже для того, чтобы убедительно врать на бытовом уровне. Например, он совершенно серьезно утверждал, что был ранен во время войны пятью разрывными пулями. Любой образованный человек знает, что вероятность выжить после этого примерно такая же, как после прямого попадания в тело артиллерийского снаряда. Нет, одержимый манией разрушения, со своей затаенной ненавистью ко всему советскому, циничный интриган и опытный аппаратчик Яковлев был лишь хоро-

⁶² http://www.pseudology.org/democracy/Tenevik_democracy.htm.

шим исполнителем, но вряд ли «колумбиец» обошелся без помощи зарубежных «консультантов».

Независимая газета» 10 октября 1998 года опубликовала пространное интервью Николая Злобина с Джин Кирпатрик, бывшей при Рейгане членом президентского Совета по национальной безопасности. В нем есть очень любопытный момент:

«— Я знаю, что вы придаете большое значение личностям в истории и политике. Можете ли вы перечислить имена людей, которые сыграли, по вашему мнению, наибольшую роль в формировании внешнеполитических отношений в XX веке?»

— Часто это те же люди, которые сыграли большую роль во внутренней политике. Я уже упомянула две важнейшие группировки нашего века. Это, во-первых, большевики. Более косвенно, чем прямо, но Муссолини оказал огромное влияние на наше столетие, создав в Италии первый образец однопартийной страны с личной диктатурой и воинствующей фашистской идеологией. Он наплевал на Лигу наций и, по сути, прервал все добрые начинания в Европе. Гитлер имел огромное влияние на мир. Одной из крупнейших фигур века был Уинстон Черчилль. Совершенно очевидно, что Мао Цзэдун оказал большое влияние на положение в мире. Я, конечно, не говорю о качественном содержании их влияния...

...Полагаю, что Гарри Трумэн и Иосиф Сталин оказали колоссальное влияние на международные процессы в мире. Последний особенно тем, что охватил своей властью половину Европы, а может быть, еще больше. Именно Сталин сделал Советский Союз тем, чем он был. Затем я бы назвала Михаила Горбачева и Александра Яковлева.

— Почему Яковлева? Встречались ли вы с ним?

— Пару раз. Я думаю, что он очень интересный человек и сыграл огромную и важную роль. Я надеюсь, что он знает, что я так считаю»⁶³.

Что же это за дама, столь лестно отзывавшаяся о бывшем идеологическом противнике? Джин Кирпатрик — одна из самых известных фигур в американской политике конца XX столетия. В 1980 г. Рональд Рейган пригласил ее в качестве своего советника по внешней политике на время предвыборной кампании, а после победы назначил представителем США в ООН. За те четыре года, что она занимала этот пост, Кирпатрик снискала мировую славу одного из самых ярких борцов с коммунизмом. Одновременно она была членом правительства Рональда Рейгана и членом президентского Совета по национальной безопасности. В 1985 г., то есть с началом перестройки в СССР, Кирпатрик, оставив пост в ООН, приняла должность советника президента по обороне и иностранной разведке, пребывая в этом качестве до 1990 г.

Весьма любопытно, при каких обстоятельствах борец с коммунизмом и куратор спецслужб США Кирпатрик встречалась с Яковлевым. Да, Яковлев был очень тщеславен, и, видимо зная об этом, Кирпатрик весьма многозначительно польстила ему. Многозначительность же этой реплики заключается в том, что она польстила не ему, а себе. Вполне вероятно, что именно Кирпатрик с 1985 г. курировала Яковлева по линии американских спецслужб, и разработка плана мероприятий по осуществлению в СССР бархатной революции не обошлась без ее участия. Это всего лишь предположение. Возможно, мы никогда не узнаем всей правды о темной стороне жизни «прораба Перестройки». Но то, что Яковлев не мог быть ее архитектором, мозговым центром — в этом я уверен. Не того масштаба был этот тип, не того ума и не той воли.

Да, можно ненавидеть, но при этом уважать сильного и жестокого врага. Русские генералы не считали зазорным высказывать восхищение Наполеоном, который нещадно бил их на полях сражений. Петр I на пиру по случаю полтавской виктории поднял кубок за своих учите-

⁶³ <http://www.whoiswho.ru/russian/Password/papers/10r/kirpatrik/st1.htm>.

лей – побежденных шведских генералов, которые сидели с ним за одним столом. Йозеф Геббельс, как мастер военно-пропагандистских операций, и сегодня имеет в среде специалистов немалый авторитет. Если уж и учиться побеждать вражескую армию словом, так именно у него. Но Яковлев не достоин сравнения с Геббельсом, что позволяют себе некоторые публицисты, несмотря на то, что он делал одно с ним дело. Геббельс не был марионеткой, озвучивающим тексты анонимных спичрайтеров и он предпочел смерть предательству идее, которой служил. Никаких обстоятельств, оправдывающих предательство Яковлева, его ненависть к «этой стране», я обнаружить не смог.

Читая воспоминания бывших сослуживцев и коллег Яковлева, я был поражен, с каким отвращением они пишут о нем. «Упырь», «паскуда», «предатель», «перевертыш» «подонки» «иуда» – такими эпитетами награждают мемуаристы обер-идеолога Перестройки. К Горбачеву эти же авторы относятся куда мягче. Даже его сообщники-антисоветчики в качестве привлекательных личных качеств Яковлева скромно упоминают разве что его приверженность демократическим ценностям.

Доклад

Итак, обратимся к докладу, который зачитал на Съезде академик Яковлев. Текст доклада я буду прерывать своими комментариями.

Товарищи депутаты! Начну с исторической справки. 23 августа 1939 года был подписан, а 31 августа ратифицирован Верховным Советом СССР советско-германский договор о ненападении. 24 августа он был опубликован. 24 сентября состоялся обмен ратификационными грамотами.

В 1946 году на Нюрнбергском процессе впервые упоминается факт существования секретного протокола. 23 мая 1946 года протокол публикуется в газете «Сан-Луи пост диспэтч», а в 1948 году появляется в изданной в США книге «Национал-социалистская партия Германии и Советский Союз. 1939–1941 годы».

До этого о содержании протокола не знала не только общественность, но и Верховный Совет СССР, не знало об этом и Политбюро ЦК партии.

С 1939 года никакой информации по этому поводу у нас не публиковалось. Причины умалчивания понятны: суть секретного протокола сводилась к тому, что Сталин и Гитлер поделили «сферы интересов», куда вошли соседние суверенные государства.

Академик Яковлев, что называется, сразу берет быка за рога. Народные депутаты СССР вряд ли читали американскую провинциальную прессу 40-летней давности. Неплохо бы было ознакомить их с содержанием рассматриваемого «секретного протокола», благо текст весьма короток. Но докладчик знакомит их только со своими выводами.

Все это обошлось нам дорого – и политически, и морально. До сих пор строятся всевозможные гипотезы относительно того, как пошло бы развитие событий в Европе без договора и протокола; в частности, началась бы в этом случае война 1 сентября 1939 года или нет.

Гадать тут особо нечего. Польское командование начало разработку плана войны против Германии под кодовым названием «Захуд» в марте 1939 г., а Гитлер подписал директиву о разработке плана войны против Польши «Вайс» только 11 апреля. Польша объявила частичную мобилизацию 22 марта, второй этап скрытой мобилизации осуществлен 13–18 августа, 30 августа была объявлена всеобщая мобилизация. В Германии пред-мобилизационные мероприятия развернулись лишь с 18 августа, всеобщая мобилизация не проводилась. Начало мобилизации – это и есть начало войны. Вопрос лишь в том, кто и когда сделает первый выстрел. Я не припоминаю случая в истории, чтобы два агрессивно настроенных друг против друга государства мобилизовали свои армии, а потом решили дело миром. Таким образом, наличие или отсутствие советско-германского договора о ненападении принципиально на ход немецко-польского кризиса повлиять не могло.

Общественное мнение и сегодня подпитывается идеями, будто определенные аспекты современного положения в Европе, притом касающиеся не только Советского Союза, выглядят так, как если бы они складывались на базе или под влиянием договора от 23 августа 1939 года и секретных протоколов августа – сентября.

Все это побудило первый Съезд народных депутатов образовать 2 июня 1989 года комиссию в составе 26 народных депутатов. Хочу подчеркнуть, что мы касались только 1939 года, но не последующих лет. Подчеркиваю это потому, что в комиссию поступило очень много разного рода заявлений и записок, касающихся 1940 года и последующих лет. Так вот, я

хотел бы подчеркнуть еще раз, что компетенция комиссии ограничилась 1939 годом и отвечать на другие вопросы и делать суждения о событиях она не правомочна.

Такова предыстория.

Комиссия пришла к соглашению по выводам. Я сразу скажу: консенсус дался нелегко. Споров и столкновений мнений было немало, но они не подрывали общей конструктивной атмосферы обсуждений.

При всем многообразии подходов, точек зрения, эмоциональных оттенков превалировало стремление раскрыть не разрозненные эпизоды прошлого, но осмыслить предвоенную действительность комплексно, в ее реальных взаимосвязях и взаимообусловленностях.

Дело не упрощалось и тем, что наша официальная историография долго уклонялась от прояснения многих страниц внешней политики СССР всего послеоктябрьского периода. Конечно, здесь есть свои условности и ограничители, связанные с интересами третьих стран. Но немало и такого, что лежит под спудом в силу инерции и сложившихся стереотипов. В любом случае некоторые ключевые документы из советских архивов, относящиеся к обсуждаемой теме, стали доступными лишь в самое последнее время.

Неназванные «ключевые документы» в связи с работой комиссии нигде не публиковались. Яковлев даже намеком не обозначает, что это за документы и кому они стали доступны.

Попутно замечу\ что бытующее мнение, будто Англия и США без остатка раскрыли свои документальные досье, не более чем легенда. Лондон, например, установил, что значительная по объему и крайне важная для постижения былого часть правительственных архивов останется засекреченной до 2017 года, а Вашингтон по ряду документов вообще не назвал таких временных ограничителей.

Тем не менее уже накопленный запас достоверных данных позволяет воспроизвести картину вползания человечества и отдельных государств во Вторую мировую войну и сделать на основе анализа совокупности фактов адекватные выводы.

И еще несколько замечаний предварительного характера.

Во-первых, приступая к анализу и оценкам прошлого, мы, понятно, не в состоянии даже на мгновение вырвать из наших сердец события, следовавшие за 1939 годом. Наше сознание и поныне мучает скорбь по миллионам и миллионам погибших рабочих и крестьян, ученых и поэтов, которых нет с нами сегодня. Не утихает и гнев к фашизму, и презрение к тем, кто продемонстрировал свою неспособность обуздать убийц. Тут нелегко удержаться строго в фактатере фактов, не поддаваться натиску естественных чувств.

Но отвергнуть, осудить что-либо слишком просто. Надо еще понять. Понять, как рождались соглашения, сделки, сговоры, что двигало их вдохновителями и создателями. Понять, чтобы оградить себя от повторения уже пройденного.

Магические слова «сделка» и «сговор» произнесены. Но как-то невнятно, без конкретики. Конкретики в докладе Яковлева вообще нет никакой, но на подсознание докладчик работает неплохо.

Применительно к прошлому время остановилось. Постигание любого события – независимо от эмоционального шлейфа, который оно тянет за собой, – возможно при условии, если его анализ проводится в конкретном контексте исторического развития. Мы же часто оказываемся во власти априорных мнений, но не фактов; в плену удобных нам схем; пасуем перед искусом обелять свое и чернить чужое или – что не лучше – идеологизировать историю до степени, когда она теряет свое действительное содержание. И лишь трезвый, честный

анализ, лишенный ослепляющих эмоций и унижающих достоинство предвзятостей, способен утихомирить взбаламученное море страстей.

Борение за истину и есть двигатель истории. Историческая совесть призвана сберечь прогресс от лукавства, от дьявольского соблазна сыграть с прошлым в прятки. Мы совершили бы двойную ошибку, попытавшись вывести за скобки «неудобные» темы. Оправдывать собственные падения грехами других – путь не к честному самопознанию и обновлению, а к историческому беспамятству.

Яковлев, все-таки, опытный манипулятор, годы работы в отделе пропаганды ЦК КПСС не прошли даром. Всякое большое историческое вранье начинается с призывов отказаться от стереотипов, посмотреть трезво и непредвзято, сделать честный анализ, и т. д. Таким образом, манипулятор размягчает сознание своей жертвы, внушает, что иное мнение априори лживо, стереотипно, бессодержательно, предвзято и идеологизировано.

Во-вторых, в процессе работы комиссии мы еще раз убедились в том, как далеко ушел мир за последние полвека. Как сильно разнятся политические, правовые и моральные нормы мира современного и того, в котором жила Европа пять десятков лет назад. Все это приходилось учитывать, погружаясь в прошлое, но в надежде вернуться в политическое сегодня. Главное было – не перепутать внешнее с сущим.

Настоящее сообщение, естественно, не претендует на полноту освещения предвоенного периода. Его логика и содержание максимально завязаны на события 1939 года. Хотя для каждого непредвзятого человека очевидно, что тогда гром грянул вовсе не с ясного неба.

Поэтому; не сделав экскурса в прошлое; трудно объективно оценить последующее. Все, о чем я буду говорить дальше, исходит из документов.

Навязчивая ссылка на некие документы – весьма примитивный прием оболванивания, но в отношении советских людей, обладающих довольно своеобразным менталитетом, он действует. Когда с трибуны Съезда народных депутатов выступает академик, и постоянно упоминает недавно рассекреченные документы, зарубежные архивы, произносит слова «анализ», «напряженная работа», «честные выводы», то как же слушатель может не поверить столь уважаемому человеку? Усомниться в истинности его слов и правильности выводов – значит обвинить во лжи и сознательной спекуляции. При этом скептик не имеет никакой возможности аргументировать свое мнение, поскольку не может апеллировать к документам, архивам и анализу.

Сама проблема, ее многочисленные нюансы вынуждают к подробному; иногда к детальному разбору обстоятельств. Да и Съезд, несомненно, ожидает от комиссии аргументированных соображений.

Итак, в какой международной обстановке родился советско-германский договор о ненападении, что непосредственно предшествовало его заключению, какие цели по замыслу его создателей и инициаторов преследовал договор?

Одномерных ответов здесь найти невозможно. При оценке соглашения мы не можем уйти по крайней мере от трех обстоятельств:

- внезапность поворота в отношениях с фашистским режимом;*
- секретные договоренности с ним, затронувшие интересы третьих стран;*
- сокрытие подлинного содержания и смысла соглашений от советских людей, от партии, от конституционных органов власти.*

Снова мы видим примитивную, но обезоруживающую своей наглостью спекуляцию. Опять упоминаются секретные договоренности, утверждается о сокрытии их от народа. Все это подается как бесспорный факт. Ни малейшей попытки аргументировать утверждения не делается.

Как и почему все это стало возможным?

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года было началом трагедии. Но и финалом политики по отношению к германскому империализму. Курса, проводившегося, как правило, без Советского Союза и зачастую против его интересов.

Но тут и коренилось историческое коварство.

Британский премьер-министр Болдуин заявлял в 1936 году: «Нам всем известно желание Германии... двинуться на Восток... Если бы он (то есть Гитлер. – А. Я.) двинулся на Восток; мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Лондону позднее вторил и Париж.

Эта позиция соединила в общую цепь политику «умиротворения» агрессоров, потворство нацизму в его планах о «жизненном пространстве». Она привела к аннексии Австрии и предательству Чехословакии в Мюнхене в 1938 году.

Жертвуй Чехословакией, в Лондоне тогда считали, что купили обещание Берлина «никогда больше не воевать» с Британией и устранять «возможные источники разногласий» методом консультаций. Аналогичную договоренность с рейхом оформила и Франция – другая участница мюнхенской трагедии. Советско-французский договор о взаимопомощи практически для Парижа существовать перестал.

Мюнхенское соглашение коренным образом изменило обстановку в Европе, значительно укрепило позиции Германии, сломало зачатки системы коллективной безопасности, открыло путь агрессии в общеевропейском масштабе. Сговор в Мюнхене не был поспешной импровизацией. Он продолжил политическую линию, обозначенную Локарнским договором (1925 г.) и «пактом четырех» (1933 г.). Малые и средние страны Европы поняли, что демократии предали их, и в страхе начали склоняться в сторону Германии.

СССР оказался в международной изоляции. Учитывая поддержку Мюнхена со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и одобрение соглашений Японией, советское руководство не могло не думать об угрозе создания единой анти-советской коалиции.

Скороспелые решения, мистифицирующая иррациональность восприятия действительности были распространенной болезнью в ту пору. То, что Лондон и Париж мнили «венцом умиротворения» Германии, гарантирующего демократиям уют и покой на годы и десятилетия, Гитлер воспринял как откровенный сигнал к силовой борьбе за гегемонию в Европе. Практически после Мюнхена не стояло вопроса, будет или не будет война, речь шла совсем о другом – кто станет очередной жертвой и когда.

Может быть, самое поразительное, поныне сбивающее многих с толку, состоит в том, что западные державы знали в подробностях о приготовлении Германии к вооруженной схватке. Знали, но рассчитывали, что нацисты не покусятся на интересы западных демократий, пока не разделяются с Советским Союзом. От наваждения не избавились и весной 1939 года, когда гитлеровцы оккупировали остатки Чехословакии, захватили Клайпеду, а Италия напала на Албанию.

Что означали с точки зрения советских интересов аннексия Австрии, переход Чехословакии под контроль Германии, нацистское проникновение в Венгрию, Румынию, Болгарию, активизация военных спецслужб рейха в Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, если брать их не разрозненно, а в совокупности?

Перед советской внешней политикой вырисовывались следующие основные возможности:

а) добиваться заключения союза СССР, Англии, Франции, который мог бы стать преградой агрессору;

б) наладить взаимопонимание с соседними государствами, которые также оказывались под угрозой;

в) в случае невозможности уклониться от войны с Германией, попытаться избежать войны на два фронта – на Западе и на Дальнем Востоке.

Первая возможность стала официально прорабатываться с марта – апреля 1939 года, когда СССР пытался привлечь западные державы к сотрудничеству в деле предотвращения агрессии.

Вторая – в ходе визитов В. П. Потемкина, бывшего тогда заместителем министра иностранных дел, в Турцию и Польшу (апрель – май 1939 г.) и дипломатических акций (март 1939 г.), направленных на то, чтобы показать правительствам Латвии и Эстонии заинтересованность СССР в предотвращении агрессии в Прибалтике.

Оставался открытым вопрос о нормализации отношений с Германией. В дипломатической документации СССР за 1937–1938 годы не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином. Со стороны Германии с конца 1938-начала 1939 года начался зондаж возможностей улучшения отношений с СССР. «Инсценировкой нового рапалльского этапа» назвал его Гитлер.

Судя по документальным данным, советское руководство располагало надежными сведениями о военных приготовлениях нацистского режима, а также о линии поведения западных держав. Так, информация о содержании разговора Гитлера с Чемберленом 15 сентября 1938 года поступила к Сталину на второй день.

Имевшиеся материалы давали основание считать, что, если агрессия Германии против СССР станет неотвратимой, она будет осуществляться либо в союзе с Польшей, либо с лояльным рейху польским тылом, либо при подчинении Польши. При любом варианте – с использованием территории Литвы, Латвии и Эстонии.

Операция «Вайс» – план нападения на Польшу, утвержденный 11 апреля 1939 года, предполагал захват Литвы, неприкосновенности которой Англия и Франция никак не гарантировали. Литвой, однако, аппетиты рейха не утолялись. Еще 16 марта 1939 года посланнику Латвии в Берлине было заявлено, что его страна должна следовать за Германией и тогда «немцы, – цитирую, – не будут заставлять ее при помощи силы становиться под защиту фюрера». Выступая перед генералитетом в мае 1939 года, Гитлер дал установку решить и «прибалтийскую проблему».

Как и в других сходных случаях, у Берлина имелись программа-минимум и программа-максимум. Если бы Запад сдал ему Польшу без боя, как до того Чехословакию, Гитлер мог растянуть во времени осуществление «плана Вайс» (имеются и такие данные). Руководство рейха, однако, понимало, что полоса легких побед заканчивается. Особенно когда Польша, ассистировавшая при аннукс Австрии и захвате Чехословакии, заартачилась. Действительно, пока объектом торга являлись чужие территории, министр иностранных дел Польши Бек и его единомышленники не чурались диалога с Берлином. Но когда им было предложено сдать Германии Даниг и вычленив из польских земель транспортный коридор в Восточную Пруссию, то стремления делить Советскую Украину поубавилось. Перестало прельщать и обещание нацистов зарезервировать за Польшей выход к Черному морю с Одессой в придачу.

Речи о вычленении части польской территории никогда не велось. Германия требовала согласия на строительство экстерриториального шоссе и железнодорожной магистрали, связы-

вающей Восточную Пруссию с основной частью Германии. Точно так же не известны и обещания немцев подарить полякам Одессу. В дальнейшем Одессу Гитлер действительно подарил, но румынам.

Британские военные доказывали Чемберлену, что угроза нацистской агрессии не миф, что самый целесообразный способ противодействия ей – военное сотрудничество с Советским Союзом. На это есть соответствующие документы.

Опять ссылка на абстрактные документы. То ли плохо военные доказывали Чемберлену серьезность германской угрозы, то ли это были совсем не те военные, которые проигнорировали советские предложения о военном сотрудничестве весной 1939 г.

Чемберлен заявлял в ответ, что скорее уйдет в отставку, чем вступит в альянс с СССР. Характеризуя эту позицию своего правительства, работник МИД Англии Кольер писал: Лондон не желает связывать себя с Советским Союзом, а «хочет дать возможность Германии развивать агрессию на восток за счет России»...

В некоторых современных публикациях, особенно самых последних месяцев, встречается немало сетований на негибкость советской дипломатии, упущенные альтернативы и тому подобное. Возможно, такое и было. Видимо, даже скорее всего было. Но из документов следует и другое. Всякий раз, когда СССР шел навстречу западным державам, британским и французским делегатам давались указания не фиксировать сближение позиций, а наращивать требования, обострять несбалансированность условий и таким образом блокировать договоренность. Наконец, 11 июля Англия решила отклонить предложения Советского правительства об одновременном подписании политического и военного соглашений.

На заседаниях кабинета Чемберлена, где в июле 1939 года вырабатывалась позиция британской делегации на военных переговорах в Москве, было определено, что главное – тянуть время. «Само соглашение, – цитирую министра иностранных дел Галифакса, – не является столь важным, как представлялось с первого взгляда...»

Обширная британская и французская документация за май – август 1939 года показывает, что кабинет Чемберлена находил партнерство с СССР нежелательным, а военное сотрудничество – невозможным. Хотя от шефа нацистской военной разведки Канариса британские руководители точно знали – нападение на Польшу назначено на последнюю неделю августа, английской делегации на московских военных переговорах было предписано заниматься словопрениями «по возможности» до октября.

Англо-французские взгляды поддерживались американскими представителями в Европе. Посол США в Лондоне Дж. Кеннеди был убежден, что поляков следует бросить на произвол судьбы и дать нацистам возможность осуществить свои цели на востоке: конфликт между СССР и Германией, по его словам, принесет большую выгоду всему западному миру. Посол США в Берлине Х. Вильсон также считал наилучшим вариантом нападение Германии на Россию с молчаливого согласия западных держав «и даже с их одобрения».

Советский Союз сейчас упрекают, что он не сумел склонить правительство Польши к сотрудничеству, переуступив эту часть работы Лондону и Парижу. Однако даже в обстановке, когда до нападения Германии оставались считанные дни, Польша и слышать не хотела ни о каком сотрудничестве с СССР. 20 августа 1939 года Бек заявлял: «У нас нет военного соглашения с СССР. Нам не нужно такого соглашения».

В канун 50-летия нападения Германии на Польшу столкнулось немало гипотез о том, как сложились бы события, если бы Советский Союз принял тактику англичан и французков, рассчитанную на создание видимости активности трех держав по части согласования (хотя такого и не было) ответных действий в случае агрессии Германии. На сей счет высказыва-

ются полярные суждения. Одно из них гласит: войны не было бы вообще. Другие полагают, что в этом случае СССР уже в 1939 году мог бы попасть в водоворот войны, в которой Англия и Франция при самом оптимистическом раскладе лишь значились бы нашими союзниками.

Теперь, конечно, гадать трудно. История не признает сослагательных наклонений. История уже состоялась. Даже предположения и те неподсудны нормальной логике, поскольку поведение всех субъектов политики было непредсказуемым. Нельзя отделаться от впечатления, что на сцене истории лицедействовали игроки, а не политики. Одно ясно: ответственности, не говоря уже о мудрости, недоставало всем, за что человечество жестоко поплатилось.

На самом деле в поведении западных держав прослеживается железная логика. В советской историографии господствовала трактовка, что лидеры ведущих мировых держав как бы временно сошли с ума, причем все поголовно. В результате стали возможны и аншлюс Австрии, и мюнхенский сговор, и оккупация Чехии. Этой линии следует и Яковлев.

В этом же контексте можно рассматривать и такой вопрос: была ли реальной угроза нападения фашистской Германии на нашу страну в 1939 году? Естественно, ответ на него выходит за рамки возможностей и целей нашей комиссии. Дать его призвана наука. Настоящий анализ этой проблемы не был дан ни тогда, ни позднее. И все же документы говорят, что советская политика строилась тогда чаще на оперативных сообщениях; нежели на глубоких стратегических выкладках.

Вопрос о готовности Гитлера к агрессии против СССР еще в 1939 году имеет как минимум три аспекта. Была ли Германия объективно готова к войне? Считала ли свою военную машину готовой? И воспринималась ли угроза вторжения советским руководством как вероятная?

Суверенностью можно ответить только на последнее: безусловно, да. Можно предположить, что такое восприятие корректировалось в психологии Сталина надеждой, что Гитлер может увязнуть на европейском театре боевых действий, что, вероятно, влияло на способность видеть и объективно оценивать возможные альтернативы.

Трудно, конечно, говорить об этих факторах сколько-нибудь категорически. Но допустить, что они имели место, мы вправе.

Не являются доказательными утверждения, будто в отсутствие договора о ненападении с СССР рейх не начал бы «польский поход». В их опровержение можно было бы привести не одно заявление самого Гитлера. Кроме того, Германия зашла в подготовку войны, особенно к середине августа, слишком далеко, чтобы «фюрер» без серьезного политического риска для себя трубил отбой.

Довод приверженцев точки зрения, что Сталин преувеличивал опасность войны, сводится к тому, что в немецком генштабе в августе 1939 года не было готового плана боевых действий против нашей страны.

Но, во-первых, это вскрылось после 1945 года.

Во-вторых, тогда не существовало и планов операций против Англии и Франции. Задание готовить такие планы штабы получили 10 октября 1939 года, после отклонения западными державами предложения Гитлера о замирении.

В-третьих, пауза с подготовкой к боевым действиям на западном фронте не лишена своеобразного подтекста. В опьянении быстрой победой над Польшей Гитлер какое-то время носился с мыслью, не разорвать ли свежееиспеченный договор о ненападении с Советским Союзом и не атаковать ли внезапно и нашу страну?

Весьма сомнительное утверждение. Весь ход событий указывает на то, что война на два фронта никак не входила в планы Гитлера. И вообще, интересно, каким образом Яковлеву удалось проникнуть в мысли Гитлера.

В-четвертых, на период концептуальных разработок в оперативные директивы для генштабистов рейха порой требовались лишь недели.

При анализе альтернатив 1939 года нельзя упускать из виду, что советское руководство владело информацией о содержании директив, определявших линию поведения английской и французской делегаций на военных переговорах с нами. Не был сверткой и факт закулисных контактов, которые поддерживались между Лондоном и Берлином.

Тщательное прочтение документов обнаруживает довольно простую игру. Берлин «обхаживал» нас или, наоборот, отзывал свои авансы в точном соответствии с каждым поворотом англо-франко-советских переговоров.

Так, после первых прощупываний советских намерений и сдержанной реакции Молотова на немецкие обращения (20 мая) Риббентроп дал команду затаиться. Но стоило на тройственных переговорах в Москве обнаружиться разногласиям в части гарантий прибалтийским государствам, как немцы пришли в движение. Достаточно было назначить переговоры об англо-франко-советской военной конвенции, чтобы Берлин без промедления (26 июля) подбросил идею «освежения» договора о нейтралитете 1926 года, заявил о готовности уважать неприкосновенность прибалтийских государств и договориться о сбалансировании «взаимных интересов».

Когда же определилась дата открытия военных переговоров в Москве, Риббентроп, не мешкая, пригласил к себе временного поверенного в делах СССР в Берлине Астахова и прямо высказался за размежевание советско-германских интересов «от Балтийского до Черного моря». Эти соображения были повторены на следующий день, 3 августа, послом Шуленбургом в беседе в Москве.

Принципиально важный рубеж – в период с 26 июля по 3 августа 1939 года. Именно в это время происходит активизация контактов на всех направлениях – и по объему, и по содержанию. Именно в это время нарастает давление предварительных позиций и реальных обстоятельств, подводившее к необходимости конечного выбора: быть договоренности или не быть?

Если быть, то с кем? С западными демократиями или фашистской Германией?

Именно в это время в политическую игру вводятся те ее «азартные» элементы, что соответствовали психологии главных действующих лиц и в итоге предопределили появление и суть секретного протокола.

Зомбирование продолжается. Главная задача – внушить, что «секретный протокол» существовал.

Как разворачивались события на этом рубеже и вплоть до открытия советско-германских переговоров?

Первый ход делает германская сторона. Берлин впервые легализует идею договорного урегулирования межгосударственных отношений с СССР и отказа от третирувания наших национальных интересов. Напомню, что после прихода нацистов к власти Германия домогалась остракизма «Советов» там, где только могла. Стало быть, до начала августа 1939 года реальной альтернативы сотрудничеству с Англией и Францией Советский Союз не имел и ничего противопоставить этому сотрудничеству не мог.

Показательно, что даже после откровений Риббентропа советская сторона не сменила тактики – еще целую неделю она ограничивалась выслушиванием немецких предложений, а

Шуленбург неизменно телеграфировал в Берлин о глубоком недоверии Советского правительства к Германии и его, цитирую, «решимости договориться с Англией и Францией».

Теперь нам известно, что Сталин подозревал всех и вся. Его недоверие к Гитлеру было не меньшим, чем недоверие к Чемберлену и Даладье. И не только в силу личной мнительности. Его концепция империалистической войны концентрировалась на отсутствии различий между двумя группами, противоборствующими на мировой арене, видя у каждой из них прежде всего стремление к переделу мира и к уничтожению Советского Союза. В роковые дни августа эта концепция сыграла немалую роль. Сталин вряд ли обманывался насчет действительных намерений Лондона и Парижа, но, похоже, опасался упустить возможный шанс договориться. По свидетельству Димитрова, 7 сентября 1939 года, то есть через семь дней как началась война, Сталин, упомянув о переговорах с западными державами, заметил: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше – ничего не получая».

Сотрудник МИД Германии Шнурре 26 июля 1939 года заявил Астахову: «Пусть в Москве подумают, что может предложить ей Англия. В лучшем случае участие в европейской войне и вражду с Германией, что едва ли является для России желанной целью. А что можем предложить мы? Нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте, и ежели Москва того пожелает, германо-советское соглашение о взаимных интересах».

Что конкретно имелось в виду? Берлин отвечал – отказ Германии от притязаний на Украину, от претензий на господство в Прибалтике, от планов экспансии в те районы Восточной и Юго-Восточной Европы, где имеются заметные интересы СССР.

О том, что нападение Германии на Польшу может произойти в конце августа – начале сентября, советская разведка доложила руководству еще в первых числах июля 1939 года. Из непосредственного окружения Риббентропа была получена информация, что, по мнению Гитлера, польский вопрос должен быть обязательно решен. Гитлер сказал, цитирую: «...то, что произойдет в случае войны с Польшей, превзойдет и затмит гуннов. Эта безудержность в германских военных действиях необходима, чтобы продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока на примере уничтожения Польши, что означает в условиях сегодняшнего дня противоречить желанию немцев и провоцировать Германию на введение военных сил».

7 августа 1939 года Сталину было доложено, что Германия будет в состоянии начать вооруженные действия в любой день после 25 августа. 11 августа 1939 года положение рассматривалось в Политбюро ЦК ВКП(б). Не без учета сведений о попытках Гитлера восстановить непосредственную связь с Чемберленом и пессимистических предсказаний касательно московских военных переговоров было признано целесообразным вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин.

В результате 15 августа 1939 года в Москве встречей между Молотовым и Шуленбургом начались советско-германские переговоры.

Немцы предложили – либо подтверждение договора о нейтралитете, либо заключение договора о ненападении. Сталин остановился на последнем варианте.

Финальная стадия советско-германских переговоров с трудом поддается реконструкции, товарищи. Стенограмм не велось. Все предварительные проекты, привезенные Риббентропом в Москву, были уничтожены по его распоряжению. Известно, что Риббентроп отправился на встречу 23 августа полный сомнений в исходе своей миссии, хотя имел от Гитлера полномочия удовлетворять любые мыслимые требования Москвы.

Подготовительных советских материалов к переговорам, если они существовали, в архивах не найдено. Известно только, что поначалу не предполагалось делать секретным документ о намерениях.

Документов не найдено, однако откуда-то известно о намерениях сторон. Откуда?

Видимо, в этом и не было нужды, ибо Молотов говорил о довольно известных вещах: о совместных гарантиях независимости прибалтийских государств, посредничестве немцев с целью прекращения японских военных акций против СССР, развитии германо-советских экономических отношений. Каких-либо территориальных претензий, касавшихся Польши или кого бы то ни было, и тем более вопросов о судьбе той или иной конкретной страны, на этом этапе не поднималось.

Но Гитлер предложил больше, чем Сталин ожидал. Есть ли этому объяснение? Возможно, какой-то свет проливает директива Исполкома Коминтерна от 22 августа 1939 года, содержание которой стало известно Берлину. В ней отмечалось, что СССР вступает в переговоры с Германией на предмет заключения договора о ненападении, имея в виду побудить Англию и Францию заняться делом на переговорах о военном союзе с нашей страной.

Оказывается, Яковлев был телепатом и мог проникнуть в мысли Сталина, чтобы знать, что он мог ожидать.

Опять же, ни о каких предложениях Гитлера нам ничего не известно, потому трудно понять, о чем говорит докладчик. Что касается директивы ИК Коминтерна от 22 августа 1939 г., то ее Яковлев просто выдумал. Он – академик, ему можно. Вслед за Яковлевым на эту мифическую директиву ссылаются некоторые «историки», но почему-то никто не цитирует.

Судя по всему, Гитлер решил разом обесценить любые британские и французские маневры, стремясь побудить Сталина сжечь запасные мосты. Сцена благоприятствовала разыгрывавшемуся нацистами спектаклю. 19–20 августа 1939 года Сталин получил документальные подтверждения, что Англия, Франция и Польша не собираются менять свои позиции. Видимо, Сталин надеялся договором о ненападении повлиять на Англию и Францию, но просчитался. После подписания договора западные державы потеряли к нам всякий конструктивный интерес.

Была ли возможность свести переговоры с Берлином только к заключению договора о ненападении? Анализ свидетельствует – безусловно. И в том виде, в каком договор был подписан 23 августа 1939 года, он пополнил бы обширный каталог урегулирований, известных мировой политике.

Любопытный кульбит. Договор был подписан в том виде, в каком мы его знаем, однако, по мнению Яковлева, он не пополнил обширный каталог урегулирований. Почему же? К тому же смысла в заключении только Договора о ненападении не было ни малейшего. Советскому Союзу этот договор был не нужен абсолютно, поскольку никакого доверия к Германии у Кремля не было, да и быть не могло. СССР добивался заключения торгового договора, и только при условии его подписания Москва готова была дружить с Берлином. В чем Сталину нельзя отказать, так это в прагматизме.

Аналогичными взаимными обязательствами, по-разному оформленными, Германия к тому времени обменялась, в частности, с Польшей – 1934 год, с Англией и Францией – 1938 год, Литвой, Латвией, Эстонией – 1939 год.

Заключение данного договора, понятно, меняло конфигурацию сил, позволяло Берлину закрыть одно из неизвестных в сложном политическом уравнении. Это так. Но было бы несправедливо тут обрывать мысль.

Сталин, при всех его имперских замашках; не мог не понимать аморальности и взрывоопасности секретной сделки с Гитлером. Даже после войны Сталин и Молотов замечали

следы существования секретного протокола – оригинал протокола в наших архивах так и не обнаружен.

Логика совершенно откровенная: раз оригинал протокола в архивах не обнаружен, значит Сталин и Молотов заматали следы. Но сам факт существования протокола Яковлев сомнению не подвергает. Очень напоминает классической перл софистики.

Один человек другому: «Где ты поерял рога?» «Я не терял рога, у меня их нет» – удивляется тот. «То, что у тебя нет рогов, доказывает, что ты их потерял. Весь вопрос в том, где именно» – парирует возражение первый.

По свидетельству Хрущева, Сталин рассуждал так: «Здесь ведется игра – игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет». И добавил: «Я их обманул».

Хрущев – тот еще свидетель. Яковлев выдергивает цитату, а хорошо бы привести весь абзац из хрущевских воспоминаний: «У Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет»⁶⁴.

Во-первых, Хрущев говорит, что встреча на сталинской даче состоялась вечером 23 августа, когда Сталин на самом деле находился в Кремле и участвовал в переговорах с Риббентропом. На Западе непонятно почему широкое хождение в печати получило мнение, что Риббентроп прибыл в Москву 22 августа. Поскольку мемуары Хрущева были изданы за границей, эта ошибка могла появиться в результате редакторской правки.

Во-вторых, Сталин якобы сообщает, что Гитлер хочет сделать Польшу своим протекторатом, в то время как Гитлер в августе 1939 г. даже не заикался об этом. В-третьих, Литву советский вождь, по словам мемуариста, включает в советскую сферу влияния, хотя по известному нам тексту «секретного протокола» она отходила Германии. Наконец, Хрущев не упоминает никаких «секретных протоколов», утверждая, что раздел территории был зафиксирован в договоре. Что-то слишком много «неточностей» в одном абзаце. А ведь, согласно общепринятой версии событий Хрущев лично участвовал в марте 1953 г. в разборе сталинского архива, где якобы хранились оригиналы «секретных протоколов». Как же он их проглядел?

Сталина, по всей видимости, не смущала цена, которую он заплатил, предав высокие нравственные принципы внешней политики, заложенные Лениным. Вместе с немецкой редакцией протокола он принял такие постулаты, как «сфера интересов», «территориально-поли-

⁶⁴ Никита Хрущев, «Время. Люди. Власть» // <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/H/Hrucev/time/book1ch1/approach.html>.

тическое переустройство» и прочее, что до сих пор было детищем политики империалистических разделов и переделов мира.

Слова о нравственности из уст Яковлева звучат несколько странно. Но снова мы не видим ни малейших попыток доказать существование «секретного протокола». Дескать, комиссия пришла к выводам, что они были, но на основании чего сделаны такие заключения – ни слова. Есть лишь ссылка на провинциальный бульварный листок из Америки. Аргумент слабават.

«Второму Рапалло» Гитлер предназначал сугубо утилитарную роль – выключить СССР как потенциального противника Германии на срок до двух лет. Неясно, почему Сталин не придал значения информации, поступающей по разным каналам, что максимум через 24 месяца нацисты растопчут свои обязательства и нападут на Советский Союз.

Еще в июле 1939 года советская разведка предупреждала, что инсценировка добрососедства в отношении СССР и, в частности, уважения его интересов в Прибалтике рассчитана всего на двухлетний срок. На это же время немцами заключались с нами все экономические соглашения. Сталин не захотел вникнуть в эти факты.

Никто в Европе в тот момент не мог сказать, что будет через две недели. Гитлер не знал даже того, будет ли он воевать с Польшей, или она все же уступит в последний момент. Даже после заброски в Польшу диверсионных групп, он отложил начало вторжения, ранее намеченное на 26 августа. До последнего момента он придерживался позиции, что выполнение Варшавой условий ультиматума исключит применение силы. Гитлер не знал, как поведут себя Англия и Франция. И уж тем более, он не догадывался, что через два года ему предстоит воевать на востоке, так и не покончив с Англией на западе. Но советская разведка, по мнению Яковлева, это знала. А насчет экономических соглашений Яковлев откровенно брешет, срок полного погашения первого германского кредита, полученного в 1939 г. относился к 1946 г.

Давая свою редакцию протоколу; Гитлер готовил почву для того, чтобы столкнуть Советский Союз не только с Польшей, но и с Англией и Францией. До этого, слава богу, не дошло, хотя порой наша страна была на волосок от подобного разворота событий, особенно после вступления частей Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. И всякое могло стрястись, не остановись советские части на «линии Керзона», которая по Версальскому договору определялась как восточная граница Польши.

Вообще-то, «всякое могло стрястись» не во время польской компании, а в период советско-финской войны, когда англо-французы планировали бомбардировку нефтепромыслов в Баку и десант в Скандинавии. Если бы Красная Армия не остановилась на «линии Керзона», то это означало бы войну с Германией, а не с Англией и Францией. Советские войска даже не дошли до пресловутой «линии Керзона». Новая западная граница СССР стала не результатом военных успехов РККА, а следствием дипломатических усилий, в результате которых Германия уступила Советскому Союзу часть захваченных ею территорий (см. главы «Гальдер» и «Граница»).

Вернемся, однако, к теме 23 августа. Гитлера не воодушевила схема протокола, изложенная Молотовым, поскольку оставалось неясным, как прореагирует советская сторона, если вместо Польши на западной границе СССР будет Германия.

Молотовский вариант протокола вообще никому неизвестен, кроме Яковлева. Всего в пропагандистском обороте находится две противоречащих друг другу версии. Первая, осно-

ванная на показаниях Гаусса, приписывает инициативу заключения «секретных протоколов» всецело Германии. По второй инициатором является Сталин, неожиданно для германской стороны предложивший 23 августа 1939 г. «распилить» Восточную Европу. Как при этом Гитлер мог ознакомиться с некой схемой Молотова, совершенно неясно.

Неопределенность советской позиции, судя по разведматериалам, побудила Гитлера не перенапрягать «нейтралитет» СССР развертыванием украинской проблемы. Большие того, в августе нацисты дали понять, что сочувствуют желанию украинцев и белорусов жить в воссоединенных семьях. То, что восстановление справедливости по отношению к Украине и Белоруссии соседствовало с «территориально-политическим переустройством» в других землях, не смутило Сталина.

А почему, собственно, Сталина это должно было смущать? Он вернул стране те земли, что было отторгнуты Польшей в ходе захватнической войны 1918–1920 гг. Проблемы поляков – это их головная боль и всецело результат их дурости.

Суммирую сказанное. В отличие от оценки секретных протоколов, по которой в комиссии было полное единство, относительно самого договора высказывались разные мнения.

Главное для Яковлева – внушить, что «секретный протокол» был, и он носил откровенно преступный характер. Он апеллирует к тому, что данный вопрос не вызвал никаких сомнений у всех 26 членов депутатской комиссии. А раз 26 депутатов, в течение полугода якобы изучавшие «документы» и проводившие «экспертизы», пришли к однозначным выводам, то и всем остальным следует безоговорочно принять их точку зрения. И тут же докладчик резко уходит от темы, принимаясь смаковать нюансы самого договора о ненападении

Первое – что в конкретных условиях того времени договор был правомерен политически. Политика Германии и Японии, позиция западных демократий не оставляла Советскому Союзу иного выхода. Руководство СССР обязано было принять меры для обеспечения безопасности страны, хотя бы оттянуть начало войны и использовать выигранное время для укрепления экономики и обороны.

И другое – что Сталин пошел на заключение договора о ненападении по иным причинам. Главным его мотивом было не само соглашение, а именно то, что стало предметом секретных протоколов: то есть возможность ввода войск в прибалтийские республики, в Польшу и Бессарабию, даже в перспективе в Финляндию. То есть центральным мотивом договора были имперские амбиции.

Яковлев нагло спекулирует. Даже в фальшивых протоколах нет ни слова о возможности ввести войска в Прибалтику и Бессарабию. В Эстонии советские войска были размещены в соответствии с советско-эстонскими соглашениями от 28 сентября 1939 г. Вслед за Эстонией аналогичные договора заключили Латвия и Литва. Причиной войны с Финляндией стали ее откровенно враждебные действия, выразившиеся в срыве советско-финляндских переговоров и проведении мобилизации. Возвращение

Бессарабии стало возможно благодаря удачному стечению обстоятельств: Франция, гарантирующая неприкосновенность румынских границ, была разгромлена Германией, а сама Германия, связанная войной с Англией, настоятельно рекомендовала Бухаресту удовлетворить требования СССР. Немцы вовсе не хотели помогать Сталину, просто они панически боялись, что в случае военного столкновения с Румынией, Советский Союз захватит плоештин-

ские нефтяные месторождения, лишив Германию жизненно важного для нее в условиях войны источника сырья.

Взвешивая слагаемые прошлого, выделяя уроки на будущее, Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года пришла к следующим выводам.

Сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР. Юридически он утратил силу 22 июня 1941 года. Все советско-германские соглашения, какие существовали на тот момент, были полностью зачеркнуты с первым залпом орудий на рассвете 22 июня 1941 года. Это не только наша позиция. Это признанная норма международного права. Что касается послевоенной Европы, то строилась она на международно-правовых нормах, имеющих иные истоки, что отражена прежде всего в Уставе ООН и Заключительном акте общеевропейского совещания.

Другой вопрос, что у Сталина и некоторых людей из его окружения уже тогда могли быть имперские замыслы, чуждые принципам социализма. Но это выходит за рамки самого договора как международно-правового документа.

Точно также к этой оценке не имеют отношения иллюзии, которым, судя по всему, предавался Сталин после заключения соглашений 1939 года. Иллюзии, не позволившие должным образом использовать полученную мирную передышку, в значительной мере демобилизовавшие и дезориентировавшие антифашистские силы, что не могло не нанести ущерба последующей борьбе против гитлеризма и его союзников.

Вместе с тем ясно, что с заключением договора оказались нарушенными какие-то глубинные элементы демократического мироощущения в целом. Ни коммунисты, ни подавляющее большинство других левых сил и движений предвоенного времени, даже не зная и не подозревая о существовании секретных протоколов, не были готовы к тому; чтобы допустить саму возможность договоренности с Гитлером о чем бы то ни было.

Вот уж дудки! Левые партии в Европе порой очень охотно сотрудничали с Германией. Например, Французская коммунистическая партия с момента объявления Францией войны Германии в сентябре 1939 г. заняла ярко выраженную коллаборационистскую позицию. После оккупации Франции коммунисты даже пытались легализоваться при новом режиме, но безуспешно. А те коммунисты, которые вслед за вторым человеком в партии Жаком Дорио откололись от ФКП и создали Народную партию, настолько подружились с Гитлером, что отправились добровольцами воевать на Восточный фронт. Коллега Дорио, член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, третий человек в партийной иерархии, Марсель Життон, после подписания советско-германского договора о ненападении вообще порвал с ФКП и создал Нацистскую рабоче-крестьянскую партию. Другие страны тоже дали подобные примеры, хоть и менее яркие.

Не считаться с умонастроениями, этическими убеждениями общественности – значит становиться на позиции, которые рано или поздно оборачиваются нравственными и идейно-социальными потерями, что и произошло в действительности.

Политическая и правовая оценка советско-германского договора о ненападении дана в заключении комиссии и в проекте Постановления, предложенных вниманию Съезда. Это, как полагают члены комиссии, итог анализа фактов и синтеза мнений, адекватно передающий особенности крайне противоречивой ситуации того времени и нашего отношения к ней с позиций нового политического мышления.

Комиссия сформулировала оценки и в отношении протокола. Они таковы.

Первое. Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. Имеющиеся в распоряжении правительств СССР и ФРГ копии могут быть на уровне современных знаний признаны достоверными. Да и сами последующие события развивались точно «по протоколу».

Все гораздо проще: текст «секретного протокола» ваялся точно «по событиям». Фальсификаторы всегда стараются слепить содержание фабрикуемого документа так, чтобы подогнать его под реально имевшие место факты. В дальнейшем я покажу, что неверные, ошибочные представления о действительных событиях отразились и в фальшивках (см. главы «Граница», «Карта», «Сувалки»). Выше приводился фрагмент воспоминаний Хрущева, который выдумал слова Сталина «по событиям», набрехав про включение Литвы в советскую сферу влияния и намерение Гитлера создать протекторат на территории Польши. Да, так оно и произошло в дальнейшем, однако предвидеть этого в августе не мог никто.

Итак, это кульминация доклада Яковлева. Оригинал «секретного протокола» не обнаружен ни в Германии, ни в СССР. Копии «могут быть признаны достоверными», однако из этого вовсе не следует, что делалась попытка экспертизы их «на уровне современных знаний». Сам Яковлев не пытается утверждать, что в рамках работы комиссии проводилось исследование аутентичности представленных фотокопий. Более того, даже самим депутатам не был предъявлен текст пресловутого «секретного протокола», не говоря уж о фотокопиях из коробки фон Леша, чтоб они могли оценить его весомость хотя бы на глазок.

А поскольку никто не мог ознакомиться с текстом «секретного протокола», который был опубликован лишь в 1990 г., докладчик мог голословно утверждать, что последующие события развивались точно «по протоколу», что и являлось главным доказательством их существования. Но, во-первых, как показано выше, события развивались совершенно не в русле известного нам «секретного протокола» от 23 августа, особенно в Польше. Во-вторых, даже если бы в сфабрикованной фальшивке точно описывались реально происходившие события, то это не может служить аргументом в пользу достоверности документа. Задним числом можно сочинить любые «протоколы сионских мудрецов», «завещание Петра I» или «план Даллеса».

Второе. Исходный протокол был составлен в МИД Германии и принят Сталиным и Молотовым с небольшими поправками. Советские участники переговоров, не к их чести, забыли свои изначальные пожелания о двойных гарантиях независимости прибалтийских стран. Они не настаивали на отражении в протоколе готовности Германии образумить Японию, удовлетворившись устными обещаниями Риббентропа на сей счет.

Ух, ты! Выходит, Яковлев имел возможность лицеизреть не только окончательный протокол, но и исходный вариант. А устные обещания Риббентропа образумить Японию, надо полагать, академик получил телепатическим путем. Впрочем, еще до приезда Риббентропа в Москву Красная Армия неплохо образумила японцев на Халхин-Голе и без посторонней помощи.

Третье. О факте подготовки протокола не ставились в известность политические и государственные инстанции Советского Союза. Молотов не имел должным образом оформленных полномочий на его подписание. Протокол был изъят из процедуры ратификации и не утверждался законодательными или исполнительными органами страны.

Четвертое. Будучи принят в обход внутренних законов СССР и в нарушение его договорных обязательств перед третьими странами, протокол в юридическом смысле являлся изначально противоправным документом, представлял собой сговор, выражавший намерения подписавших его физических лиц.

В таком случае государство не может нести никакой моральной или юридической ответственности за сговор физических лиц. Соответственно и Съезд народных депутатов не компетентен давать оценку этому акту, тем более, что факт существования «секретных протоколов» так и не был установлен.

Наконец, пятое. Метод выработки протокола и примененные в нем категории и понятия («территориально-политическое переустройство» и прочие) были явным отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Верно, что народы Украины и Белоруссии возвращали себе территориальную общность. Но разве по тем же общечеловеческим меркам нельзя понять и чувства тех, кто оказался бессильной игрушкой более сильных, кто через призму содеянных Сталиным несправедливостей стал оценивать всю свою последующую историю?

Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними, особенно малыми, странами. Не считал зазорным прибегнуть к силе оружия – так произошло в споре с Финляндией. В великодержавной манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии, восстановление Советской власти в республиках Прибалтики. Все это деформировало советскую политику и государственную мораль.

Наверное, впервые о событиях трудного предвоенного времени говорится в столь жестких и безоговорочных формулировках. Но когда-то должна была быть сказана вся правда, даже самая горькая.

В этих абзацах заключен, как говорят политтехнологи, меседж всего послания. Итак, жертвами сталинского преступления объявлены Бессарабия и прибалтийские республики (до кучи и Финляндию записали в пострадавшие). Вообще-то никакой прямой связи между возвращением Москвой ранее утраченных территорий и советско-германским договором о ненападении нет. Но идеологической атаке подвергся именно этот договор. Почему? Все очень просто. Если прямо обвинить СССР в оккупации Прибалтики, то придется доказать что советские гарнизоны были размещены в Прибалтике без соответствующих договоров, а парламенты этих стран не принимали решения о вхождении в состав СССР. Придется отрицать то, что у населения этих нищих карликовых бантустанов, где правили фашистские диктаторы, не было стремления их свергнуть, что забитые батраки не хотели скинуть со своей шеи помещиков, а голодные безработные не желали иметь работу.

В отношении Бессарабии задача еще более усложняется. Придется доказывать, что эта территория не была оккупирована в 1918 г. в результате ничем не спровоцированной румынской агрессии, а так же то, что молдаване, украинцы, русские и гагаузы были равноправными румынскими гражданами, не испытывали на себе дискриминации, не устраивали антирумынских восстаний и категорически не желали освобождения. Спасибо хоть, воссоединение украинских и белорусских народов Яковлев не считал сталинским преступлением, хотя это и было прямым следствием раздела Польши, тоже мечтавшей о воссоединении Украины, но под своей властью.

Таким образом, прямо признать Прибалтику оккупированной и тем самым дать старт развалу Советского Союза было нереально. А вот если объявить, что «оккупация» Прибалтики стала результатом сговора Гитлера и Сталина, то все прочие факты можно просто не принимать во внимание. Гитлер – воплощение вселенского зла. Сталин благодаря усилиям того же Яковлева и коды прикормленных им «свободных журналистов» был к концу 1989 г. в достаточной степени демонизирован. Следовательно, если два исчадия ада решили судьбу Прибалтики, то это решение однозначно преступное.

То, что сговора не было – не беда. Надо сфальсифицировать пару протоколов и представить их общественности, как неоспоримое доказательство злодеяния века. Впрочем, есть

еще более эффективный путь – фальшивки общественности не демонстрировать (мало ли, вдруг кто-то их разоблачит) а сфабриковать постановление высшего законодательного органа страны, осуждающего «преступный сговор». Мол, СССР сам признался в преступлении. Для этого, как видим, достаточно просто пустить пыль в глаза нескольким сотням депутатов, благо, что часть из них – откровенные антисоветчики и сепаратисты (это будет видно по ходу прений после доклада Яковлева). Другая часть депутатского корпуса – политические проститутки и патентованные интеллигенты, достигшие такой степени умственной деградации, при которой они «схавают» любой бред, если он исходит из уст академика и члена Политбюро.

Секретный протокол от 23 августа 1939 года точно отразил внутреннюю суть сталинизма. Это не единственная, но одна из наиболее опасных мин замедленного действия из доставшегося нам в наследство минного поля, которое мы сейчас с таким трудом и сложностями хотим очистить. Делать это надо. Общественные мины коррозии не знают. Мы не можем не сделать этого во имя перестройки, ради утверждения нового политического мышления, для восстановления чести социализма, попорченной сталинизмом.

«Делать это надо» – данные слова можно считать призывом взрывать Прибалтику. Вину заранее списали на Сталина – он, мол, заминировал, гад. И еще Гитлер ему помогал, падлюга.

Комиссия считает, что в результате проделанной работы вносится определенность в ряд вопросов, занимающих умы людей, сформулирован верный в правовом и нравственном смысле вердикт прежде всего секретному протоколу. Члены комиссии выразили эти свои выводы, взвешивая каждое слово и сверяя их со своими убеждениями.

Да уж, если рассмотреть персональный состав членов яковлевской комиссии, то об их убеждениях можно будет сказать очень лаконично – подонки. Не зря же Яковлев лично занимался формированием депутатского корпуса, причем основные усилия приложил именно в Прибалтике. А кто такой Яковлев, показано выше именно для того, чтобы читатель мог сам догадаться, каких типов этот деятель пропихнет в депутаты, кого он рекрутирует в свою комиссию. Уж поверьте, случайных людей туда не допустили.

Если Съезд сочтет возможным согласиться с предложениями комиссии, это дополнительно послужит очищению атмосферы от реликтов прошлого, несовместимых с социализмом и справедливостью.

Вам эти призывы ничего не напоминают? Польский профсоюз «Солидарность» провозглашал лозунги борьбы за социализм и справедливость. Так оказалось гораздо сподручнее покончить с социализмом. Да и Перестройка в СССР начиналась под лозунгом «Больше социализма!». Результат известен.

Товарищи депутаты! В заключение хочу сказать следующее. История сама себе прокурор и судья. Но, погружаясь в нее, мы не можем абстрагироваться от того, что предвоенные события развивались в другой системе координат. Тогда страны еще не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию; голос мыслителей, увидевших предел цивилизации, перекрывался топотом солдатских сапог и овациями в честь вождей; судьбы мира вершились замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и эгоизмом, демагогией и отстраненностью от масс; уделом народов многие хотели навсегда сделать обслуживание этих групп, да еще участие во взаимном истреблении.

Понадобилось ввергнуть мир в пучину безумия, прежде чем идея взаимосвязанности и судеб, и коллективных действий во имя избавления Земли от тирании и возрождения мира начала утверждаться как объективная истина.

Рано или поздно правда выходит на свет божий, фальшь отмечается. Без такого нравственного очищения немислимо развитие цивилизации. Сегодня признать это важнее, чем когда-либо прежде. Народы могут спокойно жить и быть уверенными в будущем только все вместе и никак не друг против друга.

Спасибо за внимание⁶⁵.

Итак, резюмируем. Если отбросить призывы бороться за социализм и прочую демагогию про нравственность и общечеловеческие ценности, то в своем историческом экскурсе, обрисовывая канун начала Второй мировой войны, Яковлев не сообщил совершенно ничего нового. Школьные рефераты на эту тему бывают более содержательными и менее шаблонными. Политической оценки собственно договору о ненападении он не дал, да и как может быть дана политическая оценка событию, являющемуся достоянием истории? Разве можно дать сегодня политическую оценку практике рабовладения в Древнем Египте, принять политическое постановление по вопросу Куликовской битвы или по поводу Венского конгресса 1815 г.? Правовая оценка советско-германскому договору о ненападении дана примерно такая: его положения соответствовали нормам международного права, юридическую силу договор утратил 22 июня 1941 г. Вот и все.

Но это лишь обертка, в которую Яковлев завернул ложь о якобы установленном факте существовании «секретного протокола», и на этом шатком фундаменте выстроил целую теорию заговора двух диктаторов против маленьких невинных народов Прибалтики, которые тиран Сталин ради удовлетворения имперских амбиций на аркане затянул в свою тюрьму народов.

Ничего внятного по поводу «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. и позднейших секретных соглашений докладчик не сообщил. Фактически депутаты ознакомились лишь с позицией Яковлева по поводу мифического протокола, ни один конкретный факт, связанный с этим делом, рассмотрен не был. С текстом «секретного протокола» депутаты не знакомились, равно как с данными графологической, фототехнической и лексическим экспертизами копий, карт и других документов, как то упоминается в Постановлении Съезда. Кстати, графология – это учение вроде хиромантии, согласно которому существует устойчивая связь между почерком и индивидуальными особенностями личности. Экспертиза могла быть только почерковедческой, но она никогда не делается по фото.

То есть на основе голословного мнения Яковлева, прикрывшегося мнением марионеточной депутатской комиссии, Съезду народных депутатов было предложено принять постановление, из контекста которого следует:

а) Сталин обманул правительство, партию и весь советский народ, скрыв факт преступного сговора с Гитлером;

б) Сталин и его подручные каким-то таинственным образом использовали этот «секретный дополнительный протокол» для «предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств», при этом сохраняя факт наличия протокола в тайне;

в) пострадавшими от сталинского произвола являются Румыния и Финляндия, ставшие объектами имперской экспансии СССР, а так же Литва, Латвия и Эстония, утратившие свой суверенитет в результате последствий, вытекающих из заключения советско-германского договора о ненападении;

⁶⁵ Цит. по: «Правда», 24 декабря 1989 г.

г) Съезд народных депутатов осуждает действия Сталина, считает их неправильными, аморальными, принесшими вред народам Советского Союза, что нужно осознать во имя «свободного и равноправного развития в условиях целостного, взаимозависимого мира и расширяющегося взаимопонимания».

Прения

Перейдем к разбору прений по докладу. Мои комментарии выделены тем же образом.

Председательствующий. *Есть ли вопросы к Александру Николаевичу Яковлеву? Есть. Пожалуйста.*

С места. *У меня вопрос к докладчику. Как известно, комиссии было поручено рассмотреть вопрос о пакте Молотова – Риббентропа и связанных с ним документах. Вы ограничили рамки рассмотрения 1939 годом. Но, как члену Политбюро, Вам известно, что в прибалтийских республиках созданы рабочие комиссии, считающие, что акты 1940 года о вхождении в СССР напрямую связаны с событиями 1939 года. Я попросил бы Вас ответить на вопрос: или Вы не знаете об этом, или же по каким-то мотивам не хотите здесь, на Съезде, затронуть эту проблему, которая, желаем мы того или нет, будет затронута в дискуссии по Вашему докладу.*

Яковлев А. Н. *Товарищ, я уже сказал о том, что мандатом Съезда определена следующая тема для нашего доклада: «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года». Вот этим мандатом комиссия и руководствуется.*

Председательствующий. *Пожалуйста, депутат Гольданский.*

Гольданский В. И., директор Института химической физики имени Н. Н. Семенова Академии наук СССР, председатель Советского Пагуошского комитета, г. Москва (от Советского фонда мира совместно с восемью советскими комитетами, выступающими за мир, солидарность и международное сотрудничество). *Александр Николаевич, ограничиваясь 1939 годом, хочу задать несколько вопросов.*

Первый вопрос. Не явилась ли отставка Литвинова в начале мая 1939 года уже вполне четким знаком того, что внешняя политика Советского Союза с ориентации на англо-французские связи коренным образом меняется и перестраивается на возможность заключения договора с Германией.

Второй вопрос. Вы говорили относительно различных оценок, относительно того, насколько Германия была готова к войне с Советским Союзом в 1939 году. Известно, что довольно широко распространялись сведения о том, что в 1939 году среди германского генералитета были довольно сильные настроения против Гитлера и против войны, в частности, с Советским Союзом. Назывались имена, скажем, Блумберга, других ведущих генералов. И было покушение на Гитлера в ноябре 1939 года. Вот с точки зрения этих фактов – каково значение советско-германского договора?

И наконец, третий вопрос. Не было ли дано со стороны Коминтерна каких-то инструкций коммунистическим партиям ряда стран после того, как был заключен договор Сталина с Гитлером относительно изменения их политики от антифашистской к политике, в которой как-то прослеживалась соглашательская с фашизмом линия?

Яковлев А. Н. *Товарищи, я полагаю, у нас здесь не исторический симпозиум...*

С места. *Да, да. (Шум в зале).*

Яковлев А. Н. *Я только могу сказать, что комиссия имела дело с сотнями документов, документальных данных, в том числе впервые ставших известными в ходе изучения данного вопроса. Изложить их все – дело невозможное, они находятся в распоряжении комиссии.*

Что касается Коминтерна и его указаний коммунистическим партиям, то изучение их показывает, что они очень и очень противоречивы. Коминтерн был поставлен в очень сложную ситуацию. Он ведь не знал о секретном протоколе. Но все видели, что что-то происходит. И если вы возьмете эти указания, они то призывали к продолжению борьбы с фашизмом,

сплочению антивоенных, антифашистских сил, то – в решениях отдельных компартий, скажем, Франции, насколько я помню, и Италии была такая резолюция, которая призывала к определенной сдержанности. Хотя через некоторое время Французская компартия изменила свою позицию.

Французская компартия изменила свое решение по приказу Коминтерна лишь после 22 июня 1941 г.

Изучение документов показывает всю сложность событий, все колебания, противоречивость принимаемых решений, рекомендаций и так далее. Поэтому я и считал возможным сказать, что неизвестность, секретность этого протокола поставила в тяжелое положение все антивоенные, антифашистские демократические силы.

Логика просто потрясающая: о существовании «секретного протокола» никто даже не подозревал, но он поставил в тяжелое положение все антифашистские силы. Задача Яковлева – внушить, что секретные договоренности между Гитлером и Сталиным существовали. Поэтому он произносит слово «протокол» как можно чаще, как заклинание, не вдумываясь в смысл произносимых фраз.

Председательствующий. Пожалуйста, депутат Сухов.

Сухов Л. И., член Комиссии Совета Союза Верховного Совета СССР по вопросам транспорта, связи и информатики (Харьковский – Ленинский территориальный избирательный округ, Харьковская область). Александр Николаевич, у меня такой вопрос. Вы говорили о том, что именно Франция и Англия отказывались сотрудничать с Советским Союзом. Как Вы считаете, можете ли Вы сегодня дать гарантию, что, если бы Советский Союз отказался заключить договор с Германией, Франция и Англия не заключили бы между собой соглашения и не напали бы на Советский Союз?

Яковлев А. Н. Я по специальности историк и, уважая эту науку, не могу гадать, как бы кто поступил и в каких обстоятельствах, тем более, если придется опрокидывать исторические события, свои размышления в прошлое.

Как я вам уже сказал, история-то ведь в нашем анализе остановилась, она уже состоялась, она уже была. И мы поэтому можем лишь приложить к ней то или иное свое собственное мнение. Как бы Франция, Англия повели себя в тех или иных обстоятельствах – это сейчас сказать трудно. Мы знаем из документов только то, как они себя повели.

Председательствующий. Спасибо. (Шум в зале). Третий микрофон. Пожалуйста, товарищ Йорга.

Сухов Л. И. Извините, я не закончил свою мысль и вопрос.

Председательствующий. Пожалуйста, депутат Сухов.

Сухов Л. И. Так как же мы сегодня говорим о том, что Советский Союз вошел в прибалтийские республики как завоеватель? Скажите, пожалуйста, имели ли советские люди преимущества перед людьми из прибалтийских республик? Например, когда Румыния воевала в составе Германии, то солдат Германии был выше, чем офицер Румынии.

С места. Ничего не понимаю. (Шум в зале).

Сухов Л. И. Как же так согласиться нам, советским людям, что мы завоеватели? Ответьте, пожалуйста.

Председательствующий. Почему мы завоеватели?

Яковлев А. Н. Я очень извиняюсь, но я не понял вопроса.

(Шум в зале).

Депутат Сухов – простой харьковский рабочий. Политесам не обучен, и потому рубит с плеча. Суть дела он уловил четко – главный вопрос именно в прибалтийском сепаратизме. Но Яковлев, разумеется, эту тему поднимать не намерен. Он ведь радуется исключительно за восстановление «исторической правды» во имя социализма, мира и прогресса.

***Председательствующий.** Будем рассматривать выступление Леонида Ивановича Сухова как реплику. Пожалуйста, депутат Йорга.*

***Йорга Л. И.**, консультант отдела публицистики Союза писателей Молдавской ССР, г. Кишинев (Кутузовский национально-территориальный избирательный округ; Молдавская ССР). Уважаемые депутаты! Чтобы был понятен мой вопрос; я изложу несколько фактов... (Шум в зале).*

***Председательствующий.** Я прошу, депутат Йорга, я очень уважаю Вас; но прошу задать вопрос.*

***Йорга Л. И.** Да, так вот вопрос зависит от фактов. Это одна минута.*

***Председательствующий.** Пожалуйста, одна минута.*

***Йорга Л. И.** Уважаемые депутаты, дело в том, что в 1917 году, когда были освобождены все колонии бывшей царской империи, была освобождена и Бессарабия.*

Россия не обладала колониями. Все подданные империи пользовались равными правами, при том, что обязанности у населяющих ее народов были неравными. Многие инородческие окраины, например, были освобождены от рекрутских наборов.

Это было официально признано телеграммой из Петрограда. Потом, в 1940 году, мы уже знаем, что случилось. Были попораны права демократической республики, которая была сформирована 2 декабря того же 1917 года.

«Демократическая республика», о которой стонет Йорга, прекратила свое существование в январе 1918 г. в связи с румынской оккупацией. Вряд ли даже все местные жители успели узнать, что они стали подданными какой-то республики. Если же речь идет о 1940 г., то Бессарабия была захудалой провинцией румынского королевства, а не республики.

Более того, в Киеве в 1917 году состоялся съезд всех освобожденных наций. И на этом съезде была принята программа этих наций, которая имела все наши теперешние требования. История повторяется. Было требование суверенитета наций, языка государственного, языка русского в качестве средства общения между нациями. Больше того, была признана национальная армия. Сейчас наши генералы удивляются этому.

Вопрос такой: если Бессарабия была колонией царской империи, почему сейчас Вы сказали, что она была возвращена, как будто она была собственностью Советского Союза, России? Дальше. Если в пакте указана только Бессарабия, почему вместо Бессарабии Сталин захватил еще и Молдавию, и Буковину? Между прочим, Бессарабия состоит только из областей Аккерман, Килия и Измаил, которые сейчас находятся на Украине.

Бред какой-то. Аккерман, Килия и Измаил находились в исторической области, называемой Буджак. В царской России существовала Бессарабская губерния – как раз в междуречье Прута и Днестра до побережья Черного моря. И это была именно губерния, а не колония. Можно, конечно, думать, что такие психически нездоровые крикуны действовали по собственному почину. Но я склонен считать, что они нагнетали истерию, дабы уйти от взвешенного обсуждения вопроса в соответствие с заранее разработанным сценарием.

Председательствующий. Ясен Вопрос?

Яковлев А. Н. Нет, абсолютно.

Председательствующий. Тогда ответьте, как можете.

Яковлев А. Н. Я хочу только еще, товарищи, сказать...

Председательствующий. Внимание, товарищи, послушайте, пожалуйста.

Яковлев А. Н. Прошу еще раз принять во внимание мандат нашей комиссии. Вы, Съезд, обозначили его очень четко: договор о ненападении 1939 года. Все мы понимаем, что эта тема такая, что можно выйти беспредельно за ее пределы, как до пакта, так и после него. Он дает для этого основания, но ваше поручение было конкретным: договор 1939 года.

Председательствующий. Пожалуйста, вопрос. Одну минуту. Первый микрофон, последние вопрос. Все, товарищи.

Иргашев А. К., управляющий трестом «Узбекгидроэлектрострой», г. Ташкент (Ташкентский – Октябрьский национально-территориальный избирательный округ; Узбекская ССР). Уважаемый Александр Николаевич! Вы уже остановились на этом моменте, но я все же еще раз хотел уточнить и получить ответ. Вот Вы в проекте Постановления своей комиссии пишете, что подлинные протоколы не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. И в то же время в пункте 7 проекта Постановления написано, что «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола». Является ли правильным писать, что Съезд осуждает несуществующие документы? Ведь если их не могли найти в архивах Советского Союза, то, наверное; можно было бы найти в архивах Германской Демократической Республики или Федеративной республики Германии.

Вопрос совершенно закономерный, но задан в какой-то казуистической манере. То ли депутат сомневается в существовании «секретных протоколов», то ли выражает недовольство работой комиссии, которая плохо их искала.

Председательствующий. Спасибо. Ясен вопрос?

Яковлев А. Н. Ясен.

Иргашев А. К. Я прошу извинить, тут как раз и замечание члена комиссии имеется. При подписании проекта Постановления товарищ Кравец написал: «Считаю, что Постановление Съезда должно содержать лишь пункт 1». То есть нет единства и среди членов комиссии по этому вопросу.

Яковлев А. Н. Двадцать пять членов комиссии считают, что нужно принять Постановление в целом. Товарищ Кравец, не возражая против существа сделанных выводов, сделал приписку, что стоило бы ограничиться принятием пункта 1, дабы поддержать выводы комиссии, изложенные в объяснительной записке. Поэтому Съезду решать, как тут быть, какое принять решение – это уже функция Съезда народных депутатов СССР.

А насчет первого вопроса...

Председательствующий. Вопрос о судьбе протокола.

Яковлев А. Н. Понимаете, товарищи, в проекте Постановления ведь есть четкое разграничение: одно дело – отношение к договору. Комиссия пришла к выводу, что он ничего особенного не представлял с точки зрения принятой в то время международной практики. И это я попытался рассказать здесь, стоя на трибуне.

Что касается секретного протокола, то это уже совсем другое дело. Будучи изъятным из процедур, будучи явным сговором между двумя субъектами переговоров, он является противоправным и изначально незаконным. Поэтому мы даем политическую оценку и предлагаем принять формулу его осуждения, ибо это противоречило всем принципам ленинской внешней политики.

Ответа по существу Яковлев не дал, однако депутат Иргашов был этим отсутствием ответа удовлетворен. В публичных дискуссиях часто применяется такой манипулятивный

прием, когда острый вопрос по договоренности задает «подсадная утка». Ответчик разводит демагогию, задавший вопрос делает вид, что согласен. Если в дальнейшем кто-то попытается задать тот же вопрос, можно отмахнуться: мол, мы это уже обсуждали, что тут повторять – комиссия, дескать, работала, факт установлен, давайте обсуждать проект Постановления, а не углублять историческую дискуссию.

***Председательствующий.** Большие вопросов нет?*

***С места.** Нет.*

***Председательствующий.** Прошу садиться.*

***Яковлев А. Н.** Все, да?*

***Председательствующий.** Да, все. Спасибо. <...> Объявляется перерыв на 30 минут.
(После перерыва)*

***Председательствующий.** Товарищи депутаты! Приступаем к обсуждению сообщения Комиссии Съезда по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Но прежде чем приступить к обсуждению, я хотел бы зачитать поступившие в Президиум записки.*

Первая записка. «Учитывая глубокий, всесторонний и взвешенный характер доклада товарища Яковлева, а также неуместность попыток выхода за рамки поручения первого Съезда, считаем возможным прения не открывать, а ограничиться принятием Постановления. Депутаты Владиславлев и Бурлацкий».

Второе предложение: «Предлагаю прения по докладу Александра Николаевича Яковлева не открывать. Принять предложенный комиссией проект Постановления. Депутат Кириллов».

Кроме того, несколько депутатов в перерыв подошли и сказали – посмотрите на проект, он подписан всеми членами комиссии, завизирован, за исключением одной маленькой оговорки. Все остальные члены комиссии согласны с этим. Поэтому депутаты предлагают не открывать прения. Но я должен с вами посоветоваться. Кто-нибудь настаивает на открытии прений?

***С места.** Нет!*

***Председательствующий.** Вы настаиваете, товарищ Коган?*

***С места.** Нет.*

Яковлевцы стремятся всячески избежать обсуждения. Ведь в зале есть и неподконтрольные им депутаты. Могут возникнуть действительно неудобные вопросы.

***Председательствующий.** Но два депутата, Клоков и Еремей, насколько я вижу, настаивают на обсуждении. Значит, я должен поставить на голосование: открывать прения или не открывать? Наверное, так, товарищи?*

***С места.** Да!*

***Председательствующий.** Хочу предложить следующее. Если сейчас мы не будем открывать прения, то обсуждать Постановление мы обязаны. Я ставлю на голосование предложения, поступившие от депутатов, фамилии которых я назвал: прения по этому вопросу не открывать, а перейти непосредственно к принятию решения. Кто за это предложение, прошу проголосовать.*

***Председательствующий.** Принимается предложение – прения по этому вопросу не открывать, а непосредственно перейти к обсуждению Постановления, которое имеется у депутатов.*

– Результаты голосования

*Проголосовало «за» 1670
Проголосовало «против» 109
Воздержалось 26
Всего проголосовало 1805
Не голосовало 1*

Депутатская масса проявляет инертность. Дискуссии получилось избежать, от сути вопроса удалось свести дело к обсуждению формулировок постановления. Интриги нет, попытка депутата Сухова атаковать Яковлева оказалась неудачной. Неслучайно этот очень важный вопрос о принятии Постановления по договору присутствует в повестке предпоследнего дня работы съезда. Депутаты уже устали от многочасовых заседаний, наорались, наспорились, им уже хочется скорее ехать домой – через несколько дней Новый год.

Председательствующий. Слово имеет депутат Клоков.

Клоков В. И., главный научный сотрудник Института истории Академии наук Украинской ССР, г. Киев (От Всесоюзной организации ветеранов войны и труда). Дорогие товарищи, вопрос не такой легкий, как кажется, вопрос сложный, накладывающий отпечаток на все будущие исследования, на оценку, может быть, самой большой и славной страницы – и героической, и трагической в нашей истории. Договор 1939 года, с чего началась война, потом цепная реакция – Великая Отечественная и так далее. И Великая Победа нашего народа. Я полностью согласен с тезисами доклада, вернее, с содержанием доклада, который был здесь произнесен. Он гораздо лучше отражает политическую оценку того времени, чем даже тот текст, который мы имеем.

Но я категорически не могу согласиться с пунктом 2 Постановления нашего Съезда, если он будет только так звучать, без анализа сложнейшей политической обстановки; которая вызвала все перипетии заключения договора 1939 года. Свидетельством этого служит и вопрос, который задавал депутат Сухов, и вопросы, которые могут задать, миллионы наших граждан, испытавших на себе все ужасы войны и фашизма. Я позволю себе обратить ваше внимание на текст, характеризующий политическую оценку договора. Съезд народных депутатов соглашается с мнением комиссии, что договор имел объявленной целью отвести от СССР угрозу надвигающегося вооруженного конфликта. В конечном счете эта цель не была достигнута, а иллюзии, порожденные наличием обязательств, усугубили последствия. Что я вижу в этом? я вижу в этом прямое обвинение в адрес нашей страны, нашего народа в развязывании Второй мировой войны. Где тут главный виновник развязывания войны? Где тут агрессивность фашизма, пробивавшегося к мировому господству? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Можно ли только на действиях правительств, только на словах «посол сказал – посол ответил» и так далее основывать политическую оценку договора? А где же тут народы, где их участие в этом историческом процессе, без которого нельзя дать политической оценки? Поэтому я предлагаю Съезду принять к сведению выводы комиссии и этим ограничиться. А дальше дать текст устного выступления, которое здесь прозвучало, то есть еще неполной, но все же приближенной к правде оценки, иначе на исследователей будут надеты новые цепи. Раньше это были цепи запрета на негативные публикации о нашей истории, а теперь будет запрет публикаций положительных. Спасибо.

Председательствующий. Кто еще имеет слово по этому проекту? Депутат Петрушенко, пожалуйста.

Петрушенко Н. С Уважаемые товарищи! Я считаю, что было бы целесообразным ограничиться только первым пунктом. Но если уж ставят вопрос, что нужны, может быть, И пункт 5, или пункт 6, или пункт 7, то отдельным пунктом надо записать, что кое-какие

силы пытаются сейчас использовать договор для увязывания с совершенно другими событиями.

На мой взгляд, надо было бы дать оценку тем событиям, которые происходят сегодня вокруг этого договора. Я в этом убежден потому, что в Постановлении первого Съезда народных депутатов СССР говорилось с созданием Комиссии для выработки политической и правовой оценки заключенного в 1939 году советско-германского договора о ненападении и связанных с ним документов.

Но, как вам известно, с этим договором связан и ряд документов, принятых в 1989 году в прибалтийских республиках. Я предлагаю дать им оценку. Вот передо мной эти документы. В одном из них в частности, без всякого на то основания, утверждается что «созданные в результате обмана и насилия «Декларация о вхождении Латвии в Союз Советских Социалистических Республик» Сейма Латвии от 21 июня 1940 года и «Закон о включении Латвийской Советской Социалистической Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик» Верховного Совета СССР от 5 августа 1940 года являются незаконными с момента их принятия».

К аналогичным выводам пришли и комиссии Литвы и Эстонии. Вот на этом, я думаю, нам и следует заострить внимание. Почему я так считаю? Коль была создана комиссия, то она должна была дать оценку и этим документам. У нас они имеются, поскольку к обсуждению готовились не только прибалтийские республики, как это было на первом Съезде народных депутатов, но и мы. В этой связи я позволю себе зачитать не только пункт 1 Закона СССР от 3 августа 1940 года, но и пункт 2, который гласит: принять предложение Верховного Совета Белорусской ССР с передаче в состав союзной Литовской Советской Социалистической Республики Свенцянского района и части территорий с преобладающим литовским населением Видзовского, Годутишиковского, Островецкого, Вороновского, Радунского районов Белорусской ССР Раз в республиках Прибалтики настаивают на том, чтобы отменить весь закон как незаконный, давайте мы удовлетворим просьбу и отменим не только первый пункт, но и второй.

Почему я об этом завел речь? Потому что, на мой взгляд, связывая договор 1939 года с договором 1940 года, в прибалтийских республиках совершенно не думают о тех политических последствиях, которые их ожидают. Для примера скажу, что в 1972 году этому договору не стали давать оценку в парламенте Федеративной Республики Германии, несмотря на настоятельное предложение господина Штрауса. Но если прибалтийские республики так сильно в этом заинтересованы, то тогда можно будет и дать оценку. Мое мнение сводится к тому, чтобы ограничиться первым пунктом. Если будут настаивать на остальных пунктах, то тогда я внесу еще предложение. У меня их в запасе, поверьте, не один десяток. (Смех в зале).

Так, кажется, появилась реальная оппозиция яковлевцам. Депутат Петрушенко не ставит под сомнение существование «секретных протоколов», но поднимает очень болезненные для сепаратистов вопросы. Если литовцы связывают договор о ненападении с «оккупацией», то надо помнить, что эта «оккупация» обернулась для них существенными территориальными приобретениями.

Председательствующий. Кто еще просит слово? Товарищ Еремей? Пожалуйста.

Еремей Г. И., председатель Молдавского республиканского совета профсоюзов, г. Кишинев (Британский национально-территориальный избирательный округ, Молдавская ССР). Уважаемые народные депутаты! Я могу только сожалеть, что на обсуждение процедурных вопросов и повестки дня Съезда мы тратим по полтора-два дня, а когда доходим до серьезных вопросов, то спешим и не даем высказаться всем, чтобы разрешить очень много проблем, которые важны как для каждого региона, так и для нашей союзной республики.

Комиссия имела мандат первого Съезда, чтобы разобраться в договоре 1939 года. Но, учитывая то, что были подписаны секретные протоколы, которые охватывают период 1939–1941 годов, я прошу депутатов поддержать предложенный проект Постановления комиссии и объяснительную записку или выводы, которые представлены на рассмотрение Съезда.

Я не имею в запасе столько проектов и вариантов, сколько их имеет коллега депутат, но я ощущаю боль людей, боль своего народа. Что я прошу? В ходе работы комиссии неоднократно высказывалась мысль о том, что вопросы, касающиеся вхождения прибалтийских республик в состав СССР, воссоединения народов Украины и Белоруссии, возвращения СССР Бессарабии – это отдельные, самостоятельные вопросы. Именно так они и должны исследоваться. Поэтому я прошу Съезд, призываю делегатов отнестись с подъемом и доверием к результатам работы комиссии и поддержать предложенный проект Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года. Однако, учитывая возникшую необходимость аналогичной оценки, а такого мнения и Министерство иностранных дел СССР, и других соглашений, актов и документов 1939–1941 годов, предлагаю продлить мандат комиссии первого Съезда либо созвать новую для продолжения начатой работы. Это нам необходимо для восстановления исторической правды. Спасибо за внимание.

Председательствующий. Депутат Липпмаа. Пожалуйста.

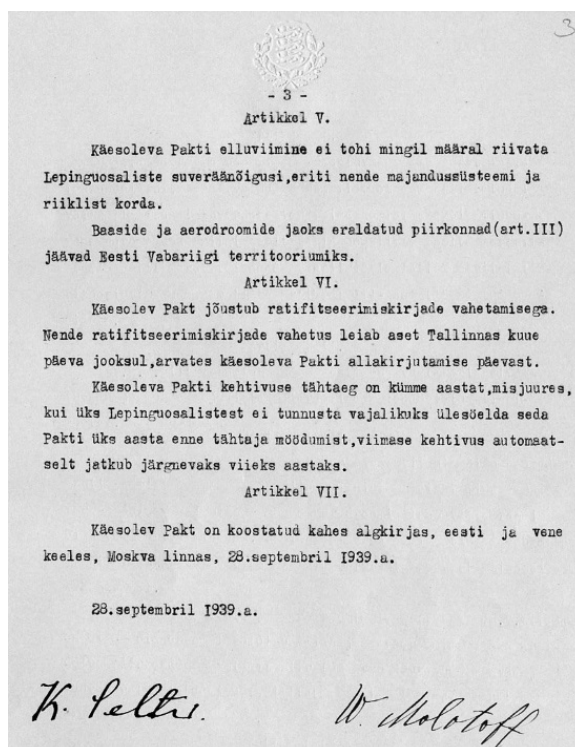
Липпмаа Э. Т., директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР, г. Таллинн (Таллинский Центральный национально-территориальный избирательный округ, Эстонская ССР). Уважаемый Съезд! Это исторический документ, который мы рассматриваем теперь. Очень важно одобрить это постановление. Мы должны проявить принципиальность. Можно понять сговор с Гитлером в 1939 году но нельзя понять продолжение этого сговора 50 лет позднее. Этого мы не должны делать. Поэтому абсолютно необходимо его осуждение. Мы не можем просто одобрить первый пункт, как товарищ Кравец хочет. Он зря озабочен границей Украины. Она была оговорена в Ялте, и, я думаю, там больших проблем нет. Кроме того, Гельмут Коль тоже недавно выразил надежду, что западные границы Польши твердые, так что, я думаю, особых проблем здесь нет.

Мы должны признать, что был сговор. Но теперь надо конструктивно работать, чтобы определиться, как жить дальше. Это касается экономики, военных тем, национальных вопросов, глобальной политики. Сказать теперь, что мы сами хотели быть участниками сговора, – это просто оскорбление. А оскорбление стран и наций, больших и маленьких, никогда не может быть мудрой политикой и лучше этого не делать. Давайте работать все-таки конструктивно. Для того чтобы создать хорошую базу для взаимного доверия во всем мире, а это нам крайне важно теперь. Надо одобрить Постановление в целом, как есть, со всеми пунктами без изменений. Тем более что они одобрены комиссией, всеми специалистами, а это веский довод в том, что это мудрое, продуманное и нелегкое решение. Кроме того, это намного увеличивает авторитет наших действий и содействует росту доверия к нашей стране.

Есть, конечно, и другой аспект – продолжение работы. Конечно, это имеет смысл, работа всегда продолжается. Но это уже другой вопрос. Я уже подчеркнул, что сейчас действительно важно. А пересказывать еще раз все, что уже было сказано, вряд ли имеет смысл. Например, подлинность подписи Молотова на сохранившихся в ФРГ фотокопиях подтверждается специалистами. Это есть и в письме товарища Шеварднадзе товарищу Яковлеву. Это нужно знать, но, я думаю, это уже детали, и не хочу вникать в эти детали. Поэтому я еще раз призываю Съезд одобрить Постановление в целом. Спасибо.

Липпмаа – настоящий мастер демагогии. Из всего несвязного набора слов следует только то, что постановление надо принять, не вникая в детали, потому что это будет проявлением политической мудрости. Аргументация же довольно слабая: дескать, подлинность подписи

Молотова на фотокопиях подтверждается специалистами. Приводится даже фамилия специалиста – Шеварднадзе, который мало того что эксперт по подписям, но еще и министр иностранных дел (правда, 20 декабря 1989 г. Шеварднадзе, подал в отставку). А раз министр написал в письме Яковлеву, что подпись подлинная, значит, постановление надо принять. Кстати, через несколько лет все стали хором говорить, что именно Липпмаа предоставил доказательства подлинности подписи Молотова, поскольку, дескать, владел целой коллекцией его автографов. Сам же Липпмаа, судя по всему, о своей выдающейся роли в деле легализации подписи Молотова по-немецки пока еще не знает.

Подпись Молотова под пактом о взаимопомощи с Эстонией от 28 сентября 1939 г. Эстонский государственный архив.

На самом деле Липпмаа гордит полную чушь: определить подлинность подписи по фотокопии совершенно нереально, и ни один специалист под этим не подпишется, иначе он потом нигде на работу по профилю не устроится – его за профессионала никто считать не будет. Делается липа элементарно: фотографируется настоящая подпись Молотова на подлинном документе, а при печати снимка на фотобумагу одновременно проецируются изображения фальшивого документа и подлинной подписи. Поэтому нигде в мире экспертизы автографа по фотокопии не делают. Не проводилась такая экспертиза и яковлевской комиссией. Липпмаа это, конечно, отлично знает, но брешет.

Что касается подписи Молотова по-немецки, то само по себе это не доказывает подлинности «секретных протоколов» и не является свидетельством их подложности. Советские дипломаты частенько расписывались латиницей. Вячеслав Михайлович, например подписался как Molotoff под договором с Эстонией 28 сентября 1939 г.

Председательствующий. Пожалуйста. Одну минутку, я предоставляю слово депутату.

С места. Уважаемые товарищи депутаты! У меня одно очень маленькое и, на мой взгляд, очень принципиальное замечание по пункту 2 проекта Постановления. Он начинается

словами: «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации...». Дальше я прошу добавить: «военных действий в Азии и надвигающейся войны в Европе». Нам нельзя сбрасывать со счета Халхин-Гол. Это тоже было в 1939 году. Не надо приуменьшать опасность, которая нависла над нашей Родиной в 1939 году. Спасибо. Председательствующий. Так; поправка. Пожалуйста.

Инкенс Э. Э., старший редактор главной редакции телевизионно-информационных передач Государственного комитета Латвийской ССР по телевидению и радиовещанию, г. Рига (Цесисский национально-территориальный округ; Латвийская ССР). Я считаю, что комиссия подготовила очень хороший отчет и дала нам представление о той ситуации, которая была перед войной в Европе. И это очень честный взгляд на ситуацию, и Сталин со своим окружением, и Гитлер готовились к войне, были готовы занимать плацдармы и разделять Восточную Европу взяв под свое крыло. Бессарабию, часть Финляндии, Прибалтику. Но это было в 1939 году. Война давно закончилась, а территориальная ситуация в СССР сохранилась как в 1939 году. Конечно, невозможно подумать, что здесь, на этом Съезде кто-то представлял бы еще другую точку зрения. Но в 1939 году существовали и другие стороны.

Это, например, Латвийская республика. Здесь ее никто не представляет, поскольку она уничтожена. Но это не так. То, что де-факто она сейчас не существует, не значит, что она вообще не существует, поскольку инкорпорация в Советский Союз прибалтийских республик не признается цивилизованным миром. Латвийская республика живет в душе тех людей, которые борются за ее независимость. Это Народный фронт Латвии, это часть депутатов Латвии. Поэтому я полагаю, что для балтийских стран, поскольку они сохраняют сейчас свой территориальный статус в Советском Союзе, война в какой-то мере не закончилась. Сумерки невозможно отделить от ночи, и 1939 год мы не можем отделить от 1940 года. Я предлагаю продолжить работу комиссии и, принимая во внимание, что высшие органы власти трех прибалтийских республик высказывали свои мнения по этому поводу, привлечь также специалистов от Верховных Советов этих республик.

Да, видно, что прибалты занервничали. И их понесло – прозвучал открытый призыв развалить Советский Союз. Вот это зря, надо было вести себя сдержаннее, все шло как по маслу. Истерическое выступление Инкенса взбудрило зал. Апатичные депутаты очнулись.

Председательствующий. Спасибо. Кто еще хочет высказаться? (Шум в зале).

Председательствующий. Сейчас я дам Вам слово. Пожалуйста.

С места. Дорогие товарищи народные депутаты! Я задал вопрос председателю комиссии относительно секретных протоколов, но, к сожалению, ответа не получил, да и не мог получить, потому что, как сказано на первой странице проекта Постановления, подлинного протокола не обнаружено ни в советских, ни в зарубежных архивах. Поэтому я считаю, если такого документа не обнаружено, заявлять о том, что Съезд народных депутатов осуждает подписание секретного дополнительного протокола от 23 августа, то есть несуществующего документа, я считаю, неправомочно. (Шум в зале).

С места. Точно также и по пункту 8. Очевидно, история не кончается только нашим Съездом. Через несколько лет, через 50 лет опять появятся комиссии, которые скажут, что было принято решение по несуществующему документу, я прошу это исключить.

Председательствующий. Пожалуйста.

Семенов В. М., первый секретарь Гродненского обкома Компартии Белоруссии (Гродненский территориальный избирательный округ, Гродненская область). Я по мотивам голосования. Уважаемые товарищи народные депутаты! По пункту 4 одно маленькое замечание. Там говорится: «Равно как и другие советско-германские договоренности 1939–1941 годов».

По это означает противоречие темы обсуждения принимаемому документу. Как доложил нам товарищ Яковлев, мы рассматриваем только договор 1939 года и секретное соглашение. Остальные документы мы не рассматривали и не вправе говорить о них в нашем решении.

Второе замечание – по пункту 7 во втором абзаце: «но были использованы предвоенным советским руководством для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» – толкуется слишком расширительно. Поскольку предвоенное советское руководство было и во время войны, и после войны, и мы ставим под сомнение очень многие соглашения, включая ялтинские, тегеранские и прочие. По пункту 8 я согласен с выступавшими до меня – его нельзя включать в Постановление, он требует дополнительного обоснования.

Председательствующий. Пожалуйста.

Сандурский Б. Ф., генеральный директор производственного объединения «Башинефть», г., Уфа (Бураевский территориальный избирательный округ; Башкирская АССР), я поддерживаю предложения депутатов, которые предлагали оставить в проекте только пункт 1, не комментируя других, и прошу поставить этот вопрос на голосование.

С места. Правильно!

Председательствующий. Пожалуйста. Сейчас я дам Вам слово.

Шишов А. А., пенсионер, председатель Краснодарского краевого совета ветеранов войны и труда. (От Всесоюзной организации ветеранов войны и труда). Товарищи депутаты! Я считаю, что наши Съезды – это событие истории. Мы с вами тоже сейчас делаем историю государства, и поэтому надо относиться ко всем документам, соблюдая историческую точность. Я бы поступил так: предложил подтвердить, что договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года, а также договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года, равно как и другие советско-германские договоры 1939–1941 гг., в соответствии с нормативами международного права утратили силу в момент начала Германией войны против СССР. Все то, что сказано о «тайном», имевшем место, я не отрицаю. Может быть, все и было, но исторически это не доказано. И не надо делать акцент на том, что прошло, что кануло в вечность. Пусть останутся в истории именно подлинники, а не домыслы нашего Съезда. (Аплодисменты).

Ситуация окончательно вышла из-под контроля. Ох, и напортил горячий депутат Инкенс своими сепаратистскими проповедями.

Председательствующий. Депутат Вульфсон, сейчас я дам Вам слово. Обождите одну минуточку...

Сидоров А. А., пенсионер, председатель Свердловского городского совета ветеранов войны и труда, г. Свердловск. (От Всесоюзной организации ветеранов войны и труда). Я прошу обратить внимание вот на такой момент. Идет обсуждение двух пунктов. Если в Постановлении будет один или два пункта, то корректировки последующих, видимо, не потребуются.

Если будет рассматриваться тот проект, который нам выдан, я считаю, нельзя принимать следующую часть пункта 3: «Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Но в свете документов и материалов 1939–1941 годов из советских и зарубежных источников не вызывает сомнений существование секретного протокола и достоверность сохранившейся его копии». Как же так; ничего не существует и в то же время «не вызывает сомнения». Я предлагаю здесь таким образом записать: «Подлинники протокола не обнаружены ни в советских; ни в зарубежных архивах. Лишь в свете документов и материалов 1939–1941 годов из советских и зарубежных источников, предполагается существование секретного протокола». Не утверждать, что такой протокол был.

Стоит обратить внимание, что противники принятия Постановления говорят логично, связно, строго по существу вопроса, предлагают конкретные предложения по изменению текста Постановления.

Председательствующий. Депутат Вульфсон, я дам Вам слово. У нас краткие выступления. Прошу Вас, только по мотивам голосования. Пожалуйста.

Вульфсон М. Г., старший преподаватель Академии художеств Латвии, г. Рига (Кировский национально-территориальный избирательный округ Латвийской ССР). Уважаемый председатель. Уважаемые товарищи депутаты. Я, очевидно, наивный человек, потому что мне показалось, что после виртуозного выступления Александра Николаевича Яковлева вопрос, который мы сегодня обсуждаем, мог бы всем нам помочь лучше понять позицию жертв сделки 23 августа 1939 года – балтийских народов. И прекратить наконец охоту за латышскими, эстонскими и литовскими «ведьмами». И не искать в Балтике образ врага, без которого, очевидно, не так легко обойтись некоторым из моих коллег здесь, в зале. Нет для вас врага в Балтике, нет. Нужно прекратить такие разговоры. Потому что каждый камень, который бросается в нас, он отдается и в Латвии, и в Эстонии, и в Литве возгласами возмущения. Так же, как тот фильм, который был показан о событиях в Прибалтике в ночь на 14 декабря. Ложный фильм. У меня в гостинице лежит папка телеграмм с возмущением простых людей, с тысячами подписей тех, кто смотрел этот фильм. Поэтому давайте не будем...

Председательствующий. Я вас прошу...

Вульфсон М. Г. ...давайте остановимся и разберемся с этим вопросом. Я считаю, что заключение Комиссии по политической оценке советско-германского договора о ненападении имеет для советского народа, я подчеркиваю, для советского народа огромное значение. Мы с вами теперь переживаем час истины. И не дадим себя сбить, ведь Съезд народных депутатов сегодня делает еще один, я сказал бы, важнейший шаг, способствующий очищению нашего сложного прошлого от фальшивых легенд. Десятилетиями и до сегодняшнего дня некоторые товарищи прикрывают антиленинские, преступные действия клики Сталина-Молотова в роковой для всего человечества Второй мировой войне.

Да, с тех пор действительно прошло полвека. И сегодня в Кремлевском Дворце, как в уважаемом Президиуме, так и в зале мало живых свидетелей тех дней, пепел которых стучит в сердца балтийских народов. Я один из них, коммунист с пятидесятилетним стажем. Я 50 лет в партии, свидетель и участник событий этой тяжелой годины, полагаю, что мы, живые свидетели, можем дать, по-видимому, более точную оценку тем сделкам, которые были заключены 23 августа и 28 сентября 1939 года здесь, в Московском Кремле. Не забудем этого.

И вот позорное последствие сговора двух алчных, жестоких тиранов двадцатого века. Речь идет о тайных соглашениях между сталинской кликой и руководителями фашистской Германии по полному разделу Восточной Европы на так называемые сферы интересов. По этим соглашениям Финляндия, Эстония, Латвия, а затем и Литва были включены в сферу влияния Советского Союза. Был предначертан раздел Польши, присоединение Бессарабии. Именно эта сделка была той тайной, в которой родилась Вторая мировая война

Тайна превращалась в действительность поэтапно. Вы это знаете. (Шум в зале). Если вы мне не даете сказать... Я, конечно, уважаю ваше мнение, но мне хочется сказать об одном. По Центральному телевидению выступал один высокопоставленный представитель...

Председательствующий. Пять минут прошло. (Шум в зале).

Вульфсон М. Г. Дайте мне еще одну минуту. (Шум в зале).

Председательствующий. Пожалуйста, продолжайте.

Вульфсон М. Г. *Неужели это неуважение к малочисленным народам будет нашей главной линией? Здесь, товарищи, моими устами говорит жертва этого сговора. Неужели к этому нет никакого уважения? Я призываю вас одобрить заключение комиссии, в которой сначала расходились мнения, в которой шла острая дискуссия, в которой участвовали представители как прибалтийских республик, таки других, представители великого русского народа, которые отстаивали его честь в лучшем смысле этого слова. 24 человека против 1 проголосовали за это решение комиссии. Неужели сегодня вы дадите вбить в себя сомнения после такой длительной, трудной, кропотливой, честной и верной работы? Неужели у вас сегодня есть сомнения в том, что был протокол, что была договоренность, что ввели войска в эти страны в точные дни, в точное время? Вы думаете; это все были случайности?*

Я участник этих событий. Я убедился в этом после того, как все сверил. Все, как в протоколе написано, с которым пришлось, правда, познакомиться позже. Произошло точно, минута в минуту. Так что здесь любые сомнения несправедливы. В своих руках я держал пленку, в Бонне в архиве ее сфотографировали. В ее достоверности не может быть сомнений, потому что рядом с ней разные документы договоров, заключенных между царской Россией и Германией. Они спешили – Берлин бомбили. Быстро все это снимали на пленку, которая осталась. Так что здесь сомнений нет. Все, что написано, так и произошло. Почему нам сомневаться? Если я договорюсь с сидящими передо мной встретиться у гостиницы «Москва», мы ведь встретимся не случайно. Так и эти встречи были по договоренности. Я призываю вас голосовать полностью за наше предложение. Мы смоем пятно стыда, скажем правду нашему народу. Спасибо. (Аплодисменты).

Кто говорит, что прибалты – меланхолики? На съезде они устраивают форменную истерику. Хотя, Вульфсон – еврей. Аргументация у него сверхубедительная: раз он подержал некую пленку, отснятую в архиве Бонна, и рядом с ней лежали царские договора, Берлин бомбили, они спешили, все сошлось минуту в минуту, он все сверил, хотя увидел протокол позже, и сидящие встретятся у гостиницы неслучайно – значит надо признать работу Яковлева виртуозной. Есть такое психическое заболевание – шизоф-разия называется. Первое впечатление, что депутат Вульфсон злобно уклоняется от психиатрического обследования. Но потом я узнал о нем больше: профессор марксистско-ленинских наук (преподавал историю КПСС в академии художеств), журналист с 60-летним стажем, телеведущий, блестящий лектор, один из популярных эстонских политиков. Такие люди косноязычием не страдают.

Тогда почему он, самый информированный член комиссии Яковлева, дважды ездивший в Германию, побывавший в политическом архиве ФРГ, державший в руках микрофильмы, не может связно сказать и двух слов? Так потому и не может, что сказать нечего. Вместо членораздельной речи он камлает, как заправской шаман. Его задача – не объяснить, а сбить с толку, напустить тумана, создать атмосферу. «Выступление Вульфсона можно вписать в хрестоматию мирового ораторского искусства», – так оценил впоследствии этот поток бессвязных слов депутат Дайнис Иване, коллега Вульфсона по пятой колонне. Если оценивать эффект от вульфсоновских истерических воплей, а не смысл сказанного, то я согласен.

Странно, что Вульфсон умолчал об источнике получения ценных сведений относительно протокола – бывшем сотруднике абвера и агенте американской разведки Херварте. Что ж застеснялся-то? Ведь фон Херварт – это здравствующий на тот момент свидетель подписания «секретного протокола», якобы сливший американцам информацию о нем уже 24 августа 1939 г.

Председательствуй. Слово имеет депутат Казанник.

Казанник А. *Идоцент кафедры трудового, экологического и сельскохозяйственного права Омского государственного Университета (Омский национально-территориальный*

избирательный округ, РСФСР). Глубоко уважаемые народные депутаты! Я всегда выступаю только по той проблеме, которую хорошо знаю. И я стремлюсь, чтобы мы уважали профессионализм.

В этой комиссии мне приходилось работать очень много. Работа была напряженная. Вначале наши позиции не совпадали. Но потом за подписью Александра Николаевича Яковлева нам поступило столько документов из советских архивов и из архивов Федеративной Республики Германии, что я вынужден был отвести для них маленькую комнатку из своей небольшой квартиры.

Весьма интересно: документы поступали по совам Казанника через Яковлева и за его подписью, а не в адрес комиссии по ее официальному запросу за подписью должностного лица архива. Так или иначе, но Казанник утверждает, что комиссия получала документы не напрямую, а из рук ее председателя, причем только тогда, когда позиции не совпали.

Я брал эти акты и пытался их квалифицировать как юрист. К какому же выводу я пришел? к такому, что, действительно, секретный протокол существовал. У юристов есть доказательства как прямые, так и косвенные. И на основании косвенных доказательств можно сделать заключение, которое не вызывает никакого сомнения. Во-первых, есть пленка, которая снята, по-видимому, с оригинала. Я говорю – по-видимому. Во-вторых, во всех документах имеются многочисленные ссылки на этот секретный протокол. В-третьих, логика фактических событий уже подтверждала наличие этого протокола.

С момента выступления Казанника прошло почти 20 лет. Никаких документов со ссылкой на «секретные протоколы» неизвестно (ссылки на «секретный протокол от 23 августа 1939 г. есть лишь в последующих «секретных протоколах»). Хорошо бы проверить «маленькую комнатку», не завалилось ли там чего. Кстати, это откровенное заявление весьма любопытно. Если Съезд учредил официальную комиссию, то ее деятельность должна быть обеспечена. По меньшей мере, соответствующее помещение для работы и хранения документов должно быть выделено. Если же отдельные депутаты будут растаскивать по домам мешки с документами, то с чем будут работать другие члены комиссии?

Действительно, комиссия Яковлева получила в свое распоряжение помещение в здании ЦК КПСС на Старой площади. Но основная «работа» отчего-то происходила в маленькой комнатке омской квартиры Казанника.

Таких фактов вполне достаточно для того, чтобы даже осудить человека в суде. Я имею в виду – по уголовным делам. Здесь у комиссии уже не осталось никаких сомнений. И мы стремились выработать компромиссное решение. Нам это в значительной степени, как я считаю, удалось. А теперь я вижу, что многие депутаты, может, недостаточно изучив все эти документы в полном объеме (а их, я повторяю, получили десятки тысяч), ставят под сомнение заключение комиссии.

Видимо, депутат Казанник не пускал сомневающихся депутатов в свою небольшую квартиру, чтоб они могли ознакомиться с десятками тысяч документов в полном объеме. С другой стороны, дабы распознать фальшивку, не надо читать тысячи бумаг. Чтобы понять, что суп из тухлого мяса, не обязательно есть всю кастрюлю целиком.

Мне очень жаль, и я хотел бы призвать депутатов проголосовать за проект этого решения. Спасибо вам. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет депутат Ландсбергис. (Шум в зале). Спокойно, товарищи.

Ландсбергис В. В., профессор Государственной консерватории Литовской ССР, г. Вильнюс (Паневежский городской национально-территориальный избирательный округ, Литовская ССР). Уважаемый председатель, уважаемые депутаты! 23 августа этого года, когда народы Литвы, Латвии, Эстонии вышли, взявшись за руки, на балтийский путь, образовав живую двухмиллионную цепь памяти и интернациональной солидарности от Таллина до Вильнюса, в Варшаве заседал Сейм Польской Народной Республики. В его резолюции говорится, что так называемый пакт Риббентропа-Молотова был не только постыдным с моральной точки зрения, но и несовместимым с основными принципами международного права, в связи с этим изначально недействительным и никчемным, что он останется навсегда примером имперского мышления и тайной дипломатии, пренебрежения правами более слабых народов.

Чья бы корова мычала, а уж польская бы молчала. Они-то права малых народов уважали! Последняя насильственная депортация целого народа в Европе была осуществлена именно поляками – в 1946 г. польские спецслужбы осуществили операцию «Висла», выселив на западные границы неблагонадежное с их точки зрения украинское нацменьшинство, проживающее на востоке страны.

Можно вспомнить и то, что говорил канцлер Западной Германии Гельмут Коль в официальной речи, посвященной 50-й годовщине начала Второй мировой войны. Он указал, что немцы понимают свою ответственность за деяния, начатые этим «дьявольским пактом» (такой назвал), в котором проявилось ничем не оправданное нарушение прав народов. Со стороны Советского Союза до сих пор не было подобного заявления, а соответствующие документы Верховных Советов Литвы и Эстонии либо замалчивались, либо откладывались. Так откладывалась возможность начать жить без лжи.

Теперь второй Съезд народных депутатов СССР стоит перед такой исторической возможностью: ему предстоит сказать свое слово от имени сегодняшнего Советского Союза, слово политической оценки и скрытого или более явного покаяния. Это будет слово и о Советском Союзе, о том, подлинно или обманчиво его обновление, способен ли он сегодня отмежеваться от сталинщины в виде одного из сквернейших его преступлений. Обратное, равносильное признание, что страна, по существу, остается прежней, как и в 1939–1940 годах, было бы слишком страшно для мира, губительно для надежд на то, что эпоха лагерей кончается строительством европейского дома. Да не будет сомнений в вашей политической мудрости, уважаемые коллеги-депутаты, и да проявится она не только в положительном голосовании за проект Постановления, но и в поддержке предложения, чтобы та или другая комиссия продолжала работу уже по 1941 год. Спасибо.

Ландсбергис – не просто крупнейший прибалтийский сепаратист, это живой символ сепаратизма. Он самый лживый, самый наглый и бессовестный из всей этой националистической коды. Но надо признать, не самый глупый из них. Хотя аргументация у него отсутствует напрочь. Возгласы о политической мудрости есть, а аргументов – ноль.

Председательствующий. Слово имеет депутат Медведев. Я дам Вам сейчас слово. (Шум в зале).

С места. Товарищи, у меня есть конкретное предложение...

Председательствующий. Товарищи, не более двух минут.

С места. Чтобы нас не завели в дебри и не обвиняли оккупантами, я предлагаю из проекта этого Постановления взять пункт 1, первую строчку пункта 3 и пункт 4, где гово-

рится: Съезд народных депутатов СССР настоящим подтверждает, что договор о ненападении, равно как и другие документы были приняты в соответствии с нормами международного права, утратили силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 года. И на этом закончить обсуждение этого вопроса.

Председательствующий. Слово имеет депутат Медведев, и на этом мы заканчиваем прения.

Медведев Р. А., член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка (Ворошиловский территориальный избирательный округ, г. Москва). Уважаемые народные депутаты! Я выступаю здесь как профессиональный историк и должен сказать, что за свою многолетнюю деятельность почти не встречал столь взвешенного, точного, ясного и совершенно справедливого документа. (Аплодисменты).

Считаю, что его нужно принять полностью, так как историки всего мира давно признали существование секретных протоколов. Мы поставим себя – и Съезд, и нашу историческую науку – в смешное положение перед всем миром, если отвергнем эту истину; известную историкам всех стран.

Как учил Геббельс: ложь, чтобы в нее поверили, должна быть грандиозной. Медведев плохо учился врать. Надо врать масштабнее: все историки галактики давно признали существование секретных протоколов. Да что там галактики – во всей Вселенной историки всех планет уверены, что протоколы существовали. А Медведев наивно пытается впечатлить всего лишь всемирным масштабом признания работы яковлевской комиссии.

Критерием истины являются не только копии протоколов, но и практика последующих событий, доказавшая их существование. Есть наука палеонтология, которая специально занимается изучением вымерших животных и растений по отпечаткам. Мы в школе изучаем ископаемую птицу по ее отпечатку в гранитном монолите. Птицы нет, но есть отпечаток, и мы уверены, что она была. У нас есть абсолютно точные, всеми экспертами подтвержденные копии. И ни у кого из историков всего мира, подлинность этих копий не вызывает сомнения. Я думаю, что нам нужно принять этот документ полностью и не ставить себя в трудное положение. (Аплодисменты).

Да, аргументы у фальсификаторов окончательно иссякли. Мол, все историки, даже в Мозамбике и Папуа-Новой Гвинее признают подлинность фотокопий. Значит, Постановление надо принять полностью. Неужели народные депутаты СССР смеют сомневаться в чистоплотности и непредвзятости всех историков мира?

Председательствующий. Я получил очень много записок, товарищи, с просьбой прекратить прения. (Шум в зале).

Горбачев М. С. Выказано много предложений.

Председательствующий. Давайте сначала решим вопрос о прекращении прений. Мы ровно два часа обсуждаем проект этого установления. Кто за то, чтобы прекратить прения? Кто против? Явное меньшинство. Далее товарищи. Внесено много предложений. В частности, мы получили и такие записки: «Вносим предложение оставить пункт 1 и добавить: «доклад комиссии прилагается». Профессор Вульфсон говорит, что он согласен с виртуозным докладом. Но все же, товарищи, поскольку внесено столько предложений, в Президиуме сложилось мнение: может быть, нам поручить комиссии до завтрашнего утра еще раз посмотреть все предложения и доработать проект Постановления? (Шум в зале).

Председательствующий. Принять проект в целом?

С места. Да.

Председательствующий. Значит, первое предложение – это предложение комиссии?
С места. Да.

Председательствующий. Я должен поставить его на голосование. Ставлю проект, внесенный комиссией, на ваше рассмотрение. Пожалуйста. Постановление не набрало половины требуемых голосов. (Шум в зале).

Результаты голосования:
Проголосовало «за» 1052
Проголосовало «против» 678
Воздержалось 150
Всего проголосовало 1880
Не голосовало 0

Товарищи, для того чтобы принять Постановление, необходимо 1122 голоса, поскольку это не процедурный вопрос. Это оговаривает принятый нами Регламент. (Шум в зале). Каков выход из этого положения? Мне думается, товарищи, что утро вечера мудренее. Давайте дадим комиссии еще раз все посмотреть и послушаем ее завтра утром. (Шум в зале). Есть второе предложение: принять только пункт 1 и приложить весь доклад. (Шум в зале). Я хочу прочитать вам пункт 1 проекта Постановления: «Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года». И далее: «Доклад комиссии прилагается». Таково второе предложение. (Шум в зале). Ставлю его на голосование?

С места. Да.

Председательствующий. Давайте будем уважать себя и принятый нами Регламент. Для того чтобы Постановление было принято в соответствии с Регламентом, оно должно получить больше половины голосов общего состава народных депутатов, даже с учетом умерших – 1122. Таким образом, Постановление принято не было. Товарищи настаивают на том, чтобы было предложение, которое внесли депутаты Григорьев, Гончаров, Граховский и Володько. Они предлагают оставить в Постановлении пункт 1 и добавить, что доклад комиссии, который вы получили в письменном виде; подписанный всеми членами комиссии, прилагается. Я могу ставить этот вопрос на голосование? (Шум в зале). Что?

С места. (Не слышно).

Председательствующий. Хорошо. Это второе предложение. Третье предложение товарища Кравца, оно здесь зафиксировано. Он считает, что в Постановлении должен остаться только пункт 1 без приложения доклада. Но сам по себе, без приложения доклада, пункт 1 ничего не дает. Поэтому я ставлю на голосование предложение депутатов Григорьева, Гончарова, Граховского и Володько, сформулированное следующим образом: «Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Доклад комиссии прилагается». Я прошу высказать ваше отношение к этому предложению депутатов. (Шум в зале).

Как видите, и это решение не проходит.

Результаты голосования:
Проголосовало «за» 952
Проголосовало «против» 762
Воздержалось 138
Всего проголосовало 1852
Не голосовало 0

Я еще раз обращаюсь к Съезду с предложением поручить комиссии представить нам свои соображения по этому вопросу завтра: (Шум в зале). Правда, еще есть предложение: принять Постановление без приложения. (Шум в зале). Это предложение товарища Кравца. Скажите, пожалуйста, товарищ Кравец, Вы настаиваете на этом предложении? Я прошу Вас, подойдите к третьему микрофону.

Кравец В. А., министр иностранных дел Украинской ССР, г. Киев – (Харьковский территориальный избирательный округ. Харьковская область). Спасибо, Анатолий Иванович. Дело в том, что мое предложение полностью совпадает с предложением добавить слова: «доклад комиссии прилагается». Я только называл не «доклад», а «закключение» комиссии. Мое предложение не прошло, поэтому я не могу настаивать на повторном голосовании.

Председательствующий. Товарищ Кравец снимает свое предложение. Спасибо. Слово имеет Михаил Иванович Мунтян.

Мунтян М. И., солист Молдовского государственного академического театра оперы и балета имени А. С. Пушкина, г. Кишинев, (От Коммунистической партии Советского Союза). Уважаемые товарищи! Это очень важный вопрос. Перед нами выступал председатель комиссии товарищ Яковлев. И абсолютно все, что было изложено в его докладе, отражено в проекте Постановления. Я не могу понять, почему товарищи, которые выступают против принятия этого Постановления, не хотят согласиться с тем, что все положения доклада нашли в нем отражение?

И еще я хочу сказать, что, действительно, можно отложить рассмотрение этого вопроса до завтра. Разумно решить этот очень важный вопрос. По поводу разговоров о несуществовании этих договоров скажу, что весь мир признал, что они существуют, а мы не признаем.

Председательствующий. Спасибо. Пожалуйста, второй микрофон включите.

С места. Анатолий Иванович, я предлагал включить в Постановление пункт 1 и пункт 4 представленного проекта. И настаиваю на голосовании его поименно. (Шум в зале).

Председательствующий. Так. Товарищ Сависаар⁶⁶.

Сависаар Э. Э., заместитель директора специального проектно-конструкторского бюро «Майнор» Министерства легкой промышленности Эстонской ССР, г. Таллинн (Вильяндиский северным национально-территориальный избирательный округ, Эстонская ССР). Я был одним из заместителей председателя комиссии, поэтому просил слова. Здесь высказывалось мнение, что по данному вопросу можно было бы ограничиться кратким решением и констатацией, что Съезд принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года (пункт 1 проекта Постановления). Однако это равнозначно остановке на полпути. Выводы комиссии представляют собой лишь рекомендации для верховной власти, но никак не выражают волю государства. Я строго придерживаюсь мнения, что второму Съезду народных депутатов СССР следует принять именно развернутое собственное решение в виде подготовленного комиссией Постановления.

Председательствующий. Ваша позиция ясна.

Сависаар Э. Э. Поэтому я предлагаю поименное голосование. Именно поименное. (Аплодисменты).

Председательствующий. Видите ли, товарищи, депутат Семенов имеет предложение по пункту 4, депутаты Сандурский, Шишов предлагают оставить пункт 1, товарищ Иргашев предлагает пункты 7 и 8 исключить. Видите, какой большой разброс мнений. Если мы все это будем голосовать, не выслушав мнения комиссии, мы не очень будем себя уважать. Поэтому,

⁶⁶ Эдгар Сависаар – лидер Народного фронта Эстонии, выступавшего за независимость республики.

по-моему, целесообразнее завтра утром принять взвешенное решение с учетом рекомендаций комиссии (Шум в зале).

Горбачев М. С Стоит поставить на голосование это предложение.

Председательствующий. Поставим его на голосование? (Шум в зале). Простым поднятием рук предлагаете голосовать? Хорошо. Кто за? Кто против? Предложение принимается большинством голосов. Завтра в начале заседания мы заслушаем сообщение товарища Яковлева. Я могу переходить к следующему вопросу? (Шум в зале)⁶⁷.

Кое-какие выводы: слово получали большей частью только яковлевские сторонники и подельники, выступающие, как организованная группа – Сависаар, Медведев, Вульфсон, Казанник, Мунтян, Йорга, Ландсбергис, Инкенс, Липпмаа, Еремей.

Им пытались противостоять депутаты Сухов, Клоков, Шишов, Семенов, Петрушенко. Только последний работал над вопросом заранее, остальные ограничились лишь репликами, не делая пространных заявлений. Депутат Кравец – единственный член комиссии Яковлева, занявший особую позицию. Ее, скорее, можно охарактеризовать как нейтральную, нежели направленную против фальсификаторов. Тем не менее, с наскоку принять столь необходимое сепаратистам Постановление, не удалось. Но утро вечера мудренее, как выразился председательствующий на Съезде Анатолий Лукьянов. До утра у Яковлева есть время, чтобы отыскать неоспоримые доказательства существования «секретного протокола».

⁶⁷ Цит. по: «Известия», 25 декабря 1989 г.

Постановление

Вечером 23 декабря многие депутаты от Прибалтики отправились домой праздновать Рождество. Но при голосовании по вопросу о «секретных протоколах» важен был каждый голос. Тогда сподвижница Яковлева депутат Марина Костенецкая срочно вылетела на несколько часов в Ригу и по телевидению в программе «Прошу слова!» призвала всех депутатов от Народного фронта Латвии, покинувших Кремль, срочно вернуться в Москву к решающему голосованию. Чтобы узнать, что произошло в кремлевском Дворце съездов на следующий день, обратимся к стенограмме заседания 24 декабря 1989 г.

***Председательствующий.** Товарищи депутаты, нам надо вернуться к рассмотрению проекта Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Вы знаете, что работала комиссия. Она работала ночью и сегодня утром.*

Слово для сообщения по проекту Постановления предоставляется председателю комиссии депутату Яковлеву.

***Яковлев А.Н.** Товарищи депутаты! Представленный вчера вниманию Съезда документ – комиссия уполномочила меня повторить это – результат долгой и кропотливой работы и членов комиссии, и многочисленных экспертов, ученых, организаций и институтов.*

По поручению комиссии были изучены относящиеся к началу Второй мировой войны материалы в архивах МИД СССР, Министерства обороны СССР, КГБ СССР, Главного архивного управления, Института марксизма-ленинизма, Общего отдела ЦК КПСС. По запросу комиссии архивные материалы передало по поручению своего правительства посольство ФРГ в СССР.

Вчера вечером комиссия снова обсудила итоги своей работы, сделанные ранее выводы, замечания и соображения, высказанные народными депутатами в ходе заседания. Она работала вместе с представителями Министерства иностранных дел СССР.

Важная деталь! Комиссия депутатская, но в ее деятельности участвуют представители МИД. Зачем мидовцы провели бессонную ночь с депутатами, как в том старается убедить Съезд Яковлев? Кто были эти люди? Кто их уполномочил? Впрочем, несколько забегаю вперед, сообщая читателю: вечернее заседание комиссии – плод яковлевской фантазии. В главе «Политбюро» приводится совершенно другое свидетельство об этом вечере.

От имени комиссии хотим просить вас еще раз рассмотреть представленные ею соображения, с отдельными поправками, о которых я доложу ниже.

А теперь о проблеме; которая вызвала наибольшее количество вопросов: о секретных протоколах. Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал. Я извиняюсь, вчера просто не расслышал вопрос товарища Сухова – тут не очень комфортная обстановка для того, чтобы слушать вопросы, – не расслышал и не смог на него вчера, таким образом, ответить. Но отвечаю сегодня.

Да, вопрос Сухова был настолько опасным, что у Яковлева случилось расстройство слуха. Депутат спрашивал, почему комиссия пытается навязать Съезду свое конъюнктурное мнение относительно «секретных протоколов», которых никто никогда не видел и доказательств суще-

ствования которых не представлено. Проблемы со слухом у Яковлева случись потому, что ответить ему было нечего.

Докладываю. Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым – Подцербу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает. Вот текст этой записки: «Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего Секретариатом товарища Молотова Смирнов и старший помощник Министра иностранных дел Подцерб, сего числа первый сдал, второй принял следующие документы особого архива Министерства иностранных дел СССР.

Первое. Подлинный секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года на русском и немецком языках, плюс три экземпляра копии этого протокола».

Документы в архив передаются не по «служебной записке», а по акту, вообще-то. Странно, что бюрократ с 40-летним стажем Яковлев этого не знает. Выражение «плюс три экземпляра» – это разговорный оборот, в канцелярской переписке никогда не использовался. В официальном документе допустимы в данном случае слова «а так же», «в дополнение к сему» и другие. Непонятно, какие три копии имеются в виду, и для чего вообще делать копии секретных документов? Секретные – они на то и секретные, что их копировать не положено! Легендировать копии потребовалось для того, чтобы как-то обосновать обнаружение неких заверенных копий, на основе которых в 1990 г. тексты «секретных протоколов» были официально опубликованы в СССР.

Дальше не относящиеся к этому делу, в одном случае 14, в другом – еще несколько документов. Подписи: «Сдал Смирнов; принял Подцерб». Это первое.

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР.

Во как оперативно! За ночь нашли заверенные копии и даже успели провести экспертизу. В предыдущий день ни о каких «заверенных копиях» никто даже не заикался. Многочисленные публикации в СМИ оперировали лишь ссылками на копии протоколов из немецких архивов. Сам Яковлев днем ранее утверждал, что о существовании «секретных протоколов», которые не обнаружены, можно судить лишь по косвенным признакам.

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотоконии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идентичности этих подписей.

Это, конечно, вранье. Как уже говорилось выше, по фотографии невозможно установить аутентичность (идентичность – неверный термин в данном случае) подписи. Но даже если бы существовал оригинал протокола, по одной лишь подписи установить наверняка, чьей рукой она сделана, невозможно в принципе. Эксперт может уверенно установить лишь поддельность подписи, а ее подлинность всегда определяется лишь как возможная. Я с этим сталкивался в уголовном делопроизводстве. Но еще раз подчеркну – ни один эксперт не возьмется исследовать фотографию.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотокопии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает.

Поделюсь некоторыми секретами, как осуществляется простейшая экспертиза машинописи. Два сравниваемых образца переворачиваются и исследуется тыльная сторона листа. Металлические литеры ударяют по красящей ленте с разной силой и эта индивидуальная особенность у разных машинок уникальна. Например, у той, которой я пользовался в 1993 г. буква «Е» и «Б» почти пробивали бумагу насквозь, а «Й» наоборот еле пропечатывалась. Другой ее особенностью было то, что запятая всегда оказывалась несколько ниже линии строки.

Но чтобы провести экспертизу, нужны два оригинальных текста. По фотокопии абсолютно нереально провести экспертизу, ибо эксперт может сравнивать настоящий текст и фотомонтаж, слепленный из фрагментов этого же самого текста – характерные особенности оттисков там будут схожи, но это ни в малейшей степени не укажет на подлинность документа. Однако, напомним, в нашем случае даже поверхностного визуального анализа будет достаточно для того, чтобы вскрыть подлог. Именно поэтому якобы найденные в 1992 г. «оригиналы» никогда не репродуцировались.

И еще один важный вопрос: кто и когда проводил экспертизу? Комиссия Яковлева, насколько мне известно, никому не поручала это делать, вся ее работа свелась к обсуждению проекта резолюции. Секрет этой таинственной экспертизы будет раскрыт ниже (см. главу «Политбюро»).

И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает территории точно по протоколу. Причем на ней две подписи

Сталина. В одном случае – общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Эту карту никто никогда не видел ни в оригинале, ни в копии. Если же Яковлев имеет в виду карту из американского сборника «Нацистско-советские отношения. 1939–1941 г.», так это грубая фальсификация (см. главу «Карта»). Но даже в этом случае разграничение проведено не «точно по протоколу», а в соответствии с советско-германским Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. В газетах карта новой границы появилась на следующий день.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают ни малейших сомнений в том, что такой протокол существовал. Это первый вопрос.

Второй. На основании вчерашнего обсуждения и на основании того, что я вам только что сказал, комиссия вчера ночью еще раз обсудила проект и просит Съезд еще раз его рассмотреть со следующими поправками.

В пункте 2, который вызвал критику, после слов «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации» вместо слов «и имел объявленной целью» записать так: «в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигающейся войны». Записать здесь «войны», а не «вооруженного конфликта в Европе», как вчера предлагали некоторые депутаты. Дальше, в следующей фразе: «в конечном счете эта цель не была достигнута» вместо «иллюзии, порожденные» записать: «просчеты, связанные с наличием доказательств».

И наконец, в конце дополнить этот абзац следующими словами: «в это время страна стояла перед трудным выбором».

Дальше. Последний абзац пункта 3, где говорится о протоколах, сформулировать следующим образом: «Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах» и добавить: «Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования». Мы избегаем слова «достоверность», поскольку юристы говорят, что для достоверности надо иметь оригинал. Точнее, как считают юристы, записать: «подтверждают факт его подписания и существования».

Наконец, было замечание насчет слов «предвоенным советским руководством». Комиссия считает целесообразным заменить эти слова: «Сталиным и его окружением».

И наконец, снять пункт 8, в котором говорится о демобилизующем влиянии договора на антифашистские силы, поскольку эта тема нашла свое отражение достаточно и в докладе, и в объяснительной записке. Таковы соображения и дополнительные предложения комиссии.

Дорогие товарищи! Комиссия убеждена: вердикт сформулирован верно и в правовом, и в нравственном смысле; и в отношении договора о ненападении, и по секретному протоколу. Вердикт, нужный социализму, перестройке, новому политическому мышлению, нужный каждому из нас.

Какое бы решение ни принял Съезд – поддержать выводы комиссии, отклонить, просто принять к сведению или какое-то иное, – оно уже не изменит историю.

Прошлое останется таким, каким оно сложилось в те годы.

Верно. Но к чему тогда такие яростные споры относительно событий полувековой давности? Дело в том, что голосование по этому вопросу определяло будущее Советского Союза. Но это понимали очень немногие.

Оно, это решение, не изменит юридического статуса рассмотренных комиссией договора и протокола. Как уже отмечалось, с нападением Германии на Советский Союз были перечеркнуты любые существовавшие на тот момент двусторонние соглашения.

А послевоенный мир строился уже на иных основах. Наш мандат ограничен 1939 годом, и делать какие-либо выводы по другим периодам нет оснований.

Но решение Съезда может изменить нашу политическую и нравственную оценку конкретных документов, ничего более, как только этих документов, я это подчеркиваю. Мы проведем – или не проведем – четкую границу между правомерным, обоснованным, каким является договор, и морально негодным, неприемлемым, несовместимым с социализмом, каким является протокол.

Теория относительности, товарищи, великое открытие в постижении Вселенной. Но относительность не может существовать в сфере морали. Мы обязаны вернуться на твердую, здоровую почву незыблемых нравственных критериев. Пора осознать – беззаконие страшно не только своим прямым эффектом, но и тем, что оно калечит сознание, создает ситуации, когда аморальность и оппортунизм начинают считать нормой. Любое наше решение, товарищи депутаты, будет одновременно не только политическим, но и нравственным. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Как видите, товарищи, значительная часть предложений, которые внесли депутаты, комиссия учла, дала целый ряд поправок и объяснений к тому тексту, который вами получен. Надо ли нам еще раз сейчас обсуждать или можно... (шум в зале)...или можно ставить на голосование проект с поправками, предложенными комиссией?

С места. Да.

Председательствующий. Пожалуйста.

С места. Я не раз записывался, но мне не предоставляли слова. Я прошу полторы минуты.

Председательствующий. Одну минуточку! Назовите себя и спокойно говорите.

Образ В.С. пенсионер, председатель Полтавского областного совета ветеранов войны и труда, г. Полтава (от Всесоюзной организации ветеранов войны и труда). Я хочу сказать вам, что с последним предложением я категорически не согласен. (Шум в зале.) Обосновываю, почему! Первое!.. Я прошу выслушать...

Председательствующий. Говорите.

Образ В.С. Взываю к вашему разуму. Мы принимаем решение по тем документам, которых фактически не обнаружили. (Шум в зале.) Второе.

Председательствующий. Товарищи, внимание! Выслушайте депутата!

О, я представляю, как заерзали и зашипели прибалтийские сепаратисты. Бесстрастное «(Шум в зале)» не может передать всплеска ярости представителей «пятой колонны».

Образ В.С. Второе. Принимая такое решение, мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдем, то скоро поставим под сомнение решение Богдана Хмельницкого на Переяславской раде. Разве можно идти по этому пути? Я призываю вас к разуму. Взываю!

Глас вопиющего в пустыне. Метафора превратилась в реальность менее чем через два года, когда решение Переяславской рады о вхождении Малороссии в состав Российского государства было «денонсировано».

Председательствующий. Спасибо.

Образ В.С. Предлагаю принять Постановление, состоящее только из первой его статьи, без всяких приложений и прочее. Иначе нашим потомкам будет стыдно за принятое нами сегодня решение, ибо оно принимается, когда закрыты британские и американские архивы, все закрыто. Благодарю за внимание.

Председательствующий. Товарищи, я прошу только... (шум в зале)...сейчас:, подождите минутку; я проголосую сначала проект, а потом ваши поправки. Поименно? Хорошо, проголосуем поименно. Садитесь. Товарищ Нейланд, я прошу вас. Выступил депутат, выразил свое отношение к мотивам голосования, обычное отношение человека, который хочет высказаться перед голосованием. У одного одно мнение, у другого другое. Надо спокойнее относиться к этому. Ряд товарищей предлагают провести поименное голосование. Чтобы провести его, я должен получить согласие Съезда, поэтому вопрос о проведении поименного голосования ставлю на голосование. Можно проголосовать поднятием рук? Хорошо. Кто за? Прошу опустить. Кто против? Я вижу лишь трех человек, больше не вижу. Значит, проводим поименное голосование по проекту Постановления, предложенному комиссией, с поправками, внесенными после обсуждения этого проекта Съездом. Нет возражений? Ставлю на поименное голосование проект Постановления Съезда «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Текст проекта у вас на руках, поправки были доложены товарищем Яковлевым. Прошу народных депутатов СССР выразить свое отношение к этому проекту.

Большинством голосов народных депутатов СССР Постановление принято. (Аплодисменты.)

Результаты голосования:

Проголосовало «за» 1435

Проголосовало «против»	251
Воздержалось.....	266
Всего проголосовало	1952

Вряд ли все депутаты читали постановление, за которое они проголосовали. Такая уж особенность парламентской демократии – количество принимаемых решений велико и вникнуть во все ни один депутат не в состоянии. К тому же избранные представители народа вынуждены принимать решения в тех сферах, которых они совершенно некомпетентны. Поэтому они привыкли полагаться на мнение «профессионалов» и «экспертов». Для имитации рассмотрения дела о «секретных протоколах» была создана комиссия Яковлева, 25 из 26 членов которой пришли к единому мнению. Поэтому почти все остальные депутаты избавили себя от необходимости думать своей головой.

Заместитель председателя яковлевской комиссии Юрий Афанасьев вспоминал о декабрьских баталиях:

«Съездовские дебаты по этому вопросу наглядно показывали, что проблема эта воспринималась как нечто навязанное съезду извне (что, впрочем, было близко к истине). Она не была выстрадана самим Съездом, и депутаты никогда не воспринимали ее как действительно значимую и важную. Большинство делегатов смотрели на этот всплеск историографических штудий как на что-то странное, потенциально опасное и враждебное их интересам: не углубляться в эту проблему, а скорее избавиться, отмахнуться от нее – было их нескрываемым желанием»⁶⁸.

Но раз уж профессора во главе с академиком решили, что протоколы существовали, значит так оно и было. Депутатское стадо баранов послушно проголосовало «за». За что? Вот за что:

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 24 декабря 1989 г. N 979-1

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ СОВЕТСКО – ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА
О НЕНАПАДЕНИИ ОТ 1939 ГОДА

1. Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года.

2. Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением Комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей – отвести от СССР угрозу надвигающейся войны. В конечном счете эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии. В это время страна стояла перед трудным выбором.

Обязательства по договору вступали в силу немедленно после его подписания; хотя сам договор подлежал утверждению Верховным Советом СССР. Постановление о ратификации было принято в Москве 31 августа, а обмен ратификационными грамотами состоялся 24 сентября 1939 года.

⁶⁸ «Другая война: история и память» // http://www.yuri-afanasiev.ru/articles/art_1996_59.

3. Съезд считает, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования.

4. Съезд народных депутатов СССР настоящим подтверждает, что договор о ненападении от 23 августа 1939 года, а также заключенный 28 сентября того же года договор о дружбе и границе между СССР и Германией, равно как и другие советско-германские договоренности, – в соответствии с нормами международного права – утратили силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 года.

5. Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничение «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран.

Съезд отмечает, что в тот период отношения СССР с Латвией, Литвой и Эстонией регулировались системой договоров. Согласно мирным договорам 1920 года и договорам о ненападении, заключенным в 1926 – 1933 годах; их участники обязывались взаимно уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Сходные обязательства Советский Союз имел перед Польшей и Финляндией.

6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР, эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор.

7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств.

8. Съезд народных депутатов СССР исходит из того, что осознание сложного и противоречивого прошлого есть часть процесса перестройки, призванной обеспечить каждому народу Советского Союза возможности свободного и равноправного развития в условиях целостного, взаимозависимого мира и расширяющегося взаимопонимания.

Председатель

Верховного Совета СССР

М.ГОРБАЧЕВ

24.12.1989

Главное, чего добивалась «пятая колонна» – признания прямой связи между «секретными протоколами» и вхождением в состав СССР «третьих стран» (см. п.п. 5–7 Постановления) – вот та идеологическая бомба, которая была заложена под фундамент Советского Союза. Фитиль был подожжен 24 декабря 1989 г. Через 728 дней Союз Советских Социалистических республик разлетелся на куски.

«Не будь Яковлева, Съезд народных депутатов в 1989 году не признал бы существование секретных протоколов к договору 1939 г. о ненападении между СССР и нацистской Германией, – говорила в 2005 г. бывший депутат Верховного Совета СССР Марина Костенецкая. – А без этого наши смельчаки в Риге вряд ли бы провозгласили 4 мая 1990 г. независимость Латвии»⁶⁹.

За заслуги в развале Советского Союза в 2001 г. Яковлев и его заместитель по депутатской комиссии Афанасьев были награждены латвийским орденом Трех звезд третьей степени. Костенецкая, ходатайствовавшая о награждении этих деятелей, считает, что Яковлев заслужил орден первой степени.

⁶⁹ <http://www.dialogi.lv/article.php?id=1601>.

Записка

Что произошло в ночь с 23 на 24 декабря, Яковлев рассказал в интервью, которое приводит в своей книге «Я вышла замуж за романтика» вдова депутата Вульфсона Эмма Брамник-Вульфсон:

«...Почти всю ночь мы, единомышленники, бродили по кремлевскому двору, вокруг Кремля, снова спорили, убеждали друг друга. Расставаясь, я сказал: «Утро вечера мудренее». Тогда и пригодился документ, который мне до заседаний дал Анатолий Гаврилович Ковалев – первый заместитель министра иностранных дел. Когда он мне его принес, я своим глазам не поверил – то был «Протокол передачи документов в архив» (акт, записка, теперь протокол – что-то слишком часто Яковлев путается. – А. К.). И среди множества документов, кажется, под номером шесть – секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа! То есть документальное обозначение того самого исторического документа 1939-го, в котором и было все дело. Существование которого М. Горбачев категорически отрицал и говорил: «Покажите мне этот документ, и я за него проголосую!» (Возможно, что он и сам не понял когда-то, передавая те протоколы в архив?)

...Когда я наутро зачитал этот документ с трибуны съезда, большинство депутатов уже не могло нас не поддержать. Так тогда и решился вопрос о независимости государств Балтии. Но если бы не запал балтийцев, до такого, возможно, дорога была бы еще очень и очень долгой»⁷⁰.

О цели провокации с «секретными протоколами» Яковлев, наконец, сказал довольно откровенно – развалить Советский Союз. Вот еще одна его интерпретация на эту тему:

«В кармане у меня была одна «петарда» – еще перед первым докладом мой приятель из МИДа Анатолий Ковалев дал мне акт о передаче документов из приемной Молотова в архив, где черным по белому шестым пунктом стояло: «секретные протоколы...» И подпись секретарей Молотова. О том, что эта бумага у меня есть, я вообще никому не сказал. Когда мне нужно было выступать с переделанным докладом, я поднялся на трибуну и сказал, что мне к своему прошлому выступлению добавить нечего, я настаиваю именно на нем, а потом зачитал эту «петарду». Неожиданно для меня решили прения не открывать и сразу приняли как доклад, так и постановление»⁷¹.

С его слов выходит, что Яковлев, имея записку (которую потом стал именовать актом или протоколом), скрыл ее не только от народных депутатов во время своего доклада, но и от членов комиссии. Оказывается, Яковлев был ясновидцем, и предвидел, что нардепы не примут нужное ему постановление и у него будет возможность второго выступления, во время которого он эффектно хлопнет заранее заготовленной «петардой». Именно так пытается объяснить Яковлев свой шулерский финт с запиской Смирнова-Подцероба. Вот что он пишет в своих мемуарах «Сумерки»:

«Последний вариант своего доклада я никому не показывал – ни Горбачеву ни членам Политбюро» ни членам комиссии. За день до выступления ко мне подошел Анатолий Ковалев – первый заместитель министра иностранных дел СССР. Большая умница и высокой порядоч-

⁷⁰ Эмма Брамник-Вульфсон «Я вышла замуж за романтика» // <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>.

⁷¹ «Вечерняя Москва», № 175 (23973), 17 сентября 2004 г. // <http://www.vmda.ru/article.php?aid=2910>.

ности человек. Он сказал; что нашел акт передачи текста секретного протокола из одного подразделения МИД в другое. Я обрадовался и хотел сразу же вставить его в мой доклад. Но, поразмыслив, решил оставить этот последний аргумент про запас»⁷².

Кстати, в 1989 г. Яковлев не раскрыл источник получения «служебной записки», так же как и Альфред Зайдль в 1946 г. героически умолчал о происхождении фотокопий «секретных протоколов». Лишь через десять лет после успешной операции по ликвидации СССР в своих мемуарах он раскрыл имя героя – Анатолий Гаврилович Ковалев. Ковалев родился в 1923 г. в Москве; окончил МГИМО МИД СССР в 1948 г.; после окончания института работал в Германии в аппарате политсоветника Советской контрольной комиссии; занимал должности помощника министра иностранных дел СССР Громыко. То есть два будущих борца за демократию знали друг друга к 1989 г. как минимум полтора десятка лет, с момента, когда Яковлев начал делать дипломатическую карьеру.

Почему именно на Ковалева ссылается Яковлев? Они вместе помогали прибалтийскому сепаратистскому движению в конце 80-х. Ковалев помимо дипломатии развлекался сочинением стихов, и был весьма дружен с поэтом-песенником Янисом Петерсом – крупнейшим латвийским сепаратистом, одним из лидеров Народного фронта, который в свою очередь был тесно связан с Мавриком Вульфсоном. Короче, в этом кругу были все свои. В 2005 г. Петерс с благодарностью вспоминал о том вкладе, который Ковалев внес в дело обретения Латвией независимости. Портал dialogi.lv в разделе «Обзоры» дал небольшой анонс этой публикации:

«И, наконец, слово предоставлено поэту Янису Петерсу, статья которого называется «Где прятались Риббентроп с Молотовым?» В годовщину подписания пакта Молотова – Риббентропа поэт (и в прошлом также политик и дипломат) вспоминает о событиях конца 80-х и рассказывает об Анатолии Гавриловиче Ковалеве, первом заместителе Андрея Громыко, который любил отдыхать на даче у Раймонда Паулса в Меллужи. Ковалев считал Латвию землей высокой культуры и пророчил перемены в СССР. Ковалев нашел акт, свидетельствующий о том, что оригинальный текст пакта Молотова – Риббентропа находится в МИД СССР, и этого оказалось достаточно, чтобы узнать имена авторов пакта и тех, кто их скрывал 50 лет после подписания»⁷³.

Вы думаете, что Петерс – только поэт, Паулс – просто композитор? Это матерые антисоветчики, оба были народными депутатами СССР, оба в числе прочих депутатов-балтийцев покинули зал заседаний съезда, когда в повестку дня не удалось включить вопрос об осуждении пакта Молотова – Риббентропа. Не удивительно, что Ковалев хорошо спелся с этими соловьями прибалтийской независимости. Поэтому вполне естественно, что его фамилия мелькает в деле о «секретных протоколах». Тем не менее, я не берусь утверждать, что он лично участвовал в фальсификации «записки Подцероба». Первое упоминание об участии Ковалева в деле с протоколами я нашел в яковлевском интервью, данном в Латвии, которое датируется ноябрем 2001 г. Ковалев, к тому времени всеми забытый, отошел в мир иной через два месяца. И уже после смерти из него вылепили демократа-подпольщика, внедрившегося в высшие эшелоны власти СССР.

28 декабря 1989 г. «Известия» опубликовали интервью с Ковалевым под заголовком «Вновь о договоре 1939 года», причем без указания имени журналиста, беседовавшего с ним, что совершенно необычно. Вероятно, текст был составлен самим Яковлевым, потому что в нем содержится лишь краткое изложение тезисов его доклада, даже официальная стилистика была

⁷² <http://www.lebed.com/2005/art4364.htm>.

⁷³ <http://www.dialogi.lv/article.php?id=1416&t=7&rub>.

сохранена, хотя жанр интервью предполагает несколько большую степень выражения собственного мнения, живость языка, образность. Нам интересна в данном случае лишь первая фраза и последняя, приписываемые Ковалеву:

«Министерство иностранных дел представило за подписью

Э. А. Шеварднадзе в Комиссию Съезда факты, которыми оно располагает, а также свои суждения, относящиеся к политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года».

Завершается интервью такими словами:

«Думаю, что ваша газета могла бы для наглядности опубликовать одно из самых важных доказательств того, что секретный протокол действительно существовал – акт о передаче подлинника протокола и других документов одним помощником В. М. Молотова другому. Этот документ публикуется впервые. Ряд других документов, о которых я упоминал в этом интервью, будет опубликован в одном из первых номеров «Дипломатического вестника».

То, что этот текст принадлежит перу Яковлева, косвенно подтверждается тем, что он не подвергался редакторской правке, что могло быть лишь в том случае, если текст спущен сверху. Иначе трудно объяснить, как МИД мог представить «факты за подписью Шеварднадзе. Подписать можно только бумагу, текст, но не факт.

Итак, со слов Ковалева следует, что документы из МИДа передавались за подписью Шеварднадзе и именно в комиссию. Анатолий Гаврилович ни полсловом не обмолвился о том, что он по собственной инициативе дал какие-то бумаги лично Яковлеву. Эта конспиративная версия была запущена в оборот значительно позже. Другой существенный момент, – из слов Ковалева следует, что «акт о передаче подлинника протокола» является ВАЖНЕЙШИМ доказательством существования «секретных протоколов». Это стоит понимать так, что другими доказательствами он не располагает, иначе они бы удостоились хоть какого-то упоминания, и Яковлеву не пришлось нести лепет о том, что факт сговора диктаторов доказывает то, что события в дальнейшем развивались точно по протоколу.

Насколько же «одно из самых важных доказательств» убедительно? Выше я позволил себе усомниться в умственных способностях Яковлева, которого считают чуть ли не автором проекта «Перестройка». Очевидно, что он действовал по инструкциям своих закордонных хозяев. Когда же на съезде возникла опасность срыва принятия Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г., ему пришлось работать самостоятельно и очень быстро. В итоге он родил за ночь настолько примитивную липу, что поверить в нее, не смотря на то, что официально документ представил публике заместитель министра иностранных дел, может только кретин. Впрочем, большинство депутатов этой характеристике соответствуют в полной мере. Привожу текст акта по публикации в «Известиях» от 28 декабря 1989 г.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего секретариатом тов. Молотова В. М. т. Смирнов Д. В. и старший помощник Министра иностранных дел СССР т. Подцероб 5. Ф. сего числа первый сдал, второй принял следующие документы Особого архива Министерства иностранных дел СССР:

1. Документы по Германии

1. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.

2. Подлинное разъяснение к «Секретному дополнительному протоколу» от 23 августа 1939 г» (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии разъяснения.

3. Подлинный Доверительный протокол от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

4. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. («О польской агитации») (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

5. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. (о Литве) (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.

6. Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 г. (о части территории Литвы) (на русском и немецком языках).

7. Подлинный Дополнительный протокол между СССР и Германией от 4 октября 1939 г. (о линии границы) (на русском и немецком языках).

8. Подлинный Протокол – описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы и границы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках).

9. Карты (5-ти участков) к дополнительному протоколу между СССР и Германией (октябрь 1939 г.).

10. Карты, подписанные И. В. Ст. и Риббентропом, № 1 и № 2.

11. Подлинное Заявление советского и германского правительств от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 1 экземпляр копии этого заявления.

12. Полномочия Шуленбургу вести переговоры с представителем Правительства СССР о дополнительном протоколе (на немецком языке). Плюс 3 экземпляра копии этих полномочий.

13. Письмо тов. Ст. Гитлеру от 21.VIII. 1939 г. (подлинник).

14. Копии (две) дневника В. М. Молотова (прием Шуленбурга 22.VI. 1941 г.).

II. Документы по Японии

1. Подлинное соглашение «об уплате последнего взноса за КВЖД и об урегулировании взаимных претензий от 31 декабря 1939 г. (на русском и японском языках). Плюс 2 экземпляра копии этого соглашения.

2. Подлинное Соглашение о составе и функциях комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го в районе конфликта от 9 июня 1940 г. (на русском и японском языках). Плюс 1 экземпляр копии этого соглашения.

3. Подлинное Соглашение об уточнении границы между МНР и Манчжоу-Го в районе озера Буир-Нур и реки Нумургин-Гол от 9 июня с. г. (на русском и японском языках). Плюс 2 экземпляра копии этого соглашения.

4. Подлинный Протокол – соглашение по рыболовному вопросу от 31 декабря 1939 г. (на английском языке). Плюс 1 экземпляр копии этого протокола.

III. Документы по Финляндии

1. Подлинный Конфиденциальный протокол от 2 декабря 1939 г., являющийся приложением к Договору о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической республикой. (2 экз. на русском и 2 экз. – на финском языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

IV. Документы по Англии и США

1. Подлинный Секретный протокол конференции представителей СССР, Великобритании и] США, состоявшейся в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 года (на русском и английском языках). Плюс 1 экземпляр копии этого протокола.

« апреля 1946 года.

Сдал: Д. Смирнов.

Принял: Б. Подцероб.

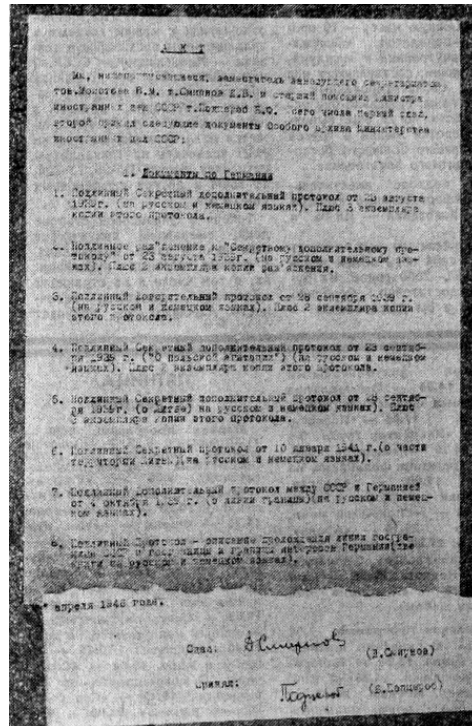
Настоящий смех вызывает то, что в «записке», представленной Яковлевым, значилось: «подлинный секретный дополнительный протокол». Сам текст этой записки сфабрикован настолько тупо, что сразу выдает фальсификацию. На кой хрен во внутренней переписке два мидовских чиновника будут подчеркивать, что один передает, а другой принимает именно «подлинники» документов? Неужели помимо «подлинников» в сейфе Молотова могли лежать подделки? В документоведении вообще не существуют понятия «подлинник», «фальшивка» или «фотокопия» (вспомним «показания» Вайцзеккера в Нюрнберге). Чиновники оперируют понятиями «оригинал» и «заверенная копия». Давайте заглянем в текст советско-германского договора о ненападении, последняя строка которого гласит: «Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года».

Словом «подлинник» оперируют по большей части эксперты-искусствоведы, в задачу которых входит определить подлинность художественного произведения, и которые действительно по роду своей деятельности сталкиваются с подделками. Так что у Яковлева, состряпавшего фальшивку, имела место оговорка по Фрейду.

Яковлев в своем докладе Съезду утверждал, что в «служебной записке Смирнова-Подцероба» упоминался «секретный протокол» от 23 августа 1939 г. и 14 несекретных документов, не относящихся к делу. А через три дня к моменту публикации записки, уже ставшей актом, список переданных Подцеробу документов, «относящихся к делу», возрос до восьми.

Колоссальный прокол у Яковлева вышел насчет «заверенных копий». Как следует из его выступления, в апреле 1946 г. Смирнов передал Подцеробу оригиналы протокола «плюс три копии». Эти «плюс три копии» потом куда-то испарились. И вдруг в архиве МИД обнаружены некие «заверенные копии» протоколов. Заверить копии по идее мог только Молотов. Но Яковлев не упоминает, кто заверил копии, утаив тем самым важнейшую информацию. При этом он брешет, что «как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР». Неужели в молотовские времена не принято было отмечать дату заверения документа, чтобы потом это делали эксперты? Видимо, злодей Молотов предвидел, что через 40 лет пламенный борец с тоталитаризмом Яковлев начнет его разоблачать, и поэтому, наплодив с совершенно непонятной целью «заверенных копий», он специально не датировал их. Все ясно – заметал следы! Но демократическая экспертиза раскусила козни коварного сталиниста за одну ночь. Кстати, рассматриваемый нами акт тоже почему-то не датирован (есть месяц, но нет числа) и не имеет канцелярских реквизитов, даже входящего номера. Уже одно это полностью разоблачает фальшивку.

Зачем вообще потребовалось копировать «секретные протоколы»? Копии секретных документов изготавливаются не от нечего делать, а для конкретной работы, для определенного должностного лица. Причем на копии в данном случае даже делают пометку: вернуть такого-то числа, по возвращении уничтожить. Вопрос заключения внешнеполитических секретных договоренностей находится в компетенции первого лица государства и министра иностранных дел. Следовательно, кроме Молотова и Сталина эти копии никому в принципе не были нужны, а они вполне могли воспользоваться оригиналами, не посвящая в величайшую тайну XX века машинистку из секретариата (или Молотов лично набивал на пишущей машинке текст?).

Изображение акта о передаче, помещенное в газете «Известия» от 28 декабря 1989 г. Практики репродуцирования документов в советской прессе не существовало. Это – яркое исключение. Но при этом репродукция очень плохого качества, и оформлена в виде фотоколлажа. Архивные реквизиты не приводятся, источник получения документа редакция не указывает.

К тому же совершенно нелогично хранение оригинала документа и «плюс трех его копий» в одном месте (кстати, копии были на русском или на немецком тоже?). Копии при необходимости можно легко изготовить, а этой необходимости не могло быть даже гипотетически. Изготовление копий секретного документа про запас – абсурд. Изготовление копий оправдано в случае опасности утраты оригинала, но такой опасности никогда не существовало. Но если это предположить, то копии и оригинал должны были храниться в разных местах. Если же они хранились в разных местах, они не могли быть переданы Смирновым Подцеробу по одному акту одним пакетом. Да и вообще, секретные документы на то и секретные, что их никому показывать не положено, и потому на изготовление копии нужна санкция руководства. Кто же санкционировал копирование – Молотов или Сталин? И почему, спрашивается, спрятав «оригиналы» скандальных протоколов в «особой папке», совершенно забыли про «заверенные копии» в архиве МИДа? В общем, получается, что копии «секретных протоколов» были сделаны Молотовым лишь для того, чтобы Яковлев нашел их спустя полвека.

В открытой электронной энциклопедии «Википедия», на вкладке, где обсуждалась статья «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», я встретил весьма любопытную реплику участника дискуссии под ником Alen Zarini:

«Довод Яковлева о наличии акта передачи Смирнов-Поцерб, извиняюсь, но это еще одна глупость, которую невозможно допустить ни одному человеку мало-мальски знакомому с секретным делопроизводством. Секретная и несекретная документация не только передается разными актами, но и храниться должна отдельно, с приложением к каждому особого акта приемки. Обычно секретной и несекретной документацией, вообще занимаются разные люди. Это уж могу сам свидетельствовать, как человек имевший дело с секретным делопро-

изводством. Кроме того, извиняюсь, а где журнал учета секретной документации?? акт есть, а журнал постановки на учет где? А эти журналы являются документами строгой отчетности и хранятся ВЕЧНО, странное дело, что Яковлев находит акт, который в принципе никому не был нужен, а вот важнейший реестр, единственный документ, который мог свидетельствовать реальность пребывания этого документа в архивах МИДа или правительства нет!..».

Возразить на этот аргумент не смог ни один из участников дискуссии на форуме «Википедии».

История со «служебной запиской» Подцероба получила свое продолжение. В книге Ильи Безыменского «Сталин и Гитлер перед схваткой» можно прочесть следующее:

«23 декабря 1939 г. консервативное большинство съезда было настроено весьма агрессивно. Оно отклонило предложение осудить пакт 1939 г. и аннулировать протоколы. Все соображения комиссии о протоколах были отвергнуты, в том числе отвергнуты и доказательства их существования. Лишь на следующий день А. Н. Яковлев смог переубедить делегатов, предъявив им обнаруженный комиссией документ.

Что же содержалось в этом документе, который был известен Громыко еще в 50-х годах, потом положен под сукно? Его главную часть представлял акт, составленный в апреле 1946 г. работниками секретариата Молотова Д. Смирновым и Б. Подцеробом. Акт фиксировал наличие восьми документов, в том числе подлинных секретных протоколов от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Акт гласил:

«Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего секретариата тов. Молотова В. М. тов. Смирнов Д. В., и старший помощник министра иностранных дел СССР т. Подцероб Б. Ф., сего числа первый сдал, второй принял следующие документы Особого архива Министерства иностранных дел СССР:

1. Документы по Германии

1. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.

2. Подлинное разъяснение к «Секретному дополнительному протоколу» от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии разъяснения.

3. Подлинный Доверительный протокол от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

4. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. («О польской агитации») (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

5. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. (о Литве) (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

6. Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 г. (о части территории Литвы) (на русском и немецком языках).

7. Подлинный Дополнительный протокол между СССР и Германией от 4 октября 1939 г. (о линии границы) (на русском и немецком языках).

8. Подлинный Протокол – описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках)...».

Самое важное: в найденном «деле» МИД СССР сохранились копии секретных протоколов, заверенные (без указания должности) В. Паниным. Когда же было проведено сопоставление этих копий с копиями из архива Риббентропа, то было установлено следующее.

1. Тексты по содержанию на 100 % идентичны.

2. Снимались все подозрения (повторявшиеся и М. С. Горбачевым) о том, что, мол, подпись В. М. Молотова сделана латинским шрифтом, следовательно, фальшивка. Молотов рус-

ский оригинал подписал кириллицей; зато под немецким текстом (и договора, и протокола) решил продемонстрировать свои университетские познания. Риббентроп оба текста подписал латиницей.

3. Оставшийся у немцев текст и текст Панина отпечатаны на одной и той же пишущей машинке, видимо, принадлежавшей молотов-скому секретариату и предназначенной для самых важных работ.

4. Наконец, что касается подписей самого Панина, то от его родичей было получено подтверждение их аутентичности»⁷⁴.

К мелочам я придираюсь не буду, но настоящий бред Безыменский начинает нести, когда он сравнивает «копии Панина» с фотокопиями из коллекции фон Леша. Разберем его по пунктам:

1. То, что текст «копий Панина» и копий из коллекции фон Леша на 100 % идентичны, весьма радует. Видимо, фальсификаторы научились перепечатывать документы, не путаясь в датах, фамилиях и орфографии. Впрочем, поскольку «копии Панина» никому не показывают, сомнения все же остаются.

2. Очень мне интересно, как «заверенные копии Панина» могли снять подозрения с подписей Молотова, сделанных латиницей? Это каким же придурком надо быть, чтобы утверждать, будто Панин скопировал не только текст «секретного протокола», но еще и подпись Молотова латиницей на копию проставил? Один кретин это написал, тысячи дебилов больше 10 лет читают его книжонку, и никто не понимает, что это полнейшая ахинея! Книжка Безыменского, все же способна внести вклад в науку. В медицинскую. Представления о масштабах старческого маразма она расширила весьма значительно.

3. То, что «панинские копии» изготовлены на той же пишущей машинке, что и микрофильмы фон Леша – это, конечно, открытие. Я считал, что сфотографировать пишущей машинкой нельзя, даже если это машинка «для самых важных работ». Но если отнестись к словам Безыменского серьезно, то фальсификаторы попадают в весьма щекотливую ситуацию: что произойдет, если выяснится, что один из этих документов фальшивый? Если будет установлена подложность «копий Панина», то выходит, что и копии Леша тоже фальшивые, поскольку изготовлены с помощью той же машинки. Если же не акцентировать внимание на том, что оба документа отпечатаны на одной машинке, то даже разоблачение панинских «копий» не подорвет веру в подлинность немецких микрофильмов.

4. Как родичи Панина могут подтвердить аутентичность его подписи – они что, эксперты-почерковеды? Это как раз тот случай, когда можно провести экспертизу, сравнив подпись Панина на «заверенной копии» с его подписью на множестве других документов, тысячи которых сохранились в архивах МИД. Отсюда легко предположить, что подпись Панина никто не удостоверял. Далее рассказ Безыменского обрастает все новыми и новыми подробностями:

«В президентском архиве хранились секретные документы партии. При этом степень секретности архивов была различной: просто секретные, совершенно секретные, далее – особой важности, или – о, эти партийные эвфемизмы! – документы ОГ7, /г? е. «особой папки». Собственно говоря, «папок» как таковых не существовало. Это было просто обозначение высшей степени секретности для особо важных решений Политбюро ЦК. Они обозначались в протоколах так: сначала порядковый номер в повестке дня. Затем – чей вопрос (Министерства обороны или МИД и /77. д.). Наконец, краткая формула в скобках: «смотри особую папку». Однако, оказывается, существовала еще одна специфическая степень секретности. Она называлась «закрытым пакетом». Это действительно был большой пакет с соответ-

⁷⁴ <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html>.

ствующим номером (проставлялся от руки). Он печатывался или клеивался в Общем отделе тремя или пятью печатями и обозначался буквой «К» («конфиденциально»).

Именно в таком пакете за № 34 были обнаружены оригиналы секретных протоколов вместе с подробным описанием их «архивной судьбы». Оказывается, что оригиналы секретных протоколов, находившиеся до октября 1952 г. у В. М. Молотова, 30 октября 1952 г. были переданы в Общий отдел ЦК. Почему именно в это время? В это время звезда министра закатилась: еще до смерти Сталина доверия к нему уже не было, внешним знаком чего был арест супруги Молотова Полины Жемчужинной. В VI секторе Общего отдела ЦК протоколу был дан свой номер: фонд № 3, опись № 64, единица хранения № 675-а, на 26 листах. В свою очередь эта «единица хранения» была вложена в «закрытый пакет» № 34, а сам пакет получил № 46-Г9А/4-1/ и заголовок «Советско-германский договор 1939 г.». Внутри пакета лежала опись документов, полученных из МИД СССР, – всего восемь документов и две карты:

- 1) секретный дополнительный протокол «о границах сфер интересов» от 23 августа 1939 г.;
- 2) разъяснение к нему от 28 августа (включение в разграничительный рубеж р. Писса);
- 3) доверительный протокол от 28 сентября о переселении польского населения;
- 4) секретный протокол «об изменении сфер интересов» от 28 сентября;
- 5) такой же протокол «о недопущении польской агитации» от 28 сентября;
- 6) протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 г.;
- 7) заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 г.;
- 8) обмен письмами об экономических отношениях (той же даты)⁷⁵.

Ну вот, теперь прояснилась ситуация с передачей документов от Смирнова Подцеробу. Значит, до апреля 1946 г. «секретные протоколы» хранились у Молотова, а потом заместитель заведующего молотовским секретариатом Смирнов передал их Подцеробу, старшему помощнику министра иностранных дел СССР Молотова, чтобы секретные протоколы теперь хранились у Молотова. Прочувствуйте весь смак ситуации! Выходит, что вся эта процедура была затеяна исключительно для того, чтобы оставить за собой шлейф в виде «служебной записки Смирнова-Подцероба», которую волшебным образом обнаружил Яковлев в ночь с 23 на 24 декабря 1989 г.

Безыменский свидетельствует, что передача оригиналов «секретных протоколов» в Общий отдел ЦК состоялось в октябре 1952 г., когда «звезда министра закатилась». Его совершенно не смущает, что Молотов был освобожден от должности министра иностранных дел СССР еще в марте 1949 г. Шпионскую лабуду про «особую папку» и «закрытый пакет» с буквой «К» комментировать не имеет смысла. Интересно другое – то, что писатель обнаружил какой-то новый «доверительный протокол о переселении польского населения». Видать, он спутал 1939 г. с 1863 г., когда несколько тысяч поляков отправили на ПМЖ в Сибирь. Впрочем, я не удивлюсь, если когда-нибудь историки обнаружат «особую папку» № 666, где будет находиться ранее неизвестный протокол о переселении на Колыму всех поляков, которых Сталин купил у Гитлера, потому что в Гулаге всех зеков постреляли и уморили голодом, и там некому стало работать. Как обнадеживающе пишет сам Безыменский, «... «архивная масса» настолько велика, что на ее освоение понадобится немало лет и не один исследователь. Тем не менее, архивы бывшего VI сектора Общего отдела ЦК КПСС, ныне перешедшие в Архив Президента РФ (сокращенно АП РФ), уже открывают много нового и доселе неизвестного».

Но как бы ни велика была «архивная масса», настоящий «историк», всегда сможет извлечь из «особой папки», словно фокусник зайца из цилиндра, очередной «секретный про-

⁷⁵ Там же.

токол» или «служебную записку». Ознакомившись с книжкой Безыменского, я долго гадал: то ли автор идиот, то ли он скрытый враг Перестройки, который писал бредятину, чтобы его можно было легко разоблачить и тем самым опровергнуть фальшивые «секретные протоколы». Первое все же более вероятно.

Но давайте вернемся к рассматриваемому акту («записке Смирнова-Подцероба»). В нем громадное количество изъянов, помимо упомянутых выше, которые полностью исключают его достоверность:

1. «Подлинное разъяснение к «секретному дополнительному протоколу» (видимо, имеется в виду разъяснение об уточнении границы сфер интересов) датировано неправильно – 23 августа 1939 г. Во всех прочих источниках оно отнесено к 28 августа. Уже одно это упоминание несуществующего в природе документа полностью разоблачает фальшивку. Халатную небрежность можно сразу исключить – ведь документы принимаются по описи, и потому Подцероб должен был либо потребовать у Смирнова указанное разъяснение от 23 августа, либо переделат акт, устранив ошибку.

2. Документы перечисляются бессистемно, в нарушение хронологического порядка.

3. Названия документов вроде «Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 г. (о части территории Литвы)» абсолютно недопустимы в официальном делопроизводстве, где действует железное правило: указываются только официальные наименования документов без раскрытия их содержания (тем более, если речь идет о секретных документах!). То есть если речь идет о «дополнительном секретном протоколе» от 23 августа 1939 г., то обязательно следует указывать, что он дополняет германо-советский договор о ненападении. А то мало ли, сколько могло быть подписано секретных протоколов в тот день?

4. Самое уязвимое место яковлевской фальшивки в том, что в акте не указывается реквизитов передаваемых документов по месту хранения. Вообще из акта не понятно, откуда и куда они передаются, что нелегально в подлинном документе. Впрочем, поскольку речь в фальшивом акте идет о несуществующих бумагах, это вполне объяснимо.

5. «Подлинный Протокол – описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы и границы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках)» не датирован. Сделано это умышленно, поскольку настоящий протокол о границе был подписан в Москве 4 октября 1939 г., и ничего секретного в нем не было. Ко всему прочему в тексте есть ошибка – написано «...и госграницы и границы интересов Германии», причем, как видно из приведенной в «Известиях» репродукции, лишнее слово даже не вычеркнуто.

6. «Карты, подписанные И. В. Ст. и Риббентропом, № 1 и № 2» – о чем идет речь, совершенно не понятно. Не указано, к какому документу прилагаются эти карты, ни даты подписания. Не указано даже что изображено на этих картах.

7. «Полномочия Шуленбургу вести переговоры с представителем Правительства СССР о дополнительном протоколе (на немецком языке). Плюс 3 экземпляра копии этих полномочий» – плод очень нездоровой фантазии. Посол по определению уполномочен вести переговоры, о чем свидетельствует верительная грамота. Снова не указано ни название документа, ни дата, не раскрывается вопрос о том, какой дополнительный протокол (дополнительный по отношению к чему?) имеется в виду. Если же речь идет о «дополнительном секретном протоколе от 23 августа 1939 г., то посол Шуленбург не мог вести эти переговоры через голову своего шефа Риббентропа. Думается, под этим документом следует понимать полномочия, данные Шуленбургу на заключение дополнительного протокола к договору о дружбе и границе, в котором уточнялась демаркация пограничной линии. Данный НЕсекретный протокол был подписан 4 октября 1939 г. и опубликован в советской печати в 1940 г. Применяя размытую формулировку полномочий Шуленбурга и не датируя их, фальсификаторы совершают подтасовку, пытаясь представить дело так, будто речь идет о «дополнительном секретном протоколе» от 23 августа или каком-то ином.

8. Чиновник советского министерства не мог написать «Письмо тов. Ст. Гитлеру». Это не частная записочка с приглашением на свидание, где допустимо обращение «милая Д.» и подпись «твой Х». Фамилию должностного лица надо писать полностью, да и должность «тов. Ст.» надо обязательно указывать. В Архиве внешней политики действительно хранится документ под названием «Письмо секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру» (АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 65.). Так неужели нельзя было привести полное название документа?

Можно, но для этого нужно время, а у Яковлева была только одна ночь, вот и появилась в «записке Смирнова-Подцероба» странная запись: «Письмо тов. Ст. Гитлеру от 21.VIII. 1939 г. (подлинник)».

9. Документы по Японии к теме нашего исследования отношения не имеют, но относительно их сказана такая ахинея, от которой за версту отдает глубоким маразмом: «Подлинное Соглашение об уточнении границы между МНР и Манчжоу-Го в районе озера Буир-Нур и реки Нумургин-Гол от 9 июня с. г. (на русском и японском языках)». В Манчжоу-Го государственным языком был китайский, а в Монголии – монгольский. Соответственно, если эти страны улаживают пограничный вопрос, то «подлинники» составляют на монгольском и китайском языках, да и в Москве никак не могло быть «подлинника» договора между третьими странами. Но самое смешное, что фальсификаторы датируют монгольско-маньчжурское соглашение 9 июня сего года (так следует понимать обозначение с.г.), хотя акт составлен в апреле. Вот ведь идиоты! К тому же Манчжоу-Го прекратило свое существование 19 августа 1945 г., а акт Смирнова-Подцероба составлен якобы в 1946 г.

В общем, всего вышесказанного достаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод: «записка Смирнова-Подцероба» – убогая фальшивка, которая если что и доказывает, так лишь то, что Яковлев являлся тупым фальсификатором (в этом мы убедимся еще не раз), и самостоятельно создать убедительную подделку был не в состоянии. Другой вариант: Яковлев не сам стряпал сию писульку, а поручил своему подчиненному, который, испытывая большое отвращение к этому делу, постарался выполнить задание нарочито халтурно, чтобы фальсификацию легко было разоблачить в дальнейшем.

Политбюро

Кто же провел экспертизу машинописи, доказав, что договор о ненападении и «секретные протоколы» отпечатаны на одной печатной машинке? Об этом все члены яковлевской комиссии 20 лет назад умолчали. Зато потом некоторые участники той тусовки принялись строить мемуары, рассказывая о своей героической роли в деле раскрытия величайшей тайны XX века. Вот что пишет бывший нардеп, член яковлевской комиссии, заведующий Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин:

«После несчастливого обсуждения на Политбюро темы секретных протоколов я попытался взять крепость в обход. Криминалистическая лаборатория Московского уголовного розыска согласилась выполнить экспертизу, чтобы установить, на одной или разных пишущих машинках изготовлены тексты договора о ненападении (оригинал сохранился) и секретного протокола к нему (тогда он был известен лишь в фотокопии, пришедшей к нам с Запада). Заключение гласило: тексты имеют идентичный шрифтовой почерк. Практически исключалось, что копия протокола могла быть продуктом фальсификаторов. Технические средства 40-х годов не позволяли так безупречно подделывать документы»⁷⁶.

Во-первых, как будет показано ниже, разные варианты даже одного протокола сделаны на разных печатных машинках с очень отличающимися шрифтами (см. главу «Граница»). Во-вторых, по фотокопии, да еще и некачественной, в принципе невозможно установить, оригинальный это документ или образец фотомонтажа. Наконец, в 40-х годах фототехника находилась на таком уровне, что изготовить «секретный протокол» мог не только профессионал, но даже опытный фотолюбитель в домашних условиях.

Но в данном случае нам важно отметить лишь то, что мифическую экспертизу заказало частное лицо по собственному почину, а не депутатская комиссия. И самое главное – время, когда она якобы проводилась – упоминаемое автором «несчастливое обсуждение на Политбюро» состоялось весной 1987 г.! Еще одно заседание Политбюро, на котором затрагивался вопрос о «секретных протоколах» имело место 5 мая 1988 г. накануне визита Горбачева в Польшу. Но даже если Фалин и ошибся на год, это ничего принципиально не меняет.

А вот что сообщает о той же экспертизе Владимир Абаринов в книге «Катынский синдром в советско-польских отношениях»:

«В.М. Фалин получил результаты проведенной по его просьбе в историко-дипломатическом управлении МИДа криминалистической экспертизы соответствия шрифта пишущей машинки, на которой был напечатан текст договора от 23 августа, с шрифтом известных фотокопий секретных протоколов. Лабораторное исследование подтвердило наличие этого соответствия»¹.

Нетрудно заметить разницу в показаниях. В одном случае экспертизу якобы проводит уголовный розыск, а в другом – историко-дипломатическое управление. Читая Абаринова, я постоянно натывался на свидетельства его слабоумия, но утверждать, что в МИД существовала собственная криминалистическая лаборатория – это слишком даже для имбецильного перестроечного журналиста.

⁷⁶ «Совершенно Секретно», № 1(117), 1999 г. // http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/284.http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

Если о деятельности комиссии Яковлева говорят многие (правда, в очень общих словах, подробностей деятельности ее никто до сих пор не раскрыл) то о рассмотрении проблемы «секретных протоколов» на Политбюро, известно меньше. Между тем, сам факт обсуждения данной темы на партийном Олимпе вызывает большое удивление. Никто не мог оказать давление на высших сановников КПСС с целью признать «секретные протоколы». Никто, кроме них самих. И чем больше я собирал отрывочных фрагментов информации об этом деле, тем более я укреплялся во мнении, что в ЦК КПСС активно действовало целое лобби (точнее, наверное, будет назвать это группой заговорщиков), добывающееся легализации «секретных протоколов». Яковлев, Ильичев, Шеварднадзе, Медведев, Громыко, Фалин, Болдин, Черняев, Соколов – вот далеко не полный список высокопоставленных капээсэсовских антисоветчиков. Конечно, они маскировали свои настырные потуги признать протоколы якобы стремлением открыть историческую правду, но сегодня абсолютно ясно, что цель у них была иной.

Когда я прочел мемуары Вадима Медведева, у меня просто челюсть отвисла – настолько откровенно он рассказал о своей роли в деле легализации «секретных протоколов». В 1968–1971 гг. Вадим Андреевич Медведев был секретарем Ленинградского горкома партии. С 1971 г. работает в Москве: заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС (подчиненный Яковлева!), ректор Академии общественных наук, заведующий отделом науки и учебных заведений, отделом по связям с социалистическими странами ЦК КПСС. В 1986–1990 гг. секретарь ЦК КПСС. С января 1992 г. Медведев работает в «Горбачев-Фонде» (опять с Яковлевым). В 1994 г. вышла его книга «Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». В этой весьма любопытной работе автор приводит свой доклад на заседании Политбюро 5 мая 1988 г. перед визитом Горбачева в Польшу. Пр процитирую фрагмент сочинения Медведева, но поскольку он очень обширный, повествование я буду прерывать своими комментариями.

«В постановление Политбюро по итогам встречи Горбачева с Ярузельским в апреле 1987 года, проект которого готовился мною, было вписано поручение МИД и международным отделам ЦК изучить вопрос о секретных протоколах и внести предложения. И еще до того, как комиссия историков приступила к работе, Отдел ЦК вместе с МИД плотно занялись этим вопросом, собрали досье всех имеющихся материалов.

Итак, ЦК и МИД плотно занялись этим вопросом. Мы приходим к шокирующему выводу: впервые в СССР тему «секретных протоколов» подняли не прибалтийские сепаратисты, не сидящие по психушкам диссиденты, не лидеры нарождающихся демократических движений, не фрондирующие деятели науки и искусств, а члены Политбюро ЦК КПСС, причем по собственной инициативе! Почему именно в этот момент? Наверное потому, что в ноябре 1986 г. скончался Молотов, и миф о «секретных протоколах» можно было запускать в широкий пропагандистский оборот. Ссылки на внешнеполитическую актуальность вопроса неубедительны. Официально никто перед Советским Союзом вопрос о признании «секретных протоколов» не поднимал. Как отмечает далее Медведев, невольно разоблачая сам себя, даже во время визита в ПНР 11–16 июля 1988 г. «польская сторона во время визита проявила деликатность не только на официальных встречах, но и в общении с интеллигенцией, журналистами. Даже на пресс-конференции, насколько мне помнится, данный вопрос польской стороной не поднимался».

Так что могло заставить высших партийных иерархов настойчиво поднимать этот вопрос, откровенно действуя во вред интересам СССР? На сумасшедших они похожи не были, зато версия о предательстве так и напрашивается.

Изучив их, я написал краткую записку Горбачеву, 28 июля передал ее «из рук в руки», высказавшись за то, чтобы обсудить и решить этот вопрос: «Чем больше мы тянем, тем

сложнее будет сделать это в будущем». Мою записку по секретным протоколам 1939 года Горбачев оставил у себя (к сожалению, она у меня не сохранилась), согласившись с моим предложением о дезавуировании оскорбительных в отношении Польши высказываний Молотова в 1939 году через печать. В моем присутствии он связался с В.М. Чебриковым и поручил ему вернуться к вопросу о Катьни, несмотря на уверения председателя КГБ, что комитет не располагает материалами на этот счет. В начале октября я вновь завел разговор с Горбачевым о секретных протоколах к пакту 1939 года. Но результат был тот же: никаких новых документов к этому времени ему не было представлено. В ходе консультаций с Ю. Чиреком, состоявшихся вскоре после этого, пришлось по-товарищески просить польскую сторону не форсировать развитие событий, дать нам время для того, чтобы подкрепить документальную базу.

Проблема встала особенно остро в связи с подготовкой визита Горбачева в Польшу, намеченного на лето 1988 года. 5 мая вопрос о секретных протоколах к советско-германскому пакту 1939 года был вынесен на заседание Политбюро. Насколько я помню, была подготовлена совместная записка за подписями Э.А. Шеварднадзе, А.Ф. Добрынина и моей, в которой излагалась суть дела и были сформулированы три варианта решения этого вопроса с анализом возможных положительных и негативных последствий каждого из них. Один вариант – продолжать занимать ту же позицию непризнания секретных протоколов, а копии считать фальшивкой. Другой – по имеющимся копиям и другим косвенным свидетельствам признать существование протоколов и дать им оценку. И третий, промежуточный вариант – не идти на юридическое признание протоколов, но и не отрицать их де-факто, дать возможность историкам дальше изучать и обсуждать эти вопросы. Предварительно с Шеварднадзе мы договорились, что докладывать на Политбюро будет его заместитель Ильичев, но то ли Леонид Федорович замешкался, то ли аппарат не сработал, к началу обсуждения этого вопроса его в зале Политбюро не оказалось, и пришлось докладывать мне.

Выступать я все равно собирался. Обычно выступления на Политбюро делались, конечно, не по написанным текстам. Но в данном случае вопрос был настолько важным и острым, что выступление мною предварительно было тщательно продумано и положено на бумагу. Выступление на заседании Политбюро 5 мая 1988 г. «Вопрос о протоколах 1939 года – один из тяжелейших для нас. По существу он довольно ясен. Их отрицание и тем более квалификация как фальшивки никого не убеждают. Оригиналов нет, но имеющиеся копии и с той, и с другой стороны совпадают. Реальность протоколов подтверждается и самим ходом событий, которые развивались в точном соответствии с ними, а там, где возникали отклонения, они поправлялись. Например, немцы, продвинувшись в ряде случаев дальше, чем намечалось, затем отошли к согласованной линии.

По существу признание протоколов содержалось и в советской печати. Я имею в виду «Историю Великой Отечественной войны» (издание 1961 г., т. 1). На стр. 176 этой книги говорится: «Советский Союз уже не мог оказать помощь Польше, правительство которой столь категорически ее отвергло. Единственно, что можно было сделать, – это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство добилось от Германии обязательства не переступить линию рек-Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан (выделено мной- В. М)». Но в основном советско-германском договоре это обязательство Германии не предусматривается, значит, была и какая-то другая договоренность, другой документ. Это высказывание хорошо известно в Польше и в других странах, и на него ссылаются историки.

Если «историки» и ссылаются на это утверждение, то они кретины. «Другая договоренность», на которую намекает Медведев, была достигнута в ходе переговоров германского военного атташе Кестринга с наркомом обороны Ворошиловым 21 сентября 1939 г. Именно

тогда была определена демаркационная линия Писса-Нарев-Буг-Висла-Сан. 23 сентября карта Польши с отмеченной на ней демаркационной линией опубликована в советских газетах (см. главы «Гальдер» и «Граница»).

Возникает альтернатива: или и дальше уходить от этого вопроса под предлогом того, что нет оригинала, или фактически в той или иной форме признать их. Умолчание – не выход, потому что уже сам факт умолчания используется против нас, против нашего курса на гласность и перестройку.

Что касается признания, то оно, конечно, связано с определенными издержками, вызовом, по-видимому, какой-то всплеск антисоветской пропаганды, породит определенные трудности внешнего и внутреннего порядка. Но зато это расчистит почву, снимет с нас тяжкий груз, даст возможность развернуть активную наступательную пропагандистскую работу. Это было бы в русле традиций открытой, гласной внешней политики и в конечном счете не снизило бы, а повысило авторитет Советского государства и нынешнего руководства.

Вдумайтесь, что говорит один из высших руководителей страны! Хоть нас никто об этом и не просит, давайте покаемся в жутком преступлении. Нас, конечно, после этого оплюют, зато это повысит авторитет Советского государства. Если в дальнейшем выяснится, что Вадим Медведев был штатным агентом влияния Запада, меня это несколько не удивит.

Совершенно очевидно, что президент США Буш врал в 2003 г. всему миру, что Ирак, якобы обладает оружием массового поражения. Директор ЦРУ Джордж Тенет врал, будто у него имеются доказательства этому. Министр обороны Дональд Рамсфельд врал, что Саддам Хусейн несет угрозу Америке и всему человечеству. Теперь представьте, что нынешний госсекретарь Хилари Клинтон предложит: а давайте признаемся, что мы начали ту войну не ради торжества демократии, а из-за нефти. Давайте покаемся в том, что убили миллион иракцев, чтобы свергнуть режим, который просто нам не нравился. Давайте сделаем это, дабы избежать обвинений в том, будто Америка боится признавать собственные ошибки.

Трудно предположить, что США пойдут на такое самоунижение? Зато легко представить, что посмей миссис Клинтон только заикнуться об этом, она тут же вылетит с должности, а пресса заклеит ее самыми последними словами. Хотя факт масштабного обмана всего мира сомнению не подлежит. Но одно дело – очевидный факт, и совсем другое – политическое самоубийство по этому поводу.

Поэтому даже если бы «секретные протоколы» существовали, даже если бы члены Политбюро знали об этом, надо было занять жесткую позицию: протоколов нет, копии являются фальшивками, и потому СССР отказывается обсуждать этот вопрос, а всякое упоминание о нем будет считать недружественным актом по отношению к великой державе, и на всякую подобную провокацию ответит адекватными мерами.

Неужели Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, Горбачев и прочие не осознавали, что обязаны в первую очередь защищать интересы государства? Тогда следует объяснить, почему они действовали вопреки им.

Это открыло бы возможность для развертывания более активной наступательной работы по разъяснению нашей позиции в сложнейшей мировой обстановке; приведшей к возникновению второй мировой войны. Начало такой работе положено в докладе о 70-летию Октябрьской революции, где было убедительно показано, что для нас пакт 1939 года был тяжелой, но вынужденной мерой. Эту работу надо было бы активно развернуть в научной литературе и пропаганде.

И напротив, наше молчание по поводу секретных договоров создаст впечатление, что мы чего-то боимся, что-то пытаемся скрыть, о чем-то умалчиваем. Какие «за» и «против»

с точки зрения польской ситуации? Для польского общества существование договоров давно уже воспринимается как очевидное. Конечно; какие-то спекуляции могут быть, но взрыва общественного мнения не произойдет. В польской печати в конце прошлого года опубликован полный текст секретных протоколов в западном варианте. Они оживленно обсуждаются в периодике, в научной литературе, и, пожалуй, главное, что вызывает непонимание в польской аудитории, – это наше молчание по данному вопросу.

Вот что думает об этом один из видных польских историков, член совместной советско-польской комиссии профессор Ковальский: «Смешно говорить о «белых пятнах». Конечно, если взять то, что написано, то в этом случае они есть, но если говорить о сознании людей, то в нем нет «белых пятен». Те, кого это коснулось, и те, кто хочет об этом знать, знают. Знают, что был пакт Риббентропа – Молотова, что около миллиона польских граждан было депортировано в глубь Советского Союза» («Одродзене», 16 апреля 1988 г.).

Сняв пелену умолчания с факта секретного протокола, мы перечеркнем обвинения, что что-то утаиваем. Тем самым создадим более благоприятные возможности для доведения до широких слоев польской общественности того, что не секретный протокол, а пагубный внешнеполитический курс правительства буржуазной Польши привел к сентябрьской катастрофе. Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 г., то есть задолго до советско-германского пакта.

Будут сужены возможности противников советско-польской дружбы использовать наше молчание по поводу секретного протокола для разжигания в Польше враждебного отношения к СССР.

Противники советско-польской дружбы были в таком восторге от Яковлева, убедившего депутатов осудить «секретные протоколы», что даже наградили его впоследствии орденом Белого орла.

Определенные издержки признание протоколов может породить для наших отношений с Финляндией, против которой Советский Союз в декабре 1939 года начал войну, а за этим последовало исключение СССР из Лиги Наций. По-видимому, правые силы не преминут воспользоваться этим предлогом для нападок на СССР и дружественный курс Финляндии по отношению к Советскому Союзу. Но нам известно, что финская сторона не обостряет вопросов истории советско-финляндских отношений. События 1939 года отодвинуты назад последующим ходом развития – укреплением наших добрососедских отношений с этой страной, которые к тому же хорошо отрегулированы на государственно-правовой основе.

Теперь о наших внутренних проблемах, касающихся Прибалтийских республик и Молдавии. Замалчивая проблему протоколов, мы оставляем широкое поле для распространения националистских взглядов в Прибалтийских республиках, согласно которым якобы судьба Прибалтики была решена в августе 1939 года путем секретных соглашений. В действительности же дело обстояло иначе: если какую роль и сыграли советско-германские соглашения, то она состоит в том, что Прибалтика была ограждена тогда от вмешательства германского фашизма, угроза немецкого порабощения прибалтийских государств – Литвы, Латвии и Эстонии – была отодвинута.

Судьба народов этих стран решилась не в 1939 году, а в 1940 году, когда на основе собственного волеизъявления они вошли в состав Советского Союза. Содержание протоколов известно населению Прибалтики через каналы западных радиостанций, так что изменение нашей позиции в отношении их не будет представлять какой-то драматический шаг и вряд ли окажет большое влияние, хотя, конечно, необходимо его тщательное пропагандистское и идеологическое обеспечение.

Подумайте только, какой убойный аргумент! Давайте признаем «секретные протоколы» потому что радиоголоса уже о них раструбили. Представьте себе, что главный редактор издательства «Главполитиздат» скажет: «А давайте издадим «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, потому что его все равно читают по «Голосу Америки», а диссиденты перепечатывают по ночам на пишущих машинках.

Как лучше подойти к решению этого вопроса? Конечно, для публикации протоколов по имеющимся копиям нет достаточных оснований⁷⁷, но можно было бы в качестве первого шага снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе. Ученые могли бы высказывать свои мнения, точки зрения на сей счет и затем, в зависимости от реакции в стране и за рубежом, можно было бы предпринять и дальнейшие шаги. Например, заявить, что, не располагая оригиналами протоколов, мы не можем признать их юридически, но считаем возможным и необходимым рассматривать вопрос по существу, с учетом совокупности всех фактов, относящихся к этому делу».

Конечно, это было компромиссное предложение, а его аргументация несла на себе печать своего времени, но важно было сдвинуть глыбу с мертвой точки. Выступивший все-таки после меня Ильичев, сославшись на косвенные свидетельства, утверждал, что подлинник был, его держал в руках Павлов, работник МИД периода войны. Есть его свидетельство на сей счет.

То, что всплыла фамилия Павлова – очень важно. Он был жив в тот момент, и сторонники признания «секретных протоколов» должны были приложить все усилия к тому, чтобы найти его получить подтверждение факту тайной сделки Молотова-Риббентропа. Но ни тогда, ни потом, когда некоторые участники майского заседания Политбюро работали в комиссии Яковлева, это сделано не было. Почему радетели за «историческую правду» старательно обходили стороной единственного живого свидетеля московских переговоров? Говорить о том, что они, дескать, не знали о Павлове, после медвежьих откровений уже нельзя.

Громыко заявил, что непризнание протоколов становится все более неприемлемым. В то же время сослался на разговор с Молотовым и Хрущевым: Молотов не отрицал ничего, не отрицал наличия документов и Хрущев. С точки зрения наших перспективных интересов надо открыть правду. Не исключено, что на Западе располагают оригиналом, но придерживаются его. Меньше риска, если скажем правду.

Бывший министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, как стали утверждать фальсификаторы после его смерти, знал о «секретных протоколах» еще с 50-х годов, и один из немногих будто бы имел копию с оригиналов. В 1992 г. вместе с «оригиналами» «секретных протоколов» якобы была найдена «Справка о советско-германских секретных соглашениях, заключенных в период 1939–1941 годов» (см. Журнал «Новая и новейшая история» № 1, 1993 г.), показывающая, что Горбачев знакомился с «секретными протоколами» Молотова – Риббентропа. Справка, подписанная Заведующим VI сектором Общего отдела ЦК КПСС Л. Мошковым, разумеется, фальшивая. Там есть такие слова: «Копии секретных советско-германских соглашений, подписанных в 1939–1941 гг., посылались в МИД дважды: 1–8 июля 1975 года – на имя зам. министра И. Н. Земскова для ознакомления А.А. Громыко (копии были возвращены и уничтожены 4 марта 1977 года); – 21 ноября 1979 года – в адрес И.Н. Земскова «лично» (копии возвращены и уничтожены 1 февраля 1980 года). Никому другому эти документы для ознакомления не посылались...».

⁷⁷ В 1990 г. их все же опубликовали в сборнике «Документы внешней политики СССР» по неизвестным копиям.

Но здесь мы видим, что Громыко, стараясь убедить коллег по Политбюро в их существовании, почему-то умалчивает, что видел протоколы своими глазами, а ссылается на какие-то косвенные, малоубедительные и непроверяемые данные. Что мешало ему заявить, что он видел эти протоколы лично? Бояться ему, председателю Верховного Совета СССР, уж точно было нечего.

Молотов умер ровно за полгода до этого заседания Политбюро и тут же начались разговоры, что он, дескать, не отрицал наличия «секретных протоколов». «Историки», пишущие о «секретных протоколах», старательно не замечают столь ценных свидетельств Медведева и не пытаются дать им объяснения.

Иное мнение высказал Чебриков: публиковать копии нельзя даже с формальной точки зрения. Это было бы нарушением общепринятой юридической практики. Что касается существа дела, то признание и публикация протоколов дадут больше минусов, чем плюсов. В Польше это активизирует антисоветские настроения. Возрастут претензии по пересмотру границ, осложнятся отношения с Румынией. Усилятся требования об отделении Прибалтики. Одним словом, публикация по меньшей мере преждевременна.

При таком разбросе мнений девять десятых в решении этого вопроса зависело от Горбачева. Но он подтвердил свою прежнюю точку зрения: по копиям, как бы достоверно они ни выглядели, юридическое признание документа неправомерно. Надо продолжать поиски документальных подтверждений, тем более что опубликованные копии порождают ряд сомнений. Как Молотов мог подписать документ латинскими буквами? И вообще слишком велика ответственность, которую мы возьмем на себя, совершив насилие над юридическими процедурами и нормами»⁷⁸.

Председатель КГБ Чебриков, если верить медведевским воспоминаниям, высказал очень разумную точку зрения – точно так оно в дальнейшем и произошло. В 1989 г., когда спецоперация «Секретные протоколы» вступила в горячую фазу, Виктор Михайлович уже находился в отставке.

Горбачев занял типично страусиную позицию, уходя от обсуждения неприятного вопроса, который навязчиво поднимали представители пятой колонны. Напомню, что заседание Политбюро проходило 5 мая 1988 г. Менее чем через месяц имело место скандальное выступление Маврика Вульфсона в Риге на пленуме творческих союзов, где он впервые в СССР публично поднял вопрос о «секретных протоколах» и «оккупации» Прибалтики (см. главу «Вульфсон»). Речь эта получила большой международный резонанс, солидарность с Вульфсоном выразили даже американские конгрессмены. Время для этого хода было выбрано как нельзя более удачно – за месяц до запланированной поездки Горбачева в Польшу.

⁷⁸ См. http://www.gorby.ru/rubrs.asp?artId=25840&rubr_id=168.

ОСОБАЯ ПАПКА

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

тов. ГОРБАЧЕВУ М.С.

В соответствии с Вашим поручением по шифротелеграмме № 6322 о предложенных экспертах ЦКР по вопросу "белых пятен" в истории польско-советских отношений докладываю, что в архиве Политбюро ЦК КПСС имеются следующие группы документов по указанному вопросу:

I. О роспуске Коммунистической партии Польши в 1938 г. и о признании этого решения ИКВМ необоснованным.

II. О советско-германских секретных соглашениях, заключенных в 1939 и 1941 гг.

III. [REDACTED]

IV. [REDACTED]

V. [REDACTED]

VI. [REDACTED] (из личного архивного фонда И.В.Сталина).

VII. По так называемому "Катынскому делу".

VIII. О взаимоотношениях с польским партизанским движением.

IX. О некоторых негативных проклевываниях, связанных с пребыванием советских войск в Западной Украине (1939 г.) и на территории Польши (1944–45 гг.).

X. [REDACTED] в период военных действий на фронтах войны в 1944–1945 годах.

Приложение: [REDACTED]

ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

1 декабря 1986 г.

Вот эта фитюлька, опубликованная в 1999 г. еженедельником «Совершенно секретно» (<http://www.sovsekretno.ru:80/app/image/1999/03/4/030117163652b.jpg>) без ссылки на источник, якобы доказывает, что Горбачев знал о «секретных протоколах» как минимум с 1986 г. Реквизитов, указывающих на подлинность документа, эта записка не имеет. Вообще, вопрос о «белых пятнах» в истории отношений между двумя странами впервые был поставлен в повестку дня лишь во время краткого визита Горбачева в Польшу в апреле 1987 г., откуда он в принципе мог дать шифротелеграмму. Но в этом случае ответ не может быть датирован декабрем 1986 г.

Перед нами очевиднейшая фальшивка.

Не исключаю, что выступление Вульфсона было санкционировано представителями «пятой колонны» в высшем руководстве страны, хотя прямых доказательств этому нет. Однако по косвенным признакам можно предположить, что у Вульфсона была серьезная «крыша». Не смотря на то, что некоторые латвийские руководители были возмущены его выходкой и даже предлагали судить за клеветнические и оскорбительные выступления (статья УК, карающая за антисоветскую пропаганду, еще действовала), он вышел сухим из воды – даже выговора по партийной линии не получил. Это более чем удивительно.

Все очень логично: польский фактор оказался недейственным – дважды вопрос поднимался в Политбюро, и оба раза дожать Горбачева не удалось. Поэтому, как пишет Медведев, «в дальнейшем острота дискуссий вокруг проблемы протоколов 1939 года переместилась с польского на прибалтийский угол». Надо полагать, переместилась она не сама собой, а была перемещена, и первым тактическим ходом в этом направлении было «случайное» выступление Вульфсона.

Что же происходило в Политбюро потом? Владимир Абаринов в книге «Катынский лабиринт» пишет:

«Когда был избран Первый съезд народных депутатов, по настоянию депутатов-прибалтов в апреле-мае 1989 г. была создана комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г. Ее возглавили А.Н.Яковлев и В.М.Фалин как один из трех его заместителей (наряду с Э. Липпмаа и Ю.Н. Афанасьевым), а также в каче-

стве секретаря В. А.Александров. К этому моменту дискуссия приобрела острый внутривнутриполитический характер, и обе комиссии – партийная и государственная (народных депутатов, которая также собиралась в здании ЦК КПСС на Старой площади) – ориентировались на приближавшуюся годовщину начала Второй мировой войны»⁷⁹.

Выходит, что параллельно с депутатской работала и некая партийная комиссия, о деятельности которой мне не удалось найти вообще никаких материалов. Но именно эта партийная комиссия, носящая неофициальный характер, судя по всему, была главной. Там принимались решения, там фабриковались необходимые документы, а психически неуравновешенные, но зато подконтрольные народные депутаты из яковлевской комиссии использовались лишь для того, чтобы протолкнуть от своего имени нужные решения.

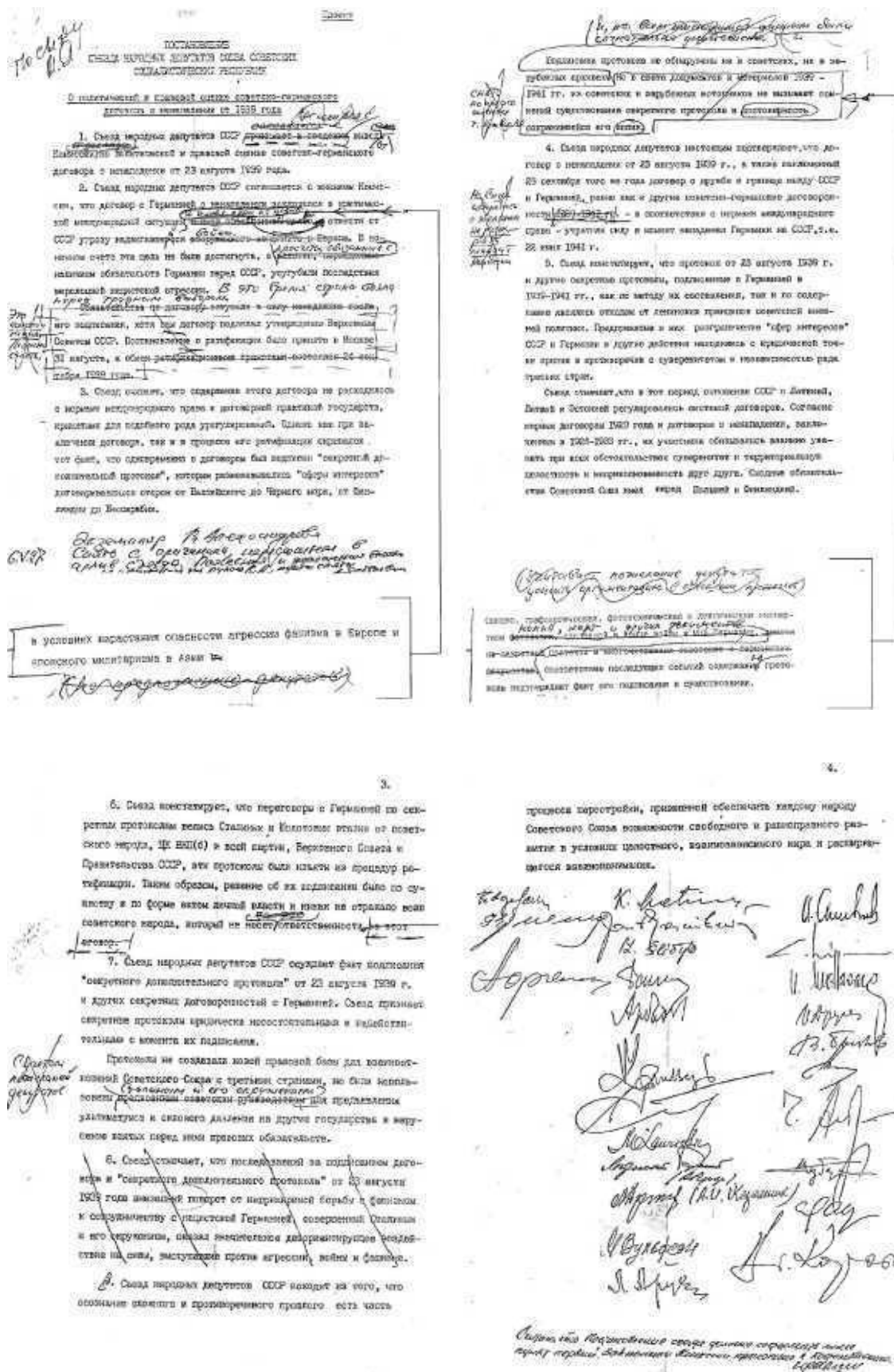
Не случайно, проект Постановления депутатской комиссии обсуждался 31 июля на Политбюро и не был одобрен. Почему вопрос обсуждался партийным руководством? Вот какие любопытные сведения сообщает Абаринов в своей книге:

«Когда комиссия народных депутатов выработала проект заявления Съезда «От комиссии Съезда народных депутатов о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года» и проект сообщения для печати «В комиссии съезда народных депутатов», они были, по старой традиции, направлены вместе с сопроводительной запиской от 22 июля 1989 г., подписанной А.Н.Яковлевым и завизированной В. М. Фалиным (и сразу засекреченной общим отделом ЦК КПСС), членам Политбюро, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК»⁸⁰.

Быстро однако комиссия отработала – менее чем за месяц изучила горы документов и выработала проект постановления. Видите нестыковочку? Бла-бла-бла про «старые традиции» здесь только для отвода глаз. Важная информация – это то, что поступившие в Политбюро документы были засекречены общим отделом ЦК. Дело в том, что общий отдел в принципе не мог присвоить гриф секретности документам, которые исходили от народных депутатов СССР (депутатской комиссии). Это действие абсолютно абсурдно, потому что заставить депутатов держать содержание документа в тайне невозможно, они Политбюро не подчинялись. Гораздо логичнее предположить, что проект постановления и заявления для печати был разработан теневой партийной комиссией, которая по странному совпадению заседала там же, где и депутатская – на Старой площади в здании ЦК. А до тех пор, пока документы не будут одобрены Политбюро, их и засекретили, дабы не произошло нежелательной утечки.

⁷⁹ http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

⁸⁰ Там же.

Рабочий экземпляр постановления II Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. из архива секретаря комиссии А.А. Александрова.

Косвенно это подтверждается тем, что помимо рассматриваемого фигурировали еще какие-то радикальные проекты постановления Афанасьева и проект эстонских депутатов от 9 июля – вот эти документы действительно могли исходить от членов комиссии.

Абаринов пишет в своей книге со ссылкой на мемуары первого заместителя заведующего отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами Александра Капто «На изломе века»:

«Однако подготовленный вариант заявления вызвал подлинную идеологическую баталию и на Политбюро 31 июля одобрен не был. Дальнейшее продвижение работы над документом было трудным. Члены комиссии старались ускорить ее работу, оказывали давление на председателя со своей стороны, чтобы добиться опубликования хотя бы промежуточного варианта. Яковлев не получил на это согласия Горбачева. Даже выступление на съезде стало возможным только под угрозой отказа от поста председателя комиссии. Наконец Ю.Афанасьев и группа членов комиссии выступили против ее председателя и предали огласке предварительный текст заключения»⁸¹.

Как это произошло, описывается в воспоминаниях бывшего народного депутата СССР, члена, сопредседателя Межрегиональной депутатской группы Виктора Пальма:

«В августе Эстонию посетил Юрий Афанасьев, тогдашний ректор Московского историко-архивного института. Его приезд был приурочен к очередной годовщине пакта Молотова – Риббентропа, и он выступил с соответствующими докладами на организованном НФ массовом собрании в Тарту, а затем в Таллинском горхолле. Последний не мог вместить всех собравшихся, и целое скопище людей слушало трансляцию его выступлениям улице.

Ю.Афанасьев открыто отстаивал точку зрения, что прибалтийские государства были присоединены к СССР с применением грубой силы, вследствие чего их стремление к самостоятельности вполне закономерно»⁸².

Теперь ясно, для чего нужна была депутатская комиссия? Поскольку Горбачева в очередной, кажется, уже пятый раз, не удалось уломать на признание «секретных протоколов», пятая колонна в Политбюро организовала слив информации через придурковатых съездовских демократов. Так оказывалось давление на Горбачева (мол, согласись с нашими условиями, иначе спустим с цепи безбашенных радикалов) и продолжалась обработка общественного мнения.

То, что членов депутатской комиссии истинные режиссеры спектакля с «секретными протоколами» воспринимали, как ничего не решающих марионеток, прекрасно показывает документ, представленный на стр. 310. Я специально не стал его комментировать в главе «Постановление», давая возможность внимательному читателю самостоятельно заметить в нем очевиднейшие нелепости. Репродуцированный в книге «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях», он озаглавлен как «Рабочий экземпляр постановления II Съезда народных депутатов СССР...», но подписан всеми членами комиссии. Между тем рабочие экземпляры обычно пишутся от руки и подписываются только секретарем и председателем комиссии. Нет нужды подписывать всем участникам комиссии каждый рабочий вариант, которых могут быть десятки. Какой смысл вообще подписывать черновики проекта?

Но допустим, что какой-то смысл в этом имелся. В этом случае надо было выработать проект, согласовать его со всеми, внести исправления, отпечатать начисто и после этого дать на подпись членам комиссии. Дело в том, что ни одно должностное лицо никогда не будет под-

⁸¹ http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

⁸² http://kripta.ee/anatomy_of_independence/book_rus.pdf.

писывать документ, содержащий массу исправлений от руки. Если же по каким-то причинам незначительные исправления вносятся в момент подписания, то всякое исправление заверяется подписью. Почему так принято? Да потому, что если в подписанном документе присутствуют исправления от руки, то изменять документ можно будет уже после того, как он подписан. Например, стороны заключили договор о продаже нефти по одной цене, а потом продавец от руки вписал более высокую цену и на этом основании потребовал увеличить оплату – разве можно такое представить? Поэтому НИКТО НИКОГДА не подписывает документы с исправлениями! Попробуй потом разберись, правился он до подписания или после. Неужели трудно было напечатать каких-то три странички начисто прежде чем дать на подпись двум дюжинам народных депутатов? Опытная машинистка справилась бы с этой работой минут за 25.

Исправления на подписанном документе свидетельствуют о том, что эти многочисленные правки вносились уже после того, как проект подписали депутаты – это же совершенно очевидно! Но кто мог редактировать уже подписанный депутатами проект?

Это, вероятно, делали члены теневой партийной комиссии, которая и играла главную роль в этом деле. Еще один аргумент в пользу моей гипотезы заключается в том, что подписанный проект не датирован. Железное правило делопроизводства гласит, что датируется любой исходящий документ. А если документ не датирован (что, кстати, является традицией, когда дело касается «секретных протоколов»), то сделано это может быть лишь с одним умыслом – вписать необходимую дату задним числом тогда, когда это будет нужно. Но поскольку рассматриваемый вариант не был окончательно утвержден, то его за ненадобностью и не датировали. Он был формально отправлен в мусорную корзину, а фактически оказался в личном (!) архиве Александрова – секретаря депутатской комиссии, который официально не входил в ее состав. Элементарно, Ватсон! – так говаривал в подобных случаях Шерлок Холмс.

Кстати, свой доклад Яковлев не согласовывал с членами депутатской комиссии, а получил добро на свое выступление на Съезде лично от Горбачева. Процитируем известного активиста-яковлевца Льва Безыменского:

«В августе 1989 года в работе комиссии наступил кризис. Радикальная группа, лидером которой стал Ю. Н. Афанасьев, требовала, чтобы к 23 августа был опубликован хотя бы промежуточный результат. Однако председатель комиссии А. Н. Яковлев не получил согласия на это от М. С. Горбачева. Открытыми противниками А. Н. Яковлева были Е. К. Лигачев, В. А. Крючков, М. С. Соломенцев. Как свидетельствовал А. Н. Яковлев, практически он не получил поддержки у членов Политбюро, за исключением Э. А. Шеварднадзе. Только угроза отставки А. Н. Яковлева с поста председателя комиссии заставила М. С. Горбачева согласиться на выступление А. Н. Яковлева на съезде.

После этого группа членов комиссии передала предварительный текст проекта выступления А. Н. Яковлева прессе (в нем признавались протоколы) и выступила на пресс-конференции с обвинениями в адрес своего председателя. Возникла реальная угроза развала комиссии. Но победила тактика А. Н. Яковлева, который стал выше личных обид и не дал комиссии распасться. Появилось такое решение: А. Н. Яковлев будет выступать с «личным докладом», следовательно, согласовывать в комиссии (а также вне ее, т. е. в Политбюро) доклад не надо, подготовить надо лишь проект резолюции, предлагаемой съезду, и краткую объяснительную записку. Эти документы были готовы 4 ноября; доклад был сделан 23 декабря на II Съезде народных депутатов СССР»⁸³.

⁸³ Лев Безыменский, «Гитлер и Сталин перед схваткой» // <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html>.

Опять мы видим, что обсуждение происходит именно в Политбюро, и там же принимаются все решения. А то, что Абаринов пишет о закулисе Съезда, вообще шокирует своей откровенностью:

«Проект встретил резкое противодействие консервативного большинства и при первом голосовании не прошел. Рассмотрение проблемы секретных протоколов было полностью отвергнуто.

Комиссия после заседания собралась в зале. Яковлев, лукаво усмехаясь, поручил Александру подготовить на следующий день аргументацию с учетом того, что копия существует. К восьми часам утра текст лежал на столе. Яковлев его подправил и произнес в виде краткой речи, сообщив, к изумлению членов комиссии, о наличии копии. В подтверждении ее подлинности сыграл свою роль владелец коллекции подписей В.М.Молотова, сделанных как кириллицей, так и латиницей на различных документах, – Э. Липпмаа. Возражение против подлинности документов, где подпись Молотова проставлена латиницей, было снято. Важнейшим аргументом было представление акта от апреля 1946 г. о передаче и приемке документов Особого архива МИД СССР, который был подписан сотрудниками секретариата Молотова Д. В. Смирновым и Б. Ф. Подцеробом. В перечне указывались не только копии, но и подлинники секретных протоколов на русском и немецком языках к советско-германским договорам 1939 г. и другие связанные с ними материалы»⁸⁴.

Выходит, что члены депутатской комиссии даже не подозревали о наличии заверенной копии «секретного протокола», которая, по словам автора, лежала в папке Александрова. Сами члены комиссии не участвовали в выработке «своих» документов – это делал все тот же представленный Яковлевым секретарь Александров. Соответственно, позднейшие байки Яковлева о ночных бдениях и напряженной работе после первого доклада на Съезде – ложь. Стоит дополнить Абаринова, что изумление у членов комиссии вызвало не только наличие копии, но и «акт от апреля 1946 г.» Смирнова-Подцероба, о котором они тоже ничего не знали.

В примечании к опубликованному «рабочему проекту постановления» из личного архива Александрова в книге «Катынский синдром...» говорится:

«Были усилены некоторые формулировки <... >

С предъявлением копии секретного протокола о разделе «сфер интересов» были сняты указание на то, что якобы подлинники, «по всем имеющимся данным, были сознательно уничтожены», а также ссылки на фотокопии из МИДа Германии и наличие отсылок к документам»⁸⁵.

Но ведь буквально на предыдущей странице указано, что Яковлев предъявил депутатам сохранившуюся в МИД СССР копию «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. после первого доклада сделанного 23 декабря 1989 г. Выходит, что репродуцированный в книге «рабочий проект постановления» правился уже после первого яковлевского выступления!

Спрашивается, чем вообще занимались члены комиссии Яковлева, если они не были знакомы даже с ключевыми документами? Узнать об этом нет ни малейшей возможности. Ни один из 26 участников комиссии, включая Яковлева, за прошедшие годы не проронил об этой работе ни слова. Все мемуаристы, словно сговорившись, употребляют лишь общие слова – «началась напряженная, кропотливая работа», «была проведена большая работа», «в процессе работы были рассмотрены тысячи документов» и так далее.

⁸⁴ Владимир Абаринов, «Катынский синдром...»// http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

⁸⁵ http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

Даже такой плодовитый писатель, как Маврик Вульфсон, настрочивший несколько книг о «секретных протоколах», собственно процессу работы комиссии Яковлева не уделил даже абзаца. Сам Яковлев в своих мемуарах ограничился несколькими предложениями. Молчит о своих заслугах не вылезавший из эфира либеральных медиа ветеран Перестройки Афанасьев, молчат писатели Чингиз Айтматов, Василий Быков, Ион Друцэ, Юстинас Марцинкявичюс, молчит звезда перестроечной журналистики Виталий Коротич, молчит известный политолог Георгий Арбатов. Молчат даже прибалты – Ландсбергис, Кезберс, Липпмаа и другие, которые, казалось бы, должны были раструбить на весь мир подробности о том, как их усилиями ковалась свобода Балтии. Все они были членами депутатской комиссии, все они в буквальном смысле слова делали историю, прикоснулись к разгадке одной из величайших тайн истории XX века – и никто не хочет поведать миру о своей исторической миссии. Разве такое можно себе представить?

Да, возможно! Потому что депутатская комиссия НИКАКОЙ работы по изучению вопроса о «секретных протоколах» не вела. Вероятно, суетливый Афанасьев, действительно настрочил пару заявлений и проект постановления по собственной инициативе. Не сомневаюсь, что прибалтийские сепаратисты тоже попытались что-то продекларировать. Но ни один из депутатов не работал ни с какими документами. Все они были марионетками, послушно подписывавшими составленные Александровым бумажки. Сознаться в том, что их попользовали в качестве известного резинового одноразового изделия, бывшие нардепы не могут, потому и молчат о своей работе по уничтожению СССР. Если я не прав, покажите мне подробные воспоминания хоть одного из членов яковлевской шайки, полный список которых приведен в главе «Комиссия». Я же за два года поисков их нигде не обнаружил.

Оригиналы

Спецоперация «Секретные протоколы» была продолжена Яковлевым и К^о уже после крушения СССР. Нашлась в том и чисто утилитарная надобность. В 1992 г. скелеты «секретных протоколов» вновь были извлечены из пыльного шкафа. На этот раз они потребовались в качестве вещдоков во время судебного процесса по делу КПСС, который проходил 26 мая по 30 ноября 1992 г. Особо рьяные «демократы» предлагали закрепить победу над Советским Союзом неким аналогом Нюрнбергского трибунала, который должен заклеить коммунизм, как явление, чуждое человеческой природе. Бывший член ЦК КПСС Ельцин на это не решился.

Но дело приняло неожиданный поворот: депутаты-коммунисты внесли в Конституционный суд вопрос о конституционности указов президента РФ и о приостановлении деятельности, а затем и запрете КПСС и КП РСФСР и о партийном имуществе. Как нетрудно понять, ключевым был вопрос об имуществе партии. Таким образом, правящий режим оказался в роли оправдывающегося, и эрзац-Нюрнберг не состоялся. Решение Конституционного суда в итоге получилось компромиссным: имущество КПСС, конечно, никому не отдали, и ликвидацию руководящих органов партии признали законной, но местные ячейки компартии сочли легитимными и не подлежащими ликвидации.

«Демократы» даже пытались контратаковать. Так депутат Румянцев внес от имени либеральных депутатов встречный вопрос о конституционности КПСС и КП РСФСР. Коль уж суд затеяли, то туда надо представить документальные доказательства преступного характера компартии, причем требовались исключительно подлинные документы, а не стенограмма Съезда народных депутатов, заклеившего «секретные протоколы» за «отход от ленинских принципов внешней политики».

Официальная версия дальнейших событий такова: в июле 1992 г. содержимое Архива президента РФ, доставшееся Ельцину в наследство от генсеков, изучали тогдашний руководитель президентской администрации Юрий Петров, советник президента Дмитрий Волкогонов, главный архивист Рудольф Пихоя и директор архива Александр Коротков. 24 сентября они вскрыли «закрытый пакет № 1». По словам Короткова *«документы оказались настолько серьезными, что их доложили Борису Николаевичу Ельцину. Реакция Президента была быстрой: он немедленно распорядился, чтобы Рудольф Пихоя как главный государственный архивист России вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе. Затем мы передали копии в Конституционный суд, Генеральную прокуратуру и общественности»*⁸⁶.

Документы из «закрытого пакета» № 1 говорили о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) постановило умертвить польских военнопленных. Конечно, элементарный здравый смысл подсказывает, что по решению Политбюро в СССР никого не убивали, ибо для принятия такого решения есть соответствующие судебные и специальные внесудебные органы. Но правящему режиму надо было обвинить именно КПСС, поэтому преступление, реально совершенное германскими оккупантами в 1941 г., приписали Политбюро.

Через некоторое время, а именно 27 октября в «закрытом пакете № 34» были обнаружены «оригиналы» якобы тщательно скрывавшихся «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа, а в пакете № 35 карты с автографами Сталина и Риббентропа. В данном случае «секретные протоколы» потребовались, что называется, до кучи, дабы конъюнктурность якобы случайной находки «катынского» пакета № 1 не так бросалась в глаза. Впрочем, по прошествии 16 лет эти находки в президентском архиве все же выглядят более чем странными. По официальной версии в архивах генсеков скопилось до полутора тысяч закрытых пакетов с документами

⁸⁶ Цит. по: «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях», <http://katynbooks.narod.ru>.

наивысшей степени секретности. Но общественности предъявили содержимое одного пакета, а содержимое другого – «секретные протоколы» – лишь огласили. А что же было в остальных – неужели ничего интересного?

Новая «демократическая» власть устами своих самых «демократических ученых» неоднократно торжественно клялась обнародовать содержимое главного партийного архива. Газета «КоммерсантЪ» опубликовала 15 апреля 1993 г. такую заметку:

ПАРТИЙНЫЕ АРХИВЫ СТАНУТ ДОСТОЯНИЕМ НАРОДА

Документы из бывших архивов ЦК КПСС и Центрального партийного архива, которые до августа 1991 года хранились под грифами «строго секретно» и «особая папка», скоро появятся в печати. Вчера об этом было заявлено на состоявшейся в пресс-центре МИД России презентации нулевого номера журнала «Источник», редакция которого намерена публиковать только архивные материалы. «Источник» – приложение к журналу «Родина». Учредитель нового журнала – Верховный Совет России.

Главный редактор журнала «Родина» Владимир Долматов рассказал корреспонденту Ъ, что идея нового журнала возникла после издания в августе 1991 года указов президента России, согласно которым архивы КГБ СССР и учреждений КПСС, находящиеся на территории РСФСР, передавались в ведение архивных органов России. В результате огромное количество ранее недоступных архивных материалов было рассекречено. Еще до принятия указов редакции удалось установить контакты со многими архивами, которые и пригодились впоследствии. <...>

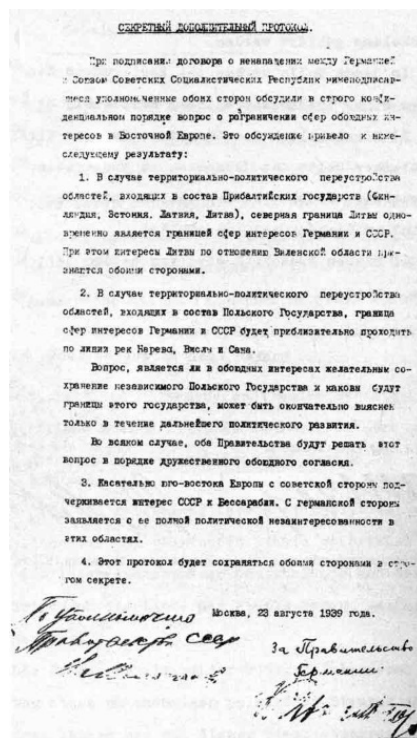
Присутствовавший на презентации председатель Комитета по делам архивов при правительстве России Рудольф Пихоя сказал корреспонденту Ъ, что выход журнала «Источник» он считает особенно важным, поскольку принцип подачи материалов в нем – публикация только архивных документов без каких либо комментариев – поможет читателям самим оценить те события прошлых лет, сведения о которых раньше были доступны лишь немногим.

Журнал будет выходить тиражом 20 тыс. экз. раз в два месяца и распространяться как по подписке (600 руб. за 6 номеров), так и в розницу по свободной цене.

Тел. редакции журнала «Источник»: (095) 203-60-25.

Юлия Безъязычная⁸⁷.

⁸⁷ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=45126>.

То, что обычно выдают за «подлинник» «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. На самом деле это фотомонтаж из госдеповского сборника 1948 г., в котором опубликованы фотокопии из коробки фон Леша. Пунктиром отмечены видимые линии склейки.

«Источник» действительно издается. Однако сенсационные секретные документы из партийных архивов почему-то не обнаруживаются. Чтобы как-то объяснить странное молчание относительно содержимого других сотен «закрытых пакетов» с грифом «Особая папка» демократические «историки» что-то невнятно бормочут насчет того, что новая «демократическая» власть засекретила все (!!!) документы из архива Политбюро и генсеков. Это не мешает им с пеной у рта клеймить прошлую власть как раз за то, что та, дескать, подло скрывала от народа правду.

Поскольку сами документы не публикуются, остается выуживать крохи информации из воспоминаний прикоснувшихся к ним избранных счастливых. Вот какими откровениями делится с нами бывший руководитель аппарата президента СССР Горбачева Валерий Болдин:

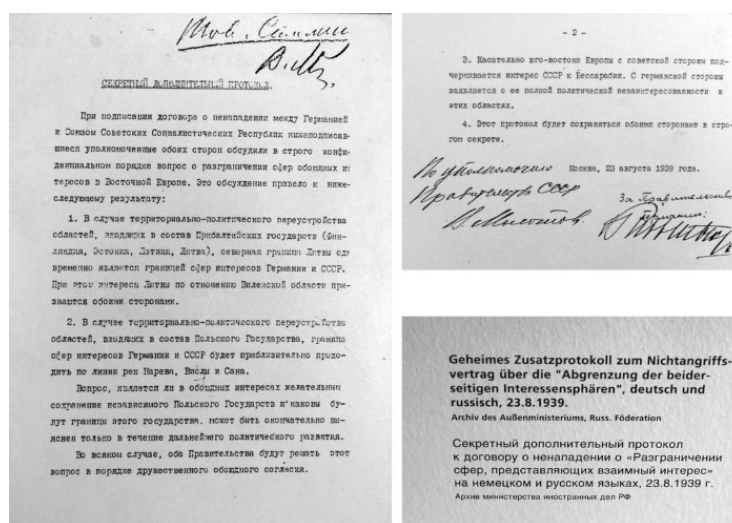
«То, что Горбачев большой мистификатор, секрета не представляет. Во всяком случае, в 1987 году секретные протоколы и карты были положены ему на стол. Он растелил карту и долго изучал ее. Это была крупномасштабная карта с обозначением населенных пунктов, рек и прочего на немецком языке. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Потом Горбачев посмотрел и сам протокол — небольшой документ, по-моему, всего два листочка, и обратил внимание на то, что подпись Молотова была сделана латинскими буквами. Та главная загадка, которая всех сбивала с толку и была необъяснима. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: «Убери, и подальше!»».

Шло время, и вдруг эти протоколы стали вызывать повышенный интерес. Их запрашивали и Фалин, и Яковлев. Я доложил об этом Горбачеву. Он сказал: «Никому ничего давать не надо. Кому нужно — скажу сам».

А на первом Съезде народных депутатов он заявляет, что «все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом». Вскоре после этого он пригласил меня

к себе и спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что сделать этого не могу, на это нужно специальное решение. Он: «Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?» Ну, после того, как он на весь мир заявил, что документов этих не видел, я представлял, насколько для него это неудобная тема, он хотел бы поскорее уйти от нее и забыть, но сделать это было не так-то просто. Он еще дважды спрашивал, уничтожены ли секретные протоколы. Документы эти многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках, поэтому либо надо было уничтожить все книги, потому что подделки делать там, естественно, нельзя, либо переписывать книги заново, – а это многолетние, начиная с тридцатых годов, записи. Вообще сделать это невозможно в принципе»⁸⁸.

Удивительно, что об этом случае Болдин хранил молчание столь долго, и поделился воспоминаниями, находясь под следствием по делу ГКЧП. Горбачев категорически отрицал, что Болдин представлял ему некий доклад о «секретных протоколах» и показывал их оригиналы.

Еще один «оригинал», правда опять в виде небрежной ксерокопии (часть изображения куда-то пропала). Экспонировалась на выставке в Карлсхорсте в 2011 г. Достаточно только прочитать аннотацию к этим какбы «факсимиле», и сразу вскрывается подлог. Ведь по официальной легенде «секретные протоколы» хранятся в Архиве президента РФ (ф. 3, оп. 64, д.675а, лл. 3–4), а вовсе не в архиве иностранных дел РФ. Мидовский архив называется Архив внешней политики РФ. Но поскольку сотрудники музея в Карлхорсте, видать, лепили эту туфту в «Фотошопе», они не стали утруждать себя выяснением вопроса об архивных реквизитах «секретных протоколов».

Первооткрывателей у «оригиналов» протоколов Молотова – Риббентропа много, и множатся они с каждым днем. Один из них – известный антисоветчик Буковский, которого в свое время отпустили на Запад в обмен на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. Вот что он рассказывает в интервью «Новой газете»:

«– В двадцатых числах августа 1991 года, сразу после путча ГКЧП, я приехал в Москву и начал уговаривать власти открыть архивы и устроить суд над КПСС К тому времени я уже был хорошо знаком с людьми из ближайшего окружения Ельцина – Геннадием Бурбулисом и Михаилом Полтораниным. Я к ним пришел с этим предложением и объяснил, что если

⁸⁸ Н. Гарифуллина «Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин «уточняет» А. Яковлева и М. Горбачева», «Советская Россия», 11 марта 1993 г.

этого не сделать, то коммунисты оживут и снова станут серьезной угрозой. И более-менее всех уговорил – кроме Ельцина. Тем не менее я предложил созвать международную комиссию из историков, открыть архивы и постепенно все обнародовать. Был даже подписан черновой договор между главой Росархива Рудольфом Пихоя и мной. У меня были доверенности Гувевровского института войны, революции и мира и еще целого ряда западных исследовательских институтов, то есть я действовал как их представитель.

Этот договор у меня где-то до сих пор хранится. Он был написан от руки и подписан Пихоя и мной. Как впоследствии выяснилось, никакого значения он не имел и оказался филькиной грамотой. Когда чуть позже я снова приехал в Россию, оказалось, что все изменилось. Ельцина уговорили подписать какую-то инструкцию, согласно которой возвращаются правила секретности, существовавшие до падения советской власти.

– Это когда произошло?

– К концу того же 1991 года. Ельцин, несмотря на все ходатайства Бурбулиса и Полторанина, выступил против идеи суда. Он сказал, что не надо раскачивать лодку. Конъюнктура очень быстро, буквально в течение месяца, изменилась, и никакой речи о комиссии, о суде, об открытии архивов уже просто не было. Все вернулось на круги своя. Я не смог в архивах посмотреть даже собственное дело. Мне сказали, что подписано решение о засекречивании материалов после 1961 года. А «особые папки» засекретили чуть ли не со сталинских времен. И я уехал из России, потеряв всякое желание возвращаться.

Но к весне мое предсказание оправдалось. Коммунисты зашевелились, ожили и подали в Конституционный суд на Ельцина, оспаривая его решение о запрете КПСС. Мне позвонили от Бурбулиса и попросили приехать помочь с этим судом. Я сразу же сказал, что приеду при одном условии: если будут открыты архивы. Меня заверили, что они будут открыты. Весной 1992 года действительно была создана президентская комиссия по временному рассекречиванию архивов для нужд судебного дела. К моменту моего приезда она уже работала. Кое-что уже было доступно.

– А с чего вы начали рассекречивание?

– В основном смотрели документы ЦК. Как известно, было три уровня принятия решений – Политбюро, секретариат ЦК и аппарат ЦК (отделы). В основном рассекречивались документы секретариата и аппарата. В августе 1991 года здание ЦК было опечатано. Его взяли под контроль и сменили охрану. Поэтому архивы, находившиеся в здании ЦК на Ильинке; оказались в руках российских властей. А архив Политбюро где-то за год до того был перевезен в Кремль и приобщен к Президентскому архиву; то есть к архиву Горбачева. И поэтому был недоступен российской власти.

– А кому он был доступен?

– В тот момент Ельцин уже мог распоряжаться архивом, он стал президентом страны. Но все было не так просто. Если в здание ЦК мы могли ходить, смотреть описи, по описям заказывать документы и через суд их пробивать, то в Президентский архив мы даже попасть не могли.

– Кто это – мы? Члены комиссии?

– Да, группа экспертов. Я официально был экспертом Конституционного суда по делу «КПСС против Ельцина». В архиве Политбюро мы не могли ничего толком заказать, потому что не видели описей. А не имея описей, невозможно было дать номер документа и шифр. Президентский архив этим пользовался. Если мы запрашивали какой-нибудь документ, они требовали его номер, шифр и дату решения Политбюро, отлично зная, что ничего этого у нас нет. Но механизм получения особо важных документов существовал. Если мы очень хотели получить некий документ, мы шли к Бурбулису и Полторанину, они шли к Ельцину, Ельцин вызывал начальника архива, стучал кулаком по столу, и на завтра документ нам предоставляли.

Но это был довольно сложный алгоритм. Каждую бумажку так вышибать невозможно. Главой ельцинской администрации был некий Петров, которого Ельцин притащил с собой еще из свердловского обкома. Он по статусу отвечал за Президентский архив. Поэтому пробиться туда мы не могли никак. Это был старый обкомовец, который душой принадлежал партии и вовсе не хотел, чтобы такие люди, как мы, туда совали нос. Только через Ельцина и со скандалом можно было что-то получить. Так мы, например, получили документ о вторжении в Афганистан, хотя архив нам отвечал, что никакого решения об этом вторжении Политбюро не принимало.

– Как вам удавалось копировать документы?

– Я их сканировал. Купил портативный компьютер и ручной сканер – по тем временам это было большой новинкой даже на Западе. Я приобрел экспериментальную модель у фирмы-производителя. В широкой продаже их еще не было, а в России о такой технике даже не слышали. И не подозревали, чем я, собственно, занимаюсь. Хотя никакого закона я не нарушал. Нам запрещалось ксерокопировать документы, но упоминания о сканировании в инструкциях не было. Они же были составлены очень давно, еще при советской власти. Потом чиновники наконец сообразили, чем я занимаюсь. Помню, кто-то закричал однажды: «Он же все копирует! Он же все на Западе опубликует!». Я спокойно собрал вещи и вышел из здания... Слава богу, не задержали, дали уехать.

– Вам удалось, насколько я знаю, скопировать даже некоторые документы, не рассекреченные для Конституционного суда.

– Да. В основе своей это были документы, связанные, как они выражались, с агентурной работой. А по их правилам агентуру расшифровывать нельзя ни при каких обстоятельствах.

– Как вам удалось добраться до этих документов?

– Я запрашивал документы по описи. А описи устроены так, что по ним не поймешь, что это за документ. Названия, например, такие: «Вопрос международного отдела ЦК» или «Вопрос КГБ СССР». Нужно было догадываться, что это мог быть за вопрос в то время. Я разозлился и потребовал открыть все документы из «особых папок». Вообще все. И власти на это пошли.

Так вот, однажды заходит в комнату отдыха президентской стороны, участвовавшей в процессе, член комиссии по рассекречиванию Котенков (тогда представитель президента в Верховном совете) и радостно мне сообщает, что в комиссии для меня много новых материалов рассекретили – целую папку. Не все, конечно, есть документы, связанные с агентурой, эти – никак, а остальное вот – читай! И кладет передо мной одну папку. А вторую кладет на свой стол. Тут начался обеденный перерыв, и они все отправились на обед. В пустой комнате остались я и две папки. Ну я, конечно, начал с папки Котенкова...

– Какой массив материала вам удалось просмотреть?

– Много тысяч документов, а скопировал я порядка семи тысяч. Вообще комиссией было отобрано 48 томов, но все я не сканировал. Очень большую часть составляли вещи, мне мало интересные, например, коррупция в КПСС.

– Что такое «особая папка»?

– «Особая папка» – это форма секретности. Есть разные формы – «секретно», «сверхсекретно», «особой важности», «лично», «особая папка». А в президентском архиве, то есть в архиве Политбюро, еще была такая форма, как «особый пакет». Это запломбированный мешок, на котором не написано, что в нем находится.

– Что хранилось в таких «особых пакетах»?

– Сведения о всех крупных убийствах: например, о катынском деле – расстрел пленных польских офицеров в 1940 году. Но не только. Там же находился секретный протокол к договору «Молотов – Риббентроп» от 1939 года. Там вообще много вещей, неприятных для вла-

сти. Президентский архив после суда снова перевели на Ильинку в здание ЦК. Но он хранится отдельно, в него нужен особый допуск...»⁸⁹.

Как следует со слов Буковского, он остался один на один с «особой папкой», в которой хранились «секретные протоколы» и сведения «о всех крупных преступлениях». В руках у него был сканер. Логично будет предположить, что самые сенсационные документы советской эпохи, не одно десятилетие будоражащие умы прогрессивного человечества, он скопирует. Однако именно бумаги из «особых пакетов» бывший диссидент не копирует. Более того, Буковский даже не упоминает, что же было в этих пакетах, кроме уже известных нам бумаг по катынскому делу и «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа. «Много вещей, неприятных для власти» – это очень уж расплывчатая формулировка.

Буковский, надо отдать должное его последовательности, ненавидел прошлую советскую власть, ненавидит он и нынешнюю эрэфовскую. Так с чего это он упускает возможность при- дать огласке неприятные для нее документы? Объяснение простое: никаких «особых пакетов» этот «эксперт» и в глаза не видал, потому он о них и не может сказать ничего вразумительного, повторяя лишь общеизвестные штампы. Правда, даже повторить правильно не может, называя «закрытый пакет» «особым пакетом». А если кто-то все еще верит, что Буковский действительно работал с секретными документами, то спросите у этого типа, в каком месте ему померещился гриф «сверхсекретно». Это уже из разряда анекдотов про Штирлица.

Вывезя копии документов на Запад, Буковский их там опубликовал. Так называемый архив Буковского доступен в Интернете по адресу <http://www.2nt1.com/archive/buk-rus.html>, но искать изображения скандальных «секретных протоколов» бесполезно – документов, датированных между февралем и октябрём 1939 г. там вообще нет. Опять приходится верить на слово ельцинскому «эксперту»: он, дескать, видел собственными глазами и держал в руках. Кстати, хранение исторических документов 30-х годов в президентском архиве противоречит нормам Положения об Архиве президента РФ, ибо он создан 17 февраля 1992 г. как структурное подразделение президентской администрации для хранения документов, связанных с деятельностью Ельцина и его преемников. Почему якобы обнаруженные там «секретные протоколы» не были переданы по подведомственности? Только потому, что «секретные протоколы» не существуют, а всякого, кто осмелится их запросить, пошлют куда подальше, сославшись на то, что данный документ хранится в секретном фонде. Так оно и происходит.

Копировал документы из архива Политбюро и Дмитрий Волкогонов (вроде как с разрешения Ельцина). Копировал и отчего-то тоже передавал за границу (архив доступен в Интернет по адресу <http://www.loc.gov/rr/mss/text/volkogon.html>). Читаем интервью с директором Государственного архива Российской Федерации Сергеем Мироненко, опубликованное русским журналом «Вестник», издаваемым в США:

«... – Покойный Дмитрий Антонович Волкогонов передал, говорят, большое количество документов в США из архива Политбюро. Это так?»

– Оригиналы Волкогонов не передавал – можете мне поверить. Но он снимал копии, имея полномочия от президента России, несмотря на то, имеет ли документ гриф «сов. секретно» или нет. Поэтому доступ к копиям этих документов, оказавшихся в библиотеке Конгресса США, проще, чем в наших архивах – к оригиналам. Это понятно, да?»

– Конечно. Что такое «особая папка», Сергей Владимирович? Это папка, куда складывались особо секретные бумаги?»

⁸⁹ Дмитрий Хмельницкий «Я вооружился копиями», «Новая газета», 20 декабря 2004 г. // <http://2004.novayagazeta.ru/pomer/2004/93n/n93n-s43.shtml>.

– Нет. «Особая папка» – это тип документа, степень секретности. Такая «особая папка» существовала и в Политбюро, и в правительстве, и в министерствах. В протоколах заседания Политбюро можно прочитать: «Слушали. Постановили. Решение – «особая папка». То есть даже среди членов Политбюро это была высшая степень секретности, материалы Политбюро хранились не в одном делопроизводстве, а в разных»⁹⁰.

Опять мы сталкиваемся с удивительным фактом: почему-то именно «секретные протоколы» Волкогонов не скопировал и никуда не передал, ограничившись устным сообщением о находке.

Почему-то прикасаются к скандальным документам, связанным с «секретными протоколами» только самые ярые антисоветчики: Ельцин, Яковлев, Волкогонов, Пихоя, Буковский, Болдин, Фалин и Вульфсон с Безыменским. А потом долго и витиевато рассказывают, что же они увидели. Но показывать не желают. Правда, их рассказы совершенно не согласуются друг с другом, и это понятно – врать всем одинаково невозможно. Например, Ельцин видел сразу десять «секретных протоколов»! Наверное, с перепоя у него двоилось в глазах и известные нам четыре он принял за десять. Даже если считать разъяснение к «секретному протоколу» от 28 августа 1939 г. и один доверительный протокол, получится лишь шесть документов. Вот как сам высокопоставленный алкаш поведал об этом в своих мемуарах «Записки президента»:

«Запомнилось, как Горбачев передавал мне свой секретный архив. Он достал кучу папок и сказал: это из архива генеральных секретарей, берите, теперь это все ваше.

Я ответил, что до той поры, пока все это не обработают архивисты, не притронусь к бумагам. Я знал, что там есть и вовсе не стратегические, а просто очень интересные и важные материалы для историков – например, письма репрессированных писателей на имя Сталина, неизвестные эпизоды из политической жизни Хрущева, Брежнева, история Чернобыля, афганской войны и так далее.

Кстати, через несколько месяцев именно в этом архиве были найдены оригиналы всех знаменитых секретных соглашений пакта Молотова – Риббентропа. Двухметровые карты с подписями Сталина и Риббентропа – у Сталина красный карандаш, у Риббентропа синий. Видно, как они «правили» границы. Один тут правит, другой там... И потом крупными буквами их подписи. Нашли десять секретных соглашений. В них абсолютно ясно видна вся грязная политика Гитлера и Сталина.

На съезде народных депутатов Союза А. Н. Яковлева назначили председателем комиссии по правовой оценке пакта Молотова – Риббентропа. Этой комиссии удалось найти только копии документов. И то не всех, трех вообще не было.

Яковлев обращался к Горбачеву с просьбой помочь в поисках документов. Горбачев сказал, что все было уничтожено в пятидесятых годах. Сейчас выяснилось, что пакеты с оригиналами документов были вскрыты руководителем секретариата Горбачева Болдиным. Естественно, Болдин доложил своему шефу о том, что обнаружены документы, которые искали историки всей планеты.

Когда мне сообщили о том, что найдены эти документы, я тут же позвонил Яковлеву: «Александр Николаевич, нашлись документы». Сначала я услышал его радостный возглас: «Наконец-то, я всегда в это верил!» Ну а потом он в сердцах добавил несколько слов – повторить их я не решаюсь»⁹¹.

⁹⁰ «Вестник», № 13(350), 23 июня 2004 г. // <http://www.vestnik.com/issues/2004/0623/koi/nuzov.htm>.

⁹¹ <http://www.fb2book.com/uploadbook/uploadbook.php?bn=7110>.

А вот какими воспоминаниями поделился с еженедельником «Совершенно секретно» еще один член секты «свидетелей протоколов» – сотрудник аппарата ЦК КПСС Юрий Мурин⁹²:

«В 1986 году мне стало известно о существовании в Архиве Политбюро закрытого пакета № 1 с надписью «О поляках, постановление Политбюро П 13/144 от 5.III.1940 г., записка НКВД СССР (Берия) 794/Б, март 1940 г.». Это были документы, относящиеся к расстрелу военнопленных польских офицеров, так называемое «Катынское дело». Вскрывать этот пакет имел право только Генеральный секретарь ЦК КПСС. С содержанием документов были ознакомлены все лидеры СССР, от Хрущева до Горбачева. Последний раз пакет № 1 вскрывали 24 декабря 1991 года, и он был вновь запечатан с пометками «Справок не давать» и «Без разрешения руководителя аппарата президента СССР не вскрывать».

Накануне сложения своих полномочий президент СССР Горбачев ознакомил президента РФ Ельцина с содержанием документов, представляющих наивысшую государственную тайну, в том числе с документами о расстрелах польских офицеров в 1940 году и с секретными протоколами советско-германского пакта 1939 года. Горбачев, очевидно, полагал, что передача этих документов Ельцину возложит на того ответственность за их дальнейшую судьбу. Но Ельцин поступил иначе. Документы были возвращены в Архив президента СССР, а спустя неделю сам архив был переподчинен Ельцину. Таким образом, вина в сокрытии документов о расстрелах польских офицеров и подлинников секретных статей советско-германского пакта 1939 года оказалась возложена на Горбачева.

В 1992 году члены президентской комиссии под председательством генерала Волкогонова «обнаружили» этот пакет и обнародовали его содержание<...>

Работая над выявлением документов по советско-германским отношениям за предвоенный период, я обратил внимание на несколько небольших по объему дел. Это были подлинники секретных статей советско-германского пакта 1939 года, получившего название «пакт Молотова-Риббентропа». Запомнились подписи Молотова, Риббентропа, а также росчерки Сталина и Риббентропа на карте раздела сфер влияния. Номера дел с секретными статьями пакта и картой оказались литерными. Это означало, что дела были включены в опись уже после ее оформления и находились на обычном, т. е. совершенно секретном, а не специальном хранении. Хранитель фондов разъяснила, что документы были переданы из МИДа, где находились в личном сейфе Вячеслава Молотова.

В 1987–1989 годах средства массовой информации стали чаще вспоминать о «белых пятнах» в истории, в том числе о подлинниках секретных статей советско-германского пакта 1939 года. 28 марта 1989 года состоялось заседание комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики. В своих выступлениях ученые В. Кудрявцев, А. Чубарьян, Ф. Ковалев, Г. Арбатов не отрицали существование секретных статей пакта (так как в ФРГ сохранилась их фотопленка), однако судьба подлинников оставалась загадкой. По официальным заявлениям МИД, КГБ, ЦК и Минобороны, их не находили.

Учитывая взрывоопасный характер обнаруженных подлинников секретных статей, мы с заведующим VI сектором Л. А. Мошковым решили изъять эти документы с совершенно секретного хранения и передать их на закрытое, в запечатанном пакете. В начале апреля 1989 года заведующий Общим отделом ЦК В. И. Болдин затребовал секретные статьи пакта. Через некоторое время документы возвратились с указанием: никому никаких справок не давать. На конверте Мошков сделал запись о том, что документы были доложены В. И. Болдину.

⁹² Редакция еженедельника «Совершенно секретно» дает о Юрии Мурине краткую справку: «С 1972-го по 1990 год работал в архивах Общего отдела ЦК КПСС, с 1990-го по 1991 год – в Архиве президента СССР, с 1992-94 в Архиве президента РФ. Сейчас на пенсии».

Однако М.С. Горбачев на I съезде Народных депутатов СССР 1 июня 1989 года, отвечая на вопрос о подлинниках секретных статей пакта, заявил: «Мы занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего – неизвестно». Через некоторое время меня вызвал Мошков.

– Положение очень серьезное, – сказал он, – руководство спрашивает наше мнение о возможности уничтожения этих документов.

– Но о существовании подлинников знают некоторые сотрудники...

– Возьмем подписку о неразглашении.

После обсуждения пришли к решению доложить В.И. Болдину о нашем отрицательном отношении к данному предложению. В.И. Болдин выслушал наши доводы и не настаивал. Казалось, что документы надежно спрятаны в закрытом пакете. Но в обществе происходили серьезные перемены, события развивались стремительно.

Прошли «дни ГКЧП». Во второй половине декабря 1991 года, перед самым уходом с поста президента СССР в Архив Политбюро появился Михаил Горбачев в сопровождении помощника и охраны. Его прихода здесь ждали: на сдвинутых во всю длину комнаты столах лежали документы, составляющие особую государственную тайну. Речь шла о надежном их сохранении от возможной утраты при смене власти. Выбрав удобный момент, задаю вопрос М.С. Горбачеву:

– Михаил Сергеевич, везде говорилось, что подлинники секретных статей пакта в архиве не обнаружены, а они хранятся здесь, и мы о них знаем.

– Ну что ж, – ответил М. С. Горбачев, – мы же объявили их с самого начала недействительными.

Михаил Сергеевич ушел, а мы вскоре получили распоряжение от руководства срочно передать документы «Особой папки» в Архив Генштаба. За два-три дня в опломбированных мешках документы перевезли в здание Министерства обороны. Прошло немного времени, и от нового начальства мы получили указание вернуть все на старое место, что было также оперативно исполнено.

В октябре 1992 года средства массовой информации на весь мир заявили, что подлинники секретных статей пакта 1939 года наконец-то найдены, и тогда же состоялась их публикация наряду с другими рассекреченными документами. Так закончилась эпоха документов с грифом «Особая папка» и закрытых пакетов, ставших теперь достоянием истории»⁹³.

Поскольку это самый поздний источник, сообщающий о «оригиналах» протоколов Молотова – Риббентропа, он изобилует массой подробностей, но при этом никак не стыкуется с более ранними сообщениями. Со слов Мурина следует, что Ельцин ознакомился с «секретными протоколами» при передаче ему дел

Горбачевым. При этом, как известно, присутствовал Александр Яковлев. Ельцин же утверждает, что лично сообщил Яковлеву о находке лишь в октябре 1992 г. Кто же из двух свидетелей врет? Да оба! Процитирую яковлевские мемуары «Сумерки»:

«Упомяну об одном грустном для меня моменте по проблеме, связанной с пактом Риббентропа-Молотова. Однажды мне позвонил Борис Ельцин (он был уже президентом, а я работал в Фонде Горбачева) и сказал, что «секретные протоколы», которые искали по всему свету, лежат в президентском архиве и что Горбачев об этом знал. Ельцин попросил меня провести пресс-конференцию, посвященную находке. Я сделал это, но был крайне удивлен, что средства массовой информации отреагировали вяло, видимо, не понимая исторического значения события <...>

⁹³ «Совершенно секретно», № 2(225), 2008 г.// <http://www.sovsekretno.ru/app/magazines/articles/1859.pdf>.

...И вот в декабре 1991 года Горбачев в моем присутствии передал Ельцину пакет со всеми документами по Катыни...»⁹⁴.

Горбачев утверждает, что увидел некие документы по Катыни из «особой папки» за несколько дней до сложения полномочий, и лично ознакомил с ними Ельцина и Яковлева при передаче дел. Но почему-то о содержании другого «закрытого пакета», где хранились «секретные протоколы», ни Яковлев, ни Ельцин, ни Горбачев не упоминают. Выходит, что при передаче дел Ельцин заглянул не во все бумаги? Если допустить, что Яковлев и Мурин говорят правду, то как объяснить то, что по официальной версии Ельцин ознакомился с катынскими документами из «особой папки» только 11 октября 1992 г., после чего срочно отправил своего спецпосланника Пихоя к Валенсе? Сам Пихоя в этом вопросе безбожно путается: 14 октября в Варшаве он говорит, что катынские документы только что обнаружены, а вернувшись в Москву вскоре заявляет в одном из интервью, что находка была сделана 10 месяцев назад.

Но даже если принять слова Мурина за чистую правду, получается, что сверхсекретные архивы Политбюро извлекались, бесконтрольно перемещались, с ними работали некие сомнительные «исследователи» при том, что сами документы хранились, мягко говоря, бессистемно, и единого их реестра не существовало. В последнее абсолютно невозможно поверить – учет в партийном архиве был строжайший! Но книги учета секретной документации объявили несуществующими именно потому, что вписать туда задним числом «секретные протоколы» невозможно. Переписать заново книги учета за много лет – нереально.

Но в условиях смены власти вбросить в архив нигде не учтенную фальшивку, чтобы потом «вдруг» найти и легализовать – плевое дело. Поскольку якобы не было описи содержимого «закрытых пакетов», то вполне возможно, что при передаче дел в пакете № 34 хранились совсем не «секретные протоколы» Молотова-Риббентропа. Кстати, Горбачев, описывая содержание «катынского пакета», не упоминает тех документов, которые там впоследствии якобы были обнаружены. А кое-что из того, что было обнаружено и передано в копиях в Конституционный суд, сегодня опять куда-то подевалось, и в «научном» обороте не участвует.

С «оригиналами» протоколов у яковлевско-волгогоновско-пихоевской шайки вышел еще один прокол. В дипломатии издавна существует правило альтерната, согласно которому наименование каждой договаривающейся стороны и подпись ее представителя помещаются в экземпляре договора, предназначенном для этой стороны, на первом месте. По этому правилу у советской стороны должны остаться документы, где первой стоит подпись Молотова. Но отчего-то слева он расписывается только на русских оригиналах, а на немецких его подпись стоит справа. И если бы так было всегда, то в этом можно было бы усмотреть, хоть и неправильную, но систему. Однако 10 января 1941 г. Молотов подписал первым не только русский, но и немецкий оригинал «секретного протокола» (о выкупе части территории Литвы) из советского комплекта. Запомним правило альтерната. В дальнейшем мы еще столкнемся с его нарушением, когда дело касается «секретных протоколов».

Не много ли проколов? – удивится иной читатель. Как-никак, фальсифицировали «оригиналы» не просто историки, а академики и профессора. Вот потому, уважаемые, и много проколов – ведь эти ученые нетрадиционной ориентации – демократической. Вообще, когда речь заходит о «демократических ученых», надо держать ухо востро – среди них достаточно много умственно нездоровых людей. Например, тот же Пихоя иногда совершенно серьезно произносит такие речи, что трудно удержаться от подозрений насчет его вменяемости:

«... мне пришлось обнаружить море лжи. А сколько элементарного непрофессионализма! В свое время ваш покорный слуга сидит на заседании ученого совета и слышит загроб-

⁹⁴ <http://www.lebed.com/2005/art4364.htm>.

ные рыдания историков партии: «А мы не можем посчитать, сколько заключенных было в Свердловской области». Я встаю и говорю: как вы не можете посчитать? «А нам данные не дают». Привет, ребята, у вас есть данные о пропускной способности железной дороги? «Есть». Вы знаете, сколько колючей проволоки туда завезли? «Да». Сколько положено проволоки на одного заключенного, знаете? «Знаем». Вот вам и ответ на вопрос»⁹⁵.

Допустим на секунду, что в тоталитарном СССР колючую проволоку не использовали ни в сельском хозяйстве, ни в армии, ни в промышленности, а вся она шла только на нужды Гулага. Допустим, что пропускная способность железных дорог измерялась исключительно объемами перевезенной колючей проволоки. Но по какой формуле высчитывается расход «колючки» на одного заключенного? Ведь это материал долговечный – сделали ограждение, и лет 30 можно не беспокоиться, а за это время через лагерь пройдет не одно поколение зеков. Наверное, Солженицын, когда насчитал 20 миллионов невинно убиенных в сталинских лагерях, пользовался схожими методиками подсчета – посчитал количество винтовок у вохры, а потом прикинул, какое число заключенных можно было убить из них, работая в три смены.

Спрашивается, как «интеллектуалу» вроде Пихоя, можно поручать фальсифицировать документы, неужели людей поумнее не нашлось? Для фальсификатора в наши дни ум – далеко не главное, потому что фальшивке уже не требуется придавать убедительный вид. Зачастую и подделывать ничего не надо, ибо масс-медиа убедят, что документ существует и он самый настоящий-пренастоящий. Для фальсификатора сейчас главное – быть подлецом и иметь госдолжность, чтобы авторитетно заверить виртуальный подлог. В этом смысле кандидатура Рудольфа Пихоя подходит идеально. Во-первых, он принадлежал к ельцинской шайке, и когда Ельцин добрался до вершин власти, тот притащил в Москву и Пихоя (его жена состояла в должности президентского спичрайтера). Рудольф Германович, кстати, и сегодня не стесняется именовать Ельцина великим человеком, сравнивая почему-то с Петром Великим. То, что Пихоя – эстонец по происхождению, наверное, не имеет значения, но то, что его отец был выслан при Сталине на Урал, видимо, подпитывало его ненависть к советскому строю. Интеллигенция вообще очень мстительна и месть свою передает по наследству следующим поколениям.

Главный же мотив Пихоя, Козлова и прочих фальсификаторов, на мой взгляд, был сугубо меркантильным. Я не берусь утверждать, что конкретно за фабрикации «секретных протоколов» каждый из них заработал 30 сребреников. Надо смотреть на вопрос шире: при новой «демократической» власти всякий подлец получил для заглота свой кусок Родины – кому-то достались золотые прииски, кому-то заводы и нефтяные компании, а Пихоя – архивы. А что, в эпоху рыночной экономики и архивы могут быть ходовым товаром. Сколько десятков тонн ценнейших архивных документов было вывезено из страны за рубеж, установить уже вряд ли возможно, но счет идет не на единицы хранения, а именно на тонны! В 1994 г. разразился скандал в связи с несанкционированным вывозом во Францию 20 тонн документов из архивов, захваченных в Германии в качестве трофеев. Осуществлял операцию глава Государственной архивной службы РФ Рудольф Пихоя. Взамен французы выделили 300 тысяч франков для «надлежащего содержания архивов», которые бесследно рассосались. Это лишь один эпизод многолетней деятельности Пихоя по разбазариванию культурных ценностей.

Двумя годами ранее он продал Гуверовскому институту (то есть правительству США) архивы КГБ (по 10 центов за лист копии) и отдал частной британской фирме «Chadwick-Healy» монопольные права продажи на мировом рынке копий 25 миллионов листов архивных документов. Видимо, чтобы избежать уголовной ответственности за продажу документов, содержащих гостайну, договор был составлен «исключительно в соответствии с законом штата Нью-

⁹⁵ «Челябинский рабочий», 13 ноября 2003 г. // <http://www.chrab.chel.su/archive/13-11-03/3/A192270.DOC.html>.

Йорк». Вот такой интересный архивный «оффшор» получился! Поражают и условия распределения доходов: собственник, то есть Российская Федерация получает 27 % прибыли, а британский контрагент – 73 %. Разумеется, без «отката» дело не обошлось. Правда, в 1996 г. вконец оборзевшего хапугу выпнули с должности (он перебрался на работу в яковлевский фонд «Демократия»), но освободившееся место занял подельник Пихоя по фальсификации «секретных протоколов» Владимир Козлов, и утечка архивов за рубеж успешно продолжилась.

Выходит, что все лица, связанные с непосредственным обнаружением «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа из «особой папки», замешаны в торговле советскими архивами – Буковский, Волкогонов, Пихоя, Козлов. Генерал-политработник Волкогонов умудрился умыкнуть даже документы, с которых до сих пор не снят гриф «Совершенно секретно». В общем, моральный облик этих типов соответствует тем требованиям, которые нынешняя власть предъявляет к своим слугам. А вот с их профессиональными способностями дело обстоит, мягко говоря, неважно.

Козлов, кстати, является автором книги о подлогах письменных источников по истории России XX века «Обманутая, но торжествующая Клио». Но одно дело – писать книжки по теории подлогов, и совсем другое – самому фальсифицировать документы. То, как Пихоя с Козловым сварганили в 1992 г. бумаги по катынскому делу, не выдерживает никакой критики. Работа была настолько халтурной, что даже «демократический» Конституционный суд, где слушалось дело КПСС, счел их сомнительными. Что характерно, туда были представлены лишь копии, а не оригиналы подделок (понятно, что у тех бумаг, что сварганили на прошлой неделе, вид будет слишком свежий для документов полувековой давности). Но огрехи были такие существенные, что их выдавали даже ксерокопии.

14 октября 1992 г. Пихоя по личному указанию президента Ельцина вылетел в Варшаву, где передал копии катынских бумаг лично президенту Валенсе. Где теперь те бумаги? По официальной версии они утеряны поляками. Оно и понятно – вреда от таких подделок, которые просто вопят о своей подложности, больше, чем пользы. У нас пихоевско-козловскую туфту по катынскому делу после конфуза в Конституционном суде немного подправили и опубликовали. И зря: писатель Юрий Мухин учинил такой разгром этим поделкам в книге-расследовании «Антироссийская подлость», что теперь фальсификаторам приходится из кожи вон лезть, чтобы объяснить, почему в делопроизводстве 30-х годов используются бланки 50-х.

С найденными «оригиналами» «секретных протоколов» Молотова-Риббентропа пиховцы решили не создавать себе лишних проблем, и никому их не показывали. Ну, кое-что, конечно, гуляет по маргинальным интернет-страницам, но от этих подделок Федеральная архивная служба всегда может откреститься. Если же это кое-что рассмотреть повнимательнее, то легко убедиться, что перед нами коллаж, сделанный путем наложения снимков «секретных протоколов» из госдеповского сборника 1948 г. и автографов Молотова и Риббентропа, репродуцированных в журнале «Вопросы истории».

Как сообщают масс-медиа, в 1995 г. первые экземпляры секретных протоколов и карта к Договору о дружбе и границе с автографами Сталина и Риббентропа экспонировались на московской выставке «Документы великой войны». Про эту липовую карту речь впереди, а вот «первые экземпляры» на этой выставке точно не выставлялись. Хотя разговоров задним числом было много. Например, Владимир Козлов торжественно объявил:

«В период подготовки выставки к 50-летию Победы были рассекречены и впервые предстали перед посетителями такие документы: подлинный текст Пакта Молотова-Риббентропа, карта Европы с разграничительной линией...»⁹⁶.

⁹⁶ http://www.nijournal.ru/archive/2005/n4_05/rus_mir405/kozl405.

Минуточку! Как это возможно: некий «пакт», под которым понимаются «секретные протоколы», опубликованный в журнала «Вопросы истории» еще в 1993 г., рассекретили только два года спустя? Когда дело касается «секретных протоколов», происходят еще и не такие чудеса. Но Козлов в данном случае не совсем врет. Дело в том, что указанный выпуск журнала «Вопросы истории» был отпечатан... в том же 1995 г. По крайней мере, именно тогда он поступил в библиотеки. Я еще могу понять, когда задним числом рассекречивают вдруг найденные документы. Но издавать задним числом периодическое издание – это уже чересчур!

В романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» специальное Министерство Правды занималось постоянным изменением прошлого путем переиздания старых газет с новым содержанием и заменой их во всех библиотеках. Яковлевцы такие технологии внедрить не сумели, зато они задним числом проводили виртуальные пресс-конференции. Вот как описывает историю с представлением «секретных протоколов» общественности сам Яковлев:

«Я тогда работал в фонде у Горбачева, и однажды мне позвонил Ельцин: «Александр Николаевич, нашли документы, приезжайте, забирайте». Попросил меня собрать пресс-конференцию. Я согласился. Но на пресс-конференцию собралось очень мало журналистов, причем в основном начинающие. И после нее почти ничего не напечатали. Меня это поразило: политический вопрос, который повернул историю нашей страны и Европы, нашей прессе оказался неинтересен»⁹⁷.

Об этой пресс-конференции Яковлев пишет и в своих мемуарах, цитированных выше, сетуя на то, что издания отреагировали на нее вяло. Не правда ли, любопытная ситуация? Пресс-конференция, на которой якобы представили сенсационные находки, вроде как была, потому что, начиная с 2001 г., на нее ссылаются «историки», но никаких следов в тогдашней прессе она не оставила. Почти.

Яковлев утверждает, что «почти ничего не напечатали», и это показалось мне подозрительным. Просмотрел в библиотеке подшивки газет за 1992 г., но никаких упоминаний об этой пресс-конференции не нашел. А то, что нашел, настолько интересно, что... Давайте прочитаем заметку в газете «Коммерсантъ» № 23(176) от 31 октября 1992 г., но только очень-очень внимательно:

ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА ИСКАЛИ НЕ ТАМ.

В архиве ЦК КПСС обнаружены оригиналы девяти документов советско-германских соглашений 1939–1941 годов, определявших раздел сфер влияния в Европе. Как сообщили корреспонденту Ъ в Госкомархиве России, документы нашлись 28 октября в ходе подготовки к передаче части президентских бумаг в российские хранилища. Подлинность документов подтверждена экспертизой. Содержание советско-германских договоров было известно давно, но оригиналы хранили в глубоком секрете долгие десятилетия. Вчера документы из «Особой папки» ЦК КПСС переданы президенту России

Принадлежавший Германии оригинал секретного протокола, подписанного 23 августа 1939 года и служившего приложением к советско-германскому пакту о ненападении, был уничтожен в конце Второй Мировой войны. Сохранившаяся копия-микрофильм долгие годы была единственным историческим источником, проливавшим свет на события, связанные с началом войны и судьбами многих европейских государств. В 1947 году копию опубликовал Госдепартамент США. Бывшее руководство ЦК КПСС неоднократно объявляло микрофильм фальшивкой. По результатам работы депутатской комиссии во главе с Александром Яковле-

⁹⁷ «Вечерняя Москва», № 175 (23973), 17 сентября 2004 г. // <http://www.vmda.ru/article.php?aid=2910>.

вым ее аутентичность была признана постановлением II Съезда народных депутатов СССР 29 декабря 1989 года, где пакт Риббентропа-Молотова был осужден как сговор.

Однако наличие оригинала договора в советских архивах отрицалось. Теперь Яковлев принял участие в презентации документов.

Состоящий из четырех пунктов секретный протокол, подписанный министрами иностранных дел СССР и Германии, определял, что, во-первых, северные границы Литвы становились границей сфер влияния Германии и Советского Союза. Во-вторых, договаривающиеся стороны оставляли за собой полную свободу рук в отношении Польши. В-третьих, Бессарабия, принадлежавшая королевской Румынии, становилась советской «зоной интересов»

Последствия этого соглашения известны: 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, а в июне 1940 года СССР оккупировал Литву. Окончательно запутанный бессарабский вопрос стал причиной сегодняшнего приднестровского конфликта.

До 1952 года документ хранился в секретариате наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова, затем был передан в архив политбюро ЦК КПСС. За последние 40 лет копии с протокола для работы снимались только трижды: для бывшего министра иностранных дел Андрея Громыко, позднее, для заместителя главы этого департамента Земскова и заведующего общим отделом ЦК КПСС, руководителя канцелярии генерального секретаря ЦК КПСС (Михаила Горбачева) Валерия Болдина.

Эксперты отмечают, что момент обнаружения «пропавших» документов был выбран не случайно. Еще не забылись обвинения против Горбачева в умышленной задержке передачи Польше материалов по Катыни. Если теперь подтвердится, что он снова «все знал», это может стать еще одним козырем в руках игнорируемого им Конституционного суда. Но последовательность Москвы в раскрытии прошлого может обернуться и другой стороной в том случае, если соседи, обиженные в результате сделки Молотова-Риббентропа, потребуют от России последовательности и в пересмотре послевоенных границ.

Наталья Калашикова, Виктор Замятин⁹⁸.

Ну что, кто заметил подозрительные места в этой короткой заметке? Если даже опустить грубые неточности вроде того, что архив, в котором найдены документы, назван неправильно (он именовался, как известно, Архивом президента Российской Федерации) и то, что министр иностранных дел СССР называется отчего-то по-старомодному наркомом, у меня возникли следующие вопросы:

1. Какие это девять оригиналов «советско-германских соглашений 1939–1941 годов, определявших раздел сфер влияния в Европе» были найдены, и почему о них здесь нет даже намек? Упоминается лишь «секретный протокол» от 23 августа 1939 г. Всего известно четыре секретных протокола, один доверительный, одно разъяснение к «секретному протоколу» и карта (о ней речь ниже) – итого, самое большее, семь документов.

В дальнейшем, дабы как-то объяснить проскочившую в прессу нелепую цифру «9», в журнале «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993 г.) была опубликована «Опись № 1. Документы, относящиеся к советско-германским переговорам в период 1939–1941 гг.», где в разделе № 1 «Подлинные тексты»⁹⁹ советско-германских секретных соглашений, заключенных в период 1939–1941 гг.» помимо секретных документов совершенно от балды приписано следующее:

«... 7) Заявление советского и германского правительства от 28 сентября 1939 года о взаимной консультации.

⁹⁸ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=28494>.

⁹⁹ Да, именно так и написано – «подлинные тексты», а не оригиналы!!! – чувствуется убогий стиль Яковлева.

8) *Обмен письмами между Молотовым и Риббентропом от 28 сентября 1939 года об экономических отношениях между СССР и Германией*».

Кто-нибудь может объяснить, какое отношение открытое заявление имеет к секретным соглашениям и что это за документ, названный «обменом письмами». Обмен – это действие, процесс, но документ так называться не может.

2. Если документы нашлись 28 октября, а на следующий день якобы были представлены публике, то кто, когда и какую успел провести экспертизу, упоминаемую в газете?

3. Советское правительство никогда не объявляло микрофильмы фальшивкой, и вообще никогда не делало официальных заявлений по поводу «секретных протоколов».

4. Съезд народных депутатов СССР не признавал аутентичность копий протоколов, он лишь осудил их за «отход от ленинских принципов советской внешней политики».

5. Каким образом «секретный протокол» от 23 августа 1939 г. мог храниться в «секретариате наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова» до 1952 г., если министр иностранных дел (а не нарком!) Молотов был смещен со своего поста 4 марта 1949 г.?

6. Прочитайте еще раз это предложение: *«За последние 40 лет копии с протокола для работы снимались только трижды: для бывшего министра иностранных дел Андрея Громыко, позднее, для заместителя главы этого департамента Земскова и заведующего общим отделом ЦК КПСС, руководителя канцелярии генерального секретаря ЦК КПСС (Михаила Горбачева) Валерия Болдина*». Какая работа могла вестись с документом, давно утратившими юридическую силу? Но вопрос даже не в этом. Почему Болдин назван руководителем канцелярии генсека, хотя такой должности не существовало? Он в 1990–1991 гг. был руководителем Аппарата президента СССР Горбачева! Теперь самое интересное – министерство иностранных дел СССР названо департаментом. Русский человек, тем более журналист, никогда не сделает такой ошибки. Но если текст писал американец, это легко объяснимо – в США министерство иностранных дел называется Государственный департамент.

Так что вся эта путаница с названиями учреждений и должностей может объясняться только одним: в основе заметки лежал текст, составленный на английском языке, либо написанный американцем. Поэтому и возник таинственный «департамент» и «канцелярия» генерального секретаря, а министр Молотов назван наркомом, когда дело касается 1952 г.

Спрашивается, почему Калашникова и Замятин (вообще странно, что над такой маленькой заметкой работают сразу два человека) допустили в тексте столько небрежностей, а главный редактор пропустил всю эту галиматью в номер без правки? Я сам в течение последних семи лет являюсь главным редактором газет (а до этого был ответсеком), и еще не было случая, чтобы написанную кем-то статью я не переделал процентов на 20–30, а иногда и больше. Есть лишь два обстоятельства, при которых главный редактор не считает нужным доводить текст до совершенства – когда публикуется проплаченная статья или когда печатается текст, спущенный сверху. Текст, уже утвержденный начальством не особо-то поредактируешь, а с рекламодателем спорить – себе дороже выйдет.

7. Но самое главное – другое. Заметка вышла в субботу, 31 октября 1992 г., а яковлевская пресс-конференция якобы состоялась в четверг, 29 октября. Ежедневная газета никогда не ждет два дня, чтобы опубликовать отчет о событии – это аксиома! Появление заметки 31 октября должно иметь информационный повод в предшествующий выходу газеты день, и он обозначен здесь очень туманно: «Вчера (то есть 30 октября – А. К.) документы из «Особой папки» ЦК КПСС переданы президенту России». Не сказано ни кем переданы, ни для чего. Вообще-то по общепринятой версии, удостоверенной самими Ельциным и Яковлевым, президент сначала получил «секретные протоколы», а потом сообщил об этом Яковлеву и попросил его провести пресс-конференцию. Следовательно, Ельцин ознакомился с содержимым «особой папки» не позднее 28 октября, если на 29 число уже якобы была назначена встреча с прессой.

Следовательно, либо эта фраза в заметке «Коммерсанта» является инсинуацией, либо никакой пресс-конференции 28 октября, устроенной по указанию Ельцина не было.

Почему же в публикации нет даже намека на какую-либо пресс-конференцию, и появилась она в печати лишь 31 октября? Объяснение простое: 29 октября в программе «Время» по первому каналу телевидения диктор объявил о сенсационной находке оригинала «секретного протокола» от 23 августа 1939 г., и даже зачитал его текст¹⁰⁰. То есть первым источником информации для «Коммерсанта» стала не мифическая пресс-конференция, а сообщение в вечернем выпуске новостей. Поэтому только 30 октября редакция связалась с Госкомархивом, о чем упоминается в первом абзаце заметки, и уж там некий анонимный субъект якобы поведал о «презентации», в которой участвовал Яковлев. Не названо имя должностного лица, предоставившего информацию, не ясно, что же за презентация имела место быть, кем, где, когда и с какой целью она проводилась. Поскольку «презентация» переводится на русский язык, как «представление», а в заметке речь идет о представленных Ельцину документах, можно сделать вывод, что Яковлев презентовал президенту сенсационную находку. Наконец, не сказано и о том, кто и при каких обстоятельствах нашел «секретные протоколы». С выставкой в Третьяковской галерее получилась похожая история. Вот что пишет Валентин Сидак:

«К чему, спрашивается, эта загадочная таинственность вокруг преданных огласке материалов, которых в «живом виде» никто, кроме архивистов и бывших работников Общего отдела ЦК КПСС, не видел?»

Или, к примеру, дают «задним числом» сенсационную новость: в Третьяковской галерее в 1995 г. впервые экспонировались «оригиналы» секретных протоколов из Президентского архива. Наводим справки об авторах сенсации – оказывается, третьеразрядный украинский политический сайт, а в российских официальных сообщениях о действительно развертывавшейся юбилейной выставке об «оригиналах» ни слова, лишь все та же пресловутая карта с подписями И.Риббентропа и И. В. Сталина.

Другое «сенсационное» сообщение – в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе демонстрируют «оригинал» одного из секретных протоколов. Приглядываешься повнимательнее – все та же копия из немецких архивов...»¹⁰¹.

Михаил Горбачев, конечно, тот еще брехун, но в вопросе о «секретных протоколах» он продолжает стоять на своем, упорно отрицая их подлинность. Вот что пишет украинский еженедельник «2000»:

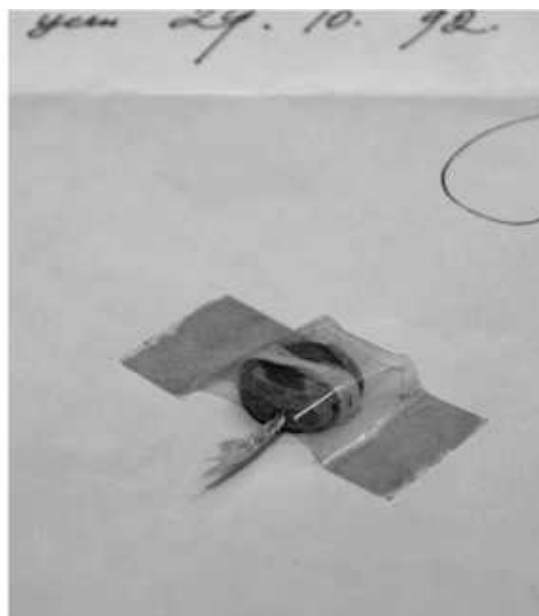
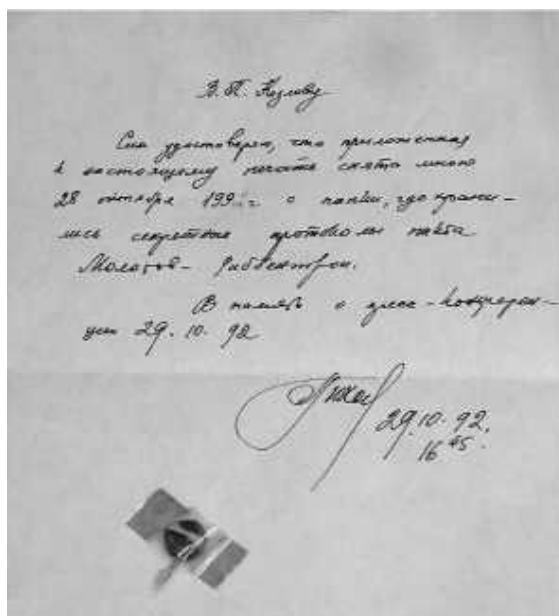
«В 1999 г. на канале НТВ демонстрировался документальный фильм Светланы Сорокиной, посвященный 10-летию I съезда народных депутатов СССР. Значительная часть была посвящена и истории с «секретным протоколом». Спустя десять лет после работы комиссии Сорокина интервьюировала главных ее героев, в том числе Михаила Горбачева. Журналистка спрашивает у Горбачева: «Михаил Сергеевич, Вы были знакомы с документами пакта Молотова – Риббентропа до съезда?» Горбачев: «До сих пор я их не видел». И это в 1999 году! Сорокина: «А почему Яковлев и тот же Лукьянов говорят, что вы были знакомы, то ли в 85-м, то ли в 86-м даже стоит на документах ваша запись «ознакомлен»? Горбачев: «Как я думаю, что на этот счет существовало две или три папки. Копии, кстати, лежали. Копии!»

¹⁰⁰ Как утверждает участник обсуждения статьи о советско-германском договоре 1939 г. на «Википедии» (<http://ru.wikipedia.org>) Alen Zarini, фальшивка «рассыпалась уже при чтении текста в программе Время от 29 октября 1992 г. Первые слова Протокола гласили: «По случаю подписания пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик...».

¹⁰¹ Валентин Сидак, «Оригиналы секретных протоколов – на стол!», «Обозреватель», № 8, 2008 г.// http://www.rau.su/observer/№8_2008/087_105.pdf.

Но подлинников не было. И самое интересное, что копия подписана Молотовым немецким ирифтом». Сорокина: «Подпись Молотова по-немецки?» Горбачев: «По-немецки. Странно для меня это было». Сорокина: «То есть копии вы видели?» Горбачев: «Копии да-а-а... Так копии были у всех. Где подлинники?.. Ну а копии что же, у нас подлинники изобретают, а уж копии... Мастера большие».¹⁰²

В 1989 г. МИД СССР, в котором в тот момент заправляли Шеварднадзе и Ковалев, саврганил некие заверенные копии «секретных протоколов», называемые еще иногда «панинскими копиями». Вполне допускаю, что Горбачеву могли их показывать. Копии эти понадобились для того, чтобы опубликовать их в официальных сборниках документов, что и было сделано в 1990 г. и 1992 г. (сборники «Год кризиса» и «Документы внешней политики СССР, том XXII»). Если верить этим официальным изданиям, то реквизиты «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. следующие: АВП СССР, Ф. 06, Оп. 1, П. 8, Д. 77, Л. 1–2. Если даже двадцать лет назад эти находки и вызвали у кого-то доверие, то сегодня их подложность просто бросается в глаза. Как могли копии секретных документов оказаться в мидовском архиве, если, как утверждают фальсификаторы, оригиналы «секретных протоколов» никогда не покидали архива ЦК КПСС? Даже на стандартном советском бланке шифротелеграммы стоит пометка «Строго секретно. Снятие копий воспрещается». Копировались секретные документы только в том случае, если они имели нескольких адресатов. Но об этом содержалось упоминание в самом тексте. Например так: «т. Сталину. Копии тт. Молотову, Кагановичу». Но даже в этом случае на бланке крупным шрифтом было набрано предупреждение «Подлежит возврату в 48 часов. (Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр № 100, п. 5)».

Записка Р. Г. Пихоя к В. П. Козлову. 29 октября 1992 г. Странно, что проработавший ни один год в архивах Пихоя не в состоянии отличить пломбу от печати. Лучше бы вместо пломбы показали хоть одну газету с отчетом о той эпохальной пресс-конференции.

Учет в партийном аппарате был образцовый, и мне трудно найти даже гипотетическую причину, по которой кто-то будет снимать копии с «секретных протоколов» и передавать их в

¹⁰² Сергей Лунько, «А был ли протокол?» // <http://www.2000.net.ua/issue/378/C8.pdf>.

другой архив, да еще в непрофильный фонд. Арсен Мартиросян в своем исследовании «Конец глобальной фальшивки» подметил:

«В НКВД-МИД СССР действительно существовал особый порядок раздельного архивного хранения открытых документов и конфиденциальных/секретных приложений/протоколов к ним. Но у этого «особого порядка» были очень четкие параметры. Если, например, основной (несекретный) договор хранился в АВП СССР, в архивном фонде «За – Германия, д. 243», (договор о дружбе и границе от 28 сентября хранится там же – Ф. За-Германия. Д. № 246), то секретный протокол к нему должен был бы храниться в Ф.ОЗа – Германия! Ноль перед буквенно-цифровым обозначением архивного фонда означает, что там концентрируются секретные или конфиденциальные документы.

Нам же предлагают удовлетворить свое любопытство бумажкой из Ф. 06, Оп. 1, П. 8, Д. 77, Л. 1–2! в котором концентрировались дипломатические документы о повседневных контактах с иностранными представительствами в Москве, в том числе и материалы курирования германского посольства в Москве и переписки между ним и НКВД СССР!? А ведь попадание копий важнейших сверхсекретных межгосударственных протоколов в архивные дела с текущей дипломатической перепиской просто немыслимо»¹⁰³.

Валентин Сидак считает, что «панинские копии» все же существовали, и именно их использовали яковлевцы для введения «секретных протоколов» в научный оборот. Вопрос в том, с чего были сделаны эти копии и с какой целью. Вполне вероятно, что когда на Западе началась шумиха по поводу сговора Молотова-Риббентропа сотрудник МИД Панин сделал перевод скандальных документов из выпущенного Госдепом сборника для Молотова и, возможно, Сталина. Этим объясняется несколько необъяснимых фактов:

- зачем потребовалось снимать копии с якобы сверхсекретных протоколов;
- почему они заверены рядовым клерком Паниным, который не мог быть допущен к документам такой важности;
- почему панинские копии хранились в несекретном фонде архива МИД СССР, в то время как оригиналы якобы не покидали секретного партийного архива.

28 мая 2008 г. в Выставочном зале федеральных архивов открылась историко-документальная выставка «Служим вечности», посвященная 90-летию государственной архивной службы России. На ней были представлен очень любопытный экспонат, означенный как «Записка Р. Г. Пихоя к В. П. Козлову. 29 октября 1992 г.». Смех, да и только: в советские времена «секретный протокол» был скрыт, как говорится, за семью печатями, а потом пришла «демократическая» власть, и упрятала сей артефакт еще дальше. В доказательство же своей демократичности она представила общественности ту самую печать (на деле это оказалась все-таки пломба), за которой прятали изобличающий документ тоталитарные коммуняки. Нет, чтоб хотя бы в честь юбилея показать людям сенсационную находку из сейфа Горбачева! Вместо нее демонстрируют всякий хлам, не имеющий никакой исторической ценности. О принадлежности этой пломбы, которую можно подобрать на помойке, к «особой папке», в которой якобы хранились секретные документы, ничто не указывает, а верить на слово уже уличенному в махинациях Рудольфу Пихоя не приходится.

Но ведь не случайно она оказалась на юбилейной выставке, куда экспонаты отбирают со всей тщательностью? Разумеется. Надо же документально поддерживать вранье о «секретных протоколах», «оригинал» которых Пихоя якобы держал в руках. Не удивлюсь, если в дальнейшем будет выставлена на всеобщее обозрение коробка, в которой лежал «закрытый пакет» № 34, в котором находился «оригинал» секретного протокола, сейф, в котором лежала эта

¹⁰³ <http://stalнизм.ru/mify-i-falshivki/konets-globalnoy-falshivki.-novoe-issledovanie-pakta-molotova-ribbentropa.html>.

коробка, или просто доска из пола, на которой стоял этот сейф. Но уж точно, никто не увидит вживую тот скандальный «оригинал», якобы найденный 27 октября 1992 г. Очень трудно увидеть то, чего не существует. По крайней мере, мои обращения в архив оказались безрезультатными.

Квицинский

Поскольку при нынешнем режиме моими гражданскими правами чиновники подтерлись, и в архивы пускать не намерены, я решил найти какого-нибудь депутата Госдумы, который запросил бы документы, касающиеся дела о «секретных протоколах» в архивах. Отказать просто гражданину – это одно, а вот послать на... депутата Госдумы – это уже проблематично. Осталось найти хоть одного честного и небоязливого депутата из 450 человек наличного состава. Мой выбор пал на члена фракции КПРФ Юлия Александровича Квицинского. Во-первых, он бывший дипломат, которому этот вопрос может быть интересен, во-вторых, занимает пост первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по международным делам. Поэтому его обращение в МИД не вызвало бы особых подозрений. Наконец, он известен, как автор пространной статьи, в которой доказывает, что советско-германский Договор о ненападении 1939 г. – величайшая дипломатическая победа, которой нисколько не стоит стыдиться¹⁰⁴.

Я позвонил Квицинскому и коротко объяснил, что хочу от него. Тот заявил, что верит в существование «секретных протоколов», но считает их подписание оправданным и необходимым в той обстановке. Тем не менее, он согласился выполнить мою просьбу. Я послал депутату письмо, где коротко раскрыл историю вопроса и тезисно изложил аргументы в пользу того, что «секретные протоколы» – фальшивка. К письму я присовокупил список документов, которые необходимо запросить, а именно:

1. Секретный протокол от 23 августа 1939 года – АП РФ, ф. 3, оп. 64, д. 675а, лл. 3–4.
2. Секретный протокол от 28 сентября 1939 года – АП РФ, ф. 3, оп. 64, д. 675а, л. 20.
3. Акт Смирнова-Подцероба о передаче в архив МИД секретного протокола в числе других документов. Акт датирован апрелем 1946 г. без указания числа
4. Секретный протокол о польской агитации – АП РФ, ф. 3, оп. 64, д. 675а, л. 20
5. Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года – АВП СССР, ф. 3а – Германия, д. 243.
6. Германо-советский Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года – АВП РФ, ф. 3а, д. 246 – Германия.
7. Карта к договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 года из «особой папки» № 35
8. Заверенная копия секретного протокола от 23 августа 1939 года – АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2.
9. Заверенная копия разъяснения к секретному протоколу от 23 августа 1939 года от 28 августа 1939 года – АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3
10. Запрос начальника генштаба германских военно-воздушных сил об использовании радиостанции Минска в качестве радиомаяка с резолюцией Молотова – АВП РФ, ф. 06, оп. 1/ п. 7, д. 74
11. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с Послом Германии В СССР Ф. Шуленбургом 13 июля 1940 года – АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 15, д. 156, л. 20–21.
12. Секретный протокол от 10 января 1941 года – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 31. Машинопись, заверенная копия.
13. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии В СССР Ф. Шуленбургом 12 августа 1940 года и приложение к записи о

¹⁰⁴ См. http://www.za-nauku.narod.ru/docs/Kvicinsky_pakt.htm.

беседе – АВП РФ. Ф.06. Оп.2. П.2. Д. 15. Л.44. Машинопись, заверенная копия – АВП РФ. Ф.06. Оп.2. П.2. Д. 15. Лл.49–51, Машинопись, заверенная копия.

14. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом от 8 января 1941 года – АВП РФ. Ф.06. Оп. 3. П.16. Д.4. Лл.26–28. Машинопись, заверенная копия.

15. Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом и председателем германской экономической делегации Шнурре от 9 января 1941 года – АВП РФ. Ф.06. Оп. 3. П. 1. Д.4. Лл.29–30. Машинопись, заверенная копия.

Когда через полтора месяца я позвонил в приемную депутата и поинтересовался судьбой запроса, помощница Квицинского сказала, что она готовит ответ. Мне, конечно, уже стало ясно, что надеяться на помощь пламенного зюгановца Квицинского в деле разоблачения фальсификаторов бесполезно, и интересно было только одно – как он сформулирует отказ на мою просьбу. Еще через полтора месяца я получил от него такое письмо:

«Уважаемый Алексей Анатольевич!

Извините, что задержался с ответом на Ваше обращение. Оно требовало внимательного прочтения, обдумывания и обмена мнениями со специалистами. Кроме того, были и есть всегданные срочные дела, поездки и т. д.

Вами собран интересный материал, выстроена система доказательств Вашей точки зрения, которая хоть и не совсем обычна, но имеет право на существование. С пониманием отношусь к Вашему политическому подходу к вопросу в широком смысле этого слова.

Публикация, которую Вы готовите, конечно, может в определенной степени внести сумятицу в ту аргументацию, которую собирается использовать западная сторона, прежде всего прибалты и поляки, в годовщину нашего пакта с Германией 1939 года. Насколько стоек и действенен будет этот эффект, предсказать трудно. Скорее всего, однако, планы наших противников Ваша публикация не перечеркнет. Может быть, произойдет какая-нибудь корректировка, но не более того.

Далее. Мне кажется, что в Вашем материале содержится немало спорных утверждений и выводов. Возьмем, к примеру, чисто юридическую сторону. Вы говорите о невозможности различий в шрифте печатной машинки, которая используется при печатании текстов одного международного договора. Это сомнительный вывод. Разумеется, тексты международного договора должны быть аутентичными. Смысл данного понятия состоит в том, что тексты документа на разных языках должны одинаково передавать содержание документа, а тексты на одном языке – совпадать.

Последнее, однако, не означает, что тексты договоров должны (или должны были) печататься «под копирку». За 50 лет своей дипломатической практики я лично не знаю ни одного случая печатанья «под копирку». Да и как это возможно, если каждый экземпляр имеет свой альтернат? Кроме того, каждая сторона может предъявлять собственные требования к оформлению экземпляра документа, который отойдет после подписания к этой стороне. При печатании текста может применяться (и применяется) иной шрифт, иные параметры расположения текста, используется бумага, отличного формата от бумаги другой стороны, и т. п.

Что до отличий в грамматике, то для текстов на разных языках это тоже случается, поскольку грамматика языков различна. Однако, это не повод сомневаться в аутентичности текстов, если они одинаково передают содержание согласованного документа. При этом, разумеется, различий в грамматике текстов на одном языке быть не должно.

Несколько скоропалительными кажутся и некоторые Ваши политические доводы. Например, Вы говорите, что Хрущев почему-то не обнародовал секретные протоколы, хотя

это был бы хороший способ свалить вину за них на Сталина. Думается, что в данном случае игра не стоила свеч. Лишнее обвинение в адрес Сталина не стоило того, чтобы давать повод противной стороне ставить под вопрос легитимность западных рубежей Советского Союза.

Ну а теперь все же о главном. В чем был бы «политический навар» от того, чтобы попытаться доказать, что документы, о которых Вы пишете, являются фальшивкой и что их, скорее всего, вообще не существовало? Фактом является то, что после заключения пакта 1939 года западные рубежи Советского Союза были передвинуты на сотни километров на Запад. Когда поляки, прибалты и прочие в конце 80-х- начале 90-х годов бросились искать эти документы, чтобы, якобы, восстановить историческую правду, они искали вовсе не историческую правду, а способ объявить незаконным вхождение в состав СССР Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии. А наши депутаты Верховного Совета с подачи Яковлева и Фалина сделали им бесценный подарок, «разыскав» эти документы и объявив их сходу юридически несостоятельными и аморальными.

Острие нашей аргументации, на мой взгляд, сейчас должно направляться не на то, чтобы пытаться оспаривать происшедшее в те годы, а на опровержение тезиса о юридической несостоятельности и аморальности. Вполне все было юридически состоятельно, по крайней мере, по стандартам того времени. Вполне было морально, если иметь в виду долг руководства страны защитить свой народ и свое Отечество. Пакт 1939 года и все, что затем последовало, были мастерским ходом советской дипломатии, который не позволил в 1941 году немцам взять Москву и выйти на линию Архангельск-Волга, организовать геноцид нашего народа, а нашим уважаемым будущим партнерам по антигитлеровской коалиции уйти от союза с нами. Нам не в чем оправдываться и не от чего отмываться.

Надеюсь, в этом Вы согласны со мной.

С уважением, Ю. А. Квицинский»

Да, по стилю письма чувствуется, по части балтологического мастерства Квицинский даст фору самому Горбачеву. Ответ есть, в нем выражается понимание и всяческое сочувствие. Но ни слова нет по существу моей просьбы. Из ответа вообще не ясно, запрашивал Квицинский необходимые документы, или нет. Пришлось еще раз звонить в приемную. Помощница депутата долго изображала непонимание, оправдывалась в том духе, что ваше право – обратиться, наше право – послать куда подальше, и даже пыталась заявлять, что раз документы не дали, значит они секретные. Когда ее аргументы иссякли, она передала трубку самому Квицинскому, который минуты две уклонялся от ответа на прямой вопрос – запросил ли он указанные документы в архивах? Наконец, он вынужден был сознаться, что запрос он не делал, и не хочет этого делать.

– Почему? – спросил я.

– Потому что Вы все равно не сможете доказать, что «секретные протоколы» не существовали, и вообще ваша аргументация маргинальна. Прошное изменить не удастся.

Да, прошлое изменить не удастся, но можно разоблачить чьи-то грязные делишки, имевшие место в прошлом. И Квицинский ясно показал, что не желает этих разоблачений. Почему?

О, это вопрос весьма интересный. Дело в том, что именно к Квицинскому я обратился совсем не случайно, я бы сделал это, будь он даже членом «Единой России». В 1986–1990 гг. Юлий Александрович занимал пост Чрезвычайного и полномочного посла СССР в ФРГ. То есть в то самое время, когда суэта вокруг «секретных протоколов» достигла пика, и в Бонн якобы наведывались с целью розыска оных Безыменский и Вульфсон. Вряд ли советский посол был не в курсе такого горячего дела: Яковлев в своих мемуарах упоминает, что советское посольство было подключено к работе по поиску документов по вопросу «секретных протоколов», а Вульфсон вспоминает о Квицинском, как о своем хорошем знакомом.

В дальнейшем Квицинский являлся заместителем министра иностранных дел СССР, и даже несколько дней исполнял обязанности главы внешнеполитического ведомства страны во время путча ГКЧП. Если «секретные протоколы» были сфабрикованы, то руководитель такого ранга не мог этого не знать. Его категорическое нежелание ворошить прошлое является еще одним пусть косвенным, но свидетельством в пользу того, что «секретные протоколы Молотова – Риббентропа» – подделка. Пока нет оснований утверждать, что к фальсификации был причастен лично Квицинский, но даже если он бездействовал в этот момент, его преступное бездействие было направлено против интересов Советского Союза. В любом случае, бывший заместитель министра не хочет доставлять неприятности своим бывшим коллегам. А те очень не хотят, чтобы стала известна правда о «секретных протоколах».

Итак, в плюсе имеем косвенную улику против фальсификаторов. В минусе – то, что Квицинский переслал в МИД мое письмо к нему с доводами против фальсификаторов, о чем он проговорился в беседе со мной. Неужели моя «маргинальная аргументация» стоила того, чтобы отвлекать внимание важных мидовских чинов от проблем внешней политики? Сначала я не хотел ни с кем делиться результатами своего расследования до окончания работы, опасаясь, что лица, замешанные в махинациях с «секретными протоколами» (скажем, ныне здравствующий Рудольф Пихоя), постараются замести следы и ликвидируют некоторые свои «косяки». Например, изготовят и предъявят общественности более качественно сработанный «оригинал» протокола от 23 августа 1939 г. или дезавуируют некоторые наиболее явные фальшивки вроде «секретного протокола» от 10 января 1941 г. (см. главу «Сувалки»). Но потом решил, что любые попытки с их стороны замести следы, повлекут за собой лишь новые ошибки, и бояться этого не стоит. Фальсифицировать-то тоже надо с умом, а его как раз и не хватает у нынешних госчиновников. Да и как теперь МИД открестится от документов, официально опубликованных в сборнике «Документы внешней политики СССР»? Поэтому будет даже хорошо, если удастся спровоцировать моих оппонентов на какие-то действия.

Вульфсон

Кому же принадлежит первенство в открытии «секретных протоколов» в СССР? Основные претенденты – Лев Безыменский и Маврик Вульфсон. Оба, якобы, побывали в 1989 г. в германском архиве и получили там фотокопию с микрофильмов из коллекции Карла фон Леша. Еще один представитель демшизы – Эндель Липпмаа, активный член комиссии Яковлева, громко заявлял об уникальности полученного им текста «секретных протоколов» к «пакту» в Библиотеке Национального Конгресса США. Без сомнения, в этой библиотеке имелся сборник документов, выпущенный госдепом в 1948 г. Возможно, там даже хранились копии микрофильмов фон Леша. Так что, вполне вероятно, что Липпмаа в этот раз не врет. Но все же первым пропагандистом «секретных протоколов» в Советском Союзе следует признать профессора латвийской Академии художеств Вульфсона.

Он публично заявил о существовании «секретных протоколов» и об оккупации Латвии Советским Союзом 2 июня 1988 г. на ежегодном пленуме творческих союзов Латвийской ССР. Как это произошло, описал бывший генерал КГБ Эдмунд Йохансон в своих воспоминаниях «Записки генерала ЧК»:

«В Латвии сложилась традиция проведения ежегодных пленумов творческих союзов, на которых задавались нежелательные вопросы и плелись интриги, что было не по нраву партийной элите. Она с опаской ожидала, какие вопросы задаст интеллигенция на своем очередном пленуме. В 1987–1988 годах уже началось активное брожение среди интеллигенции.

Пленум 1–2 июня 1988 года мне особенно запомнился. По разным соображениям я обычно не сидел в зале. Прежде всего потому, что был заместителем председателя КГБ по идеологическим вопросам, и мое появление в зале слишком бросалось бы в глаза. Это было бы воспринято как контроль за мероприятием и надзор со стороны комитета. Наш председатель был членом бюро Центрального комитета, поэтому он, конечно, сидел в президиуме. Все политическое руководство находилось в президиуме, тем самым подчеркивая важную роль интеллигенции в политической жизни Латвии. Так как пленум транслировали по радио, я сидел в кабинете директора Дома политпросвещения рядом с залом и слушал.

Поначалу все шло без инцидентов и сюрпризов. В зале прозвучала критика в адрес руководства республики и замечания, как уж это было принято во времена перестройки. Но тут, как взрыв бомбы, прозвучала речь Маврика Вульфсона. Вот этого никто не ожидал. Очевидно, что Вульфсон серьезно подготовился. Текст был продуман, взвешен, юридически корректен. Мне стало ясно – он зачитывал текст с листа, чтобы не допустить неточностей, которые впоследствии можно было бы квалифицировать как клевету на СССР.

В зале царил тишина. В президиуме тоже никто не ожидал такого поворота. Несомненно, что эту речь он подготовил конспиративно. Говоря о пакте Молотова-Риббентропа, он впервые публично начал называть вещи своими именами. Прочитав эти документы, он в качестве резюме сказал, что Латвия в 1940 году была оккупирована. Это было огромной сенсацией. Если бы в зале пролетела муха, то ее было бы слышно. Все застыли, сидели, словно облиты ледяной водой.

Во время перерыва члены бюро зашли в кабинет директора и глубокомысленно молчали, не знали, что сказать, к кому обратиться. Все ждали, что скажет Пуго как первый секретарь. Но и он ничего не мог сделать. Большие всех волновался Горбунов, потому что он должен был выступать на пленуме. Наконец Пуго сказал: «Не будем торопиться! Все эти вопросы обсудим на бюро». Горбунов тоже не был готов говорить о случившемся.

Тема пакта Молотова – Риббентропа была легализована – с секретного документа была сорвана гранитная крышка. И это сделал Вульфсон. Его речь внесла в политическую

жизнь Латвии дополнительное напряжение. Это была сенсация, которую тогда обсуждали в больших и малых коллективах, в небольших и крупных изданиях. Речь Вульфсона стала поворотным пунктом для организаций, боровшихся за независимость Латвии. Она оказалась бомбой замедленного действия с существенными последствиями»¹⁰⁵.

«Ты убил Советскую Латвию!» – эти слова первого секретаря ЦК Компартии Латвии Бориса Пуго, сказанные Вульфсону после пленума, вошли в историю. Но где же Вульфсон взял текст «секретного протокола», который он частично зачитал с трибуны? Уже после смерти Вульфсона его вдова Эмма Брамник запустила в оборот остросюжетную версию, согласно которой фотокопии протоколов Вульфсону передал некий офицер КГБ. В своей книге она приводит пояснения директора латвийского Центра документации последствий тоталитаризма Индулису Залите:

«Уважаемая г-жа Эмма Брамник-Вульфсон! Сегодня я встретился со своим знакомым, и вот что выяснилось.

Летом 1983 года в Юрмале на даче у Ивара Кезберса, лектора ЦК КПЛ, председателя комитета ТВ и радио ЛатвССР, проходила неофициальная встреча, в которой участвовали несколько человек; в том числе М. Вульфсон и мой знакомый г-н А. из разведки КГБ ЛатвССР. Он в то время работал в ГДР и в Юрмалу приехал в очередной отпуск. Г-н А. был знаком с И. Кезберсом и М. Вульфсоном уже раньше. Как г-н А. рассказывает, Маврик в беседе поднял тему о необходимости найти секретный протокол к пакту Молотова – Риббентропа (ПМР) и предлагал искать в Германии, а И. Кезберс был уверен, что надо работать в архивах России.

Но та встреча не оставила никаких конкретных планов действий. Г-н А. эта проблема заинтересовала и, вернувшись после отпуска в Германию, он решил «проявить инициативу» и самостоятельно начал поиски протоколов, хотя «бойцам невидимого фронта» надлежало бы, наоборот, скрывать подобные факты. В Западном Берлине, в библиотеке, в приложении научного журнала Свободного берлинского университета, он нашел ссылку на множество документов из истории политических, экономических и других отношений между Россией и Германией разных времен. Через пару дней он получил два экземпляра копий интересовавших его текстов размером А4. Они были в виде фотографий очень хорошего качества, на которых четко были видны все подписи, печати и другие отметки. Это были копии приложений, секретных протоколов к ПМР на немецком языке. Но то были копии не с самого протокола, а копии с микрофильмов из архивов МИД ФРГ.

Летом 1984-го в Риге г-н А. передал материалы М. Вульфсону. Оба джентльмена договорились о происхождении копии не распространяться, чтобы не причинить неприятности г-ну А. – ведь в то время оригиналы протоколов и их местонахождение еще оставались тайной. И каждый из них тщательно прятал те копии в своих тайных анналах. Но обнаруженные копии текстов прибавили М. Вульфсону уверенности в том, что протоколы действительно существуют и нужно продолжать поиски оригиналов как на немецком, так и на русском языках.

Сегодня можно предположить, что участие г-на А. в поисках секретных приложений к ПМР прибавило уверенности М. Вульфсону и при подготовке его экстремального и сенсационного выступления на пленуме интеллигенции в Риге 2 июня 1988 года и позднее, в декабре 1989-го в Кремле (именно эти копии, видимо, он показывал с трибуны).

Этот эпизод – еще одно свидетельство того, что многие патриоты Латвии, используя свои возможности, активно помогали М. Вульфсону доказать существование секретных приложений к ПМР, действуя даже вопреки своим служебным обязанностям.

¹⁰⁵ Эмма Брамник-Вульфсон «Я вышла замуж за романтика» // <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>.

С уважением, Индулис Залите»¹⁰⁶.

В эту историю очень трудно поверить. Хотя бы потому что сам Вульфсон об этом захватывающем сюжете никогда не вспоминал, не смотря на то, что об истории с протоколами он написал не одну книгу и издал их на нескольких языках. Настораживает то, что Залите, не присутствовавший на той встрече и не видевший фотокопий, отчего-то уверенно говорит, что это была копия не с самого протокола, а с микрофильма Леша. Как вообще по фотокопии можно определить, с чего она сделана? Скорее всего, копии были сняты с госдеповского сборника. Наконец, здесь снова упоминается, что на документах видны печати и другие отметки. Но на известных нам «секретных протоколах» из коробки фон Леша нет ни печатей, ни других отметок (не считая нумерации кадров на самой пленке)! Так что рассказ Залите – очередная утка. Вопрос в том, зачем нужно напускать столько детективного тумана? Ответ напрашивается сам собой: чтобы скрыть настоящий источник информации.

Маврик Вульфсон

То, что именно Маврик Вульфсон первым в СССР начал открыто пропагандировать миф о «секретных протоколах», не случайно. Да, он был диссидентом, но диссидентом придворным (отчего настоящие диссиденты его сторонились). В отличие от других борцов с режимом, в тюрьмах и психушках не сидел, а... дружил с иностранными дипломатами, регулярно выезжал за рубеж, где имел знакомства во влиятельных политических кругах Германии, Швейцарии, Канады и США. Особенно тесные узы связывали нашего героя с ФРГ, где в его друзьях числились многие влиятельные журналисты и политики. О том, какой вес имел Маврик Вульфсон на Западе, свидетельствует такой эпизод, описанный в его воспоминаниях «Карты на стол»:

¹⁰⁶ Там же.

«В 1987 году в немецком посольстве в Москве меня принял первый секретарь посольства Ульрих Бранденбург и пригласил с группой ведущих московских журналистов быть наблюдателем на выборах бундестага. Это была не только большая честь, но и свидетельство того, что на Западе начинают обращать внимание на Латвию. Я с радостью согласился и, вернувшись в Ригу начал оформлять необходимые для выезда документы.

Однако в ночь под Новый год меня ждал сюрприз. Мне по телефону с возмущением сообщили, что арестован мой хороший друг; в то время один из руководителей германо-советского общества дружбы Герхард Вебер (с которым я несколько раз встречался в Риге, у себя дома), и что рупор московских консервативных сил – газета «Советская Россия» опубликовала статью с продолжениями, в которой Вебер обвиняется в подготовке террористических актов в Ленинграде, в частности за «попытку взорвать Зимний дворец...

...Помня о моих близких отношениях с ним и его ближайшими помощниками, которые еще недавно гостили у меня, я с пессимизмом смотрел в свое будущее. Как и следовало ожидать, представитель «компетентных органов» по телефону сурово сообщил мне, что поездка в ФРГ отменяется. В волнениях прошло еще несколько дней, и вдруг в трубке я услышал голос Бранденбурга:

– Почему не присланы ваши документы?

Пояснил ситуацию. Он помолчал, потом коротко и твердо сказал:

– Ну; посмотрим, кто кого.

На следующее утро «компетентный» голос вновь разыскал меня:

– Можете быстро чистить ботинки и на аэродром – в Москву! Вы едете в ФРГ.

...В Союзе журналистов в Москве меня встретили хмуро, выдали паспорт и сквозь зубы вымолвили: «В час обеда Бранденбурга. Вот его адрес».

Я купил цветы и по грязным улицам отправился по указанному адресу. По дороге мой белый плащ по пояс обрызгал грязью проезжающий троллейбус...

..Когда я поднялся по лестнице (войти в лифт я не осмелился), у открытой двери меня встречал улыбающийся Бранденбург.

– Я все видел. Снимайте плащ, мы его засунем в стиральную машину.

Он кого-то позвал. Вышла молодая; элегантно одетая женщина.

– Моя супруга. А это Маврик Вульфсон.

Как мне пригодились в тот момент мои розы...

Когда мы вошли в гостиную, других гостей еще не было, но стол был накрыт на много персон. Бранденбург посмотрел в окно и сказал:

– Ваше московское начальство уже приехало, но не беспокойтесь, вы будете сидеть среди сотрудников посольства.

В первый момент я не понял его замечания, но потом, когда увидел, что никто из приехавших московских тузов от журналистики со мной не здоровается, был рад дальновидности немецкого дипломата. После искусственного веселья, речей и обеда толпа гостей стала прощаться.

– Вам придется подождать, пока приведут в порядок ваш плащ, – посмеиваясь, сказал мой новый опекун. – Выпьем пока еще по чашке кофе.

За чашкой кофе я из слов Бранденбурга понял, что немецкое руководство, узнав о случившемся, дало москвичам понять, что поедут либо все, либо никто. И тут мне хотелось бы задать риторический вопрос: неужели Германии действительно было так важно пригласить на выборы агента КГБ?

В самолете, которым мы отправились в Бонн, царила неразговорчивость, хотя я и сидел довольно далеко от больших начальников. Зато в пресс-центре выборов ФРГ меня ждали дру-

жеские речи и рукопожатия, которые свидетельствовали о том, что мой приезд достигнут с ведома правительства ФРГ»¹⁰⁷.

Маврик Вульфсон в то время был профессором по части марксизма-ленинизма, членом КПСС и, как многие считали, сотрудником КГБ. Последнее не доказано, хотя после развала СССР в Латвии имел место громкий скандал (так называемое «Дело пятерки»), в ходе которого некий бывший сотрудник КГБ обнародовал данные о высокопоставленных латвийских политиках, в прошлом сотрудничавших с органами госбезопасности. Среди озвученных имен была названа и фамилия Вульфсона. Тот отрицал факт работы в интересах КГБ, но свою кандидатуру с выборов в Сейм Латвии все же был вынужден снять. Так вот, весьма любопытно, отчего же это германские дипломаты столь трепетно относились к коммунисту с 50-летним стажем и предполагаемому агенту Лубянки Маврику Вульфсону? В опубликованных после его смерти воспоминаниях он сам невзначай раскрывает этот секрет:

«У моих хороших отношений с немецкими дипломатами, аккредитованными в СССР, длинная предыстория. Мы часто встречались – ведь я международный политический комментатор, потом – депутат верховных советов Латвии и СССР, позднее – посол по особым поручениям МИДа ЛР. Они гостили и у меня на квартире, отдыхали, в беседах и из моих откровенных комментариев получали полезную информацию. Особенно это относится к обоим бывшим генеральным консулам в Ленинграде – фон Бернингену и Хенигу фон Вестингхаузеру. Только с их помощью и с помощью Клауса Нойбарта, сотрудника Министерства иностранных дел ФРГ, ведавшего относящимися к СССР вопросами, я смог (как аутсайдер) скромно способствовать встрече полномочного представителя президента США Пола Нитце и советского посла Юлия Квицинского (да, да, того самого, о котором речь в предыдущей главе – А. К.) и их переговорам по проблеме ограничения советских ракет СС-20 и американских «томогавков». Они проходили в Швейцарии и вошли в историю дипломатии под названием «Прогулка по берегу Женевского озера»¹⁰⁸.

Вот это уже интересно! Оказывается, Вульфсон был ценным информатором западногерманского правительства (давал полезную информацию) и даже участником закулисных дипломатических интриг. В этом случае он, разумеется, не мог остаться вне поля зрения КГБ, но являлся ли он штатным сотрудником советских спецслужб, в нашем случае не имеет значения. Гораздо интереснее то, что советский «диссидент» завязал тесные контакты в МИД ФРГ и даже канцлерском управлении в Бонне. Общался он и с таким влиятельным немецким медийщиком, как главный редактор журнала *Der Spiegel* Рудольфом Аугштайном:

«Осмелюсь утверждать, что именно моя откровенность открыла мне двери, чтобы ближе познакомиться с такими уважаемыми в мире журналистами, как издатель «Die Zeit» графиня Марион фонДенхоф; выдающийся публицист этой газеты Кристиан Шмидт-Хойер; редактор отдела востока «Der Spiegel» Фритьоф Майер; многолетний редактор «Die Welt» Энно фон Левенитерн; главный редактор «Politiken» Херберт Пундик. Особенно хочется упомянуть издателя и главного редактора ежемесячника «Baltische Briefe» Вольфа фон Клейста, немецкую активистку Татьяну Вассенберг».

Подобного рода связи можно объяснить профессиональными интересами Вульфсона, если бы не его оговорка: «Я называю имена этих близких мне людей не без гордости. Каждый из них, находясь за «железным занавесом», в тяжелые для Латвии моменты без колебания

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

вносил свой вклад в дело нашей независимости. Необычно то, что человек моего возраста и по сей день все еще чувствует себя их поклонником, чуть ли не учеником»¹⁰⁹.

Выходит, эти милые ребята сами боролись за независимость Латвии (то есть за уничтожение СССР), да еще и Вульфсона учили. Уж не они ли подкинули ему «секретные протоколы» и подсказали, что надо делать, чтобы «искупить вину» за десятилетия приверженности коммунизму? Если в 1946–1948 гг. все, что связано с «секретными протоколами» делалось руками американцев, то в конце 80-х большую роль в легализации этих фальшивок сыграла Западная Германия, о чем неоднократно упоминалось выше. А Маврик Вульфсон если и не был связан с германскими спецслужбами напрямую, то по дипломатическим или журналистским каналам вполне мог получить фотокопии «секретных протоколов» для слива. Остальное – дело техники. Вскоре я нашел некоторое подтверждение своим догадкам. Немецкий журналист Фритьоф Майер в своем поздравлении Вульфсону с 85-летием в 2003 г. вспоминает:

«Я любил наши встречи. Мне всегда было интересно с тобой – мы подолгу беседовали, обсуждали новости, дискутировали. Но особенно судьбоносным был твой визит в 1988-м. Помню, тогда ты попросил достать для тебя русскую версию текста секретных протоколов к пакту Риббентропа-Молотова. Для Запада те протоколы не было ни новостью, ни проблемой, и с помощью сотрудниц редакции ты получил ксерокопию буквально за несколько минут и срочно улетел домой. Вскоре ты смог опубликовать текст в латышской «Учительской газете». Знаю, это было не просто, это было впервые в истории СССР!»¹¹⁰.

«Учительская газета» – единственное издание в Латвии, которое опубликовало выступление Вульфсона на пленуме творческих союзов 2 июня 1988 г. Дружеское расположение друзей с Запада надо отрабатывать. А чтобы ни у кого не возникло подозрений в банальном «сливе» информации, друзья и коллеги Вульфсона до сих пор продолжают лепить наивные байки про некий неназванный журнал с таинственными ссылками, благодаря которым удалось еще в 1984 с помощью законспирированного в КГБ неназванного диссидента получить фотокопии «секретных протоколов».

Выше я уже предположил, что Вульфсон выступил на пленуме творческих союзов по инициативе «мидовской» группировки в Политбюро, которая обеспечила ему административное прикрытие. Влиятельные покровители у него имелись – это факт. Иначе он просто не смог бы выезжать за границу и близко общаться с зарубежными политиками и журналистами, чем он так бравирует в своих мемуарах. Возможно, что секретные протоколы были целенаправленно вложены в его руки усилиями все тех же «мидовских» через германских журналистов, например, Майера. По крайней мере, для советского интеллигента, питающего почти религиозное преклонение перед Западом, было бы гораздо лучше получить дезу от «незаинтересованного» зарубежного источника.

Таким образом, уместно поставить вопрос: был ли Вульфсон сознательным западным агентом влияния, являлся ли марионеткой «мидовцев» из Политбюро, или использовался «втемную» одной из сторон? Я вижу три варианта его мотивации:

- Вульфсон действительно искренне верил в подлинность «секретных протоколов»;
- Не верил, но шел на ложь во имя благих целей (торжество демократии, независимость Латвии);
- Цинично отрабатывал заказ своих хозяев ради личных выгод.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ <http://www.dialogi.lv/article.php?t=12&id=974&la=1>.

Вербовка – дело тонкое. Из своего небольшого опыта в этом деле я вынес убеждение, что третий вариант – наиболее целесообразный. Дурак, если его грамотно «развести», будет искренне и бесплатно отрабатывать заказ. Но связываться с ним опасно, ибо контролировать его действия очень трудно, он может запороть все дело. Если твои цели совпадают с идейными устремлениями вербуемого, добиться можно гораздо большего, ибо вы становитесь с ним сообщниками. Идеальный исполнитель способен действовать эффективно и самостоятельно, его надо лишь направлять. Одно плохо – если завербованный агент вдруг разочаровывается в своих идеалах, или на определенном этапе поймет, что его используют совсем в других целях, он может превратиться во врага. Продажный тип – вот чьи мотивы предельно ясны, с кем можно легко договориться, и с кого требовать исполнения строго в рамках заключенного контракта.

Кем же был Вульфсон – дураком, идеалистом или иудой? Скорее всего, нечто среднее между вторым и третьим вариантом. То, что он искренне верил в существование «секретных протоколов» следует сразу исключить. В этом случае он бы не стал врать о своих поездках в немецкие архивы, а честно, и с большой охотой рассказал бы, каким образом он получил копии скандальных соглашений. И на Съезде народных депутатов он бы не пускал пыль в глаза своим коллегам, а страстно пытался бы их убедить в своей правоте, выложив все аргументы. Но он даже о своей встрече с Хансом фон Хервартом (если она действительно имела место), не упомянул.

Характерно и то, как цинично и умело он врал на своем знаменитом выступлении на пленуме, начав с таких слов:

«За последние месяцы я получил сотни писем со всей республики, авторы которых – учителя, работники культуры, агрономы, историки, животноводы, люди старшего поколения, пережившие лето 1940 г. Я напоминаю текст этого пункта, который гласит, что в случае территориально-политического переустройства в Прибалтике (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва) «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР...»¹¹¹.

Это что же получается? 70-летний профессор Вульфсон получает сотни писем от неких животноводов и лиц старшего поколения, которые учат его, современника и активного участника тех событий, уму-разуму, объясняя, что оккупация Прибалтики была предрешена первым пунктом «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. А откуда эти граждане вообще могли узнать содержание этого первого пункта, если даже сам Вульфсон, якобы годами ищущий «секретные протоколы», получил их только накануне того пленума, да и то в Германии? Однако это не помешало Вульфсону выступить как бы от имени народа.

Вся жизнь Маврика Вульфсона – типичный путь морально деградировавшего советского интеллигента, свято уверовавшего в свою мессианскую роль. Родился он в Москве, где тогда обретались его родители, бежавшие от войны. Его отец Герман Матвеевич Вульфсон состоял в партии правых эсеров, был арестован за антисоветскую деятельность, но в 1921 г. по обмену политзаключенными передан Латвии. Герман Вульфсон был довольно зажиточным еврейским купцом, отчего маленький Маврик не бедствовал. Одно плохо – он был евреем, а им в тогдашней независимой Латвии жилось не очень комфортно.

Маврик учился в немецкой школе, пока правительство не приняло закон, по которому детям из меньшинственных семей разрешается учиться только на родном языке, или на латышском. В результате он перешел в 4-ю городскую латышскую гимназию, но вскоре власти ее

¹¹¹ Маврик Вульфсон, «Карты на стол».

закрыли из-за процветавшего в ней вольнодумства и сильного влияния социал-демократических идей.

с 15 лет Вульфсон участвовал в молодежном социал-демократическом движении. Впоследствии он так вспоминал об этом в своих мемуарах:

«Во времена Ульманиса я начал работать в подполье как член молодежной организации ЛСДРП. В 1936 году часть социал-демократической молодежи объединилась с коммунистической молодежью, был образован Союз трудовой молодежи. Мы организовывали помощь республиканской Испании, подали руку австрийским антифашистам, боролись с авторитарным режимом, за восстановление парламентарной Латвии»¹.

В 1936 г. Маврик поступает на механический факультет Латвийского университета, а через три года его призывают на срочную службу в 9-й Резекненский полк. Здесь его и застаёт июньская революция 1940 г.

«Признаю – но я этого никогда и не скрывал, – что летом 1940 года я был с теми, кто приветствовал вступление советских войск в Латвию, хотя впоследствии мне пришлось убедиться, что такое отношение свидетельствовало лишь о моей наивности и политической близорукости»¹¹².

«Наивность и политическая близорукость» длились у Вульфсона полвека – не удивительно ли? Нет, в этом нет ничего странного, потому что при новых властях он неизменно был на очень хорошем счету. В августе 1940 г. Вульфсон вступает в ВКП(б) (этому не помешало даже классово чуждое происхождение), назначается представителем ЦК компартии Латвии в 9-м Резекненском пехотном полку и адъютантом начальника политуправления Латвийской народной армии. В конце 1940 г. он становится заместителем редактора газеты «Красный солдат» 24-го (Латвийского) территориального корпуса РККА. Войну Вульфсон также перекаптовался на политотдельских должностях: сотрудником дивизионной газеты, политруком роты, комиссаром стрелкового батальона. С осени 1942 г. и до конца войны Вульфсон – майор, старший инструктор политотдела дивизии «по работе среди войск противника».

С 1945 по 1952 гг. Вульфсон заведует отделом зарубежной информации, после становится заместителем редактора газеты «Cīņa». С 1957 – он заместитель редактора газеты «Rīgas Balss». Единственное притеснение, которое Вульфсон претерпел от советской власти – схлопотал выговор по партийной линии за «латышский и еврейский мелкобуржуазный национализм». В 1963 г. Вульфсон становится преподавателем Латвийской академии художеств, где излагая студентам основы марксизма-ленинизма, выслужил себе профессорское звание. Почти сорок лет Вульфсон ведет международные обозрения «Глобус» на латвийском телевидении, председательствуя с 1960 г. в секции журналистов-международников Союза журналистов ЛССР, часто выезжает за рубеж. Все это свидетельствует о том, что власти ему доверяли.

Вряд ли Вульфсон являлся искренним коммунистом, но при советской власти это было выгодно, и он исправно платил партвзносы и произносил торжественные речи в честь очередной годовщины Октябрьской революции. Трудно сказать, когда он стал откровенным антисоветчиком, но свои истинные взгляды он не отваживался проявлять публично вплоть до исторического пленума творческих союзов 1–2 июня 1988 г., на котором Вульфсон, внезапно став антикоммунистом, прочел свою скандальную речь, где открыто высказал мнение о том, что Прибалтика в 1940 г. была оккупирована Советским Союзом. Популярный латвийский писатель Зигмунд Скуйныш так выразил свои впечатления о том выступлении:

¹¹² Там же.

«... судьбоносная речь Вульфсона на пленуме 1988 года мне показалась чудом из чудес – голос и лицо знакомы; а человек другой!»

Любопытно, что идея выступить с речью принадлежала не самому Вульфсону. В своей книге «Карты на стол» он пишет об этом очень пафосно и довольно туманно, но суть уловить можно:

«В канун собрания ко мне пришли друзья: «Маврик, тебе предоставят трибуну и тебя услышит вся Латвия, используй это, чтобы сказать правду».

Я был готов к этому. Во многих статьях я уже приблизился к этой правде, но как ее высказать всю – голую правду? Помню, как в тот вечер спросил у Инкенса: «Эдвин, готово ли молодое поколение латышей выйти на улицы, даже если милиция набросится на них?» И он ответил: «Думаю, да...»

Эдвин ушел, а я сел писать речь. Это была речь, в которой события июня 1940 года впервые были названы насильственной оккупацией. Впервые я зачитал секретные протоколы, подписанные В. Молотовым и И. Риббентропом, – преступные документы, которые более чем на полвека определили судьбу стран и народов Балтии. В то время по эту сторону «железного занавеса» упоминать об этом не дозволялось, хотя в свободном мире о них было известно давно».

Итак, еще накануне пленума Вульфсон не собирался толкать речь и даже не просил слова. К этому его подвигли некие таинственные друзья, из которых он называет по имени лишь одного – Эдвин Инкенс. Инкенс – один из активнейших сепаратистов того времени, популярный тележурналист, в дальнейшем народный депутат СССР, яростно требовавший осуждения «секретных протоколов» на съезде (см. главы «Комиссия» и «Прения»). В новой Латвии он преуспел не только в политике, будучи министром и депутатом сейма, но и в коммерции, став влиятельным телемагнатом и миллионером. Весьма странно, что Вульфсон спрашивает Инкенса о настроениях молодых латышей. Если бы спросил Инкенс – такое можно понять, ведь Вульфсон преподает в Академии художеств и каждый день общается с молодежью. Этот патетический диалог явно выдуман автором, чтобы затушевать то, о чем реально говорили неизвестные друзья вечером 1 июня 1988 г.

Скорее всего эти неизвестные, но влиятельные друзья (они, судя по всему, определяли, кто будет выступать на пленуме) попросили Вульфсона сделать выступление в определенном ключе. Почему именно его? Сами посудите: Вульфсон – седой аксакал, профессор, коммунист с почти полувековым стажем, ветеран войны, орденосец. Если бы с трибуны тявкнул о «секретных протоколах» и «советской оккупации» какой-нибудь молодой диссидентствующий маргинал, это выступление не возымело бы того эффекта, который был оценен присутствующими, как эффект разорвавшейся бомбы.

Надо сказать, фигура Вульфсона для информационного слива подходила просто идеально. В конце концов, он особо ничем и не рисковал – в худшем случае его могли отправить на пенсию. Но в «тоталитарном» СССР подобные «репрессии» могли вызвать такое возмущение, что власти решили не связываться с Вульфсоном. И он это отлично понимал. Когда через месяц после пленума Вульфсона отлучили от эфира (он вел по пятницам программу «Глобус»), телезрители своими гневными звонками вынудили партийные органы пойти на попятную. То же самое произошло и с Феликсом Звайгзном, главным редактором латвийской «Учительской газеты», напечатавшей речь Вульфсона. На следующий день после публикации его освободили от занимаемой должности, но весь коллектив редакции отказался работать с новым начальником и Звайгзона тут же вернули на место.

Когда дело касается «секретных протоколов» мы привычно находим в этом деле след Запада. Удивительно, но даже в речи Вульфсона он проявился. Я даже готов предположить, что авторство зачитанной им речи принадлежит не ему. Очень подозрительно то, что он ее именно зачитал, на что многие обратили внимание. Вульфсон – опытейший лектор (на его лекциях по марксизму-ленинизму бывали аншлаги, потому что излагал тему он действительно увлекательно), великолепный оратор, тонкий психолог – и вдруг уподобился косноязычному обкомовскому чинуше, без бумажки не способному произнести речь. Как хотите, но я в это не верю. Такое могло произойти лишь в том случае, если Вульфсон пел с чужого голоса, и бумагу с тезисами выступления получил накануне вечером от своих таинственных друзей.

Но главное, что в том выступлении присутствовали такие обороты речи, которые слишком уж явно выдавали забулгорный источник. Настолько явно, что на это обратили внимание даже соратники Вульфсона, а он сам вынужден был оправдываться спустя десятилетие:

«Следует добавить, что не совсем прав Дайнис Иванс¹¹³ на страницах книги «Воин поневоле», где он; обращаясь к моей речи, пишет: «Маврик использовал еще не нашу, а западную терминологию и назвал вторжение «насильственной оккупацией Латвии».

С трибуны было названо гораздо прямее, а это смягчение – «насильственная оккупация Латвии», то есть сама эта западная терминология появилась лишь накануне публикации в «Учительской газете», когда дежурные по редакции под нажимом Главлита или еще каких-то надзирающих органов разыскали автора, то есть меня, пригласили в типографию и велели, нет, позволили смягчить тяжелейший моральный удар истории»¹¹⁴.

Кто-нибудь хоть что-то понял? Со слов Вульфсона следует, что ему «позволили смягчить тяжелый моральный удар истории», применив западную терминологию, да еще «под нажимом Главлита», то есть цензурного органа «или еще каких-то надзирающих ведомств». Но если речь была санкционирована цензурой, то за что тогда сняли с должности главного редактора газеты? А если тот опубликовал ее на свой страх и риск, то как ценоры могла узнать об этом до момента выхода газеты? Поэтому данное объяснение Вульфсона, сделанное задним числом, серьезно воспринимать нельзя из-за его полнейшей абсурдности. Факт остается фактом – в речи Маврика Вульфсона проскочил характерный именно для западной пропаганды термин, очень коряво звучащий по-русски.

В том же абзаце есть еще один подобный пассаж, когда Вульфсон объясняет принятие советского ультиматума в июне 1940 г. «чтобы предотвратить кровопролитие и массовую депортацию». Само словосочетание «массовая депортация» – типично для западной пропаганды, откуда оно и перекочевало в лексикон отечественной интеллигенции во время Перестройки. Но важнее здесь другой момент: латвийскому правительству никто не грозил массовой депортацией в 1940 г., и потому оно не могло принимать этот фактор во внимание. Миф о массовых и беспричинных депортациях был сформирован западной пропагандой уже после войны, причем эти пресловутые «массовые депортации» представлялось как нечто совершенно естественное для коммунистического режима и вызывающее всеобщий ужас. Поэтому у Вульфсона правительство как бы заранее трепещет перед депортациями.

Обращает на себя внимание и тот факт, что речь Вульфсона состоит из двух никак не связанных друг с другом частей. Он дает этому такое объяснение:

¹¹³ Лидер Народного фронта Латвии.

¹¹⁴ Маврик Вульфсон «Карты на стол».

«В заключение своего выступления я обратился и к еврейской проблеме, напомнил, какая судьба постигла евреев во время нацистской оккупации, и потребовал увековечить память погибших, а также разрешения создать Центр еврейской культуры.

Вероятно, эта часть выступления была включена мною ради своеобразного композиционного равновесия: чтобы не говорить об обидах только одного народа – латвийского. Если бы в палитре красок была только одна эта, то на меня можно было бы снова навесить ярлык латвийского буржуазного националиста со всеми вытекающими из этого последствиями...»¹¹⁵.

Странно, что автор употребляет слово «вероятно», говоря о причинах, побудивших его объединить два столь мало связанных вопроса в одном выступлении. Кому же, как не самому Вульфсону знать ответ на этот вопрос? Кстати, в его еврейской части речи тоже присутствуют штампы западной пропаганды. Например, советская историография предпочитала говорить о 4 миллионах жертв Холокоста, в то время как на Западе утвердилась цифра в 6 миллионов, каковую Вульфсон и приводит. И уж совсем ни в какие ворота не лезет цифра в 5 тысяч евреев, якобы депортированных из Латвии 14 июня 1941 г. Согласно докладной записки НКГБ СССР № 12288/м об окончательных итогах депортации из Прибалтики, из Латвии на 17 июня 1941 г. было выселено 9546 человек¹¹⁶. Не могли же более половины из них быть евреями? Наоборот, евреи с большим энтузиазмом приветствовали советскую власть, поэтому не удивлюсь, если Вульфсон завысил свои данные раз в 100. Вообще, трудно сказать, с какого потолка он взял такую круглую цифру.

Сам Вульфсон назвал события 2 июня 1988 г. своим первым звездным часом. О том, как партийная верхушка попыталась ответить на обвинение в оккупации и что из этого получилось, будет рассказано ниже (см. главу «Атлас»), о втором звездном часе Вульфсона, наступившем на Съезде народных депутатов в декабре 1989 г., мы уже знаем. Закономерный итог его усилий – провозглашение Латвией независимости. В этот день, 4 мая 1990 г. Вульфсон сполна наслаждался славой. Вновь обратимся к мемуарам Эммы Брамник-Вульфсон:

«Народ его дважды буквально носил на руках. Первый раз это было в Москве в 1989-м, после сообщения о смерти великого правозащитника академика Андрея Сахарова. Второй раз – 4 мая 1990 года, после заседания Верховного Совета в Риге, на котором была провозглашена Декларация о восстановлении независимости Латвии. Тысячи людей на Домской площади ждали окончания этого исторического заседания и горячими аплодисментами, криками «Молодцы!» (кстати, громче других кричали по-русски) приветствовали выходящих из здания депутатов. Когда же из дверей вышел Вульфсон, по площади пронеслось мощное «Ура-а-а!». Его подняли на руки и донесли до трибун на набережной Даугавы, тогда еще Комсомольской, над которой уже колыхались красно-бело-красные стяги и где собрались более 200 000 людей. Цветы. Начался митинг. Выступал и Вульфсон, и его речь люди встретили с восторгом».

Заслуги Маврика Вульфсона оценили и его заокеанские коллеги. В своей книге «Карты на стол» Маврик Вульфсон хвастается:

«Передо мной номер газеты «Tevzemes Avīze» («Газета Отчизны») от 6 марта 1992 года. В нем – обзор очередного номера издаваемого в США на латвийском языке журнала «Jaunā Gaita» («Новая поступь»), где приводится предложение известного историка профессора Аид-риевса Эзергайлса составить список героев возрожденной Латвии:

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ см. http://scepsis.ru/library/id_1958.htm.

«В качестве двух главных я выбрал бы Яниса Петерса и Маврика Вульфсона. <...> Петерс предложенную перестройкой свободу превратил в революцию, которая не только в Латвии, но и во всем СССР расшатала основы власти». Говоря же о Вульфсоне, Эзергайлс подчеркивает, что он «одним махом нашел ахиллесову пяту России и ключ к интернационализации балтийского вопроса, поднял вопрос о преступном характере пакта Риббентропа-Молотова и беспрестанно приколачивал Балтию к совести Запада, а Россию – к позорному столбу, доказал, что СССР – это империя, а не государство».

Своим вкладом в разгром СССР и похвалой заокеанских господ Вульфсон гордился вплоть до самой смерти. Незадолго до кончины Маврик Вульфсон продиктовал своей супруге послание литовскому премьер-министру Артурасу Паулаускасу по случаю 15-летия независимости Литвы, где были такие слова:

«...Сегодня я счастлив, что мы были вместе в те судьбоносные дни 1989-го в Москве; Кремле, когда единым фронтом боролось за ликвидацию последствий пакта Молотова – Риббентропа, его секретных протоколов, которые взорвали мир не только в Европе. И мы победили – восстановили независимость стран Балтии.

Вспоминаю раннее утро, когда в гостинице «Москва», где жили мы – депутаты Съезда народных депутатов СССР от Балтии, меня разбудили господа Ландсбергис, затем Бразаускас и другие:

– Надевай галстук! Мы победили! Шампанское!»¹¹⁷.

Да, они победили. Наверное, бывший коммунист Вульфсон, вовремя перекрестившийся из коммуниста-интернационалиста в антисоветчика и сепаратиста, умер счастливым, ведь он находился в стане победителей. Говорят, предатели перед лицом приближающейся смерти испытывают страшные муки раскаяния. Наверное, так бывает не с каждым. Его, еврея, видимо не пугало то, что в свободной Латвии героями стали недобитые эсэсовцы. Вульфсона, бывшего офицера «оккупационной» Красной Армии не очень-то смущал разгул нацистской мрази. Правда, однажды ему пришлось понервничать, когда в 1999 г. в местной прессе был опубликован список лиц, приговоренных возрожденной фашистской организацией «Перконкрустс» к смертной казни. Фамилия нашего героя значилась в этом списке. Как вспоминает его вдова, за газетой в киоск он на следующий день пошел с пистолетом в кармане. Даже жаль, что перконкрустовцы его только попугали, а не привели свой приговор в исполнение – вот был бы наглядный урок всем иудам!

¹¹⁷ Эмма Брамник-Вульфсон, «Я вышла замуж за романтика» // <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>.

Граница

Яковлев, клеймя на Съезде народных депутатов «аморальный сговор» Сталина с Гитлером, почему-то не считал нужным акцентировать внимание публики на «секретных протоколах», подписанных после 23 августа 1939 г., хотя именно в них можно при некоторых усилиях усмотреть «агрессивность» Советского Союза. Ведь августовский протокол носит исключительно гипотетический характер, положения этого соглашения вступают в силу лишь в случае некоего «территориально-политического переустройства». А 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан важный договор между Германией и СССР, который при известной наглости можно было бы объявить следствием заключения тайной сделки по перекраиванию границ в Восточной Европе от 23 августа. Вот его текст, опубликованный в газете «Правда» 29 сентября 1939 г.:

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине. Договор вступает в силу с момента его подписания.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

*За Правительство Германии И. Риббентроп*¹¹⁸

К нему фальсификаторы тоже решили приделать «секретный протокол», дабы как-то объяснить, почему раздел Польши произошёл не так, как о том было договорено четырьмя неделями ранее.

¹¹⁸ Цит. по: «Известия», 29 сентября 1939 г.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем: Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

*По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп
28/1 X/39¹¹⁹*

Вот тут фальсификаторы обделались по-крупному! Делили вроде бы Польшу, а договорились об изменении германо-литовской границы. На самом деле, посмотрев на представленную карту, мы не увидим там никаких посягательств на территорию Литвы, а «естественно и просто» граница проведена в районе польских Сувалок таким образом, что действительно, линия советско-германской границы плавно переходит в границу между Литвой и СССР. Но ведь по смыслу «секретного протокола» это исправление лишь предполагается в случае, «как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры...». Сочинители этой туфты совсем забыли, что пятью строчками выше они передали Литву в сферу интересов Советского Союза и дали согласие на ее присоединение (именно так можно трактовать витиеватый эвфемизм «особые меры для охраны своих интересов»). В противном случае непонятно, почему Германия договаривается об аннексии части литовской территории с Москвой. Но в последнем случае «естественность и простота» границы летит к черту – переданный Германии Сувалкинский выступ глубоко и неестественно вдаётся в территорию Советского Союза!

Поскольку фальшивка введена в «научный оборот» именно в таком виде, «историки» вынуждены ее как-то комментировать. Но делают они это весьма скомканно:

«Советский Союз также изъявил готовность согласиться с исправлением в пользу Германии юго-западного участка линии тогдашней германо-литовской границы, после того «как только СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов»¹²⁰.

Выходит, из текста этого протокола другие делают такой же вывод, что и я: Сталин пообещал подарить Гитлеру часть уже своей территории лишь после присоединения Литвы к СССР. Бред полнейший, но почему-то бредовость подобных трактовок «историки» не желают замечать. Так же, как они категорически отказываются вспоминать, что в марте 39-го Германия уже

¹¹⁹ «Вопросы истории», № 1 за 1993 г.

¹²⁰ Системная история международных отношений под редакцией Богатурова (www.obraforum.ru/lib/book1/chapter14_2.htm).

«подредактировала» юго-западную границу Литвы, вернув себе Мемельскую область. Подробнее мы рассмотрим этот казус в главе «Сувалки».

Возникает и такой вопрос: а зачем фальсификаторам в первом «секретном протоколе» надо было делить Польшу по Висле, если в дальнейшем граница прошла по Бугу? Если бы фальсификаторы провели в первом «секретном протоколе» границу сфер интересов по Бугу, то как бы они объяснили демаркационную линию по Висле в картах, опубликованных советской прессой 23 сентября? Вот здесь и надо искать разгадку первого «секретного» раздела Польши по Висле. 23 сентября 1939 г. советские газеты опубликовали карту, на которой была проведена демаркационная линия между Вермахтом и РККА, установленная соглашением двух правительств. Выходит, что советское правительство опубликовало карту, отражавшую договоренности, зафиксированные «секретным протоколом», который обе стороны обязались хранить в строгом секрете! Какой в этом смысл? На самом-то деле это фальсификаторы в 1946 г. привязали «секретный протокол» к несекретному соглашению, имевшему место в действительности. Еще один важный вопрос: почему линия разграничения «сфер обоюдных интересов» называется демаркационной линией, а не госграницей? Попробуем разобраться.

Карта из газеты «Известия» от 29 сентября 1939 г. Аналогичные карты были опубликованы в других изданиях, включая даже «Пионерскую правду».

Возможно, это утверждение покажется кому-то странным, но осенью 1939 г. живая Польша была нужна и Гитлеру и Сталину. 19 сентября Молотов в беседе с Шуленбургом выска-

зал намерение допустить существование Польши в какой-либо форме. Посол Германии не отверг такое предположение. Сталин нуждался в буфере между Германией и СССР, а Гитлеру нужен был мир с Англией. Мир во что бы то ни стало! Только совершенно оторванный от реальности человек может утверждать, что фюрер рассчитывал победить Британию. Сделать это было совершенно нереально хотя бы по одной причине – у Германии не было военно-морского флота. Кое-что, конечно, было, но это «кое что» ни в какое сравнение не шло с морской мощью Великобритании. Соотношение по основным типам боевых кораблей в 1939 г. было таким:

- линкоры: 12 (5 в постройке)/ 0 (2 в постройке).
- линейные крейсера 3/0
- тяжелые крейсера 15/ 1
- авианосцы 7/ 0
- легкие крейсера 49/ 6
- эсминцы 192/ 21
- подводные лодки 62/ 57

Здесь не принимается в расчет французский ВМФ, четвертый по величине в мире. К тому же всегда следует держать в уме крупнейшую в мире военную мощь «нейтральных» Соединенных Штатов. Без флота атаковать Британские острова представлялось крайне сомнительной авантюрой, а без вторжения нельзя выиграть войну с Англией. Но замириться с ней можно, если Германия подпишет мир с Польшей. В этом случае и у Великобритании с Францией не останется повода продолжать свою «сидячую» войну на западе. Подписав мирный договор с Берлином, Польша освобождала своих союзников от всех взятых ими перед ней обязательств. Разумеется, Гитлер вернул бы себе ранее отторгнутые немецкие земли. Советский Союз, конечно, потребовал бы провести новую советско-польскую границу по линии Керзона. Но Польша в своих этнографических границах, близких к очертаниям Царства Польского, сохранилась бы. Такой вариант устраивал всех.

Можно предположить, что именно с этой целью СССР и настаивал на демаркационной линии по линии Писса-Нарев-Буг-Висла-Сан, то есть требовал от Берлина очистить более половины территории Польской республики. Причем, именно советская сторона настаивала на скорейшем осуществлении этого плана. Зачем? Возможно, в Кремле рассчитывали найти потерявшееся польское правительство и договориться с ним о создании на подконтрольной СССР территории польского квази-государства, а потом выторговать у Гитлера для новособранной Польши Варшавское, Краковское и часть Лодзинского воеводств. В итоге такая Польша была бы неопасна для Германии и дружественна СССР. Оккупация же центральных польских земель практически ничего не давала немцам кроме кучи проблем. В экономическом плане эти территории не представляли серьезного интереса, так как основные промышленные центры Речи Посполитой находились на западе.

Это, конечно, лишь гипотеза, но только таким образом можно объяснить усилия, принятые Москвой. В ноте советского правительства, опубликованной 18 сентября 1939 г., многозначительно говорится, что оно «намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью». Однако планам этим не суждено было осуществиться, поскольку польское правительство вместо того, чтобы воевать или заключить мир, трусливо сбежало в Румынию вместе с верховным главнокомандующим Рыдз-Смиглы, где и было интернировано. Договариваться стало попросту не с кем, польская государственность развалилась полностью, что стало окончательно ясно в 20-х числах сентября.

С тех пор в официальных заявлениях о польском народе советское правительство не вспоминало, говорилось лишь о белорусах и украинцах. В этой ситуации Советский Союз легко отказался от населенного поляками правобережья Польши, предоставив Германии самой рас-

хлебывать польский вопрос. Но 20 сентября, когда начались переговоры по разграничению германской и советской зон контроля на территории Польши, возможность сохранения польского государства не исключалась обеими сторонами.

19 сентября было обнародовано совместно советско-германское коммюнике, где декларировалось стремление «помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования». Может быть, эти заявления следует считать лицемерными и лживыми? Нет, случайные слова и обороты речи в таких документах исключены. Когда стало ясно, что система власти в Польше развалилась необратимо, малейшие упоминания о польской государственности исчезли из лексикона советских и германских политиков. Речь теперь велась лишь о территории бывшего польского государства и населяющих ее народах (см. преамбулу советско-германского Договора о дружбе и границе). Вспомним, что писал Гальдер в своем дневнике 7 сентября:

«Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией: остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области (Западной) Украины – самостоятельны».

Окружив Варшаву, немцы все еще ждали от поляков предложений о переговорах. Но правительство сбежало из столицы 6 сентября, а 16 сентября покинуло Польшу, и тем самым полностью самоустранилось от решения судьбы своей страны и народа. Это, по-моему, уникальный случай в новейшей истории. Никакое другое правительство не сможет переплюнуть тогдашнее польское по уровню трусости и подлости. Но, видимо, в Кремле оценивали польскую верхушку неадекватно, и потому предприняли усилия к тому, чтобы создать условия для возможной реанимации польской государственности

Вечером 20 сентября 1939 г. начались переговоры наркома обороны Ворошилова и начальника Генштаба Шапошникова с делегацией германского военного командования, возглавляемой генералом Кестрингом, военным атташе Германии в СССР, о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию. В ночь на 21 сентября был подписан советско-германский протокол. Основной пункт его гласил:

«Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленки, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября»¹²¹.

22 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков». Таким образом, опубликованная в «Известиях» карта отражает не положения «секретного» сговора Молотова с Риббентропом от 23 августа, а договоренности между Ворошиловым и Кестрингом. Об этом, апологеты доктрины «секретных протоколов» стараются умолчать.

¹²¹ Цит. по: Михаил Мельтюхов, «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939»// <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/03.html>.

В сети Интернет, особенно на иностранных сайтах, мне нередко приходилось находить приведенную карту, как доказательство советско-германского «сговора» от 23 августа 1939 г. (публикаторов почему-то не смущает, что подробности тайного сговора опубликованы в открытой печати). Именно поэтому фальсификаторы, стряпая «секретный протокол», и поделили Польшу по Висле, чтобы подогнать свою брехню под коммюнике от 22 сентября. Но они совершенно не учли, что итоги переговоров представителей двух армий в Москве 20–21 сентября отражали ситуацию, сложившуюся в ходе непредвиденного хода событий. 23 августа ни Сталин, ни Гитлер не могли предположить, что польская армия рассыплется в прах так быстро. Не предполагали этого и немецкие генералы, о чем они дружно пишут в своих мемуарах. Ни в Москве, ни в Берлине не рассчитывали, что Польша исчезнет с политической карты Европы. Более того, в этом, повторюсь, не были заинтересованы обе державы.

Советские и германские офицеры обсуждают отвод войск на демаркационную линию. Белосток, 22 сентября 1939 г. На сайте Росархива (http://victory.rusarchives.ru/index.php?p=31&photo_id=1277) эта фотография подписана следующим образом: «Подписание договора о дружбе и границе между СССР и Германией». То ли это сознательная подтасовка, то ли проявление некомпетентности «профессиональных» историков.

Когда же стал очевиден полный крах польского государства, советское правительство не стало претендовать на правобережье Вислы, но в отношении Львова возникли определенные трения. Дело совсем не в том, что Львов (Лемберг) когда-то находился под властью Австро-Венгрии, а ныне Австрия являлась составной частью Третьего рейха. Яблоком раздора стала нефть. В Галиции находились нефтяные месторождения, хоть и не очень крупные, но крайне необходимые Германии. Михаил Мельтюхов пишет:

«Сутра 20 сентября 1939 г. германский военный атташе в Москве генерал Кестринг пытался урегулировать ситуацию под Львовом. Сначала германское командование заявило, что не может отвести войска, и предложило взять город совместным штурмом с Красной Армией, а затем передать его советской стороне. Однако неуступчивость Москвы привела к тому; что германское руководство решило «действовать совместно с русскими», и было решено, что «немецкие войска очистят Львов». В 12.45 Кестринг прибыл к Ворошилову и сооб-

ицил, что по личному указу Гитлера вермахт будет отведен на 10 км западнее Львова. «Как было договорено в присутствии Риббентропа, линия рек Писса, Нарев, Висла, Сан никем оспариваться не будет. Карта, которую показал начальник оперативного управления Варлимонт Белякову, имела линию границы не в соответствии с договоренностью советской и германской сторон, и она не может считаться линией границы, а только лишь линией, которую должны занять германские войска.

На замечание наркома обороны, что на карте Варлимонта, которую он показал Белякову, была линия границы, проведенная от Варшавы по Висле и далее к востоку от Львова, Кестринг, явно смутившись, в шутовском тоне сказал, что Варлимонт не политики, возможно, что он как работник-нефтяник соблазнился нефтью, но что из-за этого они не позволят себе нарушать достигнутое соглашение и что это был маленький инцидент»¹²².

Мельтюхов неверно употребляет термин «граница», речь идет именно о демаркационной линии, потому что границы в одностороннем порядке проведены быть не могут, тем более в условиях войны. Вопрос по поводу Львова возник после того, как начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал 18 сентября исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине Беляеву карту, на которой разграничительная линия проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но далее «соскальзывает» так, что Львов оказывается в немецкой зоне оккупации. Получив известие об этом, Молотов 19 сентября вызвал Шуленбурга и выразил несогласие с таким намерением германского командования. На следующий день спор был улажен.

¹²² М. Мельтюхов, «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941» // <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov>.

Карта из газеты «Известия» от 23 сентября 1939 г.

Теперь давайте подумаем: зачем устраивать нервную суету по разграничению сфер интересов в Польше, в ситуации сближения двух сильнейших армий, если все уже поделили буквально четыре недели назад и зафиксировали договоренности в «секретном протоколе»? Изготовителям фальшивки, наверное, хотелось сразу указать линию будущей советско-германской границы по Бугу, но в этом случае невозможно было объяснить появление соглашения о демаркационной линии по линии рек Писса-Нарев-Буг-Висла-Сан. Поэтому махинаторы решили привязать первоначальные условия «сговора» к этой линии, а специально для того, чтобы объяснить то, что граница прошла восточнее, состряпали второй «секретный протокол» от 28 сентября 1939 г.

В этот день стороны якобы подписали еще один любопытный документ. Привожу его текст в том виде, в каком он опубликован Фельштинским в вильнюсском издании госдеповского сборника:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключении Германо-Русского Договора о Дружбе и Границе, заявляют о своем согласии в следующем:

Обе Стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

За Правительство Германии И. Риббентроп

Совершенно очевидно, что это фальшивка. Какой «германорусский» договор мог подписать Советский Союз? Можно, конечно, списать это на ошибку Фельштинского, переводившего госдеповский сборник. Но нет, в американском оригинале тоже значится German-Russian Treaty. Причем в госдеповском сборнике 1948 г. первой стоит подпись Риббентропа, а в литовском издании 1989 г. первым подписал договор Молотов. И это совсем не мелочь. Вспомним о правиле альтерната (см. главу «Оригиналы»). Поскольку американцы использовали для публикации вроде как германские экземпляры документов, то первой должна стоять подпись Риббентропа, что мы и видим. Но Фельштинский, если уж он якобы переводил госдеповское издание, должен был оставить текст как есть. Между тем в литовской книжке имеется подтасовка: текст переведен с английского, но оформлен так, будто публикаторы использовали советский экземпляр протокола.

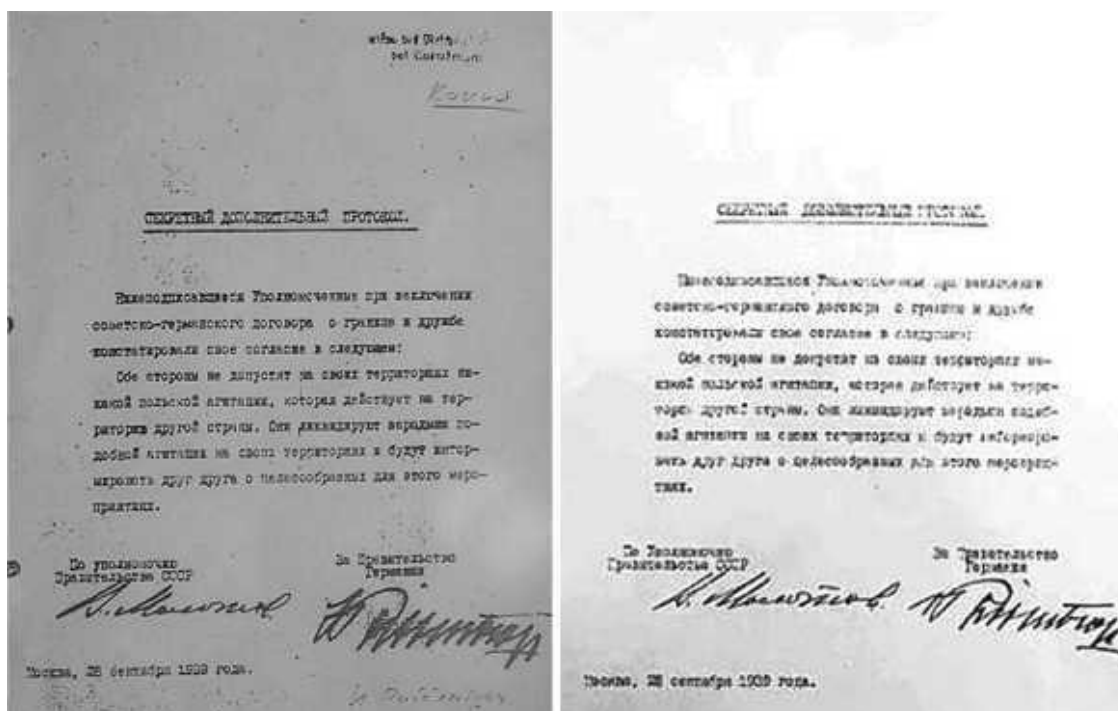
Но исходный текст в обоих случаях был английским. Сборник 1948 г. не предназначался для русских читателей, и поэтому его слепили весьма небрежно – для западного обывателя что Russian, что Soviet – никакой разницы. Удивляет лишь то, что в 1989 г. советские издатели не нашли нужным исправить такие явные ляпы. Не исключаю, что вильнюсское издательство «Mokslas» либо вообще не печатало эту книгу, либо использовало для печати формы, привезенные из-за границы. Но халтура налицо. В дальнейшем этот договор все же стали именовать советско-германским.

На то, что исходные тексты «секретных протоколов» писаны по-английски, указывает такая странность. Валентин Антонович Сидак обратил внимание на следующее:

«Официальное название германо-советского соглашения от 28 сентября 1939 года – Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Почему же тогда в секретном Дополнительном протоколе идет речь о «договоре о границе и дружбе»? Это ведь только домохозяйки не видят никакой разницы в наименовании документов. Но и германские, и советские дипломаты и юристы, принимавшие участие в их подготовке, – не обыватели, а высококлассные специалисты в составлении международно-правовых актов»¹²³.

Произошло это потому, что Договор о дружбе и границе между СССР и Германией был опубликован в газетах, и отечественным публикаторам не было нужды переводить его с английского. А вот «секретного протокола» к этому договору на русском языке не существовало, поэтому издатели вынуждены были пользоваться исходником на английском, где договор от 28 сентября неизменно называется германо-советским договором о границе и дружбе – German-Soviet Boundary and Friendship Treaty. Таким образом, разницей с названиями договора возникает только в публикациях на русском языке и объяснить его можно лишь тем, что отечественные «историки» не имели в своем распоряжении русского исходника. Сначала я это только предположил, но оказалось, что и в американском сборнике 1948 г. опубликована репродукция протокола о польской агитации (по легенде с микрофильма фон Леша), где договор от 28 сентября назван договором о границе и дружбе. То есть неверный перевод с английского сделали сами американцы еще в момент изготовления фальсификатов, а потом они выдали эту туфту за фотокопию с якобы утраченного оригинала!

¹²³ «Правда», № 44, 2007 г., // www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda/044.html.

Слева – якобы советский «оригинал» 1992 г. из Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Справа – фотокопия из коллекции Леша. Снова налицо нарушение правила альтернативы – в обоих случаях Молотов расписался первым. Так же заметно, что знак переноса в первом случае длиннее, то есть для изготовления «оригинала» и «копии» использовались разные пишущие машинки

Правда, генерал Сидак считает, что исходник «секретных протоколов» фабриковали немцы. В качестве аргумента он приводит предположение, что знаменитая ошибка с «обоими сторонами» в августовском «секретном протоколе» произошла потому, что в немецком слова «обоими» и «обеими» пишутся одинаково – *beiden*. Но и по-английски в данном случае никакой разницы в написании не будет: «обеими сторонами» следует писать как *by both parties*.

Надо заметить, что изготовленные и запущенные в оборот американцами фальшивки (а их великое множество) распознаются зачастую элементарно. Вот типичный образец вашингтонской халтуры – так называемое секретное письмо Гвишиани Берии:

«Только для ваших глаз. В виду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более семисот жителей в местечке Хай бах. Полковник Гвишиани»¹²⁴.

Эта писулька – единственное «доказательство» сожжения мирных жителей войсками НКВД в ауле Хайбах 23 февраля 1944 г. во время депортации чеченцев. Об этом «злодеянии кровавого сталинского режима» любят похвастаться либеральные правозащитники. Поскольку слово «либерал» уже вполне стало синонимом слова «идиот», не будем с ними спорить, доказывая, что в горных районах Чечни депортацию начали лишь 26 февраля, и что Михаил Гвишиани никогда не был полковником, а в феврале 1944 г. являлся комиссаром госбезопасности тре-

¹²⁴ Авторство фальшивки установить невозможно. Даже чеченолюбивые правозащитники признают, что первоисточник им не известен, так же как и то, кем документ введен в оборот. Вообще, миф о хайбахском «барбекю» довольно новый, внедрение его в массовое сознание началось не ранее 1990 г. До этого момента никто почему-то не знал об этом «зверстве» НКВД. Учитывая очень сильно развитые у чеченцев родственные связи и культ могил предков, невозможно предположить, что судьба сотен таинственно исчезнувших соплеменников оставит горцев равнодушными. «Вопросы истории», № 1, 1993 г.

тьего ранга. Нам сейчас интересна лишь первая фраза письма. Словосочетание «только для ваших глаз» никогда не присутствует в советских документах, но гриф *For Your Eyes Only* действительно используется в Соединенных Штатах.

Кстати, московские коллеги американских фальсификаторов допустили с «антипольским протоколом» еще одну глупость. В 1992 г. они, имея перед глазами «фотокопию» фон Леша, изготовили «оригинал», сохранив неправильное наименование договора о дружбе и границе, но исправили небольшую ошибку – написали «По уполномочию...» вместо «По Уполномочию...», как значится у американцев. При этом переносы проставлены совсем иначе, да и сам знак переноса на американской фотокопии заметно длиннее. То есть пишущие машинки использовались разные.

Помимо двух «секретных протоколов» 28 сентября 1939 г. Молотов с Риббентропом подписали якобы еще и «доверительный протокол» о нижеследующем:

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

*По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов
За Правительство
Германии
И. Риббентроп*

Москва, 28 сентября 1939 года

Вроде бы ничего преступного в данном соглашении нет, поэтому не имело смысла делать его тайным. Ведь репатриацию десятков тысяч человек скрыть невозможно, да и не нужно, поскольку репатриация предполагается исключительно добровольная (не надо путать ее с депортацией). Но все-таки и этот документ фальшивый. У Фельштинского первое предложение звучит ужасно коряво:

«Правительство СССР не будет создавать никаких препятствий на пути Имперских граждан и других лиц германского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере его влияния, если они пожелают переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере влияния»¹²⁵.

Редакция журнала «Вопросы истории» сочла возможным немного подредактировать американских составителей сборника, но без особого успеха. По уму надо было писать так: «Пра-

¹²⁵ «СССР-Германия. 1939–1941» // <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/wwar.php>.

вительство СССР не будет препятствовать гражданам Германии и иным лицам немецкого происхождения...». Ведь смысл определения «лицо германского происхождения» может быть истолковано настолько вольно, что таковым можно считать еврея, родившегося в Германии, но покинувшего страну. В Германии в то время существовало понятие «фольксдойче», что означало немцев, живущих вне родины. Так что Риббентроп никак не мог допустить такую корявую формулировку, какую предложил журнал «Вопросы истории». Эх, даже такую мелочевку не могут грамотно сфабриковать!

Карта

Перед вами «шедевр» фальсификаторского искусства – карта к «секретному протоколу» от 28 сентября 1939 г., якобы фиксирующая изменение границ сфер интересов СССР и Германии в Литве и Польше. Опубликована эта карта была в госдеповском сборнике «Нацистско-советские отношения 1939–1941», а в 1989 г. воспроизведена в переводе этой книжки на русский язык под названием «СССР-Германия. 1939–1941», откуда я ее и заимствовал. Доказать, что эта карта фальшивая, много труда не составит – достаточно посмотреть на границы Литвы: юго-восточная государственная граница ее дана по состоянию на... конец 1940 г. Но ведь Сталин и Риббентроп якобы подписали эту карту в 1939 г., когда город, обозначенный на карте, как Wilna, назывался Вильно (Wilno) и находился на территории Польши. Неужели Сталин и Риббентроп не знали, как тогда выглядит политическая карта Европы? Конечно, знали. А вот «специалисты» из американских спецслужб, слепившие эту подделку, как истинные янки, в географии весьма слабы, поэтому они прокалываются на ней раз за разом.

Кто-то хочет возразить в том духе, что еще, дескать, 23 августа стороны признали права Литвы на Вильно и Виленскую область? Допустим, но на 28 сентября граница так не проходила, и потому подписать такую карту Сталин с Риббентропом не могли ни при каких обстоятельствах. Если даже они совместно решили передать Виленскую область Литве, то следовало обозначить новую и старую границу. Например, в отношении Мемеля, который в тот момент уже был возвращен Литвой и официально включен в состав Рейха, отчего-то именно так и сделано, и это еще один казус. Германия всегда считала Мемельскую область своей территорией, не признавая захвата ее литовцами в 1923 г. Советский Союз на 28 сентября так же полагал Мемель германским городом. Литва совершенно официально отказалась от него 22 марта 1939 г., как ранее она отказалась от претензий на польский город Вильно.

Карта раздела Польши из сборника документов «СССР-Германия. 1939–1941» с подписями Сталина и Риббентропа. Не смотря на свою очевиднейшую подложность, именно это изображение экспонируется в латвийском музее оккупации на стенде, посвященном «сговору Молотова-Риббентропа».

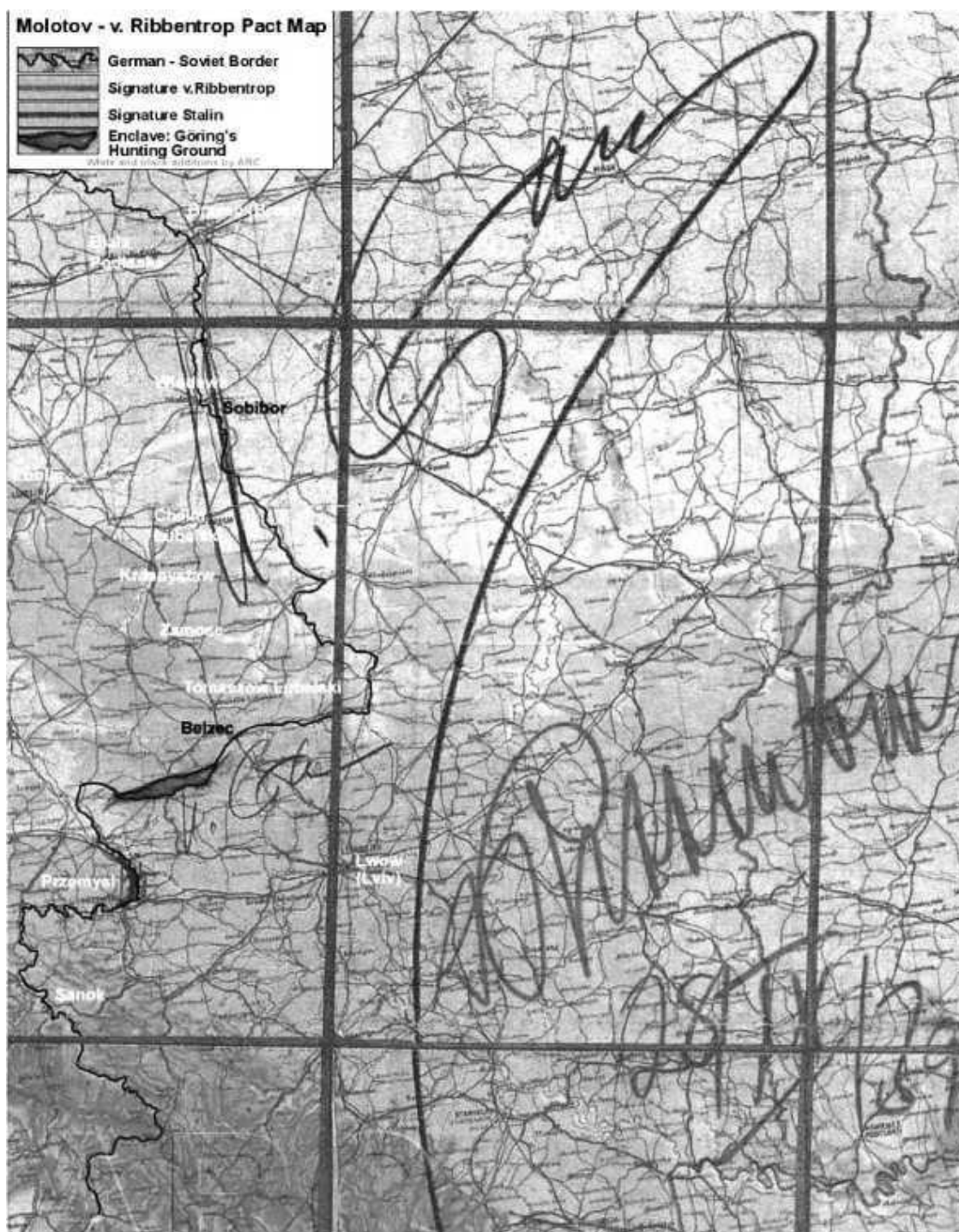
Так с какой стати литовско-германская граница проведена южнее Мемеля, а Мемельская область отмечена, как оккупированная территория? Обращает на себя внимание и тот факт, что советско-румынская граница проведена по реке Прут, хотя реально она в то время проходила по Днестру. В данном случае она не была обозначена даже пунктирной линией.

С юго-западной границей Литвы на госдеповской карте вообще творится что-то непонятное. Там, где она реально проходила, отмечена точечная пунктирная линия. По смыслу обозначений выходит, что небольшой участок территории северо-западнее Гродно – литовская территория, которая так же оккупирована Германией. Действительно, это территория, так называемый Сувалкинский выступ, была передана германским войскам Красой Армией, но это была территория Польши. Гальдер в своем дневнике за 21 сентября 1939 г. отмечает, что этот район немцы получили взамен отказа от притязаний на Львов. Обмен, конечно, неравноценный, но уж очень решительно был настроен товарищ Сталин – мол, все украинские земли должны принадлежать СССР, и баста!

10 октября Вильно и прилегающие территории были переданы Советским Союзом Литовской республике, однако даже в этом случае граница имела не ту конфигурацию, что обозначена на приведенной карте. В результате соглашений, достигнутых на переговорах делегаций Литвы и Белоруссии в Гродно 1–2 октября 1940 Литовской ССР были переданы курорт Друскеники (Друскининкай), Свенцяны (Швенчионис), железнодорожная станция Адутишкис с окрестными деревнями, населенными преимущественно литовцами. Именно эта окончательная линия границы с двумя характерными «сосками» южнее Вильно обозначена на госдеповской карте. Фальсификаторы при изготовлении этой подделки взяли за основу карту, самое раннее, 1940 г.

Итак, совершенно очевидно, что подписать эту галиматью Сталин и Риббентроп не могли. Но совершенно точно известно, что в тот день между Советским Союзом и Германией был подписан договор о дружбе и границе. Следовательно, к нему была приложена и карта с приблизительным обозначением новой границы. А позже, 4 октября 1939 г. стороны подписали дополнительный протокол, где демаркационная линия описывалась очень подробно. К данному протоколу тоже была приложена карта. Не эта попоподтиралка, а настоящая подробная цветная карта, которая отнюдь не была секретной.

А теперь вспомним, что было написано в секретном протоколе от 28 сентября 1939 г.: «Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией)».

Раздел Польши по версии «Gazeta Wyborcza». Этот вариант условно будем считать германским.

Ну что, улавливаете душок крепкого американского маразма? Выходит, что на НЕсекретной карте к НЕсекретному договору о дружбе и границе обозначена совершенно секретная линия БУДУЩЕГО раздела Литвы! Спрашивается, почему «секретный протокол» отсылает к несекретной карте – неужели так трудно было составить секретную карту раздела Литвы отдельно и приложить ее к «секретному протоколу»?

Вообще-то из новой линии границы никто не делал тайны. 29 сентября пресловутая «карта раздела Польши» была опубликована ведущими советскими газетами. Разве что подписей Сталина и Риббентропа на них не было. И, кстати, не могло быть.

Снова процитируем книжку Льва Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой» в том месте, где он описывает находку в 1992 г. в президентском архиве «оригиналов» «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа и иных дипломатических документов, в том числе и совершенно несекретных:

«Внутри пакета [№ 34] лежала опись документов, полученных из МИД СССР, – всего восемь документов и две карты...

...Долгие годы «закрытые пакеты» № 34 и 35 (в 35-м находились большие географические карты Польши) вели спокойное существование».

Итак, в отдельном пакете находились карты Польши. Карты эти были крупномасштабными, иначе бы такое маленькое государство, как Польша, уместилось бы и на одном листе. Вероятно, это и были те самые карты с демаркацией советско-германской границы, которые прилагались к дополнительному протоколу от 4 октября 1939 г. Но в этом случае непонятно, почему эти НЕсекретные карты хранились в партийном архиве, а не в архиве МИД? Относительно внешнего вида карт из «закрытого пакета» существует много противоречащих друг другу версий. Вот что вспоминает Николай Рыжков:

«Я лично также не раз обращался к Горбачеву с вопросом: действительно ли не существует оригинала? Однажды он попросил принести в кабинет карту, сделанную на листе ватмана. Выполнена она была вручную. На ней определены границы территорий после военных действий 1939 года. На карте стояли две подписи – Риббентропа и Сталина. Кроме того, рукой Сталина красным карандашом были сделаны некоторые изменения в нашу пользу и его карандашная подпись. Кстати, на этой карте стран Прибалтики не было. Большие никаких документов по этому вопросу члены Политбюро не видели»¹²⁶.

Вряд ли Рыжкова можно считать заинтересованным лицом в сокрытии правды, иначе он бы вообще не упоминал о неприятной для него теме. Однако он говорит о выполненной вручную(!) на листе ватмана карте. Ничего похожего на известных нам вариантов карты (всего я отыскал пять вариантов) мы не наблюдаем.

Если верить свидетельству советника германского посольства в Москве Густава Хильгера (см. главу «Хильгер»), был еще и шестой вариант карты, нам неизвестный. Напомню, что он (или анонимные сочинители от его имени) писал:

«Польша была уничтожена и разделена. Мы были свидетелями того, как Сталин толстым цветным карандашом собственноручно провел на географической карте линию, которая начиналась там, где южная граница Литвы упиралась в восточную границу Германии, и оттуда шла на юг до чехословацкой границы. На основе этой линии специальная комиссия должна была потом определить точное прохождение границы – работа, доставившая много труда и приводившая к долгим спорам, так как советские партнеры рангом пониже рабски держались синей линии, даже если на практике это вело к таким бессмысленным последствиям, как расчленение небольших населенных пунктов и жилищ, только потому, что линия эта была начертана рукой самого Сталина»¹²⁷.

¹²⁶ Николай Рыжков, «Суверенитет по-прибалтийски», «Наш современник», № 5, 2006 г. // <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=5&id=7>.

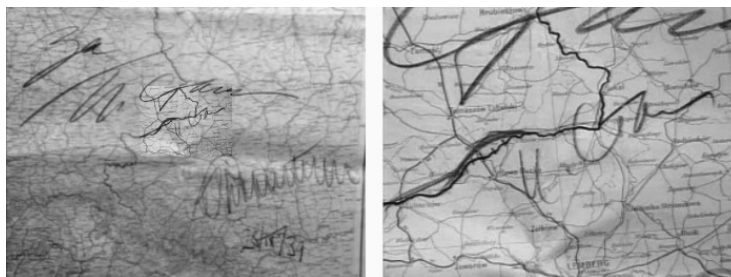
¹²⁷ Густав Хильгер, «Я присутствовал при этом», «Дипломатический ежегодник, 1989 г.

Итак, германский дипломат пишет о собственноручно проведенной Сталиным синей карандашной линии. Ни на одной из имеющихся в нашем распоряжении изображений синей линии от Литвы до Карпат нет. Кстати, Чехословакии к тому времени уже не существовало, и карандашную линию Сталин мог довести лишь до Венгерской границы. Но даже не это странно, а то, что Хильгер лепечет о расчленениях населенных пунктов и жилищ. Поскольку граница проходила почти исключительно по рекам, трудно представить, что по их фарватеру имелись какие-то жилища, которые пришлось расчленять.

Результат наложения двух кар, совмещенных по подписям. Как видим, линии границ не совпадают. Более того, если на черно-белом рисунке линия новой советско-германской границы упирается в пределы Венгрии, то на цветной карте она почему то пересекает венгерские Карпаты. Ладно, хоть не Гималаи.

К тому же карта, на которой якобы советский вождь «расчленял» населенные пункты и жилища, не могла быть топографической, и потому добиться столь ювильной точности «расчленения» было нереально. Наконец, в настоящем протоколе о границе, подписанном Молотовым и Шуленбургом 4 октября 1939 г. с приложением к нему карты, ни одного расчлененного населенного пункта не указано. Пограничная река Буг пересекала разве что ставшую впоследствии знаменитой Брестскую крепость.

Еще один «оригинал» – условно советский. Кадры из фильма «Нацизм по-прибалтийски.

Существуют и совсем уж фантастические измышления о картах. В сборнике «Катынь: Пленники необъявленной войны» под редакцией академика Яковлева утверждается следующее:

«К секретному протоколу [от 23 августа 1939 г.] было приложено более десяти карт Польши и прибалтийских стран с подробным обозначением сфер влияния двух сторон договора».

Тут яковлевцы сбrehали, не подумав. Никто никогда не заикался о том, что в августе помимо «секретного протокола» к пакту подписывались какие-то карты, да еще в количестве более десяти (!!!) штук. Видимо сочинители «научного» сборника все же имели в виду две карты из мифической «особой папки», но это были приложения не к августовскому «секретному протоколу», а к сентябрьскому договору о дружбе и границе. Хотя как знать, сенсационные находки ранее неизвестных карт могут быть и продолжены – надо же чем-то подкреплять брехню безмозглых кремлевских «историков», которые путаются в собственном вранье.

В РФ эти мифические карты из «особой папки» никогда не обнародовались. Почему? Да потому что сразу станет ясно, что эти карты совершенно не похожи на ту, что опубликовали американцы в 1948 г., выдав за карту раздела Польши. Самое главное, на ней не обозначено никакой линии, к которой апеллирует «секретный протокол»:

«Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии».

Однако, спасибо заграничным друзьям! Поляки настолько глупы, что напечатали эту карту в хорошем качестве в «Gazeta Wyborcza»¹²⁸. Правда, и они сообразили, что целиком ее показывать не стоит и Литва в их публикации отсутствует. Англичане, создавшие уже упомянутый фильм «Россия в войне: кровь на снегу» тоже ограничились показом лишь ее южной части. Тем не менее, в обоих случаях прекрасно видны подписи Сталина и Риббентропа. Я решил провести небольшой эксперимент, совместив на компьютере изображение цветной карты с черно-белой картинкой из госдеповского сборника 1948 г. Прорисовка результатов перед вами. Подписи Молотова и Риббентропа приблизительно совпадают друг с другом на обоих изображениях, однако на черно-белом рисунке они несколько крупнее по масштабу и расположены немного иначе по отношению к линии границы. Таким образом, легко установить, что поляки сварганили свою карту путем наложения автографов из госдеповского сборника.

Ельцин в своих мемуарах (см. главу «Оригиналы») упоминает о неких двухметровых картах. Если поверить, что он говорит правду, то Сталину, чтобы оставить такой размашистый автограф, надо было ползать по карте на четвереньках. И уж совершенно никак невозможно объяснить то, что карандашная линия имеет в этом масштабе толщину более сантиметра! Вы видели такие толстенные карандаши? Если считать верной информацию Рыжкова о том, что карта состояла из одного листа ватмана, то даже в этом случае такого гигантского размера росчерк Сталин оставить не мог. Попробуйте на досуге поупражняться. Впрочем, доказать то, что цветная карта, опубликованная в польской газете, фальшивая, легко можно и без этого.

Проведем элементарнейшую техническую экспертизу. Попробуйте взять в руки цветной карандаш и расписаться на белом и плотном листе бумаги. Легко убедиться, что края линии несколько рваные, поскольку карандашная линия представляет собой кусочки грифеля, зацепившиеся за шероховатость поверхности бумаги, а по краям линии давление на бумагу слабее, чем в центре линии. Делая росчерк, рука не может удерживать карандаш строго под одним углом и давить на бумагу с одинаковой силой, поэтому и толщина линии будет разной. Теперь посмотрите на толстенную линию подписи Риббентропа – разве она похожа на карандашную? Нет, она однозначно сделана маркером или фломастером, которых в те годы не существовало.

Почему я так решил? В полиграфии, как и в живописи, существует такое понятие, как оптическая плотность цвета. Например, если мы покрасим стекло нитрокраской, оно почти не будет просвечивать, а если залить его акварелью или гуашью, способность стекла пропускать свет снизится, самое большее, наполовину. У этих материалов разная оптическая плотность или кроющая способность. У цветного карандаша и маркера со спиртовым красителем кроющая способность так же сильно различается – карандашная линия, да еще проведенная поверх цветной карты не может выглядеть столь ярко и насыщенно. Оптическая плотность офсетной краски, которой отпечатана карта, будет выше.

А при увеличении этого изображения на мониторе компьютера отлично видно еще и то, что якобы карандашная линия не только неестественно ровная и яркая, но и прозрачная. Добиться этого можно только одним путем – наложив с эффектом сложения цвета в программе «Photoshop» или аналогичном графическом редакторе изображение карты и автографы Сталина и Риббентропа, выполненные маркером или фломастером, и увеличенные в несколько раз. Кстати, другой вариант карты с подписями (см. рисунок ниже) изготовлен куда более старательно – карандашные росчерки Сталина и Риббентропа действительно похожи на таковые по фактуре и размер у них не такой громадный, будто расписывался Кинг-Конг. Да и сама эта карта выглядит по-другому – она выполнена на одном листе, а не собрана из нескольких сегментов, как это имеет место в случае с публикацией в «Gazeta Wyborcza». Столь разными карты получились потому, что делали их разные люди и, вероятно, в разное время.

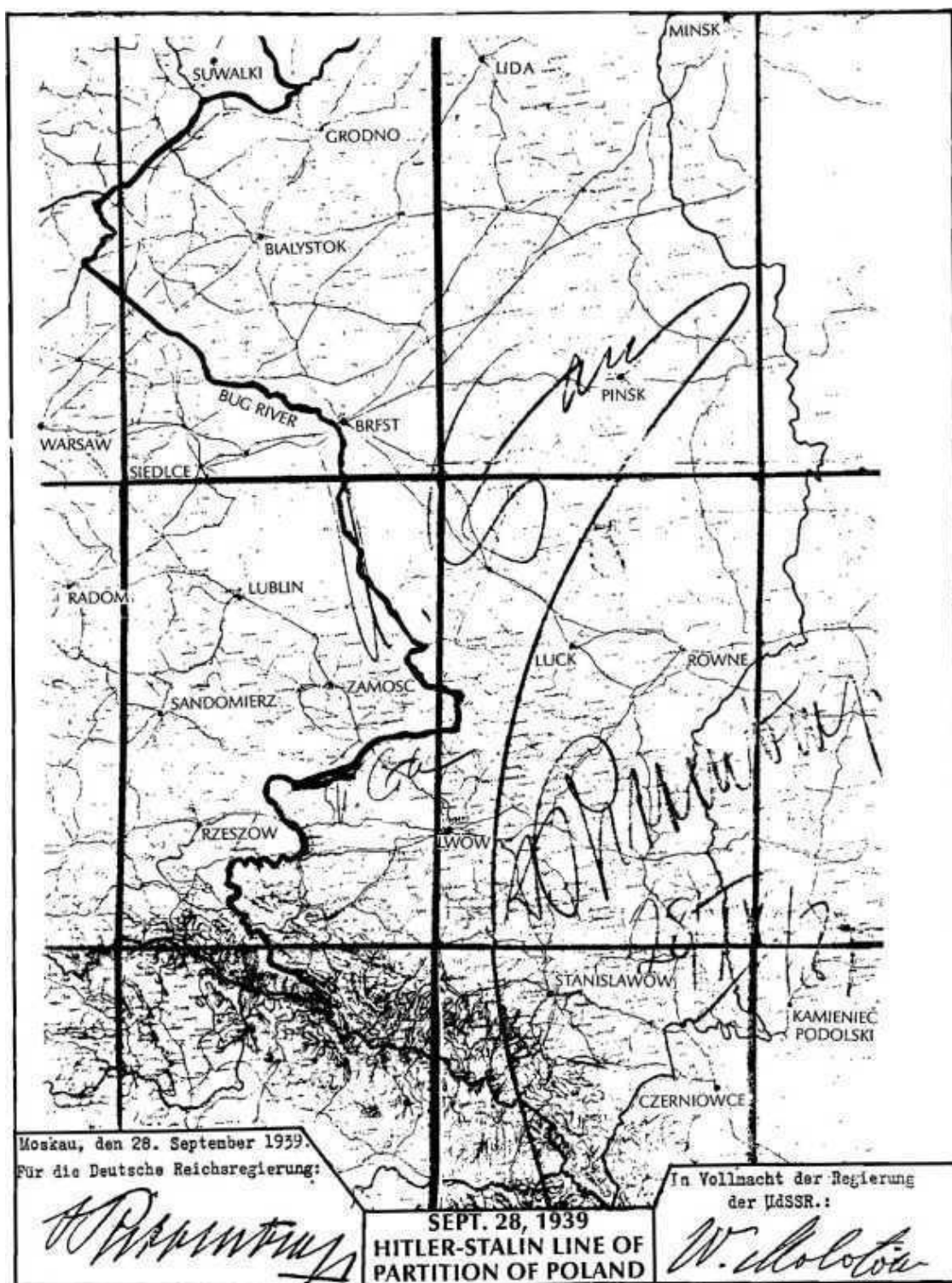
¹²⁸ <http://www.deathcamps.org/occupation/pic/molotovmap.jpg>.

Допустим, американцы в книге решили привести схематическое изображение карты, немножко «подкорректировав» Литву, чтобы она подгонялась под глупый текст «секретного протокола» от 28 сентября. Допустим, янки использовали для этих целей оказавшуюся в их распоряжении пленку фон Леша (хотя я не встречал ни одного упоминания, что на ней есть снимки карты). Откуда же тогда ляхи в 90-х годах взяли цветной «оригинал», о существовании которого в течение более полувека не было никаких упоминаний – может быть, это тот самый оригинал из «закрытого пакета № 35»? Сначала я предположил именно это, но потом отыскал изображение еще одного «оригинала» – он довольно подробно показан в документальном фильме «Нацизм по-прибалтийски» (фильм откровенно тупой, но за карту спасибо!).

Итак, происхождение продемонстрированной московскими кинопропагандистами в антиприбалтийском фильме карты можно объяснить находкой в 1992 г. Яковлевым «особой папки» в президентском архиве, но откуда взялся американско-польско-британский¹²⁹ цветной «оригинал», совершенно не ясно. Впрочем, как мы выяснили выше, фальсификация совершенно очевидна: сначала янки слепили эрзац-карту, растиражированную госдеповским сборником, потом изготовили красивый цветной «оригинал», опубликованный поляками, а в фильме «Нацизм по-прибалтийски» используется подделка яковлевско-вологодско-пихоевской бригады.

Махинаторы опять прокололись с географией. На цветной карте совершенно отчетливо видно, что новая советско-германская граница проходит... по территории Венгрии. Весной 1939 г. Чехословакия, лишившаяся в 1938 г. Судетской области, отошедшей к Германии по решению Мюнхенской конференции, окончательно распалась. В Праге президент Гаха торжественно вверил судьбу чешского народа в руки фюрера, Словакия 15 марта объявила независимость, и в тот же день независимость была провозглашена в Прикарпатской Украине – автономной области в составе Словакии. Однако уже через три дня Прикарпатье было оккупировано венгерскими войсками при поддержке польской армии и включено в состав Венгрии. Но на подписанной Риббентропом и Сталиным карте мы видим, что черная разделительная линия (по смыслу – государственная граница) проведенная по реке Сан, переваливает через Карпаты и проходит по реке Уж. Можно подумать, венгерский диктатор Хорти уполномочил Риббентропа отдать Сталину недавно захваченную им Подкарпатскую Русь!

¹²⁹ Карта мелькает в снятом в Великобритании фильме «Россия в войне: кровь на снегу».

На портале «Википедия» (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/37/Molotov-Ribbentrop_Pact_showing_the_new_German-Soviet_border_Sept_28_1939_.png) в аннотации к этой карте сказано: «Эта фотография документа была сделана в 1946 защитой фон Риббентропа и Германа Геринга на Нюрнбергском процессе в 1946 г». При чем тут Герман Геринг, совершенно непонятно. Так же очень подозрительно выглядят надписи на английском языке.

Почему фальсификаторы облажались? Плохо знают политическую историю Европы. В ноябре 1944 г. освобожденное Красной Армией Закарпатье передано чехословацким властям, но уже 26 ноября 1944 г. народное собрание в Мукачево высказалось за присоединение к

Советскому Союзу. 29 июня 1945 г. между СССР и Чехословакией было подписано соглашение о присоединении Карпатской Украины к УССР, а 22 ноября 1945 г. между двумя странами подписан договор о границе. 4 апреля 1946 года произошел последний обмен территорией с ЧСР, и Закарпатская Украина стала Закарпатской областью УССР – это было последнее советское территориальное приобретение. Но в 1939 г. Закарпатье находилось в составе Венгрии, и Москва на эти территории не покушалась. Кстати, по реке Уж чья-либо государственная граница никогда не проходила. С 11 октября 1938 г. по 11 февраля 1939 г. по Ужу пролегла административная граница Закарпатской автономии в составе Словакии, но по результатам первого Венского арбитража Венгрия заполучила часть территории Закарпатья с городами Уж, Мукачево и Берегово.

После полной оккупации Закарпатья граница между Словакией и Венгрией пролегла в 25–30 км западнее Ужа, советско-чехословацкая граница (ныне словацко-украинская) проходила западнее Ужа в 5–7 км. Таким образом, фальсификаторы в 90-х годах не только начертили разграничительную линию между Германией и СССР в Венгрии, но и не посчитались с реально существующими на тот момент границами. Кстати, янки, напутав с Литвой в госдеповском сборнике 1948 г., венгерскую границу отобразили все же верно, а яковлевцы, пытаясь изготовить правдоподобный «оригинал», перестарались на южном направлении, и прирезали СССР те территории, которые он получил лишь шестью годами позже. Боже мой, ну почему фальсификаторы такие тупые – не могут качественную подделку сварганить даже там, где это очень просто! Мне их уже стало скучно разоблачать.

Но даже если бы границы на фальшивой карте были отображены верно, в подложности этого артефакта не приходится сомневаться. Почему на карте, прилагаемой к договору о дружбе и границе, стоит подпись Сталина, если договор с советской стороны подписывал Молотов? Да, товарищ Сталин был уважаемым политиком, но его подпись на карте вкупе с отсутствием подписи Молотова делала ее, как юридический документ, совершенно несостоятельным. Ведь Сталин формально не являлся официальным представителем правительства Советского Союза, он вообще не занимал в 1939 г. никаких государственных постов. Получается, что с одной стороны документ подписал министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп, уполномоченный своим правительством, а с советской стороны размашистый автограф оставил в качестве частного лица Иосиф Джугашвили, которому никто на это санкции не давал. Где подпись Молотова?

К тому же сомнительной выглядит и роспись на самой карте. На географических картах, вообще-то, расписываться не принято. Что такое карта? Это – чертеж земного рельефа в определенной проекции. Технические чертежи оформляются в соответствии со строгими правилами. В правом нижнем углу там разграфлено специальное место для подписей – штамп:

СОСТАВИЛ: чертежник такой-то (подпись)

ПРОВЕРИЛ: инженер такой-то (подпись)

УТВЕРЖДАЮ: главный инженер такой-то (подпись).

Карта по идее должна содержать такой же штамп, где и надлежит оставить свои автографы уполномоченные для согласования линии границы лицам. Смешно, но через полгода после написания этой статьи мне попался на глаза как раз примерно такой вариант карты-со штампом. Особенно мне понравилось, что в штампе так и значится: «Гитлеровско-сталинская линия раздела Польши». Этот вариант, кстати, самый правильный, если оценивать начертание границ. По всему видно, эта поделка взята из какой-то газеты.

На этой карте есть детали, которые нам чрезвычайно интересны. Это, скорее всего, самый ранний образец из всех «карт раздела Польши», и если это верно, то можно с уверенностью говорить о том, что первоначально фальсификаторы использовали не немецкую и, тем более, не русскую карту, а польскую. Дело в том, что английские надписи, наклеенные на нее сверху, даны в польской транскрипции. Причем авторы этой поделки польского языка не знали. Иначе

трудно объяснить, почему на карте появился странный город под названием Лак (Lusk). Польски Lusk произносится как «Луцк», и потому по-английски его следовало обозначить Lutsk. Так же как и город Львов пишется в английской транскрипции Lvov а не Lwow, как принято у поляков. Подобные ошибки сделаны в наименованиях еще шести городов, отмеченных на карте. Таким образом, мое предположение о том, что ошибка с рекой Буг (см. главу «Протоколы») появилась из-за того, что фальсификаторы пользовались польскими картами (где она впадает в Нарев), получает еще одно подтверждение.

Что касается исправления сталинской рукой линии границы в пользу СССР – это, конечно, полная туфта. Карта отражает лишь визуальное отображение демаркации границы, а ее делимитация на местности проводится по словесному описанию. Оно должно иметь примерно такой вид: граница проходит по левому берегу ручья Быстрый от его истока до соединения одного с оврагом Глубокий; далее вдоль южной стороны грунтовой дороги от моста через овраг Глубокий до моста через реку Холодную; далее по фарватеру реки Холодная вниз по течению до острова Лесной; далее по протоке реки Холодная между островом Лесной и правым берегом реки Холодная; далее...

Таким образом, эффектно обозначенное на карте одностороннее изменение границы Сталиным в пользу СССР представляется неправдоподобным. Ведь в этом случае пришлось бы изменять и документацию по демаркации границы на русском и немецком языках. А уж коли изменили ее, то провести в чистовую новую линию на другом экземпляре карты – дело пяти минут. Вопрос границы – это настолько серьезный предмет, что маленькая пометка или невнимательность может повлечь за собой большие проблемы. В качестве иллюстрации могу привести такой исторический курьез:

«1939 год. 29 сентября. Польша повержена. Идет демаркация советско-германской границы. Граница должна была проходить по рекам Писса, Нарев, Буг, Висла (так в тексте – авт.) и дальше по реке Сан до ее истоков. Военные отмечают, что если в районе Бреста граница пройдет по Бугу, то она пройдет через систему фортвов Брестской крепости, что естественно снизит ее обороноспособность.

Командующий Белорусским фронтом телеграфирует Молотову: мол, товарищи дипломаты, передоговоритесь с немцами – пусть передвинут границу. Молотов отвечает: границу передвинуть невозможно, по реке Буг, и точка!

Тогда военные передвинули реку Буг. Советские войска запрудили старое русло Буга и взорвали перемычки крепостного рва. В итоге вода пошла по обводному каналу перед Тереспольским укреплением, и этот канал советский представитель выдал немцам за русло реки Буг, по которому и была проведена граница»¹³⁰.

¹³⁰ http://historic.ru/joke/bayka_1.shtml.

Атлас

В деле зомбирования человеческих масс карты играют исключительную роль. Иногда само изображение совершенно парализует волю и рассудок человека. Причина в том, что люди в большинстве своем не способны читать карту, они не знают ее языка, карта сама по себе воспринимается, как неоспоримый отпечаток реальности. Исследователь современного общества Сергей Георгиевич Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» пишет:

«Они [карты] оказывают на человека огромное идеологическое воздействие. Уже с начала века (точнее; с зарождением геополитики – крайне идеологизированного учения о территориальных отношениях между государствами) карты стали интенсивно использоваться для манипуляции общественным сознанием.

В ходе развития цивилизации человек выработал два, в принципе равноправных языка для записи, хранения и передачи информации – знаковый (цифра, буква) и иконический (визуальный образ, картинка). На пути соединения этих двух языков совершенно особое место занимает изобретение карты – важная веха в развитии культуры.

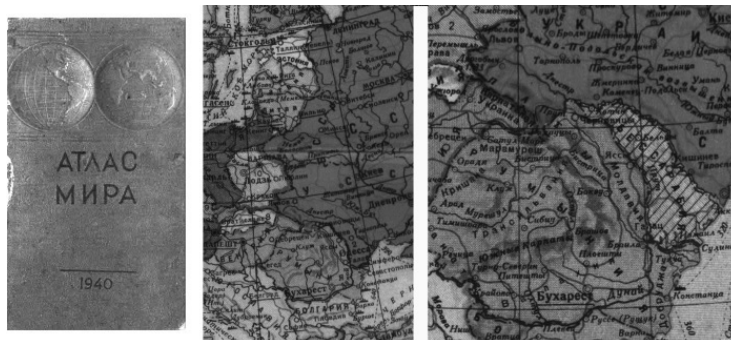
Карта как способ «свертывания» и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Карта имеет не вполне еще объясненное свойство – она «вступает в диалог» с человеком. Карта – инструмент творчества, также, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с ней человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах). В то же время карта мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки – надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. Ведь карта – не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение представления о реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика.

Первыми предприняли крупномасштабное использование географических карт для идеологической обработки населения немецкие фашисты. Они быстро установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание в нужном направлении. И они не скупились на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического издательского дела. Эти карты заполнили учебники, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой в истории географии (ив истории идеологии).

В последние годы фабрикация географических карт (особенно в историческом разрезе) стала излюбленным средством для разжигания национального психоза при подготовке этнических конфликтов. Это – особая «горячая» сфера манипуляции общественным сознанием. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта былого расселения народа, утраченных исконных земель и т. д. воздействует на подогретые национальные чувства безотказно. При этом человек, глядящий на карту, совершенно беззащитен против того текста, которым

сопровождают карту идеологи. Карта его завораживает, хотя он, как правило, даже не пытается в ней разобраться»¹³¹.

Атлас мира 1940 г. На рисунке в центре Прибалтика пока разноцветная, а Бессарабия и Северная Буковина уже закрашены красным цветом. Справа Бессарабия в том же атласе еще обозначена как оккупированная Румынией территория.

В деле уничтожения СССР провокации с картами играли очень важную роль, о чем неоднократно говорилось выше. Но почему толпы людей так глупо заглотили наживку с картами, чья подложность просто бросается в глаза? Ответ, что массы малокультурны и необразованны, совершенно неверен. Даже на профессиональных «ученых» магия карты действует безотказно. Противостоять гипнозу способны единицы. Всего лишь маленьким кусочком бумаги с цветными пятнами можно начисто лишить человека рассудка. Маврик Вульфсон хвастливо вспоминает в своих мемуарах:

«Через месяц после 2 июня 1988 года партийная верхушка организовала расширенное заседание ученых советов Института истории Академии наук и Института истории партии, чтобы опровергнуть мое утверждение о том, что летом 1940 года имела место не революция, а насильственная аннексия.

Меня пригласили явиться и защитить свое мнение. Предвидя, что собравшиеся там во главе с бывшим тогда секретарем партии по пропаганде, историком, академиком Александром Друзилисом, выступят против меня, я потребовал, чтобы на заседание пригласили 300 латвийских рабочих с «ВЭФа» и других заводов. Ответ был отрицательным: «Это научное заседание». Я ответил, что тогда буду вынужден выступить перед домом конгрессов. Мои противники отступили, заметив, что после собрания вам все равно придется только выбраться из окна.

Выступило 18 ораторов, где на моей стороне был только молодой историк Мартиньш Вирсис да еще Эдуард Берклавс и Янис Густсонс – участник революционного движения, один из организаторов демонстрации 21 июня 1940 года. Все остальные чуть ли не в унисон «пели», что латвийский народ добровольно поддержал установление советской власти в Латвии.

После того, как многие из моих наиболее яростных оппонентов аргументировали свое мнение о непричастности Советского Союза к установлению советской власти в Латвии и обеих других прибалтийских республиках, я попросил слова.

Поднявшись на трибуну, я сказал, что пришло время выложить карты на стол. Вынул из портфеля небольшой атлас, изданный в 1939 году в Ленинграде, и раскрыл страницу с европейской частью СССР. Зал притих и замер. Телекамеры были обращены к трибуне, на карту, на которой было ясно видно, что три независимых государства Балтии уже окрашены

¹³¹ <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>.

в тот же светло-красный цвет, что и остальной Советский Союз. На какой-то миг наступила растерянность. Сторонники аплодировали, колеблющиеся просили полистать атлас. Они не верили своим глазам, что цензура (Главлит) могла санкционировать преждевременное издание таких карт»¹³².

Да, по части манипуляции толпой Вульфсон неплохой специалист, может даже выдающийся. Не случайно же он настойчиво требовал допустить на академическое научное мероприятие толпу рабочих в качестве его группы поддержки! Вряд ли они могли выступить с докладом или поучаствовать в научной дискуссии, зато они умели отменно топать, хлопать и свистеть. Получив отказ, Вульфсон все же нашел прием, безотказно бьющий по всем аргументам академиков и докторов наук – карту. Возможно, он даже не преувеличивает эффект от предъявленного аргумента. Но подумайте сами, как атлас 1939 г. мог доказать факт оккупации Прибалтики в 1940 г.? Рационального объяснения нет, и не может быть. Это магия карты.

Если же серьезно воспринять доводы Вульфсона, то дело должно было обстоять так. Коварный Сталин решил «распилить» с Гитлером Восточную Европу и велел подписать своему подручному Молотову секретный-пресекретный протокол, который так запрятал, что его до сих пор не могут найти. Но при этом он еще в 1939 г. велел выпустить сотни тысяч атласов, на которых Прибалтика закрашена в красный цвет. И ни у кого не возникло вопросов по этому поводу – ни у составителей атласа, ни у корректоров, ни у редакторов, ни у работников типографии. Ну, ладно, этих, допустим, запугало НКВД. Но как к подобному художеству отнеслись сами прибалты? Ведь когда одна страна всего лишь сдвигает на карте границу в свою пользу, ее соседи воспринимают это как недружественный акт. Случались и войны из-за этого. А тут Сталин вообще стер с карты целых три страны!

Ах да, конечно же, кремлевский тиран приказал держать уже отпечатанные атласы в секретных хранилищах до поры до времени, а всех картографов и полиграфистов расстрелял, чтоб не проболтались. В продажу атласы поступили только после «оккупации» Прибалтики. Но какой смысл тогда был печатать атлас в 39-ом? Об этом доктора и кандидаты наук, собравшиеся на заседании ученых советов Института истории Академии наук и Института истории партии, размышлять были не в состоянии. Карта полностью парализовала их мышление. Они стояли и аплодировали. Это называется массовым психозом. Когда мне твердят, что Советский Союз имел шанс сохраниться, я не верю – с такой «интеллектуальной элитой» обречена любая страна.

Ну что ж, давайте посмотрим атлас СССР и мира отпечатанный в 1940 г. На них Литва, Латвия и Эстония значатся, как независимые зарубежные страны. Упаси боже, вовсе не хочу этим сказать, что Вульфсон, как завзятый шулер, извлек из рукава очередную фальшивку. Нет, атлас у него был самый настоящий. Возможно, он, действительно был составлен в 1939 г. Но то, что в этом атласе прибалтийские республики фигурируют, как советские союзные, объясняется элементарно просто.

В выходных данных атласа 1940 г., репродукции которых приведены здесь, указано следующее: «Сдано в производство 17-XI-39 года. Подписано к печати 10-VI-40 года». Следовательно, на момент подписания атласа в печать, Бессарабия и Северная Буковина еще целых 18 дней должны находиться в составе Румынии. Однако на политической карте Европы мы видим, что Бессарабия уже закрашена в красный цвет, хоть и не поименована еще Молдавской ССР, и город Черновицы так же находится на советской территории. На всех прочих же листах карты (например, там, где показана Украинская ССР или Балканы) Бессарабия еще заштрихована, как оккупированная Румынией территория.

¹³² Маврик Вульфсон, «Карты на стол».

Разгадка проста. После подписания в печать оригинал-макеты готового атласа передаются в типографию, где изготавливаются печатные формы и последовательно печатаются листы атласа. Далее производится фальцовка, подборка, брошюровка, рубка и переплет. Пока шел производственный процесс, границы изменились. Но пол-атласа уже отпечатали – не сдавать же в макулатуру сотни тонн бумаги? Поэтому на тех листах, что еще не были отпечатаны, вносятся изменения, а готовые оставляют, как есть. Другой вариант: отпечатали весь тираж полностью, но еще не сброшюровали. Тогда можно отпечатать листы с изменениями, вручную перебрать одну тетрадь¹³³ и переплести.

Что же касается того атласа, которым Вульфсон так потряс научную общественность, то с ним дело обстоит, вероятно, еще проще. Тиражи делали в те годы большие, не редкостью были и миллионные. Поэтому книжку печатали не враз, а, как говорят полиграфисты, заводами. Первый 100-тысячный завод могли отпечатать в январе, а следующий в 500 тысяч только через полгода и даже через год. Если границы менялись, то соответственно, более поздняя партия могла отличаться от первой. Иногда в этом случае меняли выходные данные, где указывалось, что это издание исправленное и дополненное, но не обязательно. Могло случиться, что листы с выходными данными уже отпечатаны и сшиты. Не исключая, что по случаю вхождения в состав Союза сразу трех республик, могли дать приказ перепечатать тетрадку, где находились листы с картами северо-запада СССР.

Но переделывать переплетную крышку (картонную обложку) только из-за того, что там оттиснуты цифры «1939», разумеется, никто не будет – слишком уж затратный, трудоемкий процесс, да и принципиального значения это не имеет. В выходных данных дата подписания в печать может остаться прежней, поскольку в 1940 г. допечатывался тираж издания с тем же порядковым номером со старых форм, были лишь внесены некоторые изменения. Мне приходилось встречать два варианта одного атласа, изданного в 1939 г. В одном Польша была, а в другом уже исчезла, там изображалась лишь «область гос. интересов Германии». Эти экземпляры были из разных партий, но подписание в печать в обоих случаях было датировано апрелем 1939 г. Из этого вовсе не следует, что Сталин разрабатывал план «Вайс» по разгрому Польши совместно с Гитлером еще до того, как Молотов и Риббентроп 23 августа 1939 г. поделили Восточную Европу.

Как видим, абсолютно все доводы сторонников доктрины сговора двух диктаторов легко разбиваются, а эффектные пропагандистские выпады оказываются на поверку шельмовством.

¹³³ Составная часть книги, сшитая ниткой. Тетради прикрепляются к переплетной крышке.

Сувалки

Никакие договора между странами не существуют сами по себе вне связи с другими межправительственными соглашениями. Бывают рамочные договора, определяющие характер отношений между двумя странами и множество других международно-правовых актов, в преамбуле которых указывается: в соответствии с договором таким-то заключается настоящее соглашение. Но с «секретными протоколами» ситуация сложилась именно такая – вроде бы они есть, поскольку опубликованы в провинциальной американской газетке и сборнике Госдепа США, но при этом находятся в вакууме, так как нет документов, в которых бы имелись ссылки на них. До 1989 г. эту ситуацию можно было объяснять тем, что тоталитарный СССР отказывается признавать факт секретного сговора с Гитлером и прячет в своих архивах документы, подтверждающие существование «сговора».

Но Съезд народных депутатов СССР официально признал существование протоколов, хотя они так и не были обнаружены. Лед тронулся. В 1990 г. спешно находят неподписанные «заверенные копии»(!Н) якобы уничтоженных секретных протоколов, якобы хранящиеся в несекретном фонде архива министерства иностранных дел. От этой находки за версту воняет подлогом, поэтому через два года вдруг обнаруживают уничтоженные «оригиналы» протоколов, да не где-нибудь, а в президентском архиве. Там нашли для пушей убедительности еще целую пачку документов, напрямую связанных с «секретными протоколами». Журнал «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) публикует вот такой любопытный текст:

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В. М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон-дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте;

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительство Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7.500.000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысяч германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно: 3.937.501) германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27.562.500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 года на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А. И. Микояном и Председателем Германской Экономической Делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 года о взаимных товарных поставках на второй договорный период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 года между Союзом ССР и Германией».

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

Москва, 10 января 1941 года.

*По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов*

*За Правительство
Германии
Ф. фон Шуленбург*

Интересно, с какой радости Шуленбург назван фоном, да еще и графом. Советская дипломатия дворянских титулов не признавала. НИКОГДА титулатура в официальном делопроизводстве не использовалась! Риббентроп – тоже фон, однако во всех советско-германских договорах он скромно подписан «И. Риббентроп». Другой очень грубый прокол – употребление в межгосударственном договоре аббревиатуры «СНК». Во всех прочих документах такого рода, даже «секретных протоколах» Совет народных комиссаров обозначается как советское правительство или правительство СССР. Ох, лучше бы «историки» демократической ориентации не печатали этот бред, позаимствовав его все из того же американского сборника 1948 г.

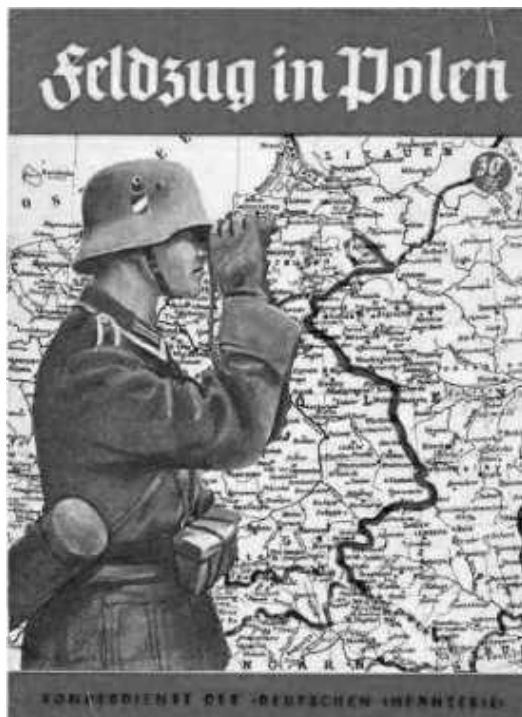
Без всякой экспертизы можно сказать, что это фальшивка. 22 июня 1941 г. Вермахт нанес удар по Красной Армии как раз из «части территории Литвы» – Сувалкинского выступа, якобы уступленного СССР. Почему я полагаю, что речь идет именно о районе Сувалок? Во-первых, потому что в якобы приложенной к «секретному протоколу» от 28 сентября карте загадочной пунктирной линией отделена от территории Литвы именно эта область (см. главу «Карта»). Во-вторых, в 2005 г. в проекте заявления Государственной Думы «В связи с принятием Сеймом Литовской Республики заявления о последствиях Второй мировой войны в Европе»¹³⁴ этот район прямо называется Сувалкинским выступом. Наконец, еще в 1989 г. от имени Балтийской межреспубликанской депутатской группы Съезда народных депутатов СССР было распространено обращение, в котором выкупленная у Германии территория названа «треугольник Сувалки».

Вообще-то, коль протокол заключается о передаче одной державой другой конкретной территории, то непременно должны быть определены границы участка, он должен быть хоть как-то назван, а в примечании оговорено, что границы передаваемой области будут установлены специальной комиссией к такому-то сроку. И совсем нелишним будет приложить карту. Иначе что же получается: цена, которую должен заплатить Советский Союз, установлена до последнего доллара, а тот товар, за который он платит сумму, неизвестен. Можно хотя бы перечислить населенные пункты, расположенные на передаваемой территории.

Явное свидетельство подложности документа – оценка суммы сделки в золотых долларах. По всем советско-германским торговым контрактам расчеты номинировались в марках, но реально осуществлялся лишь обмен товарами. За сверхнормативные поставки Советский Союз расплачивался золотом в слитках. 10 января 1941 г. между Германией и Советским Союзом было подписано несколько договоров экономического характера, и везде расчеты ведутся исключительно в германских марках (см., например, Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией об урегулировании взаимных имущественных претензий, относящихся к Литве, Латвии и Эстонии («Документы внешней политики СССР, том XXIII, книга II»). В секретном же протоколе сделка вдруг номинируется в долларах, да еще в золотых. Доллар после 1933 г. золотом уже не обеспечивался, став лишь «законным средством оплаты», как то обозначено сегодня на купюрах. Тогда же была прекращена чеканка золотых монет, а имевшиеся запасы переплавили в слитки. За доллары можно было купить золото, но цена была уже рыночной, а не фиксированной и обозначенной на банкнотах. Опять же, в договоре четко определен характер расчетов: путем поставки цветных металлов и вычетов из германских платежей. То есть совершенно абсурдно при этом исчислять сумму сделки в долларах. Как можно вычесть золотые доллары из германских платежей, осуществляемых промышлен-

¹³⁴ См. <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=113&bulsecti onid=10980>.

ными товарами и оборудованием? Впрочем, если эту глупость лепили американцы – им про-
ститительно, они ведь все сущее меряют в долларах.

Возможно фальсификаторы из американской разведки, фантазируя насчет передачи Советским Союзом части территории Литвы Германии, пользовались образцами германской пропаганды. Плакат слева действительно создает впечатление, будто Германия отхватила у Литвы маленький кусочек на ее юго-западной окраине. Увеличенный фрагмент карты, опубликованной в газете «Известия» показывает, что юго-западная граница Литвы осталась неизменной, а Сувалки находятся на территории Польши (граница Польши оттенена толстым заштрихованным абрисом). Если же верить в существование «секретных протоколов», то выходит, что немцы опубликовали «секретную» карту, еще не дождавшись, когда СССР оккупирует Литву и отдаст Германии ее кусок ради «выпрямления» границы. На самом деле красная линия обозначает лишь изменение границ рейха, и не более того.

Наконец, самый очевидный признак фальсификации – в договоре не определен срок передачи этой неназванной территории Советскому Союзу, и нет никаких оговорок на счет того, что дата будет установлена отдельным соглашением. Получается, что СССР должен заплатить до 11 февраля (поставить металлы до 11 апреля), а Германия может отдать Сувалкинский выступ лет эдак через сто. Только кретин способен подписать такой договор, но Молотов этой характеристике уж точно не соответствует. Те же, кто состряпал и пропагандирует эту фальшивку – кретины вне всякого сомнения. Вот что сказано в обращении Балтийской депутатской группы от 11 декабря 1989 г.:

«Прибывший два дня спустя в Москву Й. ф. Риббентроп подписал совместно с В. М. Молотовым 28 сентября 1939 года новый секретный дополнительный протокол, в котором, со ссылкой на предыдущий секретный и дополнительный протокол от 23 августа, было сформулировано и подтверждено желание Сталина изменить план территориально-политического переустройства в отношении Литвы. При этом было оговорено, что как только правительство СССР приступит к применению специальных мер на литовской территории для защиты своих интересов, германо-литовская граница будет исправлена таким образом,

чтобы треугольник Сувалки (охватывающий территорию, расположенную к юго-западу от обозначенной на прилагаемой карте линии) отходил к Германии.

За два дня до ультимативно навязанного Советским Союзом Литве 10 октября 1939 года Договора о взаимопомощи с правом введения ограниченных контингентов Красной Армии, В.М. Молотов сообщил телеграммой от 8 октября послу Ф. фон В. Шуленбургу, что при размещении частей Красной Армии в Литве т. н. треугольник Сувалки не будет оккупирован. Но, поскольку передача этой, оговоренной во втором секретном протоколе, части территории Литовской Республики Германскому Рейху могла вызвать определенные политические трудности, новым секретным протоколом от 10 января 1941 года текст предыдущего секретного протокола (от 28 сентября 1939 г.) был изменен и т. н. треугольник Сувалки перешел к Советскому Союзу за компенсацию в размере 7 500 000 золотых долларов»¹³⁵.

Чем больше читаю всякого рода политические заявления, тем больше смеюсь. Это с какой стати Молотов с Шуленбургом общается посредством телеграмм? Впрочем, это мелочи. Из этой писульки совершенно однозначно следует, что «так называемый треугольник Сувалки» описывается, как территория Литвы, и он даже не был во избежание «определенных политических требований» передан Германии, как то оговаривалось соглашением от 28 сентября 1939 г. Потому выходит, что до 10 января 1941 г. Красная Армия оккупировала территорию рейха, пока дело не уладили с помощью миллионов «золотых долларов». Да, в этом случае можно объяснить, почему в «секретном протоколе» от 10 января 1941 г. не указана дата передачи проданной территории Советскому Союзу – он, якобы уже ею обладал. Таким образом, одна фальшивка хоть и с трудом, но согласуется с другой. Да вот беда – с реальными событиями ни та, ни другая фальшивка не стыкуются. Мне вообще трудно представить, что участники Балтийской ассамблеи сами писали этот безмозглый текст – уж литовцы должны были знать, что Сувалки никогда не были в составе Литовской ССР. Скорее всего они по привычке использовали конспекты ЦРУ. Кстати, и в тексте встечаются обороты речи, заставляющие заподозрить не очень качественный перевод с английского – например «приступит к применению специальных мер». По русски грамотно будет сказать «к осуществлению».

Могла ли Германия в принципе продать столь важный для нее в стратегическом смысле Сувалкинский выступ в 1941 г., когда она всю готовилась напасть на СССР? Восточнее Сувалок находился штаб III танковой группы Гота, в самом городе – штаб VIII авиакорпуса и тяжелая истребительная эскадра «Хорст Вессель» (ZG 26). Вроде бы, никакого резона уступать эту область будущему врагу нет. 22 июня 1941 г. как раз из Сувалкинского выступа, глубоко вдающегося в советскую территорию, был нанесен мощный удар на окружение группировки войск советского Западного фронта, дислоцированной в районе Белостока.

Фальсификаторы, пытаясь исправить свой конфуз с «секретным протоколом» о границе от 28 сентября 1939 г., когда они в аффидевите Гаусса от 15 марта 1946 г. спутали литовскую территорию с польской, только усугубили дело. Теперь они прокукарекали, что СССР, дескать, выкупил у Германии часть литовской территории, и замолчали. Но сами литовцы на это отреагировали, причем абсолютно неадекватным образом. На рисунке представлена карта, взятая с сайта эмигрантского литовского журнала «Lituanus» (№ 3, 1985 г.). Заштрихована территория, якобы занятая в 1939 г. немцами, а потом проданная Советскому Союзу за «золотые доллары». Именно так говорится в аннотации, если я верно понял перевод. О, это уже совершенно за гранью самой смелой фантастики. Собирая материалы о Прибалтике, мне приходилось встречать упоминания и о Вилкавишкисе и о Мариямполе, находящихся в заштрихованной зоне. Например, в Мариямполе с 1939 г. располагался гарнизон Красной Армии, а в июле 1940 г. там состоялся грандиозный митинг, в котором приняли участие 10 тысяч манифестантов, тре-

¹³⁵ Цит. по: Пеэтер Варес. «На чаше весов: Эстония и Советский Союз».

бовавших присоединения к СССР. Аналогичное, но менее масштабное мероприятие прошло в те же дни в Вилкавишкисе. Весьма сомнительно, что демонстранты требовали присоединить к СССР часть Третьего рейха.

Кстати, об этой мифической оккупации совершенно нигде не упоминается, в отличие от аннексии немцами Мемельской области, хотя оккупацией ее назвать нельзя, ибо Литва хоть и под нажимом, но все же мирно вернула захваченную ею в 1923 г. территорию. Почему же американские литовцы не стеноуют о «треугольнике Сувалки»? Видимо, они в 1985 г. о нем просто не слышали, а сепаратисты в советской Литве в 1989 г. не читали эмигрантскую прессу, из которой следует, что торг между СССР и Германией якобы шел о «треугольнике Мариямполье». В общем, мы наблюдаем, что брехуны наступают на классические грабли – врут совершенно по-разному, по причине невозможности согласовать свое вранье друг с другом.

В РФ бреда о торговле Литвой был придан официальный статус в 1995 г., когда вышел XXIII-й том сборника «Документы внешней политики», охватывающий период с 1940 г. по 22 июня 1941 г. Там был помещен такой текст:

БЕСЕДА НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОТОВА С ПОСЛОМ ГЕРМАНИИ В СССР Ф. ШУЛЕНБУРГОМ

13 июля 1940 г.

Тов. Молотов сообщил Шуленбургу, что Советское правительство полностью подтверждает формальные права Германии на ту территорию Литвы, о которой сделана оговорка в Протоколе от 28 сентября 1939 года, что эта территория должна отойти к Германии.

Но тем не менее тов. Сталин и тов. Молотов просят германское правительство пересмотреть этот вопрос, то есть просят германское правительство обсудить, не может ли оно найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы. Тов. Сталин при обсуждении этого вопроса с тов. Молотовым напомнил ему и просил передать Германскому правительству, что, когда стал вопрос об изменении границы государственных интересов СССР и Германии в бывшей Польше, советское правительство внесло в нее значительную поправку за счет признания советских интересов в Литве.

Советское правительство считало бы это очень желательным сделать теперь, чтобы избежать ряда возникающих в связи с этим трудностей. Например, в случае, если эта территория Литвы отойдет к Германии, то может возникнуть вопрос о переселении литовцев с этой территории, где они составляют большинство, в Литву.

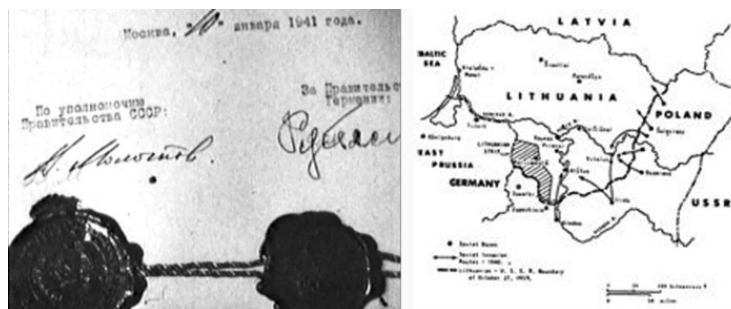
Разрешение этого вопроса Германией, в соответствии с просьбой Советского правительства, имеет для него при теперешних отношениях СССР с Литвой особый политический интерес. Разумеется, для немецкого населения, как во всей Литве, так и на этой территории, будет обеспечена возможность переселения в Германию.

Тов. Молотов сослался при этом на то, что в свое время советским правительством был разрешен в пользу Германии вопрос о Сувалкинской области, хотя СССР не имел такого обязательства перед Германией и это является примером того, что такие небольшие вопросы могут быть разрешены без нарушения интересов обеих стран.

Шуленбург обещал немедленно передать сообщение тов. Молотова Германскому правительству <...>

Записал Иванов.

АВП РФ, ф. Об, оп. 2, п. 15, д. 156, л. 20–21.

Слева: судя по всему, настоящий межправительственный договор. Вероятно, договор между СССР и Германией о советско-германской границе от реки Игарка до Балтийского моря, подписанный 10 января 1941 г. Как видим, Шуленбург подписался без всяких там «фон» и граф. Имеются и две сургучные печати, фиксирующие крепёжную нить.

Справа: фантазии эмигрантского литовского журнала «Lituanus» на тему покупки Советским Союзом Сувалкии.

Нужно обратить внимание, что эта просьба Молотова отнесена ко времени, когда Литва была формально независимым государством. Из текста следует, что неназванная территория, именуемая «небольшой кусок территории Литвы», ещё не перешла под контроль Германии. Ладно, посмотрим, как Шуленбург выполнил свое обещание немедленно передать сообщение германскому правительству. Открываем сборник документов «1941 год», изданный международным фондом «Демократия» под редакцией академика Яковлева. Там опубликовано следующий документ:

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ Ф. ШУЛЕНБУРГА В МИД ГЕРМАНИИ

13 июля 1940 г.

Молотов сообщил мне сегодня, что здешний британский посол Криппс по просьбе Британского правительства недавно был принят Сталиным. При этом Молотов передал мне по поручению Сталина запись беседы...

Ответы Сталина изложены нижеследующим образом:

1) Советское правительство, как это само собой разумеется, проявляет большой интерес к нынешним событиям в Европе. Однако он – Сталин – не видит опасности господства какой-либо страны в Европе и ещё менее опасности, если Германия проглотит европейские территории. Сталин следит за политикой Германии и хорошо знает некоторых ведущих немецких государственных деятелей. У них он не заметил стремления проглотить европейские государства. Сталин не считает, что немецкие военные успехи угрожают Советскому Союзу и его дружественным отношениям с Германией. Эти отношения базируются не на временных моментах, а на коренных государственных интересах.

Прежнее так называемое равновесие давило не только на Германию, но и на Советский Союз. Поэтому Советский Союз примет все меры, чтобы в Европе не было восстановлено прежнее равновесие.

2) Советский Союз не возражает против торговли с Англией, однако он отвергает право Англии и любого другого государства вмешиваться в германо-советские экономические отношения. Советский Союз согласно договору будет экспортировать в Германию часть купленных им за границей цветных металлов, так как Германия нуждается в этих металлах для производства военного оборудования, которое она поставляет в Советский Союз. Если Англия не признает подобных предпосылок, то торговля между Советским Союзом и Англией исключена.

3) По мнению Сталина, ни одна держава не может предъявить претензии на исключительную роль в использовании и руководстве балканскими государствами. Советский Союз не претендует на такую миссию, хотя он и заинтересован в балканских делах.

4) По поводу Турции Сталин заявил, что Советский Союз действительно выступает против единоличного господства Турции в Проливах и против того, чтобы Турция диктовала порядки в Черном море. Турецкое правительство об этом проинформировано.

Шуленбург.

Перевод с немецкого языка из: *Akten zur deutschen Auswärtigen Politik, Serie D, BadenBaden, Bd. № 164*¹³⁶.

Яковлев имел возможность фабриковать любые фальшивки в архивах РФ и сборниках документов, но в отношении германских документов у него полномочий не было. Поэтому между собой запись беседы Молотова с Шуленбургом и телеграмма последнего в Берлин никак не стыкуются. Посол был обязан сообщить своему руководству о молотовских предложениях касательно Литвы, и он обещал это Молотову, но выходит, что обманул последнего и наплева- тельски отнесся к своим служебным обязанностям. Поэтому я не в силах понять, зачем Яко- влев вообще публикует этот документ, разоблачая сам себя. Объяснение все тоже – он слишком тупой для того, чтобы грамотно фабриковать документы. Кстати, запись беседы Молотова с германским послом он приводит в своем сборнике, но дает очень интересную ссылку на архив, несколько отличную от той, что дана в официальном сборнике МИД РФ: «*АВП РФ. Ф. Об. Оп. 2. П. 15. Д. 156. Лл. 20–21. Машинопись, заверенная копия*».

Видимо, чувствует негодяй неубедительность этой фитюльки и на всякий случай под- страховывается, утверждая, что это некая «заверенная копия». Если его обвинят в подлоге, то тогда будет возможность отыскать «оригинал», соответствующим образом исправленный. Возникают традиционные для нашего повествования вопросы: куда же исчез оригинал, для каких целей была изготовлена копия, и кто ее заверил?

В яковлевском сборнике «1941 год» аккумулирован уже целый ворох документов, каса- ющихся «кусочка Литвы», но все они слишком грубо сляпаны. Однако они очень нужны Яко- влеву, чтобы загладить возникший в 1989 г. конфуз с «треугольником Сувалки». Поэтому он предлагает свою версию территориальных метаморфоз. Протицирую полностью довольно обширный документ из упомянутого сборника.

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОТОВА С ПОСЛОМ ГЕРМАНИИ В СССР Ф.ШУЛЕНБУРГОМ

12 августа 1940 г.

<...> Тов. Молотов вручил Шуленбургу памятную записку (приложение) по вопросу о компенсации за ту часть территории Литвы, о котором сделана оговорка в специальном про- токоле от 28 сентября 1940 г.

Шуленбург по зачитании ему перевода этой памятной записки ответил, что он передаст ее содержание в Берлин, и сообщил, что им еще не получен ответ из Берлина на его телеграмму о согласии Советского правительства на переговоры с Германией по поводу компенсации за эту часть Литвы. По личному мнению Шуленбурга, Германское правительство не ставило в данном случае вопроса о территориальной компенсации.

Записал Иванов

АВП РФ. Ф.Об. Оп.2. П.2. Д. 15. Л.44.

Машинопись, заверенная копия.

¹³⁶ <http://militera.lib.ru/docs/da/1941/index.html>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В связи с заявлением германского посла графа фон дер Шуленбурга от 7 августа с.г. по вопросу о компенсации за часть территории Литвы, о которой сделана оговорка в советско-германском Протоколе от 28 сентября 1939 г., Народный комиссариат иностранных дел имеет честь заявить следующее:

1. Любая компенсация в виде уступки в пользу Германии какой-либо части территории, уже отошедшей к СССР по договору с Германией, не могла бы быть произведена без большого морального ущерба для СССР, так как на всей территории, которая могла бы быть предложена в порядке компенсации, установлены и уже укрепились новые порядки, соответствующие государственному строю СССР, и произведено переустройство жизни городского и сельского населения.

Кроме того, передача в настоящее время Германии какой-либо части территории, отошедшей к СССР, неизбежно была бы связана с переселением с этой территории в СССР русской, белорусской, украинской и литовской национальности, что встретило бы большие затруднения и вызвало бы нежелательный политический эффект.

В то же время для Германии отказ от упомянутой выше части территории Литвы не вызывает подобных затруднений по той причине, что вышеупомянутая территория не входила в состав Германии и, следовательно, никакого морального ущерба при отказе от этой территории в пользу СССР для Германии не будет.

Мы уже не говорим о том, что всякое новое изменение официально объявленных границ между Германией и СССР дало бы пищу враждебным элементам для кампании о серьезных трениях между нашими странами и неустойчивости в их взаимоотношениях.

2. Население вышеуказанной части территории Литвы является в подавляющем большинстве принадлежащим к литовской национальности (82,3 %), и лишь незначительная часть населения принадлежит к немецкой национальности (7,3 %), что при передаче Германии этой территории, естественно, вызвало бы переселение в Литву подавляющего большинства этого населения.

Вместе с тем, как уже заявляло Правительство СССР, имущественные интересы лиц немецкой национальности и германских граждан, которые по просьбе Германского правительства из Литвы будут эвакуированы в Германию согласно их желанию, при этом не страдают.

3. Советское правительство считает излишним упомянуть здесь также о том, что в соответствии с Протоколом от 23 августа 1939 г. и с Демаркационной линией, установленной на территории бывшей Польши 22 сентября 1939 г., Сувалкская область отошла к СССР. Тем не менее при определении Государственной границы на той же территории бывшей Польши 28 сентября 1939 г. Сувалкская область была Советским Союзом уступлена Германии, в соответствии с просьбой правительства последней, без всякой компенсации, хотя никаких обязательств по этому вопросу СССР перед Германией не имел. Это, несомненно, явилось выражением желания Советского Союза максимально пойти навстречу удовлетворению интересов Германии.

Тем не менее, учитывая интересы и нужды Германии, связанные с обстановкой происходящей войны, Советское правительство согласно дать Германии материальную компенсацию за уступаемый ею Советскому Союзу «кусочек» Литвы.

Советское правительство могло бы уплатить в течение двух лет 3 млн. 860 тыс. золотых долларов, то есть половинную часть той суммы, которая была в свое время уплачена Соединенными Штатами царскому правительству России за полуостров Аляска. Советское правительство могло бы произвести уплату этой суммы золотом или товарами – по усмотрению Германского правительства.

Советское правительство надеется, что Правительство Германии учтет интересы СССР и согласится с настоящим его предложением.

12 августа 1940 г.

АВПРФ. Ф.Об. Оп.2. П.2.Д. 15. Лл.49–51.

Машинопись, заверенная копия.

Опять бросается в глаза характерное для яковлевских подделок нарушение протокола – в официальном советском документе упомянута титулатура германского посла. Совершенно неуместно использование просторечных разговорных оборотов – что это за «оговорка в протоколе» или «имеет честь заявить»? Смешно, что в Литве усмотрена какая-то «украинская национальность», которую надо переселять. Вообще-то, следует писать «лиц украинской национальности», но не будем придираться. Авторы фальшивок уже не раз расписывались в плохом владении русским языком. Откуда взялись на этой территории аж 7,3 % немецкого населения, вообще непостижимо. Кстати, население принято считать в количестве человек, а не в процентах. Но авторы сего сочинения, разумеется, не могли оперировать такими цифрами, так как статистическими данными не обладали.

Но еще смешнее приведенная здесь ссылка на сделку с Аляской от 18 (30) марта 1867 г. Но именно она и объясняет возникновение «золотых долларов» в качестве расчетной единицы. Дело в том, что по Вашингтонскому договору «Соединенные Штаты обязываются заплатить... дипломатическому представителю или иному е. в. имп. всероссийским надлежаще уполномоченному лицу, семь миллионов двести тысяч долларов золотой монетой...». Видимо фальсификаторы и применили тот же подход при покупке Молотовым «кусочка Литвы». Но здесь опять грубейшая географическая нестыковка. Дело в том, что Аляска в сотни раз больше и «треугольника Сувалки» и «треугольника Мариамполе», и потому определение цены «кусочка Литвы» никак не может быть увязано со стоимостью Аляски. Цифра в 7,2 миллиона долларов была получена из цены в пять центов за гектар земли Аляски и Алеутских островов. Вот если бы Молотов считал и литовскую землю по пять центов – тогда здесь была бы хоть какая-то логика. К тому же половинная сумма от стоимости Аляски – это все-таки не 3,86 миллионов долларов, как считают фальсификаторы, а 3,6 миллионов. Вот дебилы – даже сосчитать верно не могут!

Наивный читатель может возмутиться: дескать, как можно обвинять академика, заслуженного демократа в том, что тот фабрикует архивные документы, разве это вообще возможно? Конечно, возможно! Ведь в международном фонде «Демократия» получал зарплату уже известный нам гражданин Пихоя Рудольф Германович, числившийся там вице-президентом. В 1993–1996 гг., он занимал по совместительству пост руководителя Государственной архивной службы России и должность главного государственного архивиста России. Пихоя – редкостный подонок, но к счастью, недалекий умом, как и большинство подонков, поэтому его уже не раз ловили за руку на подлоге документов. Особенно преуспел в разоблачении этого яковлевского прихвостня публицист Юрий Мухин, проанализировавший фальшивки, состряпанные фирмой «Пихоя & К^о» по так называемому катынскому делу¹³⁷.

Но для «демократических историков» эти штрихи к моральному портрету главного архивиста РФ значения не имеют. Раз фальшивка введена в научный оборот, значит можно смело врать, ссылаясь на нее. Михаил Семиряга в книге «Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941» отпускает на волю свою фантазию:

¹³⁷ См. Мухин Ю. И. «Антироссийская подлость» // http://lib.aldebaran.ru/author/muhin_yurii/muhin_yurii_antirossiiskaya_podlost.

«Торг между СССР и Германией о дележе не принадлежавшей им земли продолжался и позже. Так, 13 июля 1940 г., когда Литва еще сохраняла свой государственный суверенитет, Молотов через Шуленбурга внес предложение, чтобы Германия отказалась от небольшой территории на юго-западе. При этом он сослался на прецедент, когда 23 августа 1939 г. советское правительство разрешило в пользу Германии вместе со всей Литвой и вопрос о Сувальском выступе площадью в 8 200 кв. км»¹³⁸.

Последнюю фразу оставляю без комментариев, ибо ее абсурдность слишком очевидна. Анонимные авторы портала «Хроно. ру» вообще теряют чувство меры и впаривают читателю следующую туфту:

«1940.07.13. СССР. Москва. Нарком иностранных дел СССР В.Молотов передал послу Германии В. Шуленбургу предложение, чтобы Германия отказалась от небольшой территории на юго-западе Литвы. Речь шла о Вилькавишском уезде и о частях Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов с населением 184 108 человек...»¹³⁹.

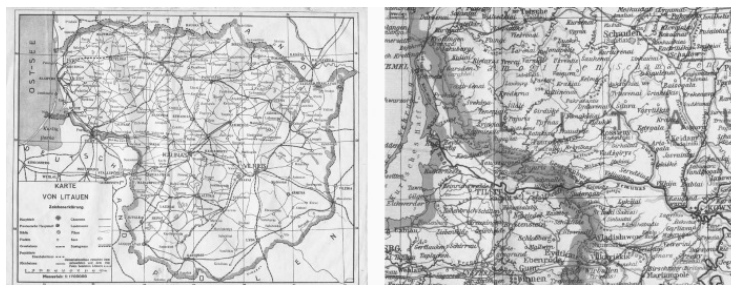
Здесь важно то, что они ссылаются, как на источник, на указанное сочинение Семиряги, однако тот никоим образом не пытался уточнить географическое положение «небольшого куса территории Литвы», а «Хроно. ру» упоминает в этой связи конкретные уезды и даже приводит непонятного происхождения сверхточные данные о их населении (выходит, что 7,3 % немецкого населения – это будет 13440 человек – столько немцев во всей Литве не жило!). Далее на этом портале присутствует такой текст:

«1940.08.07. СССР. Москва. Посол Германии В. Шуленбург вручил НКВД В.Молотову ответ на советское предложение от 13.07.1940 г. о передаче Германией в состав Литвы Вилькавишского уезда и части Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов: «Германское правительство считает, что отказ от этой территории представляет для него большую жертву, и ставит вопрос, какую компенсацию Советское правительство может предложить ему взамен этой территории».

Очень интересно знать, чем пожертвовала Германия, контролирующая большую часть континентальной Европы в нескольких захолустных уездах нищей Литвы? Ни заслуживающих внимания промышленных предприятий, ни источников сырья там нет, а есть лишь несколько десятков тысяч «расово неполноценных» литовских и польских крестьян, а в городках (о боже!) – евреев. Я очень сомневаюсь, что этот актив был так уж дорог для Германии, что она смогла выторговать у Молотова аж 7,5 миллионов долларов – весьма солидную по тем временам сумму. И уж совсем не поддается осмыслению то, что Молотов, дескать, заплатил в 1941 г. требуемую сумму за ту территорию, которая и без того принадлежала СССР в ситуации, когда у Германии не было ни малейшей возможности предъявить свои права на нее («секретные протоколы», как известно, юридически несостоятельны). Наконец, о какой передаче в состав Литвы могла идти речь 7 августа 1940 г., если 13 июля стороны обсуждали отказ от «формальных прав» на территорию, уже находящуюся в составе Литвы? Боже, ну что за придурки занимаются фальсификацией истории? Два соседних абзаца между собой согласовать не могут!

¹³⁸ <http://militera.lib.ru/research/semiryaga1/title.html>.

¹³⁹ <http://www.hrono.ru/sobyty/1940prib.html>.

Справа: так официальный Каунас видел Великую Литву в 1920–1938 гг. Слева: На германской карте 1935 г. мы видим, что Мемельская область обозначена как часть территории рейха. Вильно немцы признавали за Польшей.

Попытаюсь объяснить, из-за чего возникла путаница с Сувалками. Дело в том, что маленький отрезок польской территории, доставшийся Германии в 1939 г. – Сувалкинский район – граничит с литовской исторической областью, называемой Сувалкия. Для немцев или русских спутать Белостокское воеводство Польши с литовской Сувалкией достаточно сложно. Поляки с литовцами уж точно не перепутают, но поскольку «секретные протоколы» и сопутствующие документы явно состряпали англосаксы, то для них что Suwalki, что Suwalkia – один хрен. Но скорее всего они просто пользовались литовской картой, например той, что представлена на рисунке. Да, на ней Сувалки находятся на территории Литвы! Вы удивлены?

Литовцы – очень странный народ. С чувством реальности у них, мягко говоря, были проблемы. Например, с момента обретения независимости 20 лет польский город Сувалки они считали литовским, оккупированным поляками. С городом Вильно, который никогда не назывался Вильнюс и никогда не был населен литовцами – та же история. Вот хотелось им так считать – и рисовали они карты Великой Литвы, вплоть до 1938 г. включая в свои владения часть Виленского и Белостокского воеводств Польши. Литовцев в Сувалках практически не обитало, в Вильно их насчитывалось порядка 2 % населения. Из числа сельских жителей Виленском крае литовцев принято исчислять в четверть от остального народонаселения.

Претензии же Литвы на эти территории базировались главным образом на том, что ленинское правительство в 1920 г. авансом подарило эти земли Литовской республике за нейтралитет в войне против Польши, что, разумеется, никем никогда не признавалось. Но литовцы, большие мечтатели, рисовали «глобус Литвы» по своему усмотрению, на чем и споткнулись в будущем хлопцы, сляпавшие «секретные протоколы».

У них была задача – сделать фальшивку так, чтобы она подгонялась под исторические факты. Да, Советский Союз передал Литве Виленскую область в октябре 1939 г. Поэтому фальсификаторы ввернули в «секретный протокол» от 23 августа пункт о признании литовских прав на эту территорию. Но они плохо представляли, где находится Виленская область, и какие она имеет очертания, а потому, видать, воспользовались литовской картой, потому что только литовские ландкарты имели подходящий масштаб и только на них абстрактная Виленская область имела определенные очертания. А на той карте район Сувалок тоже обозначался, как территория Литвы, что и отложилось в их памяти. Далее мастера подделок посмотрели на политическую карту, отражающую ситуацию после 28 сентября 1939 г., и узрели, что Сувалкинский край отошел к Германии. Поэтому они сдуру и вклеили в «секретный протокол» от 28 сентября положение о праве Германии оккупировать часть Литвы, посчитав, что так оно и было на самом деле. Ко всему прочему изготовители фальшивого протокола, как упоминалось выше, забыли, что Литву, «проданную» Сталиным Гитлеру, тот «обменял» обратно на часть Польши, и поэтому они «спрямили» границу «сфер обоюдных интересов» так, что образовался Сувалкинский выступ. Ну а потом они решили спрямить границу в правильном направлении и «продали» Сувалки Сталину в 1941 г. за 7,5 миллионов «золотых долларов».

Этот географический бред уже не первое десятилетие тиражируют «историки» и политики, совершенно не задумываясь, какую чушь несут. И можете быть уверены – они и дальше будут пороть ахинею, признавая подлинность «секретных протоколов» от 28 сентября 1939 г. и от 10 января 1941 г., потому что если они признают их сфабрикованными, то им придется признать и остальные «секретные протоколы» подделками. Это значит – расписаться в собственной подлости и идиотизме. Но ни один умственно неполноценный индивид себя таким не признает, что вам подтвердит любой психиатр. Потому ни один серьезный политик или «историк» никогда ни при каких обстоятельствах не отреагирует на мое разоблачение. Будут молчать, как египетские сфинксы. Даже если перевести эту книжку на жмудскую азбуку и сунуть под нос литовскому президенту, он скорее заявит, что не умеет читать, чем отменит общенациональный траур 23 августа (День черной ленты) в честь юбилея «секретных протоколов», которых никогда не было. Общепризнанная ложь превращается в реальность.

Вильно

Город Вильно (ныне Вильнюс) по частоте упоминаний в этой книге уступает только Москве и Берлину. В этой связи хочется немного прояснить историческую метаморфозу – как бывший русский город Вильна превратилась в польское Вильно, а тот – в литовский Вильнюс. Напрямую к теме «секретных протоколов» это не относится, зато помогает понять стремительное развитие ситуации в регионе в 1939–1941 гг., а так же то, почему именно Литва первой из всех советских республик объявила о своей независимости в 1990 г., открыв тем самым парад суверенитетов.

Сначала я безуспешно пытался найти рациональное объяснение тому, почему именно Литва была избрана в качестве локомотива прибалтийского сепаратизма; почему именно литовские народные депутаты наиболее рьяно требовали осудить подписание «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа; почему именно «Tiesa», орган ЦК компартии Литвы, 20 декабря 1988 г. первой опубликовала текст протокола от 23 августа 1939 г.; почему именно в Вильнюсе в январе 1990 г. был разыгран классический сценарий бархатной революции (путч – демонстрация протеста – жертвоприношение – сплочение – эйфория).

Все попытки логически объяснить литовскую ненависть к «секретным протоколам» бессмысленны. Ведь если допустить, что история пошла в 1939 г. таким путем потому, что 23 августа в Москве Сталин и Гитлер поделили между своими империями Восточную Европу, то именно Литва от этого выиграла более всего – она обрела свою столицу Вильнюс, а в 1950 г. получила и порт Клайпеду (немецкий город Мемель). Если строго следовать историческим фактам, то Литва была соучастником раздела Польши в 1939 г., приняв в подарок от Советского Союза Виленскую область. Поэтому когда прибалты принялись с пеной у рта клеймить сговор Молотова – Риббентропа, то уж чья бы корова мычала, но литовской следовало скромно помолчать. На деле же Литва была громче других. Почему?

Ответ лежит в совершенно иррациональной области – литовцы из всех прибалтийских народов имеют самое ложное представление о своем прошлом, их историческое сознание во многом мутантно и крайне неустойчиво. Если говорить проще, то у литовцев нет истории, она выдумана на 90 %, практически полностью базируясь на мифах. А если нет реального базиса, историческое сознание этноса непрочное, и им можно легко манипулировать. Кто контролирует прошлое – тот управляет настоящим и формирует будущее – вот один из важнейших принципов манипуляции массовым сознанием. Именно это сделало литовцев идеальным материалом для, выражаясь научным языком, молекулярной агрессии в культурное ядро¹⁴⁰. По-простому это можно назвать зомбированием.

Итак, кто же такие литовцы? Этнические литовцы – по-старорусски жмудь, – это общность, образованная главным образом слиянием племен жемайтов и аукшайтов. Участвовали в литовском этногенезе так же ятвяги, траки, курши. Племена эти вплоть до XVI столетия были язычниками, а окончательно язычество было вытеснено христианством только через два столетия. Первый письменный источник, который, как считается, содержит в себе запись на литовском языке, датируется 1503 г. и представляет собой молитву, написанную от руки на последней странице богослужебной книги, выпущенной в Страсбурге. В 1653 г. выпущен первый учебник литовской грамматики. Впрочем, литовская письменность имела совершенно незначительное распространение вплоть до XIX столетия по причине ничтожно малого количества грамотных литовцев. В 1864 г. после подавления польского мятежа царский наместник в Северо-Западном крае Михаил Муравьев-Виленский запретил латинскую азбуку и литовский язык был переложен на кириллицу – это один из нечастых случаев культурно-национального

¹⁴⁰ Наиболее полно эта технология рассмотрена в книге Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием».

насилия в Российской империи. Запрет этот, впрочем, был формальным, культурный литовский слой продолжал пользоваться латиницей, литература ввозилась из-за границы, а подавляющее большинство литовцев оставались неграмотными, и их это нововведение никак не затронуло. Запрет на применение в печати латиницы был снят в 1904 г. Современный литературный литовский язык, основанный на диалекте западных аукшайтов (сувалкийцев), складывается к началу XX века.

Своей государственности вплоть до 1918 г. литовцы не имели. В торговле и мореплавании они своего следа не оставили, городов не построили, письменности не создали, да и в военном деле не блистали. Собственно, сохранились жемайты и аукшайты только потому, что жили в медвежьем углу, который особого интереса для завоевателей не представлял. Между тем сами современные литовцы свято уверены, что принадлежат к великой исторической нации, создавшей в Средневековье мощное государство – Великое княжество Литовское. В реальности государство это было русским, а жемайты, аукшайты, курши, латгалы и другие небольшие культурно отсталые племена входили в это государство на правах данников. Впрочем, особой ценности те же язычники-жемайты и их земли не представляли, и потому, например, князь Ягайло Ольгердович легко отдал Тевтонскому Ордену Жемайтию в качестве платы рыцарям за помощь в борьбе за литовский престол.

Вильна – столица княжества – была на протяжении столетий русским городом, а литовцы – это не название этноса, а обозначение жителей Великого княжества Литовского. Точнее в прошлом они назывались литвинами. Еще в XIX столетии в широком обиходе был термин «литовцо-русс», который впоследствии был вытеснен этнонимом «белорусы». Как несложно догадаться, к современным литовцам все это не имело ни малейшего отношения. Миф о Великой Литве был создан литовскими националистами на рубеже XIX–XX веков очень нехитрым способом: они перекрестили деятелей Польши и Великого княжества Литовского на жмудинский манер, и тем самым приписали себе историю Польши и Русской Литвы. Князь Витовт стал Витаутасом, Миндовг – Миндаугасом, Ольгерд – Альгирдасом, Гедемин – Гядэминасом, и так далее. Разумеется, типично славянские имена Витовт и Ольгерд ничего общего с полудикой языческой жмудью не имели и иметь не могли. «Историки» же, пытаясь объяснить столь странную славянизацию литовцев, запустили в оборот идиотскую легенду о том, что литовцы, завоевав русских, переняли у них язык, культуру, веру и даже сменили имена. Припоминаете ли вы хоть у одного завоевателя такие же манеры?

Ранняя польско-литовская и русская история тесно переплетены. Так, например, русский князь Яков Витебский, более известный как Ягелло (Ягайло), сын княгини Ульяны Александровны Тверской, после женитьбы на польской королевне Ядвиге и перехода в католичество, положил начало знаменитой ягеллонской королевской династии. При Ягелло произошло событие, кардинально повлиявшее на историю Западной Руси – Великое княжество Литовское и Польское королевство в 1385 г. заключили династический союз – унию, создав общее государство – Речь Посполитую. С этого момента началась постепенная дерусификация и окатоличивание Великого княжества Литовского, урезание политических прав, приведшие к полной утрате Литвой государственности к началу XVIII столетия. Православная литовская знать постепенно окатоличивалась и ополячивалась, слившись с великопольской шляхтой. Крестьянские же массы и городских обывателей так и не удалось перекрестить в католиков.

Наличие у литвинов и поляков общей неразрывной истории, легко объясняет, что одних и тех же деятелей современные белорусы и поляки именуют на свой манер по-разному, отчего они как бы раздваиваются. Но и те и другие все же понимают, что речь идет об одних и тех же лицах. Однако жмудины «приватизировали» не только этноним «литовцы» (lietuviai), но и всю польско-литовскую, то есть польско-западнорусскую историю, объявив ее своей собственностью, а себя – единственными наследниками Великого княжества Литовского.

Собственно, никакой древней истории не было у финнов, латгалов, эстов, ингерманландцев, карел. Была лишь история завоевания этих земель германцами, полякам шведами, русскими и датчанами. Завоеватели строили города и церкви, заводили университеты, развивали ремесла и искусства. Местное же население представляло собой крестьян, не имеющих ни национального сознания, ни письменности, ни интеллигенции, ни аристократии. Прибалтийские помещики – сплошь немцы, отчасти шведы, в Литве – поляки. Так было веками. Национальное пробуждение балтов начинается лишь со второй половины XIX столетия с появлением местной интеллигенции. Тогда же начинают складываться у малых народов литературные языки.

Звездный час для националистов наступает в период распада Российской империи. «Независимое» литовское государство впервые создается под опекой германских оккупационных сил в декабре 1917 г. Государственный Совет, провозгласивший независимость Литвы, сделал это с оговоркой, что она будет в «вечных союзных связях Литовского государства с Германией». С разгромом Германии новорожденное литовское государство быстро меняет покровителей, переориентировавшись на Париж и Лондон. В 1919 г. чуть более полугода существует вассальная по отношению к Москве Литовско-Белорусская Советская Социалистическая республика со столицей в Вильно.

В 1920 г. Литва ссорится с другим детищем Антанты – Польшей, что толкает ее на сближение с большевистской Россией в советско-польской войне. Москва за хорошее поведение обещает признать за Литвой Вильно и Сувалки. Советское правительство считало эти обязательства чисто формальными, а вот в Каунасе, как переименовали новые власти Ковно, восприняли их вполне серьезно. Вояки из литовцев оказались никудышными, и поляки в ходе контрнаступления в августе 1920 г. легко разбили, с позволения сказать, литовскую армию, намереваясь полностью подчинить себе Литву, но этому воспротивились западные хозяева Варшавы, верные древнему принципу «разделяй и властвуй».

Поэтому начальник польского государства Юзеф Пилсудский пошел на хитрость – завоёвывать Литву, с которой Польша заключила перемирие, он отправил дивизию генерала Люциана Желиговского, которого официально объявил мятежником. Части Желиговского состояли в основном из жителей Вильно и окрестностей, которые Антанта решила уступить Литве, не смотря на то, что абсолютное большинство населения там были поляками. Повстанцы Желиговского, снабжаемые из Польши, выбивают 9 октября 1920 г. литовские войска из их столицы Вильно и провозглашают государство Срединная Литва. 20 февраля сейм Срединной Литвы принимает резолюцию о присоединении к Польше. Сейм в Варшаве в свою очередь обнародует акт о воссоединении. Западные союзники в марте 1923 г., поставленные перед свершившимся фактом, признают Виленский край за Польшей. Советский Союз протестует против этого решения и заключает с Литвой договор о ненападении, что в какой-то мере сдерживает агрессивные намерения Польши, желающей полностью проглотить своего маленького соседа.

Одновременно разворачивается соперничество между Польшей и Литвой за немецкий порт Мемель. По Версальскому договору Мемельский край отторгается от Германии. В период 1920–1923 гг. краем от имени Лиги Наций управляет французская администрация. После ухода из края французов 10 января 1923 г. около трех тысяч боевиков литовского «Союза стрелков» («Шаулю саюнга»), переодетых в гражданскую одежду, проникают в Мемель, Шилуте и другие населенные пункты края. Они инсценируют там народное восстание и, разогнав немецкую директорию – исполнительный орган власти в Мемельском крае, оккупируют бывшую германскую территорию.

Мемельские немцы не оказали вооруженного сопротивления «Шаулю саюнга». Немецкое население (мемельлендеры) сочли, что в будущем им будет легче избавиться от слабой Литвы, чем от более сильной Польши. Официальный Берлин решил не вмешиваться в ход событий. Лишь Польша яростно протестует против действий Литвы и даже пыталась спровоцировать

новую войну. 16 января 1923 г. в Мемельский порт вошел польский крейсер, и, вероятно, лишь решительный протест Москвы помешал развязыванию нового вооруженного конфликта.

Мемель – город, основанный крестоносцами в 1252 г, всегда был чисто немецким, литовцев в нем проживало к 1923 г. не более 8 %, а в прилегающих районах из 120 тысяч жителей они насчитывали не более 32 тысяч¹⁴¹. К тому же местные литовцы, именуемые литовниками, были в значительной степени онемечены и по вероисповеданию являлись лютеранами в отличие от остальных литовцев-католиков. Хотя территориально Мемельский край был небольшим, экономическое его значение было огромно: он дал Литве единственный морской порт, в Мемеле было сосредоточено около 30 % всей литовской промышленности.

Немцы, ставшие в нищей Литве нацменьшинством, не испытывали восторга от новой «родины», многие даже отказались принимать литовское гражданство. С приходом к власти Гитлера и усилением Германии, в Мемеле, переименованном литовцами в Клайпеду, активизируется движение мемельлендеров за возврат края в лоно фатерланда. Создаются военизированные формирования, в январе объявляется о подготовке референдума по вопросу присоединения к Германии. Воспользовавшись ситуацией, Берлин 21 марта предъявляет Каунусу ультиматум с требованием вернуть Германии Мемель и заключить межгосударственный договор, ставящий Литву в зависимость от рейха. Литва униженно соглашается принять германские требования. 22 марта в Мемель на военном корабле прибывает Гитлер, где его встречает ликующая толпа.

Германия в этом случае брала пример с Польши. 1 марта 1938 года на литовско-польской границе обнаружили труп польского солдата. Варшава тотчас развернула массированную анти-литовскую кампанию, готовясь осуществить аншлюс Литвы параллельно с гитлеровским аншлюсом Австрии. 16 марта в Берлине посол Липский осведомился у Геринга о реакции Германии на захват Польшей Литвы. Тот выразил полнейшее согласие с этим шагом, оговорив только, что Мемель не должен быть захвачен поляками. В ночь с 16 на 17 марта Варшава предъявила Литве ультиматум: в течение 48 часов подписать мирный договор (состояние войны между двумя странами не было прекращено с 1920 г.) и отказаться от каких-либо притязаний на Вильно. В противном случае Польша угрожала применить силу, сосредоточив на литовской границе крупные воинские силы.

Эскалацию конфликта остановило вмешательство Советского Союза и Франции. 16 марта наркоминдел Литвинов заявил польскому послу в Москве Гжибовскому, о том, что СССР не останется безучастным в случае начала агрессии. После того как Франция выступила с аналогичным заявлением, поляки сбавили обороты. Литве же не осталось ничего другого, кроме как удовлетворить польские требования. Но вопрос о Виленской области не был решен в марте 38-го. Через полтора года Красная Армия, перейдя польскую границу, один из ударов устремит в направлении Вильно. Польский гарнизон окажет сопротивление, советские войска при захвате города 17–18 сентября понесут потери в технике и живой силе. А уже 10 октября 1939 г. Вильно с окрестностями будет передан Литве на основании советско-литовского договора. Литовский диктатор Сметона объявит Вильнюс столицей Литвы, но переехать в этот польский город побоится. Лишь 25 августа 1940 г. Верховный Совет Литовской ССР принял постановление «О переезде государственных и правительственных органов в Вильнюс».

Всплыла Виленская область и в «секретном протоколе» от 23 августа 1939 г. Некоторые комментаторы пытаются представить дело так, будто инициатива признать за Литвой права на Виленскую область исходила от Германии: поскольку Литва отходила в ее «огород», то фактически немцы застолбили за собой право и на Вильно с окрестностями. Но в этом случае вопрос о разграничении сфер интересов на северо-востоке Польши не был решен ни 23 августа, ни 28

¹⁴¹ см. Сергей Тюляков, «Выборочная память», «Независимое военное обозрение», 25 июля 2007 г. // http://nvo.ng.ru/history/2003-07-25/5_memory.html.

августа 1939 г. Это уже не такая мелочь, как прокол с рекой Нарев, не впадающей в Вислу. Границы так называемой Виленской области никому не были известны, а сами литовцы, например, считали своими и Сувалки, и Августов и даже Гродно с Лидой, рисуя границу «Великой Литвы» аж по реке Неман. Поэтому элементарный здравый смысл подсказывает, что в «секретном протоколе» не стоило разводить демагогию про права на Виленскую область, а надо было конкретно разграничить сферы интересов двух держав в Виленском воеводстве Польши – северо-запад Германии, юго-восток – СССР.

Мемель, как и Вильно, достался литовцам на халяву. Красная Армия взяла его руины штурмом в конце января 1945 г, понеся немалые потери (всего в Литве погибло около 600 тысяч советских солдат). Город вновь переименовывается в Клайпеду и включается в состав Литовской ССР, которая, наконец обретает свои современные границы. Ныне в Литве немцы не проживают, поляки составляют меньшинство – менее 7 % населения, а от евреев, некогда второй по численности группы городского населения, практически не осталось следа. Большинство евреев было уничтожено во время германской оккупации, и в основном этим занимались местные из числа национально озабоченных активистов. Кстати, Литве в деле этнических чисток принадлежит своеобразный мировой рекорд: по числу уничтоженных евреев относительно общей численности населения страна занимает первое место в мире.

В июне 1941 г. немцев многие литовцы встречали с цветами, видимо надеясь по старой памяти, что оккупанты вновь, как и в 1918 г. будут пестовать литовскую независимость. В Каунасе даже было провозглашено коллаборационистское Временное правительство Литвы во главе с Юозасом Амбразевичюсом, которое оккупанты, однако, разогнали, а Литву включили в состав рейхскомиссариата «Остланд». И если латыши и эстонцы, условно говоря, считались людьми второго сорта, то литовцы пользовались правами третьесортной этнической группы, не годной к германизации. Литовцы даже не удостоились сомнительной чести служить в национальных формированиях ваффен-СС. И если в Латвии и Эстонии партизанского движения фактически не было, в Литве оно существовало, правда, в основном партизанили поляки, евреи (известны даже целые еврейские отряды) и русские. Из литовцев оккупанты формировали лишь местную полицию.

Из всех прибалтийских народов у литовцев было самое обостренное чувство национальной неполноценности. С одной стороны национальная интеллигенция сумела внушить своим соплеменникам миф о древней Великой Литве, простиравшейся от моря до моря, а с другой стороны вся современная история Литвы – это длинная цепь поражений и унижений. Литовское государство создано под эгидой оккупационных германских войск и избегло поглощения Польшей только потому, что в Лондоне и Париже это сочли нецелесообразным. Литовские войска не сумели одержать хоть каких-нибудь успехов в войне с поляками и беспомощно сдали свою столицу Вильно повстанцам Желиговского. 20 лет литовцы болезненно переживали «оккупацию» трети «своей» территории Польшей, а сохранили свою «независимость» лишь благодаря заступничеству СССР и Франции. В 1938 г. Литва униженно приняла ультиматум Польши, в 1939 г. отдала Германии «свою» Клайпеду. При этом Берлин еще и вволю поиздевался над литовцами, заставив официальный Каунас публиковать в газетах приветственные передовицы в честь новой эры германо-литовской дружбы.

Все европейские границы нарисованы кровью и оружием. Что касается соседей Литвы по антисоветскому «санитарному кордону» – Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии, то национальное самосознание их народов имело поводы для определенной гордости. Собственные границы они чертили своим оружием и оплатили их своей кровью, пусть даже основная роль принадлежала Антанте. Поляки превозносили Чудо на Висле и полководческий гений Пилсудского, наголову разгромившего Западный фронт под командованием Тухачевского. Эстонцы чествовали генерала Лайдонера, утвердившего независимость своей маленькой страны победой своего отряда над отрядом фрайкора (немецкого ополчения) в бою под Вынуу. Латыши,

хоть их свободу в борьбе с Красной Армией в основном отстаивали бойцы немецкого ландвера под командованием генерала фон дер Гольца, считали победу на большевиками своей. Независимая Финляндия рождалась в горниле жестокой гражданской войны, и уж чего-чего, а крови финская государственность стоила немалой. Маршал Маннергейм – крестный отец свободной страны Суоми крестил ее огнем и мечом. Даже крайне слабая в военном отношении Румыния умудрилась под шумок отхватить себе от России Бессарабию, от Венгрии – Трансильванию, и тем самым утвердить Великую Румынию (пусть и картонную). Одни лишь литовцы не имели ни великих полководцев, ни громких побед, и границы их государства сложились по милости покровительствующих им великих держав.

В период своей первой независимости Литва была самой нищей из всех стран, образовавшихся на обломках Российской империи. В Латвии литовцев-батраков воспринимали примерно так же, как сегодня в РФ относятся к таджикским гастарбайтерам. С демократическими европейскими традициями у литовцев тоже не задалось – диктатура там была установлена раньше, чем у латышей и эстонцев, в 1926 г. Никаких заметных культурных, экономических и социальных достижений в межвоенный период Литва не достигла. Разве что крестьянская беднота сильно обовшивела (об этом сильно переживала тогдашняя пресса), но гордиться этим вряд ли стоит.

В 1939 г. ветер меняется, и Литва вынуждена заискивать уже не перед англичанами и французами, а перед русскими, которые в отличие от немцев, не отрывали от страны куски, а великодушно подарили ей «историческую столицу» – польский город Вильно. По этому случаю диктатор Сметона вынужден был произносить торжественные славословия в честь товарища Сталина, а в газетах публиковать еще более восторженные статьи, нежели по поводу германо-литовской дружбы. Наконец, в 1940 г. литовская государственность тихо скончалась под восторженные вопли голодных обывателей, которые предпочли сытную пайку опостылевшей независимости.

В июне 1941 г. литовская армия, переформированная после советского «аншлюса» в стрелковый корпус, героически разбежалась (кое-где литовцы даже смело порезали русских командиров), не желая ни освободиться от русских «оккупантов», ни сопротивляться оккупантам немецким. Под покровительством Третьего рейха литовцы не сделали ничего, чем можно было бы гордиться, как например, эстонцы сегодня гордятся подвигами своих эсэсовцев из дивизии «Эстланд». В конечном итоге дело было решено без литовцев, когда в 1944 г. Красная Армия освободила Прибалтику от гитлеровцев.

Тут как раз и наступает период экономического и культурного расцвета советской Литвы, но нынешним национально озабоченным гражданам титульной национальности гордиться этим запахло, так как расцветом этим они обязаны проклятым русским «оккупантам». Даже своих лесных братьев литовцы не могут героизировать так же, как это делают латыши и эстонцы, поскольку именно в Литве послевоенное противостояние меньше всего напоминало национально-освободительное движение – местные повстанцы сражались не столько с «оккупационными» опергруппами НКВД, сколько со своими же соплеменниками из отрядов сельской самообороны. Бывшие нищие батраки почему-то с энтузиазмом мстили своим былым хозяевам-кулакам.

Поэтому ничего удивительного, что к концу 80-х годов у литовцев сформировалось шизофренированное чувство национальной неполноценности, подогреваемое виртуальными образами великого прошлого при том, что это «величие» не находило никакого воплощения в новейшей истории. Пропась в сознании между фантомной историей и реальностью порождала компенсаторную агрессивность. Массовое сознание литовского народа было подготовлено к тому, чтобы выместить ненависть по отношению к врагу, на роль которого предназначались «пришлые» и «оккупанты». Остальное – дело технологии «бархатных» революций.

Даже литовская ненависть к инородцам была иррациональна. Если в Латвии титульная народность составляла примерно половинную часть населения¹⁴², а в Эстонии активная миграция русских ставила под угрозу культурную идентичность коренного населения, то в Литве подобные явления имели многократно более слабую тенденцию – литовцы уверенно составляли более трех четвертей населения республики.

Тем не менее, в 70-е годы, когда в Латвии и Эстонии было тихо и спокойно, в Литве дважды отмечались крупные беспорядки – в 1972 и в 1977 г. Особенно примечательна так называемая «Каунасская весна» 1972 г. 14 мая 1972 года психически нездоровый 19-летний студент Ромас Каланта пришел к популярному месту сбора молодых людей у фонтана около Музыкального Театра на центральной улице Каунаса – Аллее Лайсвес, где совершил акт саможжения. Якобы кто-то потом нашел неподалеку его записную книжку, в которой были написаны слова: «В моей смерти прошу винить исключительно политическую систему». Достоверных свидетельств на сей счет нет. Диссидентская «Хроника текущих событий» сообщала, что Каланта, верующий католик, покончил с собой в знак протеста против гонений на религию. Сам факт самоубийства так же не представляет собой ничего неординарного, сегодняшняя Литва, например, вообще мировой лидер по числу самоубийств на душу населения. Тем не менее, 18–19 мая по городу прокатились массовые молодежные беспорядки. Сегодняшние литовские комментаторы представляют каунасские беспорядки, как первое массовое антисоветское восстание в Литве и считают главными его лозунгами следующие: «Свободу Литве! Русские, убирайтесь!»¹⁴³. Другие утверждают, что конфликт разгорелся именно на религиозной почве.

7 и 10 октября 1977 г. в Вильнюсе имели место массовые беспорядки, спровоцированные футбольными фанатами. Сегодня подобное вряд ли кого-то удивит, но для советского времени это было событием из ряда вон выходящим. К тому же зачастую погромщики выкрикивали антисоветские и антирусские лозунги. Во всех случаях власти не придали значения политической окраске беспорядков (если она действительно была, а не придумана впоследствии впечатлительными национальными интеллигентами), зачинщики выступлений получили довольно мягкие наказания за хулиганство – в октябре 1972 г. лишь семеро человек были осуждены за участие в «Каунасской весне». Из 10 тысяч человек, участвовавших 10 октября 1977 г. в беспорядках, было задержано лишь 44 погромщика. Да, вот такой страшный оккупационный режим царил в Прибалтике, даже уличные погромы проходили практически безнаказанно! Поэтому не удивительно, что антисоветизм беспрепятственно расцвел в Литве пышным цветом.

Апогеем Перестройки принято считать «путч» ГКЧП и последовавшее за ним подписание Беловежских соглашений, де-юре закрепивших разгром СССР. Но, на мой взгляд, куда большее значение имела кровавая бойня в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 г., которая означала развал страны де-факто. Это был критический рубеж, и победа сепаратистов в маленькой Литве означала поражение большого Советского Союза в Холодной войне.

Очевидно, что кровопролитие в Вильнюсе готовили зарубежные режиссеры вроде уже цэрэушника Андрию Эйве (см. главу «Исход»). Вильнюс, учитывая прецеденты 70-х годов, был выбран для организации массовых беспорядков не случайно. Исполнителями акции являлись горячие местные парни, прошедшие соответствующую спецподготовку. Один из них – Аудриус Буткявичус, глава департамента охраны края. Родился он в 1960 г. в Литве, окончил Каунасский медицинский институт. С 1990 г. по 1994 г. был членом Верховного совета, а затем Сейма. По линии военного ведомства стажировался в военной академии в Великобритании и институте Эйнштейна в США. В 1997 г. был осужден на пять лет за мошенничество. В 2000 г. осво-

¹⁴² Латвия 50-70-х годов отличалась удивительной для сегодняшнего времени толерантностью в национальном вопросе – по количеству смешанных браков она занимала третье место в СССР после РСФСР и Украины. Отношение к мигрантам из других советских республик было благожелательное, ведь приезжали в этот аграрный край в основном инженеры и квалифицированные рабочие, без которых индустриализация республики была немыслима. Видимо, тогда латыши это понимали.

¹⁴³ См. Рокас Трачевскис «Тайна Каунаса», <http://www.countries.ru/?pid=1394>.

божден, реабилитирован и восстановлен в Сейме. Во время «цветочной революции» в Грузии координировал там деятельность частной военной компании «Kellog, Brown & Root», являющейся подразделением скандально известного концерна «Halliburton», аффилированного с бывшим вице-президентом США Диком Чейни. Буткявичусу приписывается организация всей технической (непубличной) части грузинской революции. После свержения Шеварднадзе он, вероятно, был приставлен «смотрящим» за грузинским правительством от своих американских хозяев. По крайней мере, дома в Литве он стал бывать редко, занимаясь «консультированием» грузин. Засветился Буткявичус и в работе с белорусской проамерикански настроенной оппозицией, но особых успехов на этой ниве не достиг.

25 апреля 2000 г. в «Новой газете» была опубликована статья Виктора Соколова «В Литве судят невиновных» о том, что литовское правосудие упрятало за решетку бывшего первого секретаря КПЛ (КПСС) Миколаса Бурокавичуса затем, чтобы прикрыть боевиков «Саюдиса», которые стреляли с крыш по безоружным людям:

«... Из материалов предварительного расследования, проведенного Прокуратурой СССР по горячим следам, которые были в октябре 1991 года переданы литовской стороне; следовало, что ни один из погибших не был убит солдатами регулярных частей. Экспертиза показала, что пули поражали людей не спереди или сзади, а сверху вниз. Стреляли не солдаты-десантники, находившиеся на земле, а неизвестные стрелки, разместившиеся на крышах и в окнах близлежащих домов¹⁴⁴. <...>

Находясь на стажировке в военном колледже в Лондоне, Буткявичус, по словам Станислава Мицкевича, публично заявил английской прессе; что он очень удачно разместил на крышах домов своих снайперов, которые стреляли в толпу для подогрева страстей и компрометации чекистов-десантников, присланных Москвой для контролирования ситуации в литовской столице и недопущения сепаратистских настроений. В 1998 году Буткявичус, слишком много знавший о тех событиях и пытавшийся с пользой для себя использовать свои знания в политической борьбе со спикером сейма Витаутасом Ландсбергисом, угодил за решетку на пять лет якобы за взятку (15 тыс. долл.), хотя скорее всего дело это было сфабриковано, чтобы закрыть ему рот. Отсидев чуть более двух лет, он за примерное поведение был условно освобожден и несколько дней назад повторил свои признания в интервью литовскому еженедельнику «Обзор», заявив, что заранее планировал жертвы у Вильнюсской телебашни. Таковы, по его словам, были правила игры того времени, которых нужно было придерживаться в условиях психологической войны, навязанной Буткявичусом московским военачальникам.

Это произвело в Литве эффект разорвавшейся бомбы, который дополнило выступление по телевидению известного литовского писателя и общественного деятеля Витаутаса Пяткявичуса. Он, опираясь на полученные им материалы, в том числе и от Буткявичуса, заявил, что «военнослужащие Советской Армии не причастны к гибели людей трагической ночью 13 января 1991 года в Вильнюсе»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Из тела одного убитого мужчины была извлечена пуля, выпущенная из винтовки системы Мосина, давно снятой с вооружения Советской Армии. Вскоре, появилось косвенное подтверждение того, что это убийство совершено литовскими боевиками. В марте 1991 г. литовский журнал «Karys» опубликовал фото, на котором запечатлены «защитники демократии» с мосинскими трехлинейками в руках. Бывший председатель Комитета по национальной безопасности Литовского сейма Витаутас Пяткявичус дал на суде показания о том, что в ту ночь около 20 боевиков-саюдистов были посажены на крыши соседних домов, откуда они стреляли вниз по толпе людей у подножья телебашни, но его заявление было проигнорировано. Якобы раздавленное танком тело мирного обывателя оказалось на поверку со следами автомобильной аварии. Ни одного свидетеля наезда танка на человека найти не удалось, не смотря на то, что это, якобы, произошло на глазах многочисленной толпы (прим. А. К.).

¹⁴⁵ См. Рокас Трачевскис «Тайна Каунаса», <http://www.countries.ru/?pid=1394>.

4 августа Буткявичус сам дал интервью Соколову, пытаясь опровергнуть собственное признание в организации убийств мирных жителей. Давайте посмотрим, как это у него получилось:

«...Смысл моего подхода был в том, что государство должно защищаться, но оно одновременно обязано обеспечить легитимность всех своих действий. Тех действий, которые страна вынуждена будет применить в случае ее оккупации. Второй задачей было не показать себя террористами и бандитами, какими нас рисовала советская пресса для компрометации перед Западом. Я в то время располагал информацией о методике организации обороны, которая опирается на гражданское население, осуществляя акты неповиновения.

– Откуда вы получили эту информацию?

– Из института Эйнштейна в США, руководимого профессором Джином Шарпом. Этот институт как раз занимался такими разработками. Я начал поддерживать с ними контакты и получил нужные мне материалы. Кроме того, у меня были свои мысли на этот счет. Ведь любая власть опирается на поддержку людей и имеет в этом смысле соответствующие ресурсы. Главный ресурс власти – это доверие масс. И если обладающие властью наносят удар по этому главному ресурсу, то они теряют власть. Чтобы этого не произошло, используют акции неповиновения – как в случае оккупации, так и в случае, если демократическая власть в стране захватывается представителями тоталитарного режима. Я соединил тогда разработки института и свои мысли, и мы создали структуру, которая могла бы привлечь и поднять гражданское население в том случае, если против Литвы будет использована сила. <...>

– Давайте все же перейдем к самим событиям 13 января.

– Да. Итак, мои люди-участники акции гражданского неповиновения – стоят в оцеплении возле башины и прикрывают ее. Запланированной антисепаратистской толпы нет. 107-я мотострелковая дивизия с бронетехникой опаздывает. Перед нами только «Альфа», у которой приказ пробиться внутрь телебашины под предлогом устранения беспорядков, а беспорядков нет. Что им делать? Они начинают пробиваться сквозь толпу, начинают действовать прикладами и стрелять. Внутри башины опять же стоят мои люди, имеющие приказ не пропускать «Альфу» внутрь, но и не употреблять оружие. Ни у кого из моих людей оружия не было. Его не могло быть, потому что именно на это опиралась вся наша стратегия: показать, как военная машина Центра нападает на невооруженных людей. Я сам лично все проверял, чтобы никто не был вооружен. Все имевшееся у нас оружие хранилось в зданиях парламента и правительства.

– Все оно охранялось и было под замком?

– Не только под замком. Я просто знал, кто имел оружие, и знал, что оно сдано. Нам по идее нельзя было его применять, иначе рушилась вся моя концепция обороны методом гражданского неповиновения. Нам нужно было все это показывать иностранным журналистам, и мы все деньги тратили на выполнение этой стратегии. Советская сторона мне помогала тем, что подпускала к нам журналистов в надежде, что они покажут выгодные ей кадры. Но мы их использовали в наших интересах.

«Альфа» начала пробиваться в здание иттурмом, и мои люди в телебашине использовали противопожарные устройства по заполнению башины инертным газом, после чего в ней находится бесполезно. И бойцы «Альфы» застрелили двух моих солдат, которые открывали резервуары с инертным газом. Но застрелили зря, так как они успели открыть резервуары и башня была заполнена инертным газом.

Уже позже, в 1999 году, я в Москве разговаривал с одним офицером КГБ СССР, который координировал действия «Альфы». Он мне рассказал, как погибли мои ребята, выполняя это задание. А все остальные, кто погиб на площади, – это были гражданские лица. Их

убили, когда через полчаса к зданию подкатили с опозданием боевые машины: специальные танки и другая броневая техника, которые сразу включились в бой. Мы записывали их переговоры, и сейчас еще можно прослушать, о чем они говорят: сколько у них боезапасов, чем они стреляют. Все эти записи сохранились. Они там говорят о том, что употребляют холостые патроны и боевые, но, когда у них потом брали интервью, они категорически отрицали, что употребляли боевые патроны. В основном боевыми патронами скорее всего стреляли не моторизованные части, а «Альфа».

– Да, но «Альфе» запрещено использовать оружие на поражение против мирных жителей. «Альфа», продираясь через гражданскую мирную и не очень мирную толпу, могла для устрашения использовать холостые патроны; а если бойцы этого подразделения и стреляли боевыми, то только против нападавшего на них противника, который угрожал их жизни оружием. Допустим, те двое убитых вели себя не столь безобидно по отношению к бойцам «Альфы», но все равно остается открытым вопрос, кто убил остальных мирных жителей. Ведь прокуратура вела расследование...

– Это можно спросить, конечно, и у работников прокуратуры, которые вели расследование, но и без них доказано, что стреляла «Альфа». Это видно из киноматериалов, которые были сняты на месте происшествия.

– А что там видно? Только огонь, вырывающийся из канала ствола. Неужели можно отличить на пленке холостой выстрел от боевого?

– Можно... Кроме того, там видны трассы выстрелов. Сам я, правда; этих кадров не видел; но они точно существуют и могут быть использованы в качестве доказательств. У нас никто не стрелял; я повторяю, так как это не укладывалось в нашу стратегию.

– Насчет стратегии я уже все понял. Но как вы в такой сложной ситуации могли точно проконтролировать, что никто из ваших не стрелял? Стратегия стратегией, а злоба и несдержанность порой берут верх.

– На пленке четко видны трассы как со стороны площади, так и со стороны башни...

– Так, значит, со стороны башни тоже вели огонь? Кто же оттуда стрелял, если там были только ваши люди?

– Этого я сказать не могу, но мои люди стрелять не могли. У них был приказ ни в коем случае этого не делать.

– Прокуратура в ходе обследования жертв, убитых из огнестрельного оружия на площади, пришла к выводу, что пули их поразили сверху вниз, а не по прямой. Значит, стреляли в этих людей не бойцы «Альфы», а люди с башни...

– Повторяю: я знаю о существовании фильма и этих трасс, которые идут как снизу, так и сверху от башни, но подтвердить, к сожалению, этого не могу, так как сам фильма не видел. Могу лишь еще раз повторить, что мои люди стрелять не могли, не имели права. Для нас использовать оружие было невыгодно, это нарушало всю нашу основную задумку и могло скомпрометировать всю идею. И потом оружия-то у нас практически не было: несколько автоматов и пистолетов, да еще какая-то мелочь. Что мы смогли бы сделать этим оружием против регулярных и вооруженных до зубов советских частей? Моя задача была показать применение военной мощи СССР против невооруженного гражданского населения Литвы. В этом была задача моей психологической войны: противопоставить армию и мирное население и показать это публично.

– Это я понял, но кто стрелял с башни и убил мирных жителей? Вам было это невыгодно, «Альфе» – тоже невыгодно. Может, существовала какая-то третья сила, которой это было выгодно?

– Этого я сказать не могу.

– Мне кажется, что и вы, не хотевшие стрелять, и москвичи, которые тоже, как они говорят, этого не хотели, должны были отдавать себе отчет в том, что в такой

ситуации до стрельбы могло дойти, несмотря ни на какие запретные приказы. Интересно у нас всегда получается: виноваты все, но виноватых нет...

– Нас сегодня обвиняют в том, что мы мирных жителей подставили под военную технику. И я принимаю эти обвинения. Даже больше. Я заявляю: я знал, что конфликт неизбежен. И я, как вы справедливо заметили, отдавал себе отчет в том, что дело может дойти до крови. Поэтому мною заблаговременно были даны распоряжения в больницы и госпитали, чтобы врачи были готовы принимать раненых. Я от этого не отказываюсь, поймите... Просто я и сейчас считаю, что тогда мы сделали все, что могли, для того, чтобы выйти малой кровью из сложной ситуации. Мы изъяли все оружие, сделали максимально все, чтобы исключить случайные или спровоцированные выстрелы, понимая вместе с тем, что они все равно могут быть. Но, извините, не я привел танки и «Альфу», не я бросил их в бой против мирных людей...»¹⁴⁶.

Не надо быть профессором психологии, чтобы увидеть, как неуклюже отбредивается Буткявичус, путаясь в собственном вранье. С одной стороны он, якобы, был идеологом мирного протеста, с другой – признает, что у его боевиков было «несколько автоматов и пистолетов, да еще какая-то мелочь». Кстати, откуда у «мирных» сепаратистов автоматы? Сначала он говорит, что разместил в башне боевиков без оружия, а потом утверждает, что дал им приказ не стрелять. Это как понимать? Можно ли было дать приказ остановить спецназ КГБ людям, не имеющим оружия? Ах да, они же заранее притащили в телебашню баллоны с инертным газом, выпустив который, сделали невозможным присутствие человека в здании. Но сами они отчего-то там остались. С точки зрения физики это равнозначно тому, чтобы притащить в телебашню бочку с водой и затопить ее, чем сделать невозможным проникновение в нее. Что-то я не пойму: то ли американцы вербуют в Прибалтике даунов, то ли их не учат грамотно брехать. Скорее всего, учат, но конкретно Бурокаявичуса учили расстреливать толпу и не более того.

Тем не менее, откровения этого террориста позволяют реконструировать события той кровавой ночи лучше, нежели скупая газетная хроника и противоречивые свидетельства очевидцев. Итак, толпу к телецентру привел именно Буткявичус якобы для того, чтобы помешать противникам сепаратистов захватить его. Но противников «Саюдиса» на площади не оказалось, так же как и военных. Неуклюжие объяснения Буткявичуса насчет того, что военные, дескать, не сверили часы, а сторонники Союза, мол, осознали свою неправоту, можно всерьез не воспринимать. Факт состоит в том, что «защитники» оказались на месте событий без «нападающих». Спецназ КГБ прибыл уже после саюдистов, в противном случае непонятно, почему ему, чтобы занять телецентр, пришлось продираться через толпу. До сих пор неизвестно, кто же конкретно дал приказ штурмовать телебашню. Практически все сходятся во мнении, что силовики сделали это по собственному почину. Такое возможно, но лишь в том случае, если боевики «Саюдиса» открыли огонь по спецназовцам и толпе из телецентра. В этом случае действия «Альфы» были совершенно естественны и оправданы.

Наверное, я рискую навлечь на себя обвинения в неполит-корректности, но все же выскажу свое субъективное мнение: литовцы – самый дикий, варварский народ Европы, если судить по их политикам. Советский Союз они ненавидят за то, что там преследовалось политическое инакомыслие, однако «демократический» парламент свободной Литвы принимает закон, по которому за активное участие в деятельности КПЛ грозит высшая мера наказания.

Стеная о сталинских депортациях, они совершенно не вспоминают, как практически всех евреев во времена германской оккупации депортировали на тот свет¹⁴⁷. Этот геноцид даже

¹⁴⁶ Виктор Соколов, «Он победил СССР без оружия», «Новая газета», 4 августа 2000 г.// http://www.ng.ru/ideas/2000-08-04/7_victory.html.

¹⁴⁷ Видя, с каким неподдельным энтузиазмом литовцы делают у себя дома «юденфрай», немцы, не желая мараить руки, свозили в Литву евреев из Европы для, так сказать, окончательного решения еврейского вопроса.

нельзя полностью списать на немцев, поскольку резать евреев боевики и сторонники Литовского фронта активистов (ЛФА) начали еще до

прихода Вермахта. В 2000 г. Витаутас Ландсбергис, будучи членом сейма, даже пытался добиться (правда безуспешно) признания прогерманского коллаборационистского Временного правительства Литвы, созданного ЛФА, законным правительством страны.

Я, если честно, понимаю нацистов, которые протянутую им руку дружбы с презрением отвергли – прогерманское Временное правительство они разогнали, а самозванного премьер-министра Казиса Шкирпу, бывшего посла Литвы в Германии, арестовали. Понятно и то, почему они не стали создать литовский легион СС, хотя эстонцев и латышей охотно ставили под ружье.

Хотя литовцы отчего-то причисляют себя к европейцам, в своем мракобесии они переплюнули самые авторитарные африканские режимы. Вряд ли во всем мире можно было найти в конце XX века тюремную камеру, в которой сидят сразу три профессора, но в свободной Литве во время антикоммунистической «охоты на ведьм» властям удалось добиться этого, упрятав за решетку бывшего первого секретаря КПЛ(КПСС) профессора Бурокаявичуса с коллегами.

А уж от того, как литовцы уважают закон, волосы встанут дыбом даже у отъявленных беспредельщиков. Сколько воплей было по поводу того, что в тоталитарном СССР внесудебные органы – так называемые «тройки» имели право приговаривать обвиняемых к срокам до 10 лет лагерей. В «демократической» Литве тому же Бурокаявичусу 12 лет строгого режима впалял суд, признав его... невиновным по существу предъявленных обвинений. Срок он получил «за активную деятельность в Компартии Литвы как партии, входившей в КПСС, которая играла роль «пятой колонны». Ей богу, когда инквизиция в Средневековье отправляла на костер еретиков, обвинения формулировались более конкретно.

Исход

Кто-то может заподозрить меня в ксенофобии: мол, автор пытается внушить, что «секретные протоколы» сфабриковали западные спецслужбы, чтобы разрушить СССР. Ну, подумаешь, канцлер Коль соврал, что располагает оригиналами этих документов – наверное, ошибся. Что с того, что Херварт набрехал, будто лично звонил фюреру – он просто чудачествовал в духе барона Мюнхгаузена. И государственный департамент США издал сборник липовых документов в 1948 г. исключительно из интереса к историографии. При чем тут Запад? На Западе демократия и свобода, а тамошние политики не занимаются закулисными провокациями, а работают совершенно открыто в черных смокингах и белых перчатках. Между тем есть множество фактов, неопровержимо доказывающих, что провокация с «секретными протоколами» целенаправленно осуществлялась Западом с целью развала Советского Союза.

23 августа 1986 г. был впервые широко отмечен День черной ленты в память о демоническом пакте Молотова – Риббентропа. И где же собрались протестующие? Вот перечень основных мест: Нью-Йорк, Стокгольм, Лондон, Торонто, Сиэтл, Перт (Австралия). Всего акции в День черной ленты прошли в 21 зарубежном городе. Думаю, не стоит объяснять, что когда по всему миру в один и тот же день проходят массовые манифестации в знак солидарности с маленькими балтийскими народами, томящимися под гнетом советской оккупации, стихийностью и случайностью это никак объяснить невозможно. Отчего-то 40 лет западная общественность совершенно не переживала по поводу свободы Балтии, и вдруг...

На следующий год зарубежные радиостанции, вещающие на территорию советской Прибалтики, призывают население выходить на митинги протеста против депортаций. Местная демократическая интеллигенция охотно откликается на эту идею, однако массового характера эти выступления еще не носили. 3 июня 1988 г. в Литве проходит учредительная конференция Движения за перестройку «Саюдис», на которой присутствует 36 человек. Возможно, это простое совпадение, но «Саюдис» создан на следующий день после знаменитого выступления Маврика Вульфсона на Пленуме творческих союзов Латвии, где его публичное выступление о «секретных протоколах» произвело эффект разорвавшейся бомбы. 14 июня «Саюдис» проводит политическую акцию протеста против депортации 1941 года, в которой участвуют 200 человек. Через несколько дней на площади Гедиминаса состоялся двадцатитысячный митинг, посвященный проводам делегатов 19-й Всесоюзной партийной конференции и вручению им наказов от имени сторонников нового движения. Встречали вернувшихся делегатов уже несколько десятков тысяч человек. 23 августа на многотысячном митинге в Вильнюсе по случаю 49-й годовщины подписания «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа обнародована программа «Саюдиса», взявшего курс на раскол СССР.

В Латвии и Эстонии все происходило гораздо скромнее. 13 апреля 1988 г. идею создания Народного фронта в прямом эфире эстонского телевидения выдвинул экономист Эдгар Сависаар. В ту же ночь была создана инициативная группа и составлена декларация движения, позиционировавшаяся первоначально как легальная демократическая оппозиция. Эстонские сепаратисты поначалу не устраивали собственные акции, а применяли прием, который политтехнологи называют «захват мероприятия». Презентация Народного фронта Эстонии прошла во время традиционного июньского фестиваля на Певческом поле, где собралось до 100 тысяч человек. Народнофронтовцы распространяли свою символику и агитматериалы. Тот фестиваль вошел в историю под названием «Поющая революция».

В Латвии идея создания Народного фронта родилась на Пленуме творческих союзов, проходившем 1–2 июня 1988 г. Это было весьма хорошо спланированное мероприятие, и скандальное выступление Вульфсона конечно же не было его самочинной хулиганской выходкой, как бы он не пытался представить дело именно так. Пленум принял очень радикальную резо-

люцию: Латвийская ССР должна была обрести «реальный суверенитет» с латышским языком в качестве единственного государственного; формально оставаясь в составе СССР, она должна получить независимое представительство в ООН, собственные военные формирования с командованием на латышском языке, экономическое самоуправление и право запрещать иммиграцию из других республик СССР. Спрашивается, что же тогда будет связывать Латвию с СССР?

Серьезную политическую поддержку получило выступление Вульфсона ив... Вашингтоне. Его вдова, Эмма Брамник-Вульфсон так писала об этом в 2006 г. в журнале «Republika.lv»:

«Материалы пленума мы направили в Кремль Михаилу Горбачеву, а в августе 1988 года к оценке тех событий о судьбе прибалтийских стран, высказанной Мавриком в его речи, присоединилась и группа конгрессменов США. После выступления Вульфсона на пленуме его точка зрения уже ни в Москве, ни в Вашингтоне не могла рассматриваться как выходка провинциальных бунтарей, которая распаляется, а потом с ипением остывает где-то у вод Балтийского моря»¹⁴⁸.

Латвийский Народный фронт возглавил Дайнис Иване, получивший известность благодаря своей борьбе против строительства Даугавпилской ГЭС. Не стоит удивляться, сепаратистские движения зачастую возникали как экологические и культурно-исторические общества, так было безопаснее. Ну а потом виновными в загрязнении моря и упадке национальной культуры, естественно, объявлялись проклятые русские оккупанты.

Кстати, озабоченность проблемами экологии сразу улетучилась в странах Прибалтики сразу с обретением независимости. 3 апреля 1987 г. планы правительства начать разработку фосфоритного месторождения на севере Эстонии привели к кампании протестов в средствах массовой информации и возникновению движения «зеленых». Пропагандировалось мнение, что разработка месторождения неизбежно нарушит водоснабжение всех прилегающих областей. Еще в 1971 году для предотвращения добычи фосфоритов был создан первый в Советском Союзе Лахемаский национальный парк. В настоящее же время месторождение успешно разрабатывается шведским холдингом. Будучи в составе СССР, эстонцы могли не очень-то беспокоиться о своей экономике, их больше заботил комфорт проживания. Кстати, поскольку эстонские ГРЭС работают на горючих сланцах, а не на газе, то республика занимает одно из первых мест в мире по выбросам углекислого газа в атмосферу на душу населения. А в 2008 правительство начало рассматривать вопрос о строительстве в республике АЭС. Если бы это предложила советская «оккупационная администрация», то вся республика бы встала на уши от возмущения. А сегодня протестов что-то не слышать.

23 августа 1988 г. десятки тысяч демонстрантов уже публично осуждали секретные протоколы Молотова – Риббентропа, о которых они только что узнали из прессы и западных радиоголосов. Массовая истерия уже достигла весьма внушительных масштабов. Апогеем массового протеста стал «Балтийский путь» – акция 23 августа 1989 г, в ходе которой около двух миллионов человек (некоторые источники называют цифру до 2,5 миллионов) выстроились в живую цепь от Вильнюса до Таллина. Эта манифестация стала самой массовой за всю историю человечества и в этом качестве вошла в книгу рекордов Гинесса. Можно много рассказывать об этом уникальном с точки зрения политтехнологий мероприятии, но я, пожалуй, ограничусь тем, что воспроизведу посвященную «Балтийскому пути» публикацию в газете «Известия» за 25 августа 1989 г. Даже по этому более чем сдержанному тексту можно представить, какого накала достигли тогда антисоветские настроения в Прибалтике.

¹⁴⁸ <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>.

БАЛТИЙСКИЙ ПУТЬ

Прямая связь. У телетайпа – собственные корреспонденты «Известий».

23 августа в прибалтийских республиках состоялась акция протеста против подписанного 50 лет назад советско-германского договора. Ее участники, взявшись за руки, стали на трассе от Вильнюса до Таллинна

ВИЛЬНИЮС

Передает Леонид Капелюшный:

Живая цепь начиналась на вильнюсской площади Гедиминаса. На листовке, распространенной «Саюдисом» накануне, было точно обозначено, как она протянется до самой латвийской границы – с указанием участков, подучастков, ответственных за каждый километр лиц. Республиканская печать за несколько дней до события опубликовала интервью ЭЛЬТА с активистами движения, отвечающими за порядок проведения мероприятия, где было подробно указано, откуда отправляются автобусы для желающих выехать на трассу, как обезопасить не прекращающееся движение на шоссе, получить в случае необходимости медицинскую помощь.

Я не знаю, сколько человек стояло в этой цепи. Но коль за 20 минут до начала акции председатель сейма движения народный депутат В. Ландсбергис обратился к вильнюсцам по радио с просьбой не стремиться попасть за город и не создавать тем затруднений для транспорта на перегруженной магистрали, можно предполагать, что брешей в ней не было.

Нужно отдать должное и организаторам, и участникам – живая цепь производила впечатление. Держа зажженные свечи (огонек тоже передавался от человека к человеку), подняв сцепленные над головой руки, люди в назначенное время вышли на осевую линию. Зачем?

«Мы не хотим, чтобы это когда-нибудь с кем-нибудь повторилось». «Это мой долг перед репрессированными родственниками». «Мы хотим жить в свободной Литве». «Меня привела сюда совесть». «Мы хотим жить лучше и для этого должны быть едины». Так отвечали вашему корреспонденту рабочие, студенты, пенсионеры, интеллигенция. Ни одного слова вражды против «оккупантов и инородцев», против «коварной Москвы». Тогда откуда же напряженность, звенящая как предельно натянутая невидимая струна, на которую натывается то один, то другой? Чью точку зрения выражает «наглядная агитация», которой украшена площадь Гедиминаса – оскорбительные лозунги и призывы, крикливые значки и плакаты, где истина искажена по шулерски ловко? Кому нужно было, к примеру, заполнить город значками – звезда со свастики в центре, рукопожатие фашистского флага со свастикой и советского с серпом и молотом? Городская газета «Вечерние новости» напечатала репродукцию изданного в Эстонии плаката: ноги идущего в ботинках, украшенные той же свастикой и серпом и молотом. Пройдены даты 1939, 1989. И многозначительно оставлено место для следующей...

В живой цепи на многих десятках километров литовской земли стояли жители Литвы разной крови. И в этом нет беды. И разных взглядов – что тоже естественно. А вот то, что с разным пониманием добра и зла, гораздо хуже. За три часа до того, как участники акции «балтийский путь» потянулись к площади Гедиминаса, в Нагорном парке начался новый митинг. Лига свободной Литвы и еще десяток неформальных организации в далеко не заполненном амфитеатре не просто протестовали против договора. Ораторы требовали перемены власти, устранить коммунистов от управления Литвой, вывести войска и прочая... Хотят или не хотят литовцы, которые стали в живую цепь, но тень антисоветских, антирусских призывов ложится на все происходящее.

РИГА

Передают Ирма Литвинова:

При выезде на Бауское шоссе в половине седьмого вечера 23 августа нашу машину остановили. Шла подготовка на территории Латвии к акции «Балтийский» путь».

В «Балтийском пути» участвовали не только местные националисты, но и представители «оккупационного» нацменьшинства. Сегодня эти борцы за свободу Эстонии в большинстве своем носят ярлык «неграждан». Об уважении русского языка в республике говорить неприято.

– Притормозите, пожалуйста, пропустите людей, – предупредил нас человек с непривычной повязкой на рукаве. Оказалось, что это член отряда по охране общественного порядка массовых общественно-политических организаций, созданного по решению правления Думы Народного фронта Латвии.

О ходе формирования отрядов дружинников Народного фронта и их функциях сообщалось в бюллетене НФЛ неделю назад: «Разумеется, в задачи этих дружинников будет входить не задержание пьяниц и проституток (это «чисто милицеские» задачи), а охрана порядка на мероприятиях, проводимых демократическими движениями». И вот пришел день, когда потребовалась помощь только что созданных отрядов. Через некоторое время дружинники Народного фронта дали нам «зеленый свет», и мы пристроились в общую колонну машин, двигавшихся по шоссе. Такого скопления транспорта эта трасса, наверное, не знала. Тысячи жителей Латвии откликнулись на призыв Народного фронта: «23 августа в 19.00 мы подтвердим в собственных глазах и глазах всего мира нашу твердую решимость бороться за достойную человека жизнь, взявшись за руки и выстроив на территории Эстонии, Латвии и Литвы живую цепь». Участники акции подняли национальные флаги с черными лентами. После 19 часов было передано по радио выступление председателя Народного фронта Латвии, народного депутата СССР Дайниса /Аванса: «Первый раз за все время существования народов Латвии, Литвы и Эстонии под небом Балтики мы поистине стали на единый «балтийский путь» – за свободу и независимость!»

У памятника Свободе в Риге вечером этого же дня прошел митинг, организованный Движением за национальную независимость Латвии. Вот некоторые из поднятых на площади плакатов: «Восстановление независимости Латвии – решение проблем», «У нас не межнациональные отношения, а отношения оккупантов и оккупированных», «Через гражданские комитеты – к государственности Латвийской республики». Остальные лозунги, пожалуй, я

перечислять не стану, так как они носили явно провокационный, во многих случаях оскорбительный характер.

Речь некоторых ораторов тоже не отличалась сдержанностью и корректностью. Аплодисментами были встречены даже откровенные призывы к насилию. И это после того, как на состоявшемся недавно съезде Движения за национальную независимость не раз говорилось о приверженности этой организации к ненасильственным действиям, парламентским методам деятельности.

«Добиться на предстоящих выборах большинства демократических сил, которые сумеют принять решение о незаконности выборов в так называемый народный сейм 14 и 15 июля 1940 года, а также признают утратившим силу Декрет от 21 июля того же года об образовании Латвийской ССР и вступлении в Союз ССР, что сделает незаконным само существование Латвийской ССР» – такое требование было выдвинуто на митинге. Прозвучало и другое предложение; «Верховному Совету Латвийской ССР сложить свои полномочия и передать власть новым представительским структурам, образованным из граждан Латвийской республики, существовавшей до 1940 года».

Мероприятия 23 августа, дня, который так прочно врезался в народную память, в целом прошли в Латвии организованно и спокойно. Какое они окажут влияние на ход политических процессов, покажет будущее.

ТАЛЛИН

Передаёт Леонид Левицкий:

Протяженность «цепочки» по Эстонии 211,5 километра, соединила она около 150 тысяч человек. Одновременно в Таллине состоялось народное собрание, организованное в связи с 50-летием пакта. На нем выступили Лагле Парек, член партии национальной независимости Эстонии, одна из лидеров Народного фронта Марью Лауристин, народный депутат СССР, Тривиме Веллисте – председатель Общества охраны памятников старины, Валерий Воронин, член русской секции Народного фронта. Как сообщает ЭТА, были зачитаны выступления от имени зарубежных эстонцев, американского сенатора. В собрании приняли участие несколько тысяч человек, и оно завершилось общей молитвой, пением гимна Эстонии.

23 августа 1989 г. Слева: жители Вильнюса клеймят позором сговор Гитлера и Сталина, забыв, что Вильнюс когда-то был польским городом Вильно, и достался им благодаря Гитлеру, разгромившему Польшу, и Сталину, подарившему Литве их столицу. Справа: «Балтийский путь» в Эстонии. Обращает на себя внимание обилие транспарантов на английском. Мероприятие явно готовилось в расчете на зарубежную публику.

Репортаж о собрании слушаю по радио в машине по пути через Вильянди к границе Эстонии и Латвии, где вечером должен состояться главный митинг «Уничтожение зла». К этому митингу и ведет живая цепочка из людей с национальными флагами в руках, плакатами, осуждающими пакт Риббентропа-Молотова.

в 19 часов республиканское радио назвало то слово, которое побежало по цепочке, передаваемое от человека к человеку, – «свобода». В цепочке стояли и руководители партии и правительства республики. В 19.30 к собравшимся у баини Длинный Герман в Таллине обратился Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР А. Рюитель.

...Около двух часов продолжался митинг на границе двух республик. Потом еще столько же мы ждали, пока хоть чуть-чуть рассосется затор на узкой сельской дороге. Впереди бесконечной мерцающей линией тянулись красные огоньки. Но как всем сейчас нужен зеленый свет – свет движения...

И я вспоминаю слова первого секретаря Вильяндиского райкома КПЗ Я. Аллика, сказанные несколько часов назад:

– Послевоенные реалии не способны ликвидировать ни одно правительство. Но нужна умная и эффективная политика, обеспечивающая единство всех людей, проживающих на этой земле. Несмотря на их национальность. Только всем вместе удастся нам построить новую свободную жизнь.

29 августа газета «Советская Литва» опубликовала заявление Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы. В нем отмечается, что «Нам понятны беспокойство и озабоченность ЦК КПСС, вызванное необдуманными заявлениями и действиями в условиях сложной политической ситуации некоторых лиц, действующих в общественных движениях». Вместе с тем, в заявлении подтверждается жизнеспособность лозунга «Литва без суверенитета – Литва без будущего», который получил поддержку народа. В тот же день в газете «Советская Эстония» опубликовано заявление Бюро ЦК Компартии республики аналогичного содержания.

По официальной версии «Балтийский путь» был организован Народным фронтом Эстонии, Народным фронтом Латвии и литовским Движением за перестройку («Саюдис»). Однако размах акции, высочайший уровень ее организации, большие затраты на ее проведение и пропагандистское сопровождение в мировых СМИ (см. главу «Микрофильмы») убедительно показывают, что общественники просто не в состоянии были проверить такую работу, тем более, что у них не было подобного опыта.

Кому же пришла в голову идея устроить «Балтийский путь»? председатель Народного фронта Латвии Дайнис Иване, ныне журналист, заявил в интервью латвийской газете «Час» десятилетием спустя:

«Идея «Балтийского пути» принадлежит лидеру Народного фронта Эстонии Эдгару Сависаару: выстроить живую цепь и методом ненасильственного сопротивления выразить протест против пакта Молотова – Риббентропа. НФЛ и литовский «Саюдис» взяли на себя обеспечение мероприятия на своих территориях»¹⁴⁹.

Сам Сависаар о своей исторической роли в организации «Балтийского пути» отчего-то никогда не вспоминал. Бывший советский премьер Николай Рыжков в своих мемуарах утверждает, что инициаторами акции были литовцы:

¹⁴⁹ Александр Шабанов, «Балтийский путь в лицах», газета «Час», № 195 (614), 1999 г. // http://www.chas-daily.com/win/1999/08/24/l_35.html.

«23 августа, в 50-ю годовщину подписания пакта Риббентропа – Молотова, «Саюдис» провел широкомасштабную политическую акцию под названием «Путь Балтии». Участники держат транспаранты: «Горбачев, выведите Красную Армию из Литвы», «Русские оккупанты, идите домой», «Литовцы и поляки! Объединяйтесь в борьбе с общим врагом». Цепочка людей длиной во многие сотни километров протянулась от Вильнюса до Риги и Таллина. В акции приняли участие несколько сот тысяч человек, было задействовано большое число автобусов и до 30 тысяч личных автомобилей. Митинги состоялись по всей трассе. Акция транслировалась по республиканскому радио прибалтийских республик.

Подобным образом развивались события в Латвии и Эстонии, но при этом все строго координировалось с Литвой. Если учесть, что происходящее освещалось средствами массовой информации, в том числе и зарубежными, велись прямые передачи по радио и телевидению, – безусловно, был достигнут значительный идеологический эффект и воздействие на население Прибалтики»¹⁵⁰.

Там же Рыжков приводит и такие любопытные сведения:

«Когда генсек, будучи в Крыму, увидел по телевидению сюжеты о происходящих в Прибалтике событиях, он дал указание в ЦК КПСС срочно подготовить заявление ЦК. Вскоре текст этого заявления был доведен средствами массовой информации до сведения жителей всей страны. Документ вышел с подписью «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза». Прибалты стали уточнять, когда же собирался Центральный Комитет КПСС. Выяснилось, что никто из членов ЦК Прибалтийских республик в работе подобного пленума ЦК не участвовал. Кстати, и ответственные за дела в Прибалтике Медведев и Яковлев, находящиеся, также как и Горбачев, далеко от Москвы, о заявлении узнали только из газет. Сейчас уже доподлинно известно, что в составлении заявления ЦК КПСС участие принимали Горбачев и его помощники. Таким образом, это было сочинение околосекретных аппаратчиков.

Заявление ЦК вызвало в стране двоякое отношение. Население многих республик и областей, плохо информированное о происходящих в Прибалтике процессах, восприняли тревожную оценку разыгравшихся событий как акт, заслуживающий общественной поддержки.

В Прибалтике же настроения были другие. Сепаратистские круги после небольшого шока, вызванного тем, что их «неблаговидные дела» были названы прямо, встали на путь его дискредитации. Осуждающую позицию по этому документу заняли многие общественные организации республики, в их числе ЦК КСМ Литвы, творческие союзы, союзы женщин, некоторые национально-культурные общества. В средствах массовой информации также развернулась кампания по дискредитации заявления. На протяжении нескольких дней с момента публикации оно упоминалось в материалах «Голоса Америки» 39 раз, Би-би-си – 25, «Немецкой волны» – 27, Международного французского радио – 21, Радио Канады – 8, Радио Швеции – 4.

Все это передавали не собственные корреспонденты, а публиковались и печатались выступления депутатов, общественных деятелей, известных людей. В это время «Саюдис» создал новую газету – «Республика», для которой Ландсбергис привез из США новейшее техническое оснащение. Газета должна была выходить на литовском, русском, польском, английском, а позднее – на немецком и французском языках».

США помогали «Саюдису» не только «техническим оснащением» для издания сепаратистской газеты на шести языках. Собственно, «Саюдис» был организован на средства зару-

¹⁵⁰ Николай Рыжков, «Суверенитет по-прибалтийски», «Наш современник», № 5, 2006 г. // <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=5&id=7>.

бежных спонсоров, пожелавших остаться неизвестными, поэтому его деятельность с самого начала отличалась большим размахом. Снова процитирую мемуары Николая Рыжкова, опубликованные в журнале «Наш современник»:

«22–23 октября 1988 года состоялся учредительный съезд «Саюдиса». Обращает на себя внимание массовость этого мероприятия: 4500 участников, из них 1122 – делегаты съезда. В качестве гостей приехали деятели различных эмигрантских центров I, представители ряда республик и городов СССР.

Честь открытия съезда выпала на долю народного поэта Литвы Ю. Марцинкявичюса (будущий член яковлевской комиссии – А. К.). В числе приветствовавших – отец одного из тогдашних лидеров «Саюдиса», 90-летний бывший министр коллаборационистского профашистского правительства Литвы В. Ландсбергис-Жямкальнис. Его подпись среди прочих стояла под документом, датированным четвертым днем Великой Отечественной войны – 25 июня 1941 года, носящим название «Слово к народу независимого временного правительства Литвы». В нем, в частности, говорится: «Временное литовское правительство благодарно спасителю европейской культуры рейхсканцлеру великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей литовскую территорию».

Любопытно было поведение Горбачева. Он поручил Бразаускасу передать от него учредительному съезду «искренние приветствия и пожелания», подчеркнув при этом, что в «Саюдисе» он «видит ту позитивную силу; которая способна служить на благо перестройки и еще выше поднять авторитет Советской Литвы. <...>

...Из 400 журналистов, освещавших съезд, 103 представляли мировые информационные агентства и крупнейшие издания 17 зарубежных стран. Для «Саюдиса» это стало мощнейшей поддержкой в политической борьбе не только с местными «консерваторами», но и с Москвой. <...>

К тому времени движение добилось издания своей газеты «Атгимимас» («Возрождение»), выходящей двухсоттысячным тиражом на литовском и русском языках».

Для тех, кто не представляет, сколько денег может стоить двухдневный съезд для 1122 делегатов и 400 журналистов, то сообщу, что по сегодняшним расценкам проведение этого мероприятия в Москве обойдется самое меньшее в 1,5 миллиона долларов. Даже если учесть, что литовцы не имели больших транспортных расходов, съезд «Саюдиса» все равно обошелся в копейку... американским налогоплательщикам. В Эстонии и Латвии аналогичные мероприятия проходили несравнимо более скромно. Впрочем, заокеанские модераторы постарались как можно скорее перевести «Саюдис» на самофинансирование, если так можно выразиться. Вот что далее пишет об этом Рыжков:

«Сразу после съезда «Саюдиса» в октябре 1988 года тогдашнее руководство Компартии Литвы и республиканской комсомольской организации распорядилось отчислять несколько процентов от партийных и членских взносов на поддержку «Саюдиса». Аналогичную инструкцию получили руководители крупнейших предприятий на территории республики, благодаря чему руководство «Саюдиса» уже в декабре 1988 года располагало средствами во многие сотни тысяч рублей. По тем временам это были очень большие деньги, и они позволили литовским национал-сепаратистам развернуть широкомасштабную пропагандистскую операцию».

Но к такому решению первый секретарь ЦК компартии Литвы Альгирдас Бразаускас пришел не по собственной инициативе, а по настоятельной просьбе (которую скорее следовало воспринимать, как приказ) члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, который посе-

тил Литву летом 1988 г. в момент зарождения и становления «Саюдиса». Его коллега по Политбюро Рыжков оценил последствия этого визита следующим образом:

«Накануне августовского 1988 года митинга «Саюдиса» в Литву прибыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Яковлев. Он встретился с лидерами зарождающихся «народных фронтов» и, убедившись, что их основной целью является отделение от СССР, повел двойную игру. Произнося речи о дружбе народов, он одновременно растолковывал «ученикам» стратегию и тактику достижения их главной цели.

Впоследствии обновленное руководство ЦК Компартии Литвы сделало вывод, что Яковлев практически дал идейно-теоретическое обоснование процессам, приведшим республику к январю 1991 года, когда на улицах Вильнюса пролилась кровь. «Архитектор перестройки» первым поддержал сепаратистские настроения «Саюдиса». После его визита в Литву «Саюдис» почувствовал, что его делают главной политической силой – своеобразным тараном, направленным на развал существующего общественно-политического строя».

Большую роль Яковлева в деле взращивания прибалтийских сепаратистских движений неизменно отмечают как ветераны антисоветского движения, так и их противники. Особенно большие усилия он приложил в Литве. Вообще, в отличие от других советских республик в Литве компартия стояла пусть и не во главе сепаратистского движения, но действовала заодно с «Саюдисом». 20 декабря 1989 г. КП Л заявила о своем разрыве с КПСС. Бывший первый секретарь Бразаускас, сумевший вовремя изменить свои взгляды на 180 градусов, даже стал первым избранным президентом посткоммунистической Литовской республики. Надо отдать ему должное – глупым идеалистом он не был, и жизнь свою посвятил не борьбе за утверждение эфемерных демократических ценностей. Его больше привлекали ценности материальные. В 2005 г., когда Бразаускас уже был премьер-министром, находящаяся в оппозиции фракция консерваторов («Союз Отечества») начала сбор подписей за создание парламентской комиссии по расследованию некоторых аспектов предпринимательской деятельности жены Бразаускаса – Кристины Бутримене-Бразауске-не. В частности, депутатов заинтересовал факт приобретения ею 38 % акций элитной вильнюсской гостиницы «Crowne Plaza» (принадлежавшей ранее Совету министров Литовской ССР и ЦК КПЛ). Глава правительства отверг обвинения в коррупции, но признал, что его супруга владеет 51 % акций гостиницы, а еще 48 % принадлежат его сыну. Идее создания парламентской комиссии он категорически воспротивился, чем разочаровал даже президента республики Адамкуса.

В Литве западные спецслужбы, прежде всего ЦРУ действовали предельно нагло, чуть ли не открыто. Вот что рассказал в интервью журналу «Наш современник» (№ 5, 2006 г.) последний первый секретарь ЦК КПЛ (КПСС) Миколас Бурукявичус:

«Я знаю, что в толпе было много людей с зелеными повязками – это боевики Буткявичюса, близкого соратника Ландсбергиса. Они провоцировали войска. Ситуацию в Литве подогревали и американские инструкторы. Их засылали из Польши. К примеру, Андриус Эйве. Он имел опыт диверсионной работы во Вьетнаме и Афганистане. Был специалистом по боям в городских условиях. Эйве появился в Вильнюсе накануне январских событий. Позднее Ландсбергис прямо признал, что американский разведчик занимался инструктажем оппозиционеров и сыграл «положительную роль».

А мы узнали о появлении Эйве так: на улице Гядиминаса в центре Вильнюса с ним нос к носу столкнулся Каспеаравичюс, наш заведующий орготделом, бывший полковник. Они встречались в Афганистане. И сразу стало ясно, кто здесь присутствует и чего можно ждать. Эйве мы не дали натворить бед. И, тем не менее, январские события произошли».

Одно я знаю твердо, кровью готов подписаться: никто не отдавал приказа стрелять по толпе – ни Язов, ни Крючков, ни Пуго, ни люди, их здесь представлявшие»¹⁵¹.

Об известном диверсанте Андрюсе Эйве (он же Эндрю Эйва, Андриус Эйтавичюс) вспоминают многие. Вот что пишет бывший генерал КГБ Вячеслав Широнин в своей книге «ЦРУ-КГБ: скрытые пружины перестройки»:

«По данным бывшего КГБ Литвы, именно в тот период консультантом департамента охраны края по вопросам обучения партизанской войне и проведения терактов был гражданин США литовского происхождения Эйве Андрюс, специально подготовленный террорист с большой практикой! В прошлом военный разведчик, инструктор афганских моджахедов.

Контрразведчики Литвы показали мне и другие материалы. После января Эйве был инициатором серии взрывов в местах дислокации и проживания советских военнослужащих и их семей, лично руководил действиями боевиков в их столкновениях с подразделениями советской армии. В качестве консультанта правительства он изучал возможности организации «партизанского движения», намеревался открыть курсы «рейнджеров», выезжал в районы, закрытые для посещения иностранными гражданами. За эти и другие нарушения ему в апреле 1990 года был закрыт въезд в СССР.

Однако в декабре 1990 года он вновь прибыл в Вильнюс. Это поистине знаменательный факт!»¹⁵².

В США Эйве, совершенно не стесняясь, давал интервью о том, чем он занимается в Литве. Майор Казаков в своей статье «Национальные армии: явное и тайное» в газете «Красная звезда» 16 марта 1991 г. цитирует его интервью корреспонденту газеты «Филадельфия инкуайер», озаглавленное «Ветеран» крестового похода»:

«Сегодня вскрываются старые партизанские тайники с оружием, и возможность партизанской войны с каждым днем становится все более реальной». А пока, по свидетельству газеты, он «обучает снайперов стрельбе по хвостовым лопастям советских вертолетов, поясняет, как пользоваться бутылками с зажигательной смесью»¹⁵³.

В статье «Национальные армии: явное и тайное» автор дает короткую сводку о творящемся в Прибалтике насилии:

«Литва: ночью в городе Тельшияй были облиты горячим и подожжены входные двери в двадцати одной квартире военнослужащих. В Вильнюсе жестоко избит бывший военный комиссар республики генерал-майор в отставке Мицкевичус, который спустя несколько часов от полученных травм скончался (примечательно, что генерал до этого дважды отверг предложенный ему пост «военного советника» департамента охраны края).

Эстония: в поселке Ягале убит на посту часовой, похищены автомат и патроны. В г. Тапа осквернен памятник погибшим советским воинам, на нем были сделаны надписи: «Коммунисты, скоро вы будете здесь», «Русские! Увозите свои трупы домой!», «Ваше время прошло. Пришло наше время».

Латвия: в почтовый ящик полковника в отставке Ю.Пономарева была опущена листовка следующего содержания «Коммунистическая свинья. Оккупант! Вон из Латвии! Ты

¹⁵¹ <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=5&id=16>.

¹⁵² www.patriotica.ru/enemy/shironon_kgb_cia.html.

¹⁵³ <http://www.kazakov.ru/publicity/8>.

на учете у службы «СД» Латвии. Даем тебе два месяца на то, чтобы ты убрался! Иначе смерть!» В Риге было подложено взрывное устройство под дверь участника Великой Отечественной войны П.Чумакова. Квартира разрушена. Взрывы продолжают звучать в Риге и сегодня.

За прошлый год в Прибалтике совершено только в отношении военнослужащих и членов их семей более пятисот подобных акций»¹⁵⁴.

Да, террористические акты, убийства и провокации происходили не только в Литве. Взрывы гремели, например, в районах компактного проживания лиц «оккупационной национальности» в Риге. Маврик Вульфсон в своих мемуарах дошел до того, что обвинил в этом русских: мол, они сами себя взрывали, дабы дестабилизировать обстановку и подтолкнуть Москву к наведению порядка в республике с помощью силы. В Литве же кровь в борьбе между сепаратистами и их противниками лилась, если и не рекой, то весьма внушительным ручейком. 31 июля 1991 г. на таможенном посту Медининкай на границе с Белоруссией неизвестными лицами были убиты семь литовских таможенников и один тяжело ранен. Расследование не дало никаких результатов, однако СМИ приписали преступление рижским омовцам.

В 2008 г. один из бывших омовцев Константин Никулин был арестован в Риге и передан литовским властям. Еще ранее в Литве был задержан его бывший сослуживец Игорь Горбань, которого якобы опознал единственный оставшийся в живых таможенник Томас Шярнас. Однако на самом деле Шярнас отказался подписать протокол опознания, и Горбань был отпущен восвояси. Не опознал Шярнас и Никулина, против которого у литовских властей нет вообще никаких улик, да и срок давности (10 лет) по данному преступлению давно истек. Но литовское правосудие, когда дело касается проклятых русских «оккупантов» (пусть даже и полноправных граждан Латвии) отличается изощренным демократическим гуманизмом. Основные следственные действия, предпринимаемые в отношении бывшего советского милиционера, современное право квалифицирует, как пытки. Скорее всего, литовцы пытаются убить его или довести до самоубийства, спрятав таким образом концы в воду, ибо освободить его — значит в очередной раз показать варварскую сущность нынешнего режима, царящего в стране, входящей в ЕС.

Витаутас Ландсбергис в интервью петербургской газете «Дело» от 2 июня 2008 г. злобно брызжа слюной в адрес «бешеных собак» из ОМОНа, представляет литовских силовиков чистыми толстовцами-непротивленцами:

«Мы постановили, что будем вооружать наших служащих, наших пограничников. Период несопротивления, пока их лишь избивали и следовало терпеть, не отвечая на силовую провокацию, закончился. Мы вытерпели»¹⁵⁵.

Ландсбергис брешет. Литовские полицейские, пограничники, таможенники и боевики из Департамента охраны края «Саюдиса» не только имели оружие, но и не стеснялись пускать его в ход. Вот что сообщала в мае 1991 г. газета «Коммерсантъ», отнюдь не симпатизирующая советской власти:

«Поводом для первых пограничных конфликтов местные наблюдатели считают введение в апреле литовским правительством жестких таможенных ограничений на вывоз товаров из республики. В первой половине мая жители по обе стороны литовско-белорусской границы — в основном польского и белорусского происхождения — в знак протеста сожгли

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ <http://idelo.ru/512/1.html>.

несколько литовских таможенных постов. Власти Шальчининского и Йоновского районов Литвы, населенных в основном поляками и белорусами, приняли постановления о прекращении деятельности таможенных служб на своих территориях.

18 мая около 13.00 участковый инспектор Вороновского райотдела внутренних дел БССР капитан Александр Фиясь ехал из Шальчининка на своей машине с женой и двумя детьми. На требования таможенников остановиться Фиясь не отреагировал и получил заряд картечи из засады, устроенной специально для поимки поджигателей постов. По версии литовской прокуратуры, Фиясь вышел из машины и открыл беспорядочную стрельбу из пистолета ТТ. После чего был убит вторым выстрелом из охотничьего ружья служащего литовского департамента охраны края Стасайтиса. По версии белорусских следственных органов, Фиясь не мог быть вооружен, так как его табельное оружие находилось в это время в оружейном сейфе Вороновского УВД»¹⁵⁶.

Итак, первый выстрел сделали литовские боевики из засады (!) по машине, в которой ехали женщина и ребенок, после чего они убили безоружного советского милиционера. Наверное, следует ожидать, что милиция предпримет ответные меры. И они были предприняты: как пишет «Коммерсантъ» С 22 по 25 мая 1991 г. рижские и вильнюсские омовцы уничтожили 16 таможенных постов на границах Латвии и Литвы. Делали они это совершенно открыто (их действия снимал популярный тележурналист Александр Невзоров) и на абсолютно законных основаниях: никто не имеет право городить границы внутри государства, шмонать проезжающих мимо граждан и убивать представителей власти. Уверен, омовцы не отличались особой учтивостью, но самое большое, что претерпели литовские боевики получили тумачков да понюхали дорожной пыли. Пусть радуются, потому как если бы все делалось строго в соответствии с УК СССР, пришлось бы им отвечать за ношение оружия и участие в незаконных вооруженных группировках. Но никаких посягательств на жизнь литовских пограничников и таможенников не отмечается.

Бойня в Медининкае имеет совершенно другой почерк – все убитые той ночью были застрелены в затылок. Неизвестные вооруженные люди по показаниям водителя, их подвозившего, прибыли из Вильнюса, а не из Риги. Странно, что убийцы, уничтожив всех, кто мог бы их опознать, почему-то отпустили водителя. Скорее всего, медининкайскую бойню осуществили профессиональные террористы, а не провинциальные советские милиционеры. Дело в том, что после себя убийцы вообще не оставили никаких улик и следов. Расследованием занимались не только литовские власти, но и самые лучшие профессионалы сыска из МВД СССР. Однако даже они не смогли добиться никаких результатов. В этом случае остается одно: как говорили римляне: «Quid prodest?» – ищи, кому выгодно. Из кровавой бойни в Медининкае было сделано хорошее политическое шоу. Единственного выжившего таможенника взял под свою опеку лично президент США Джордж Буш-старший, Шярнаса перевезли на военную базу США в Германии, где он прошел курс лечения. Литовские власти после этого случая объявили, что будут применять оружие, пресекая попытки несанкционированного проникновения на свою территорию, не смотря на то, что формально Литва была еще частью СССР.

Сотрудники ЦРУ сыграли большую роль и в латвийском «национальном пробуждении». В этой связи вспоминается имя Ояра Эрика Калниньша. Этот американский гражданин был директором Объединения латышей Америки (ОЛА) по связям с правительством США. При этом считается, что Калниньш был вхож в ближайшее окружение президента Буша-старшего как раз в момент горячей фазы развала Союза. С 1987 г. Калниньш обеспечивал связи ОЛА с движением за независимость Латвии. После выхода Латвии из состава СССР стал послом Латвии в США, то есть осуществлял связь Белого дома со своим вассалом. КГБ числило его

¹⁵⁶ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=265216>.

штатным цэрэушником и внимательно следило за его связями. Кстати, на несанкционированных контактах с ним попался и глава КГБ Латвийской ССР генерал Йохансон, после чего он потерял всякое доверие со стороны руководства и играл роль свадебного генерала, не имея никакого касательства к оперативной работе.

Первые свободные выборы, на которых убедительную победу одержали сепаратисты, проходили в Прибалтике тоже под управлением зарубежных дирижеров-политтехнологов, причем делалось это совершенно открыто. Например, Латвию по приглашению НФЛ осенью 1989 г. посетил видный специалист по проведению политических кампаний Рональд Даутзауэр. Под видом всевозможных советников и консультантов НФЛ облепили десятки агентов американских, английских, германских и израильских спецслужб. Сегодня МИ-6 и ЦРУ имеют во всех трех бывших советских прибалтийских республиках такое влияние, что местные спецслужбы действуют фактически у них на побегушках.

Справедливости ради следует сказать, что прибалтийские сепаратисты сотрудничали не только с ЦРУ. Многие из них были и штатными стукачами КГБ. Вот какую рекомендацию дает Вячеслав Широнин в своей книге вождю саюдистов Ландсбергису:

«Для полноты характеристики Ландсбергиса-младшего стоит упомянуть о его контактах с бывшим КГБ Литовской ССР. Республиканские коллеги рассказывали мне, что он по собственной инициативе обратился к одному из оперативных сотрудников госбезопасности с предложением передавать ему интересующую органы КГБ информацию, – в обмен на разрешение частных поездок к отцу; проживающему за рубежом. Конечно, простаков среди чекистов не было. Только после получения полезной информации о литовских эмигрантских организациях, а также передачи органам КГБ подробных сведений на ряд интересовавших КГБ лиц, Ландсбергису-младшему был открыт выезд в зарубежные страны. Надо полагать, этого деятеля преследовала мысль о необходимости скрыть факты своего инициативного контакта с КГБ. Не случайно после его прихода к власти в отношении оперативного работника, с которым он поддерживал регулярную связь, была совершена провокация.

Но концы в воду Ландсбергису спрятать не удалось. В сентябре 1997 года специальная комиссия литовского сейма по расследованию связей парламентариев с зарубежными спецслужбами вынесла вопрос о сотрудничестве с КГБ спикера парламента Витаутаса Ландсбергиса еще с середины 70-х годов. Выяснилось, что даже в самые суровые советские времена, которые в Литве называют периодом «советской оккупации» Ландсбергис мог выезжать не только в Германию к отцу, но и в Австралию к своему старшему брату, тамошнему бизнесмену»¹⁵⁷.

Один из родоначальников «Саюдиса», писатель Витаутас Петкявичюс, впоследствии разочаровавшийся в своих тогдашних соратниках, издал в 2005 г. книгу «Корабль дураков», где раскрыл много неллицеприятных подробностей о «борцах за свободу»:

«...активист «Саюдиса» редактор журнала «Гимтасис краштитас» Альгимантас Чекуолис, его соратник Виргилиус Чепайтис (кличка «Юозас»), у которого в служебной характеристике было написано: «в своей работе не признает никаких сантиментов, за исключением денег». Чуть позже с ними сошелся и преподаватель кафедры марксизма-ленинизма консерватории Витаутас Ландсбергис. Ландсбергис притащил в «Саюдис» кадрового работника КГБ Кястутиса Урбу, порекомендовал его на должность казначея, а потом начал проворачивать с ним всякие делишки. Позже советником Ландсбергиса стала бывшая сотрудница ЦРУ, переведенная КГБ, Р. Дапките. Председателем комиссии по помилованию в новой Литве стал

¹⁵⁷ http://www.patriotica.ru/enemy/shironon_kgb_cia.html.

Казимерас Мотека, следователь по особо важным делам и консультант КГБ. Вторым замом Ландсбергиса в Сейме стал Б. Кузмицкас, кличка «Юргис», ватиканолог КГБ. <...>

Как видно из книги «Корабль дураков», агентом КГБ был и Зигмас Вайшвила, занимавший высокий пост первого заместителя председателя правительства Литвы. Его псевдоним «Студент», а в характеристике агента есть такие строки: «Происходит из преданной советской власти и проверенной компетентными органами семьи врача и учительницы. В характере З. Вайшвилы есть болезненные черты, он человек упрямый. Любит опеку, признает волю более сильного. Имел связи с агентом Штази Эгле. Вошел в руководство «Саюдиса», поэтому, в обеспечение полной секретности доверенного, рекомендуется поддерживать связь только во время поездок за границу (в Болгарию). Личн. дело 34 011. 5-е отделение. Сичюнас»¹⁵⁸.

На выборах в Верховный совет Литовской ССР 24 февраля 1990 г. (дополнительные голосования в отдельных округах проходили 4 марта и 10 марта) кандидаты «Саюдиса» получили 101 мандат из 141. На первом же заседании вновь избранного Верховного Совета 11 марта 1990 г. был принят Акт восстановления независимости Литвы. Эта республика стала первой, объявившей о выходе из Союза (позднее это сделала Грузия, где традиционно были развиты националистические традиции). Латвия и Эстония, хотя сепаратисты на выборах 1990 г. и получили подавляющее большинство, объявили не независимость, а переходный период к ней. Впрочем, на деле они шли совершенно тем же курсом, и с той же скоростью, только прикрывались более сдержанными политическими декларациями: скажем, 30 марта 1990 Верховный Совет ЭССР признал недействительным верховенство законов СССР на территории Эстонской ССР. Фактически это тоже означало объявление суверенитета. Лишь 20 августа 1991 г. Верховный Совет Эстонии принял резолюцию «О государственной независимости Эстонии», а 6 сентября того же года Горбачев официально признал независимость Эстонии. Ельцин же, возглавивший в 1990 г. Верховный совет РСФСР сразу признал независимость Эстонии.

Музей оккупации в Риге. Посещение этого капища стало обязательным для всех официальных делегаций.

Можно ли сказать, что СССР развалили западные спецслужбы? Нет, хотя они играли в этом процессе некоторую роль. Когда сегодня патриоты-державники жалобно скулят о

¹⁵⁸ Валерий Громак «Когда наступает прозрение...», газета «Маяк Балтики», 7 мая 2007 г.// <http://www.mayak-baltiki.ru/columns/fatherland/doc55>.

коварной мировой закулисе, руками Горбачева и Ельцина развалившей Советский Союз, мне смешно. Я хорошо помню конец 80-х годов, Перестройку, народные фронты, вакханалию «свободной» прессы. Стремление к независимости было у большинства прибалтов явным и искренним, причем в значительной степени сепаратистские устремления разделяли и русские жители Литвы, Латвии и Эстонии. Можно объяснять последнее массовым умопомрачением или еще чем-то, но против факта не попрешь. Если бы большинство жителей не желали независимости, мы бы до сих пор жили в единой стране.

Но если в 1991 г. массы прибалтийских обывателей искренне желали получить независимость, то глупо думать, будто полувеком ранее инкорпорация в СССР была осуществлена вопреки воле большинства. Нет, тогда подавляющее большинство совершенно искренне радовалось присоединению и советской власти, как бы нынешние прибалтийские шаманы не внушали нам обратное. Миф о советской оккупации, о насильственном присоединении прибалтийских республик к Советскому Союзу укоренился потому, что нынешнее население этих стран мыслит совершенно иными критериями. Не будет преувеличением сказать, что сегодня, например, в Латвии живет совершенно иной народ, чем 60 лет назад. Если в период первой республики латыши агрессивно выдавливали из страны немцев и евреев, дабы почувствовать себя хозяином в собственной стране, то в 90-е роль гонимых исполняли «русскоязычные».

Удивительно абсурдны порой идеологические штампы. Прибалты кичатся сегодня тем, что добились независимости мирным путем. Боевики «Саюдиса», стреляющие с крыш по толпе возле телецентра, видимо стреляли «мирными» пулями. Литовские таможенники на границе с Латвией тоже, видать, умерли мирно. Ну, трупы русских «оккупантов», ясное дело, не в счет. А вот присоединение к СССР, хоть и прошло совершенно бескровно, отчего-то считается насильственным. Во время «советской оккупации» во главе прибалтийских республик стояли местные лидеры, а когда те стали «независимыми» Эстонию возглавил американский гражданин Томас Хендрик Ильвес, Литву – бывший гитлеровский пособник Валдае Адамкус, гражданин США. Во главе Латвии до недавнего времени стояла канадскоподданная Вайра Вике-Фрейберга. У пропаганды своя логика: и черное станет белым, если об этом непрестанно долдонить с телеэкрана.

Метод

Что ж, давайте подведем некоторые итоги. Я не пытаюсь доказать то, что «секретные протоколы» Молотова – Риббентропа не существуют. Доказать отсутствие чего бы то ни было невозможно в принципе. Я не пытаюсь реабилитировать сталинскую внешнюю политику. Можно иметь различное мнение на сей счет, но мне – малоинтересны мнения. Я оцениваю результаты: Советский Союз вернул статус великой морской державы (утраченный в результате поражения в Крымской войне и Цусимской катастрофы), вновь обретя выход в Балтийское море и Тихий океан. Впервые за всю историю России наша страна к середине XX столетия не имела на своих границах ни одного откровенно враждебного государства. Более того, впервые на востоке Европе мы получили пояс дружественных стран, хоть «дружили» они с Москвой и не очень добровольно. Впервые все исторические русские земли с присоединением Закарпатья были собраны под одной государственной крышей. Единственная, пожалуй, крупная неудача Сталина – провал объединения Иранского Азербайджана с Азербайджанской ССР в 1945 г.

Цель моего исследования – раскрыть механизмы деформации исторического сознания народа и показать результаты, к которым приводят подобные мутации. Резюмируем коротко важнейшие аргументы, доказывающие фальсификацию «секретных протоколов» Молотова-Риббентропа. Во-первых, оригиналы протоколов никто и никогда не видел. Коль уж протоколы действительно были найдены Пихоей и Волкогоновым в октябре 1992 г., и ныне хранятся в Архиве президента Российской Федерации, доказать их существование легко – просто предъявив эти артефакты общественности. Однако якобы найденные и давно рассекреченные «секретные протоколы» скрываются не только от научной общественности, но даже от должностных лиц, осуществляющих внешнюю политику страны. Несколько публикаций в СМИ о том, что, дескать, «секретные протоколы» экспонировались на каких-то выставках, на проверку оказывались банальными газетными утками.

Во-вторых... Впрочем, есть такой известный исторический анекдот. Наполеон грозно спрашивает своего генерала: «Почему вы сдали крепость?». Тот отвечает: «О, мой император, на то было сто причин. Во-первых, у нас не было снарядов. Во-вторых...». «Спасибо, первого достаточно» – прервал объяснения генерала Бонапарт.

Так вот, то, что Молотов и Риббентроп не подписывали известные нам «секретные протоколы» следует из того, что до сего дня никто не видел этих документов, а гуляющие по Интернету «фотокопии» фон Леша и «оригиналы» Яковлева-Пихоя неаутентичны между собой. Все прочие доводы будут излишни. Но все же давайте доставим еще одну порцию «удовольствия» фальсификаторам и перечислим их важнейшие аргументы в пользу существования «секретных протоколов»

1. Аффидевит Гаусса. Явная фальшивка, о чем свидетельствует хотя бы один прокол с разделом Литвы. К тому же заочные показания физического лица, не подкрепленное документально, в принципе не могут являться доказательством существования «секретных протоколов», как межгосударственного соглашения.

2. Микрофильмы из коробки фон Леша. Нет никаких данных, подтверждающих достоверность легенды Безыменского об их захвате западными союзниками в 1945 г. в Шенберге. Реально их история прослеживается только с момента передачи Госдепартаментом США Политическому архиву ФРГ в 1958 г.

3. Показания Риббентропа на суде. Они во многом категорически разошлись даже с аффидевитом Гаусса, а количество внутренних противоречий и грубейших неточностей в них самих таково, что их однозначно следует считать лжесвидетельством. Собственно, именно так они и были восприняты в 1946 г. Ни Трибунал, ни аккредитованные в Нюрнберге журналисты не придали им значения.

4. Мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой».

Верить в то, что они написаны лично Риббентропом, может лишь тот, кто их не читал. Поэтому даже апологеты «секретных протоколов» стараются обходить их своим вниманием.

5. Сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941». При всем желании данный источник не может считаться достоверным, ибо происхождение опубликованных текстов издателем скрыто.

6. Карты Польши с росписями Сталина и Риббентропа.

Все пять известных мне вариантов являются фальшивыми. Уже одно только количество этих изображений, участвующих в пропагандистском обороте, указывает на их подложность.

7. Доклад Яковлева. Он выражал лишь личное мнение докладчика. О содержании доклада не знали даже члены депутатской комиссии по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. В любом случае в нем не приводится ни одного аргумента в пользу существования «секретных протоколов», а лишь констатируется, что оригиналы оных нигде не обнаружены.

8. Выводы депутатской комиссии Яковлева, сделанные на основании собранных документов и проведенных экспертиз. Как мною установлено, упомянутая комиссия вообще не осуществляла никакой работы и была создана лишь с целью прикрытия мероприятий по фальсификации «доказательств» существования «секретных протоколов», которые проводились членами «мидовской» группировки в Политбюро ЦК КПСС и их сообщниками.

9. Акт Смирнова-Подцероба. Мною обнаружено более 20 признаков его фальсификации. Его местонахождение до сих пор не известно. Ни в одной научной работе нет ссылок на этот документ.

10. Свидетельство Павлова. Сфабриковано писателем Карповым в период между 1989 г. и 1991 г. Находится в неразрешимых противоречиях с аффидевитом Гаусса и свидетельствами Риббентропа. Введено в «научный» оборот Львом Безыменским с указанием ложных архивных реквизитов.

11. Заверенные «копии Панина». Если они и существуют, то это копии не с «оригиналов» протоколов, а перевод текста американских фальшивок, выполненный для руководства МИД в ознакомительных целях. Ничем иным невозможно объяснить, что копии с секретных документов не были уничтожены согласно регламенту после того, как должностные лица, для которых их изготовили, с ними ознакомились, а были помещены в несекретные фонды мидовского архива.

12. Оригиналы «секретных протоколов» из «особой папки». Физически они не существуют. По указанным архивным реквизитам получить документы никому не удавалось. Введены в научный оборот фальшивки задним числом, путем выпуска в 1995 г. журналов «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) и «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993 г.).

В 2011 г. на выставке в российско-германском музее в Карлсборге демонстрировался сенсационный экспонат – оригиналы «секретных протоколов», как их представили организаторы выставки. На проверку это оказались небрежно сделанные ксерокопии непонятно с чего. На табличке было указано, что документ предоставлен Архивом Министерства иностранных дел РФ. Вообще-то он называется Архив внешней политики, и в нем-то как раз никаких «секретных протоколов» никогда не было. По легенде они находятся в Архиве президента РФ. Опять надуть!

13. Заверенные копии бесед Молотова с Шуленбургом и сопутствующие им документы (шифротелеграммы, проекты договоров). Несуществующие в природе либо видоизмененные оригинальные документы. Сфальсифицированы после 1989 г. с целью введения их в научный оборот через публикацию сборников «Полпреды сообщают», «Документы внешней политики СССР» и «1941 год». Базой для их создания послужили документы, опубликованные в госдеповском сборнике 1948 г.

Сторонники канонической версии сговора Молотова Молотова-Риббентропа сходу отмечают последний довод. Мол, то, что все эти документы фальшивые, не доказано. Хорошо, тогда пусть они докажут, что какие-то из этих бумаг подлинные. Потому что все настоящими они быть не могут. Даже в официальных сборниках записи бесед Молотова с Шуленбергом публикуются в разных вариациях, чего в реальности, разумеется, быть не может. При том один и тот же документ имеет различные архивные реквизиты. Это сделано для того, чтобы затруднить доступ к источнику для проверки. Ведь если указаны неверные реквизиты (иногда даже различные архивы), то в архиве вы не получите доступа к документу. Вас просто будут футболить из одного архива в другой, а на все претензии вежливо отвечать: мол, если издатели сборников что-то напутали, то пусть они и разбираются.

Что особенно бросается в глаза, в официальном сборнике «Документы внешней политики СССР. 1939 год» (том XXII) за период 1-28 сентября 1939 г. не опубликовано ни одной записи о встречах Молотова и Шуленбурга, не смотря на то, что в этот момент отношения с Германией были самым важным вопросом для советской дипломатии. МИД РФ решил не утруждать себя, поскольку в пропагандистском обороте находятся отчеты об этих беседах, вброшенные Госдепом еще в 1948 г. Опубликовать настоящие документы – значит, разоблачить американские фальшивки. Воспроизвести их тоже не вариант, поскольку придется дать архивные реквизиты. Решили тупо отмолчаться. У официальных историков такой вопиющий пробел никаких вопросов не вызвал.

В указанную чертову дюжину «доказательств» вошли лишь те, что участвуют в «научном» обороте. Мемуары Хильгера в виду своей вопиющей лживости не упоминаются в этом ряду, так же как воспоминания Болена и Херварта. Вообще, во всяком историографическом исследовании мемуары не считаются надежными источниками. Во-первых, участники событий всегда субъективны. Во-вторых, воспоминания пишутся порой десятки лет спустя и хотя бы поэтому не обладают необходимой точностью. Но в деле о «секретных протоколах» документальная база настолько неубедительна, что в качестве источников фальсификаторы слишком часто используют мемуары.

Газетные публикации и фантазии биллетристов, представленные сочинениями Волкогонова, Роговина, Безыменского, Вульфсона, Радзинского, Черчилля, Резуна, Пронина, Бережкова, Семиряги и прочих в принципе не могут быть подтверждены или опровергнуты, поскольку принадлежат к сфере пропаганды. Несколько особняком стоит работа Ингеборг Фляйшхауэр «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии», которая сделала попытку документального исследования проблемы. Но достигнутый ею результат совершенно неубедителен, ибо сама методология исследования, примененная автором, базировалась на постулировании, а не анализе фактов и документов.

К тому же репутация Ингеборг подмочена в связи с вбросом в оборот слишком уж грубых подделок. Имеются в виду якобы случайно найденные ею при разборе бумаг Шуленбурга в домашнем архиве «историком» Фляйшхауэр в 1991 г. записи о переговорах в Москве 27–28 сентября 1939 г. Фрау Шуленбург в 1990 г. выпустила книгу-расследование о заключении зловещего «пакта», но, работая над ней, почему-то поленилась разобрать бумаги своего дядюшки. Так что ли? Я уж молчу о том, что отчет о секретных переговорах никак не мог оказаться в личных бумагах бывшего посла у него дома. Не мог же он перед увольнением зайти в секретный фонд архива и взять себе пачку документов на память?

Честно говоря, тема фальсификации «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа столь обширна, что охватить ее всю в данном расследовании просто невозможно. Я охотно передаю эстафетную палочку честным исследователям, журналистам и читателям. Постараюсь бегло затронуть несколько новых вопросов и ознакомить с некоторыми приемами анализа фальшивок (многие из них подробно рассмотрены выше в контексте повествования). Иметь представление о способах разоблачения брехни будет полезно любому человеку, которого не

устраивает ситуация, когда современные медиа тоннами льют помой в головы, превращая историю в инструмент политики. Мне не хочется быть зомби со стерилизованным и атомизированным сознанием. Надеюсь, в этом стремлении я не одинок.

Даже если бы фальсификаторы изловчились, и придали яковлевско-волкогоновским «оригиналам» протоколов такой внешний вид, что комар носа не подточит, их подложность выявляется текстологически – для объяснения совершенно безумного географического ляпа с «кусочком Литвы» («треугольником Су-валки») пришлось даже фабриковать отдельный «секретный протокол» от 10 января 1941 г., который, ничего не объяснив, лишь увеличил и без того критическую массу грубых проколов.

Поскольку «секретные протоколы» очень трудно вписать в контекст предвоенной советской внешней политики, фальсификаторы пошли по самому простому пути – попытались задним числом привязать их содержание к имевшим место событиям. Мало того, что они неоднократно грубо ошиблись, как например с разделом Литвы, создавалась еще очень странная ситуация: даже самый беглый анализ открытых источников позволяет выявить то, что «секретные протоколы» дублируются реальными НЕсе-кретными соглашениями. Эта ситуация рассмотрена в главе «Граница», где объясняется происхождение демаркационной линии по Висле, соглашение о которой достигнуто военными представителями на переговорах в Москве 20–21 сентября 1939 г.

Вот еще один наглядный пример. 9 июня 1940 г., когда стал очевидным разгром войск союзников во Франции, нарком обороны Ворошилов приказал начать подготовку к военной операции по возвращению Бессарабии, которая была завершена в двухнедельный срок. А теперь внимание! 23 июня Молотов заявил Шуленбургу о намерении СССР в ближайшем будущем присоединить к себе не только Бессарабию но и Буковину, ввиду проживания там украинцев. Вот выдержка из записи беседы Молотова с германским послом:

«В начале беседы Шуленбург сообщил тов. Молотову, что им получен ответ от Риббентропа на вопрос, поставленный тов. Молотовым, можно ли считать заявление, сделанное Макензеном в беседе с т. Гельфандом, о том, что Балканский вопрос может быть совместно мирным путем разрешен Советским Союзом, Германией и Италией, также точкой зрения германского и итальянского правительств.

Ответ Риббентропа, по мнению Шуленбурга, не слишком ясен, но из него можно вынести впечатление о том, что договор, заключенный Советским Союзом с Германией в августе прошлого года, имеет силу и для Балканского вопроса. Соглашение о консультации распространяется этим и на Балканы. Что же касается позиции Италии в этом вопросе, то она, насколько это известно Шуленбургу, уже сообщена тов. Молотову итальянским послом Россо.

Тов. Молотов в ответ на это поставил Шуленбургу следующие вопросы:

1) Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?

2) Правильно ли заявление Макензена о том, что Балканский вопрос будет решаться совместно тремя странами? То есть распространяется ли пункт соглашения о консультации и на этот вопрос?

3) Подтверждает ли германское правительство заявление Макензена или нет?

Шуленбург ответил утвердительно на все три вопроса, добавив, что вопрос о Бессарабии не упоминался, но взят гораздо шире.

Мирное разрешение вопроса со стороны Италии уже налицо – это содержится в речи Муссолини, где он говорит о том, что Италия не намерена расширять конфликт на Балканы. Германское правительство подтверждает заявление Макензена в той части, где речь идет о

германском правительстве. Что же касается итальянского правительства, то оно намерено сделать такое сообщение непосредственно Советскому правительству.

На вопрос тов. Молотова, знакомо ли итальянское правительство с тем, что он поставил этот вопрос германскому правительству, Шуленбург ответил, что это ясно из ответной телеграммы Риббентропа.

На это тов. Молотов сказал, что он может запросить непосредственно мнение итальянского правительства по этому вопросу.

После этого тов. Молотов сообщил Шуленбургу решение Советского правительства по Бессарабскому вопросу. Шуленбургу известно, сказал тов. Молотов, соглашение между СССР и Германией о Бессарабии. Со времени этого соглашения прошло много времени. После соглашения было публичное заявление тов. Молотова о Бессарабии на VI Сессии Верховного Совета СССР. Советское правительство думало, что Румыния будет соответствующим образом реагировать на это заявление, но этого не произошло. Советский Союз хотел разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила на это предложение. Теперь Советское правительство послало полпреда в Румынию и хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. Она пользовалась ею 21 год, зная, что те не принадлежат ей. Даже ее союзники не ратифицировали договор, по которому Бессарабия признавалась за Румынией. Ввиду того, что Япония не ратифицировала этот договор, он не действителен.

Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя.

Шуленбург в ответ на сообщение сказал: Германия еще осенью прошлого года объявила, что она не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной. По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе. Шуленбург боится, что разрешение Бессарабского вопроса Советским Союзом в настоящий момент может создать хаос в Румынии, а Германии сейчас дозарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии.

Шуленбург просил тов. Молотова, если возможно, отсрочить проведение в жизнь решения Советского правительства до получения им ответа из Берлина на его сообщение по этому вопросу.

Тов. Молотов ответил, что заявление Шуленбурга не соответствует действительности, это только один из частных моментов, но не условие в целом. Вопрос о Бессарабии не нов для Германии. Что касается экономических интересов Германии в Румынии, то Советский Союз сделает все возможное для того, чтобы не затронуть их. Просьбу Шуленбурга тов. Молотов обещал сообщить Советскому правительству, но предупредил, что Советское правительство считает этот вопрос чрезвычайно срочным.

Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку; понятно, в пределах соглашения...»¹⁵⁹.

Судя по архивным реквизитам (АВП РФ, ф. 06, оп. 2. п. 14, д. 155, л. 209–215), это настоящий документ, а не сомнительная «заверенная копия», на которые так любят ссылаться

¹⁵⁹ Цит. по: «Документы внешней политики СССР», том XIII, книга 1.

яковлевцы. И запись данной беседы полностью опровергает вранье о «секретных протоколах», по крайней мере, в той части, что касается бессарабской проблемы.

Шуленбург ссылается на некое известное осеннее соглашение по Бессарабии. Современные «историки» с радостью спешат объявить, что тот имеет в виду «секретный прокол» от 23 августа 1939 г. Но это предположение полностью разбивается словами Шуленбурга, который напоминает советскому наркому условия этого осеннего соглашения: *«По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе»*. Ничего подобного в «секретном протоколе» от 23 августа 1939 г. мы не находим. Не видим мы и причин, заставивших СССР отказаться от своих безусловных прав на Бессарабию, якобы зафиксированных в августовском протоколе. Наконец, если стороны решили изменить условия своего секретного соглашения от 23 августа 1939 г., то в этом случае должен быть составлен еще один «секретный протокол» касательно Бессарабии, однако таковой не известен.

Почему Шуленбург и Молотов говорят об осеннем соглашении, хотя, если верить первому «секретному протоколу», вопрос был решен еще в августе. В августе СССР просто не мог обсуждать с Германией проблему прудо-днестровского междуречья. Румыния была связана военными обязательствами с Францией и Великобританией, и только поэтому Москва «заморозила» весьма болезненную для себя тему на два десятилетия. Но когда система англо-французских гарантий полностью обанкротилась в деле с Польшей, а Румыния испуганно легла под Германию – только тогда, то есть осенью 1939 г. бессарабский вопрос встал в повестку германо-советских отношений.

Вячеслав Михайлович тоже ссылается на осеннее соглашение: *«Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно, в пределах соглашения»*. Есть ли в известном нам «секретном протоколе» хоть какие-то обязательства оказать ПОДДЕРЖКУ в разрешении бессарабской проблемы?

Никакие секретные протоколы оба собеседника не упоминают, зато ссылаются на договор о ненападении: *«Ответ Риббентропа, по мнению Шуленбурга, не слишком ясен, но из него можно вынести впечатление о том, что договор, заключенный Советским Союзом с Германией в августе прошлого года, имеет силу и для Балканского вопроса. Соглашение о консультации распространяется этим и на Балканы»*. Осталось лишь напомнить содержание статьи III этого договора:

«Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах; затрагивающих их общие интересы».

Как видим, бессарабский вопрос разрешался не в соответствии с положениями «секретного протокола», а на основе совершенно иных соглашений, достигнутых не в августе 39-го, а осенью того же года, то есть во время визита в Москву Риббентропа в сентябре. 25 июня состоялась еще одна встреча Шуленбурга с Молотовым, на которой они подробно обсудили вопрос о Бессарабии. И снова собеседники неоднократно ссылаются на осенние договоренности:

«Шуленбург ответил, что в телеграмме Риббентропа по этому вопросу сказано следующее: принимая во внимание создавшееся положение и при соответствующей трактовке вопроса, его мирное разрешение в советском духе вполне лежит в рамках возможного. При этом Шуленбург заметил, что он убежден в том, что вопрос может быть разрешен мирным

путем, если он не будет слишком тяжел для Румынии. Причем под тяжестью вопроса он понимает вопрос о Буковине. Что касается Бессарабии, то он знает, что Румыния никогда не рассматривала Бессарабию как составную часть Румынского королевства. Как, вероятно, известно тов. Молотову, оборонительная линия Румынии проходит вдоль Прута, а не по Днестру, и только под давлением англо-французов в течение последних шести месяцев Румыния спешно приступила к постройке оборонительных сооружений вдоль

Днестра. Мирное разрешение бессарабского вопроса лежит в духе осеннего соглашения Советского Союза с Германией.

Тов. Молотов ответил, что он придерживается того мнения, что можно достигнуть разрешения этого вопроса мирным путем, но в осеннем протоколе об этом прямо не говорилось. Если мирное разрешение вопроса является и германским интересом, то это двойной интерес. Но разрешение этого вопроса является очень срочным.

Шуленбург сказал, что у Риббентропа нет никаких сомнений в спешности вопроса. Речь идет только о «модус процеденди». Лично себе Шуленбург представляет это дело так, что в ближайшем будущем СССР поднимет вопрос, а Германия скажет Румынии «согласайся». Тов. Молотов сказал, что это приемлемое мнение, но повторил, что этот вопрос является очень срочным...»¹⁶⁰.

И снова мы не видим никаких намеков на «секретный протокол». На следующий день, 26 июня, Молотов вызвал к себе румынского посла Давидеску и передал ему заявление советского правительства следующего содержания:

«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию – и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской советской республикой.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрой разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, правда, лишь в незначительной степени, средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии.

Правительство СССР предлагает Королевскому правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

¹⁶⁰ Там же.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответа Королевского правительства Румынии в течение 27 июня с. г.»¹⁶¹.

Сегодня многие комментаторы называют это предложение ультиматумом, что не верно. Ультиматум предполагает безусловного исполнения требований стороны, его выдвинувшей под угрозой применения силы. В данном случае Советский Союз решительно потребовал разрешить затянувшийся бессарабский кризис, а конкретные условия подлежали обсуждению. Лишь только когда 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, Молотов твердо заявил, что в случае невыполнения советских требований советские войска готовы пересечь румынскую границу. В итоге румыны были вынуждены согласиться со всеми условиями Москвы. Но в любом случае нельзя сказать, что советское правительство вышло за рамки дипломатического регламента – все было осуществлено в соответствии с действующими нормами международного права.

Обещание, данное Шуленбургом в Кремле, Германия выполнила, настоятельно посоветовав королю принять требования Советского Союза. Сделано это было вовсе не из стремления помочь Советскому Союзу, Германия была озабочена исключительно собственными интересами. Берлин очень боялся советско-румынской войны, поскольку это ставило под угрозу поставки нефти в Германию.

До сих пор открытым является вопрос о том, кто же запустил в оборот фальшивые протоколы. Я склонен считать, что это было сделано американскими спецслужбами. Практически во всех пропагандистских и политических акциях, в которых фигурируют фальшивые протоколы, торчат американские уши: Альфред Зайдль признался, что получил скандальные фотокопии от американской разведки, впервые слив был осуществлен через американскую провинциальную газету, впервые официально опубликованы они в издании Госдепартамента США, микрофильмы фон Леша переданы ФРГ тем же Госдепом. Черчилль, в чьи уста было вложено официальное объявление Холодной войны, произнес свою знаменитую Фултонскую речь в США в присутствии американского президента, да и сам антикоммунист № 1, чья мать являлась американкой, всегда считался в Великобритании лидером проамериканского лобби.

Первое издание протоколов и сопутствующих им документов на русском языке осуществлено в 1983 г. так же в США. При этом совершенно очевидно, что перевод был осуществлен нерусским человеком, и не с немецкого, а именно с английского текста, хотя формально автором перевода считается беглый советский диссидент Фельштинский. Главная заслуга в признании «секретных протоколов» по копии, а так же честь отыскания их «оригинала» принадлежит американскому агенту влияния Александру Яковлеву, который вполне обоснованно обвинялся в связях с ЦРУ, что в свое время послужило одной из причин его опалы на закате Перестройки. Усилия США в культивировании сепаратистских движений в СССР, прежде всего в Прибалтике, достаточно очевидны.

Стоит подробнее остановиться на методологии исследования фальшивок, потому как этим делом занимаются очень немногие, а те, кто должен делать это по долгу службы, прежде всего архивисты, историки и журналисты, часто занимаются всего прямо противоположным – фабrikуют, обосновывают и пропагандируют подлоги. Даже если прямых улик фальсификатор не оставляет, совокупность косвенных улик порой достигает критической массы. Всякий фальшивый документ, как бы безупречно он ни был выполнен, имеет «маячки», сигнализирующие о подлоге.

¹⁶¹ Там же.

Например, представьте себе, что историки предъявили найденный в каком-нибудь секретном архиве сенсационный документ – договор между Лениным и кайзером Вильгельмом II, где первый обязуется совершить революцию и заключить сепаратный мир с Германией, а второй обещает профинансировать указанные мероприятия. Все выполнено просто безупречно, но текст отпечатан на машинке *Lexicon 80* фирмы *Olivetti*. В данном случае это прямое доказательство подлога, потому что *Lexicon 80* была создана известным дизайнером Ниццоли только в 1948 г. Если же текст отпечатан на американской машинке *Sholes & Glidden Type Writer* выпуска 1874 г., то теоретически такое было возможно, но только теоретически, ибо первые модели печатных машинок, не имеющие переключения регистров, к XX веку давно вышли из употребления. И объяснить такой факт можно лишь тем, что фальсификаторы использовали для изготовления подделки первый попавшийся под руку старый аппарат, упуская из виду, что в 1917 г. он уже был музейным раритетом. Вопросов не возникнет лишь в случае, если пресловутый договор отпечатан на немецкой машинке *Erika Naumann* или современной ей модели.

Можно найти «маячки», сигнализирующие о подложности документа, даже не видя листа с машинописью. Например, в «записке Смирнова-Подцероба» странная запись: «Письмо тов. Ст. Гитлеру от 21.VIII. 1939 г. (подлинник). Что же здесь странного? Обозначение месяца латинскими цифрами нехарактерно для советского делопроизводства того времени, тем более, что в том же акте месяц всегда пишется по-русски. Нехарактерным употреблением латиницы было потому, что пишущие машинки отличаются от современных компьютеров отсутствием возможности переключения языковой раскладки клавиатуры посредством нажатия клавиш *Alt-Shift*. Поэтому если в русский документ требовалось вписать что-то латиницей, то использовались две пишущие машинки – с русским и латинским шрифтом.

Да, существовали и многоклавиатурные пишущие машинки, фактически представляющие собой две или более печатающих машинок, поставленных рядом и соединенных так, что каретка способна переезжать с одной машинки на другую. Но из-за громоздкости они использовались крайне редко. Так с какой стати в выполненном машинописью «акте Смирнова-Подцероба» присутствует несколько латинских символов? Вероятно, набор этого текста осуществлялся впервые для публикации в газете «Известия» от 28 декабря 1989 г. с рукописи, а коль автор употребил латиницу, то и наборщик добросовестно воспроизвел ее, благо он пользовался фотонаборным аппаратом, позволяющим легко это сделать.

Другой вариант: редакция сдала в набор, как и полагается, машинописные тексты, но латинская цифра VIII была условно обозначена суррогатным образом – У111, либо просто вписана от руки, что практиковалось наиболее часто. Но зачем мидовским чиновникам нужно было создавать себе такие проблемы, когда они вполне могли просто написать по-русски слово «август»? Этот нюанс можно считать косвенным свидетельством подлога. Косвенные улики имеют решающее значение лишь в том случае, если их достаточно много. Если современное право позволяет осудить человека за убийство на основании совокупности косвенных улик, то и мы можем признать исторический источник фальшивым, когда косвенные свидетельства подлога достигают определенного количества в случае, когда прямые и неоспоримые доказательства подлинности одного отсутствуют.

Лингвистические «маячки» (косвенные улики против фальсификаторов) достаточно явно проявляются, когда мы имеем дело с переводом с одного языка на другой – документ часто несет в себе особенности, характерные для языка оригинала. Например, в 1989 г. в пятом номере журнала «Новая и новейшая история» был опубликован такой документ:

Приложение

ТЕКСТ ПРОЕКТА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА, ПЕРЕДАННОГО В. М. МОЛОТОВЫМ ШУЛЕНБУРГУ 19 АВГУСТА 1939 г.

Проект

Правительство СССР и Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела миру между народами и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от какого бы то ни было насилия и агрессивного действия друг против друга или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы.

Статья 3

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по тем или иным вопросам, обе Стороны обязуются разрешить эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимной консультации или путем создания в необходимых случаях соответствующих согласительных комиссий.

Статья 4

Настоящий договор заключается сроком на пять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5

Настоящий Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок; после чего Договор вступает в силу.

ПОСТСКРИПТУМ

Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта.

Для того, чтобы читатель не сомневался, что здесь приведен подлинный документ, текст снабжен солидной ссылкой: АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, лл. 52–53. Но элементарный лингвистический анализ сразу заставляет заподозрить подлог. Смысл фальсификации, как нетрудно догадаться в том, что здесь присутствует более чем странный «постскриптум», где упоминается некий особый протокол. Но вместо слов «составляет органическую часть пакта» по-русски правильно будет написать «неотъемлемую часть». Такая режущая глаз корявость может возникнуть разве что при художественном переводе с английского, где словосочетание *integral part* переводится в зависимости от контекста как «неотъемлемая часть» (юриспруденция, экономика) или как «составная, органическая часть» (медицина, биология). Переводчик просто не учел этот нюанс. Но самый большой изъян этой фальшивки в том, что предполагаемое соглашение именуется то «настоящий пакт», то «настоящий Договор».

Кстати, не лишне будет вспомнить, что Риббентроп в своих мемуарах утверждает, будто русские не пытались заранее составить проект договора о ненападении, и в дело пошел вариант, набросанный им совместно с Гауссом уже в самолете. Если Риббентроп говорит правду, значит рассматриваемый проект договора – позднейшая фальсификация. Если рассматриваемый нами документ подлинный – значит сфабрикованными являются мемуары Риббентропа. Но всего вероятнее третий вариант: и то и другое – ложь.

Не будем придирается к тому, что слово «договор» с заглавной буквы принято писать в английской грамматике, но не в русской (если это не имя собственное). Не станем долго задер-

живать наше внимание на том, что в официальном документообороте слово «постскрипtum», тем более в текстах договоров(!) НИКОГДА не употребляется, и то, что здесь так названо, на самом деле является примечанием. Главное заключается в том, что советская дипломатия разделяла понятия «пакт» и «договор», и одно и то же соглашение никогда не называлось пактом и договором одновременно. Это подметил еще Юрий Калабухов в статье «Белые пятна» и мифы истории»:

«Была ли у Советского Союза практика заключения с другими государствами не договоров, а пактов? Да, была. 29 сентября 1939 года одновременно с заключением с Германией договора о дружбе и границе СССР заключил с Эстонской Республикой ПАКТ о взаимопомощи. 5 октября 1939 года СССР заключил с Латвийской Республикой ПАКТ о взаимопомощи. А вот 10 октября 1939 года СССР заключил с Литовской Республикой договор о взаимопомощи (с передачей Литве по этому договору города Вильно и Виленской области).

Если наша страна заключала с одними государствами договоры, а с другими – ПАКТЫ, то в этом была какая-то тонкость. Какая? Если рассмотреть содержание ПАКТОВ, заключенных СССР с Эстонией (см. газету «Правда» от 29 сентября 1939 г., с. 1) и Латвией (см. газету «Правда» от 6 октября 1939 г., с. 1), то нетрудно увидеть, что по этим ПАКТАМ нашей стране предоставлялась возможность арендовать не длительный срок (10 лет) какие-то морские порты (в случае с Латвией) или какие-то острова (в случае с Эстонией) этих государств и создавать там советские военно-морские базы или другие объекты военно-стратегического назначения. То есть наша страна получала как бы дополнительные территории вне наших границ. Эти порты и острова с их акваториями создавали широкий простор для действия наших военно-морских сил. Таким образом, договоры между СССР и Латвией, СССР и Эстонией имели существенную значимость еще и для других стран, расположенных в непосредственной близости от зоны действия этих договоров. Они могли затрагивать их суверенные интересы. Кроме того, те малые страны (Латвия, Эстония), которые заключали с нами, великой державой, договоры, сами хотели, чтобы заключаемые договоры о взаимопомощи уже названием показывали бы всему миру свою значимость. В силу этих обстоятельств договоры между СССР и Латвией и Эстонией переросли из просто договоров в ПАКТЫ. В случае же с Литвой СССР не получал возможности сооружать на литовской территории военно-морские базы и т. д., он лишь получал возможность с целью защиты Литвы от агрессии извне расквартировывать на ее территории строго ограниченные по виду, составу и количеству контингенты войск, которые должны были размещаться на согласованных с литовским правительством территориях. То есть в данном случае договор касался только Литвы и СССР, не затрагивал интересы сторонних государств и не мог называться ПАКТОМ»¹⁶².

Пактом советско-германский договор был назван 18 сентября 1939 года в германо-советском коммюнике о польских событиях, поскольку в результате разгрома Польши августовский договор приобретал большую значимость. Однако в дипломатической переписке он продолжал именоваться исключительно договором. В печати же термин «пакт» иногда фигурирует, но исключительно в редакционных комментариях. Например, в газете «Известия» за 24 августа 1939 г. в редакционном сообщении, предваряющем публикацию текста Договора о ненападении используется слово «пакт», а в газете «Правда» в том же самом случае соглашение называется исключительно договором.

Поскольку замирению с Японией после серии локальных вооруженных столкновений Советский Союз придавал исключительно большое значение, то и соглашение, подписанное между двумя странами 13 апреля 1941 г. официально именовалось Пактом о нейтралитете.

¹⁶² «Молодая гвардия», № 7, 1991 г.

«Пакт Молотова-Риббентропа» – есть сугубо журналистский штамп, сформированный западной прессой, и внедренный в наш обиход в период Перестройки. Поэтому когда перестройщики стали убеждать общественность, что «секретный протокол» все же существовал, они принялись лепить подобного рода фитюльки, где непроизвольно вворачивали в официальную переписку слово «пакт». Так это слово стало ярким маячком, сигнализирующим о том, что перед нами сфабрикованный документ. А начало путанице со словами «пакт» и «договор» было положено в 1948 г. Госдепартаментом США, издавшим сборник «Нацистско-советские отношения. 1939–1941». Вот как много лишь лингвистических «косяков» допустили фальсификаторы в таком маленьком тексте. Кто-то все еще верит, что данный «проект пакта» существует? Ну, тогда попробуйте получить его в архиве. Я бы тоже не отказался взглянуть на него.

Недавно вышла книга Александра Дюкова «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах». Любопытное творение: около 100 иллюстраций, но самой главной картинки – репродукции секретных протоколов нет. На 17 странице «шедевр» – проект договора о ненападении от 19 августа 1939 г., рассмотренный нами выше, с очень «информативной ссылкой» – Архив Президента РФ. Но этот же самый проект был опубликован в сборнике «Документы внешней политики СССР. 1939 г.»¹⁶³ с такими реквизитами: АВП РФ, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 52–53. Согласно положения об АП РФ, в нем хранятся только документы, касающиеся деятельности непосредственно президента. Все прочие документы передаются в архивы по подведомственности. А тут получается, что в АП РФ МИД передал свои документы 70-летней давности. Абсурд! Гораздо логичнее предположить, что Дюков впаривает нам туфту.

Еще одним ярким «маячком» является использование в официальных внешнеполитических документах титулатуры. Если какой-то документ подписывает «фон Риббентроп» или «граф фон дер Шуленбург», то это явная подделка. Это даже, наверное, можно считать прямым, а не косвенным доказательством подлога. Выше уже отмечались такие лингвистические «маячки», как именование Народного комиссариата внутренних дел анахронизмом «ОГПУ», замена в официальных документах названия СССР на «Советскую Россию» или обозначение советско-германских отношений, как «русско-германские» (почему же тогда не «русско-немецкие»?). Из той же серии прилагательное «имперский» применительно к Германии – имперский министр, имперские граждане, и т. д.

Почему яковлевцы не могут изготовить убедительные оригиналы «секретных протоколов»? Потому что они должны быть напечатаны на той же пишущей машинке, что и образцы из коробки фон Леша. Электронное изображение можно сделать легко, симитировав все уникальные для каждой машинки особенности, но повторить это вживую совершенно нереально. Американцы изготовили свои образцы протоколов в 1945 г. или 1948 г. В их распоряжении не было кремлевской пишущей машинки. В 1992 г., когда яковлевцы объявили об обнаружении «оригиналов», они явно не располагали той машинкой, каковую использовали янки в 40-х годах, когда ваяли микрофильмы фон Леша. Конечно, нельзя исключать, что в «Особую папку» в Архиве президента подсунули изготовленный за полвека до этого второй комплект документов. Но такая дьявольская предусмотрительность фальсификаторов кажется фантастической.

¹⁶³ См. <http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/index.html>.

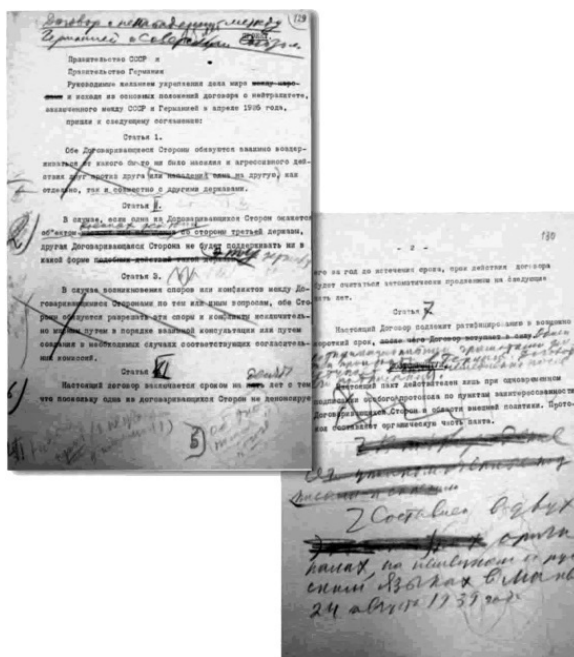

Иллюстрация из книги Александра Дюкова «Пакт Молотова-Риббентропа в вопросах и ответах». Якобы вариант текста «пакта» о ненападении с подробной правкой И.В.Сталина. Интересно, зачем потребовалось хранить в архиве черновик – именно черновик, а не проект с резолюцией Сталина, да еще без каких-либо канцелярских реквизитов? Но давайте согласимся, что этот проект – подлинный документ. Может ли он быть хотя бы косвенным подтверждением заключения секретных договоренностей между СССР и Германией? Найдите здесь слово «секретный», и я это признаю. 17 и 19 августа 1939 г. между Молотовым и Шуленбургом состоялись беседы, в ходе которых, если верить сборнику «Документы внешней политики СССР», обсуждалась возможность заключения особого протокола, как НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ договора – публичной декларации о взаимных интересах. В этой связи говорилось о советских интересах в Балтийском море и возможности предоставления гарантий безопасности прибалтийским странам. Надо обладать очень извращенной фантазией, чтобы предположить, что совместные гарантии безопасности, данные третьим странам, могут быть тайными.

Анализировать польские и прибалтийские пропагандистские источники последних 20 лет по «секретным протоколам» нет никакого смысла – это либо клинический бред, либо художественная интерпретация, базирующаяся на старых постулатах. А вот отечественные издания «научно-фундаментального» характера весьма полезны, ибо дают хорошую пищу для новых разоблачений. Ведь что толку разгромить статейку в бульварной прессе? Фальшивки обычно сначала обкатываются в масс-медиа, и если затея не срабатывает, «серьезные историки» всегда имеют возможность откеститься от этой провокации. Но если липовый документ опубликовали в официальном сборнике документов, то тут уже деваться некуда.

Поэтому желающие могут провести увлекательный эксперимент – собрать все официально опубликованные документы, касающиеся «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа (а их всего около полусотни) и проанализировать, насколько они стыкуются между собой. Например, до сих пор нет ясности с картами, на которых якобы были зафиксированы предварительные договоренности по разделу Польши и Литвы.

Если верить «историкам», карта была, и на ней расписался Сталин с Риббентропом. Журнал «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993 г.) публикует документ под грифом «Сов. Секретно» – «Опись № 1. документы, относящиеся к советско-германским переговорам в период 1939–1941 гг.». Составлена опись якобы заведующим VI сектором Общего отдела ЦК КПСС Л.

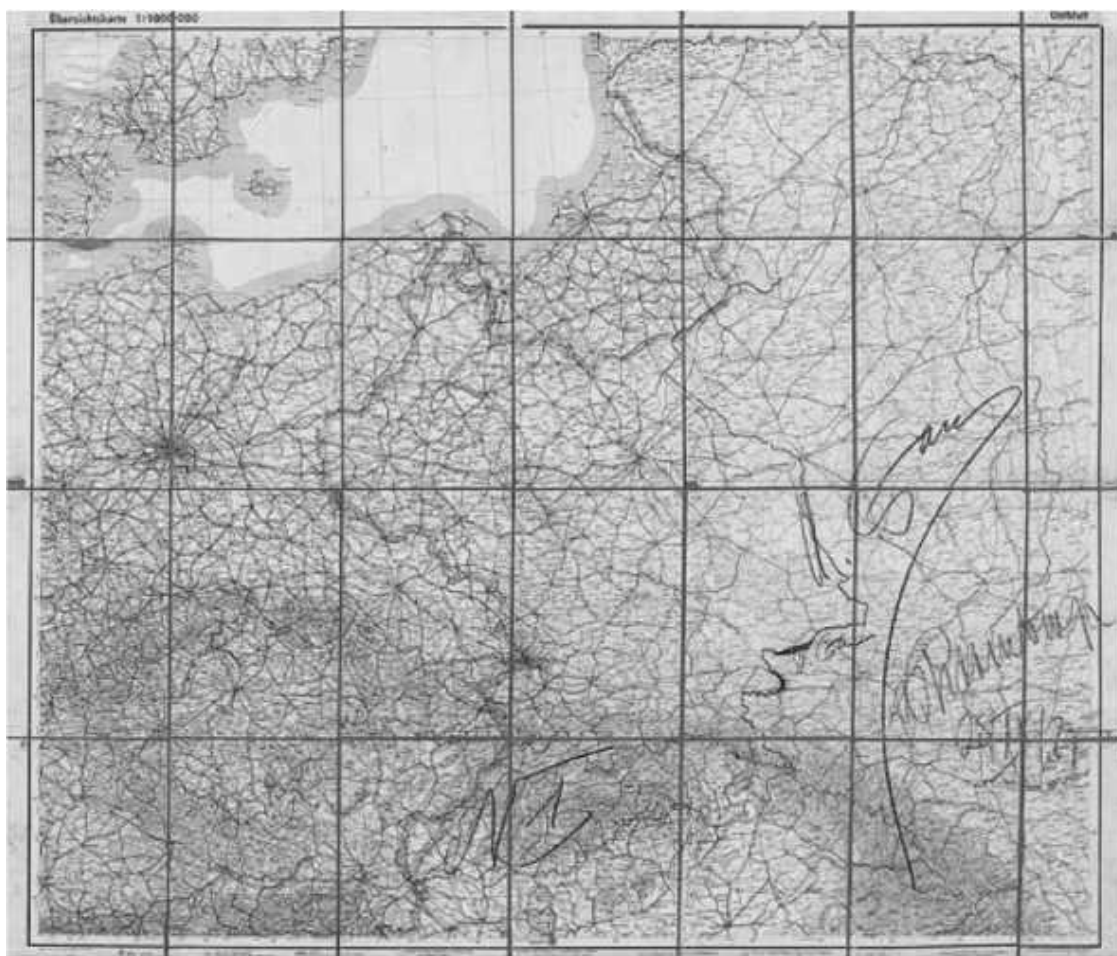
Мошковым 10 июля 1987 г. и перечислены в ней те самые «подлинники» документов, которые обнаружат Яковлев с Волкогоновым в «особой папке» из сейфа Горбачева. Под номером «9» в этой описи значится «Две карты польской территории с подписями И.В. Сталина и Риббентропа». Странно, почему Мошков не указывает, к какому документу прилагаются эти карты, и что на них обозначено, кроме подписей Сталина и Риббентропа, но это не самая большая странность в деле о «секретных протоколах». Гораздо интереснее другой вопрос: как можно было осуществлять раздел Литвы, руководствуясь картой «польской территории»? О том, что помимо Польши на карте была обозначена литовская территория, не сообщает ни Мошков, ни Безыменский в своей книге «Гитлер и Сталин перед схваткой», хотя последний упоминает даже такую несущественную подробность, что карты находились в «закрытом пакете № 35», о чем почему-то умалчивают публикаторы из «Новой и новейшей истории».

Может быть, существовала какая-то иная карта? Да, существовала. В восьмом номере журнала «Международная жизнь» в 1989 г. публиковался НЕсекретный дополнительный протокол между СССР и Германией (подписан 4 октября 1939 г. Молотовым и Шуленбургом), описывающий новую линию советско-германской границы. Опубликован этот протокол был в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (№ 10 (73) от 29 марта 1940 г.), откуда его и перепечатал журнал «Международная жизнь». В примечаниях к протоколу указывается следующее:

«...ПРИМЕЧАНИЕ 2: Участки границы, определенные условными линиями, будут уточнены при демаркации границы.

ПРИМЕЧАНИЕ 3: Линия границы, установленная настоящим протоколом, нанесена черным цветом на прилагаемую русскую карту масштаба 1: 100.000.

Как видим, Сталин с Риббентропом подписать эту карту 28 сентября 1939 г. никак не могли, потому что ее подписали 4 октября Молотов и Шуленбург. И при дележе Литвы ее невозможно было использовать, потому что ни в протоколе, ни, соответственно, на карте, литовская территория не упоминается. А как же быть с той знаменитой картой, на которой осталась размашистая подпись Сталина? О ней в официальных анналах нет ни единого упоминания. В архиве же находятся совершенно другие карты от 4 октября 1939 г., которые никогда не публиковались. Поэтому легко создается впечатление, будто в «особой папке» хранятся те самые карты с подписью Сталина, которые широко разпропагандированы фальсификаторами. Вот и весь нехитрый трюк. Стоит обратить внимание и на то, что 4 октября в Москве Молотов и Шуленбург сверяли границу по русской карте, что отражено в дополнительном протоколе, а карты с якобы сталинским автографом (все пять найденных мною вариантов) выполнены латинским шрифтом, причем в двух случаях отчетливо видно, что карты польские. Болдин же пишет, что якобы Горбачев в его присутствии рассматривал немецкую карту.

В августе 2017 г. пресс-служба министерства иностранных дел Литвы сообщило, что получила из политического архива МИД Германии копию пакта Молотова-Риббентропа «Содержание пакта Молотова-Риббентропа известно, однако впервые официально министерство иностранных дел Германии передало нам отсканированные версии секретных протоколов и карт», – сказал министр иностранных дел Литвы Линас Линкявичюс. (<https://www.urm.lt/default/lt/naujienos/is-vokietijos-archyvu-gautosmolotovo-ribentropo-pakto-kopijos>)

Странно, что только более чем через четверть века независимости Литва получила такой ценный подарок. Жаль, что МИД республики не счел нужным поделиться подарком с общественностью – опубликован был скан карты в очень плохом разрешении, не видно даже, на каком языке она выполнена. Действительно, у Германии должна быть карта, если она сохранилась, но это должна быть карта, подписанная Молотовым и Шуленбургом 4 октября 1939 г. Карта с подписями Молотова и Риббентропа либо фальшивая, либо это рабочая карта (черновик), не приложенная ни к каким договорам, а Сталин и Риббентроп расписались на ней, как на памятном сувенире. Гипотетически и такое могло быть. Но даже в этом случае она не может иметь отношения к августовским «секретным протоколам».

В итоге мы имеем полную нестыковку между всеми упомянутыми документами (усугубленную тем, что в некоторых официальных сборниках содержится примечание, будто некая карта была приложена к секретному протоколу от 23 августа 1939 г.), но так и не выяснили вопрос: по какой же карте делили «секретным протоколом» Литву в сентябре 1939 г, и какой картой руководствовались, утрясая территориальные вопросы в «секретном протоколе» от 10 января 1941 г.? Что характерно: НЕсекретные договоры, дополнительные протоколы и приложенные к ним карты прекрасно согласуются между собой, как, например, весь комплекс документов, касающийся демаркации советско-германской границы 1939–1941 гг. Но когда речь

заходит о «секретных протоколах» и сопутствующих документах, то появляется совершенно неразрешимая путаница.

Представим, что протоколы все же существовали и скрыть следы их существования невозможно. Что должны были сделать историки и политики, заинтересованные в их признании, если оригиналы не найдены? Прежде всего, собрать крохи достоверной информации, а уж потом, опираясь на нее, реконструировать (домыслить) недостающие звенья логической цепочки. Но политики принялись фабриковать документы, а историки домывливали, опираясь на эти фальшивки, чем себя сами и изобличили. Ну, скажите на милость, зачем понадобилась депутатская комиссия Яковлева? Исключительно для того, чтобы прикрыть подлог. Но мы твердо установили факт, что комиссия не вела никакой исследовательской работы. Ведь если 22 июля 1989 г. ею якобы уже было сделано заключение, то выходит, что с 10 июня (9 июня завершился I Съезд народных депутатов СССР) по 22 июля комиссия направила запросы в советские и зарубежные архивы, получила ответы, обработала открытые источники, в том числе литературу на иностранных языках (ее следовало для начала перевести), заказала экспертизы и получила их результаты, систематизировала и изучила сотни документов (по словам члена комиссии Казанника даже десятки тысяч), обсудила итоги и пришла к некоему заключению. Не быстро ли?

Примем во внимание и то, что члены комиссии работали на общественных началах без отрыва от основной работы и при этом проживали в разных городах – Москве, Вильнюсе, Риге, Фрунзе, Таллине, Кишиневе, Омске, Ленинграде, Киеве, Клайпеде, Ереване и Тарту. При таких условиях сложно представить, что комиссия хоть раз собиралась в полном составе. Самое подробное описание работы комиссии оставил ее шеф Яковлев в своем сочинении «Сумерки»:

«...Началась работа – нудная и тяжелая. Собрали сотни и сотни документов – прямых и косвенных. К работе подключили советские посольства в ФРГ, Англии, Франции, США. Простудировали десятки книг, особенно на немецком языке. Все эти документы и материалы рассылались членам комиссии»¹⁶⁴.

Какие документы могли собирать во Франции – это я даже предположить не могу. Но из приведенного текста следует, что занимались сбором документов не члены комиссии, которым материалы лишь рассылались. Кто их рассылал – не совсем понятно. Чем занимались члены комиссии кроме того, что получали обильную почту, со слов Яковлева установить невозможно.

Поэтому если какой-нибудь «историк» теперь считает «секретные протоколы» Молотова – Риббентропа существующими, ссылаясь на то, что «факт их существования и подписания» установила депутатская комиссия, чем освободила его от этой работы, он ставит себя в крайне уязвимое положение. Если же он сошлется на обнаружение их «оригиналов» в октябре 1992 г., то его приведет в полное замешательство прямой вопрос: «А ты их лично видел?». Поэтому ни наши, ни зарубежные историки НИКОГДА не пытались подробно исследовать обстоятельства заключения «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа. Разве что если за это дают предоплату. Например, Фонд Сороса финансировал в 1997 г. работу некоего студентика Пронина «Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия», которая была опубликована в Международном историческом журнале (№№ IQ-12, 2000 г.), осуществляющего свою деятельность на гранты все того же фонда. В предисловии автор торжественно объявляет:

«Настоящая работа задумывалась мною как первое в российской (отечественной) науке комплексное монографическое историко-юридическое исследование советско-германских и, насколько это было необходимым для понимания детерминированности явлений, подвергае-

¹⁶⁴ <http://www.lebed.com/2005/art4364.htm>.

мых научной рефлексии, советско-польских и польско-германских отношений в межвоенный период и годы второй мировой войны» ¹⁶⁵.

Эта первая работа оказалась ЕДИНСТВЕННОЙ отечественной «научной» монографией о советско-германских договорах 1939 г. и «секретных протоколах» (все прочие сочинения носят художественно-публицистический характер), однако серьезно воспринимать этот по сути-то студенческий реферат нельзя из-за его вопиющей убогости (например, автор цитирует художественные литературные произведения, пытаясь опровергать таким образом документальные свидетельства) и нисколько не скрываемой конъюнктурности. Публикаторы из «Международного исторического журнала» анонсируют прониинскую работу как доказательство правоты теории Резуна о том, что Сталин планировал летом 1941 г. напасть на Германию, но Гитлер, дескать, нанес упреждающий удар. Спрашивается, почему зарубежные спонсоры не нашли более солидного автора для придания научности мифу о «секретных протоколах» – ведь продажных «историков» в РФ хоть пруд пруди. Я думаю, причиной было то, что фонд Сороса выделил для этих целей столь мизерный грант, на который позарился только голодный студент Уральской государственной юридической академии. Вот жмоты! Для придания веса сему «научному» труду в 1997 г. приказом министра образования РФ Кинилева по итогам открытого конкурса на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах России по разделу «юридические науки, исследование» Пронин удостоен медали «За лучшую научную студенческую работу». Но эта побрякушка не добавила убедительности его реферату.

Еще менее убедительно выглядит «научная издание» (так сказано в выходных данных) Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, выпущенное в 1996 г. – «Советско-германские договоры 1939–1941 годов: трагедия тайных сделок». Авторство принадлежит некоему Якову Павлову, который в советские годы делал карьеру, прославляя марксистско-ленинский догмат, а во время Перестройки, разумеется, проникся до глубины души «общечеловеческими ценностями», с позиции которых осуждает «сговор Молотова-Риббентропа». Но в отличие от Пронина, Павлов даже не пытался придать видимость научности своему сочинению, а слепил достаточно примитивную компиляцию на основе газетных статей конца 80-х годов. Осталась совершенно незамеченной общественностью эта брошюрка лишь потому, что ее тираж составил всего 50 экземпляров.

Обычно всякого рода тайны и загадки будоражат воображение историков, как навозных мух запах свежего говна. Но тему «секретных протоколов» они, словно сговорившись, старательно обходят стороной. Единственное исключение представляет собой исследование племянницы германского посла в Москве Шуленбурга Ингеборг Фляйшхауэр «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии» (Fleischhauer I. Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin, 1990).

Книга была издана в СССР в 1991 г. в издательстве «Прогресс». Любопытно, что книга вышла под общей редакцией Льва Безыменского, который написал предисловие, а вступительное слово принадлежит перу Валентина Фалина – оба активисты яковлевской шайки фальсификаторов истории.

Чувствуется, что Фляйшхауэр попыталась воссоздать максимально полную картину московских переговоров, однако сделала это она очень примитивно – путем механического суммирования свидетельств, оставленных участниками встречи, и цитированием архивных документов. При этом, разумеется, она постаралась в меру своих умственных способностей устранить противоречия и неточности, приведя все свидетельства к общему знаменателю, однако ее способности оставили желать лучшего. Суммируя факты, автор не делает попытки их анализи-

¹⁶⁵ http://history.machaon.ru/all/number_11/pervajmo/pronin.

ровать, а стремится лишь к внешне непротиворечивому их сочленению, и всячески избегает критического осмысления воспоминаний участников событий, что убивает всякую научность ее труда. Например, Фляйшхауэр обильно цитирует сфальсифицированные мемуары Риббентропа:

«На случай возникновения германо-польского конфликта, который при сложившемся положении нельзя было исключать,» была согласована демаркационная линия». Эту демаркационную линию, соответствующую директивам Гитлера, соответствующую директивам Гитлера относительно разграничения сфер интересов, Риббентрон в общих чертах нанес на карту. По его собственным словам она проходила вдоль рек Рыся (правильно: Писса – И. Ф.), Буг (Висла – И. Ф.), Нарве, Сан... Так выглядела демаркационная линия, которой надлежало придерживаться в случае, если бы дело дошло до вооруженного конфликта с Польшей».

Я привел всего пол-абзаца – но сколько же здесь путаницы! Фляйшхауэр смешала в одну кучу сведения о трех различных переговорах. По общепринятой версии событий сферы влияния делили Молотов с Риббентропом в августе 39-го, демаркационную линию от имени командования Вермахта согласовывал с наркомом обороны Ворошиловым германский военный атташе генерал Кестринг 21 сентября, а пресловутую карту якобы Сталин и Риббентрон подписали 28 сентября. Что касается свидетельства Риббентропа на Нюрнбергском процессе, то если речь 23 августа 1939 г. шла о демаркации по реке Писса, и эта линия якобы была нанесена на карту, то как могло появиться подписанное Шуленбургом и Молотовым разъяснение к «дополнительному секретному протоколу», датированное 28 августа 1939 г., где как раз уточнялась граница сфер интересов по реке Писса? Но при этом немецкий историк дотошно поправляет рейхсминистра, что река Рыся на самом деле называется Писса, и дополняет, что он упустил в своем перечислении Вислу. Правда, непонятно, почему она вставляет ее между Наревом и Бугом, хотя как раз Буг в «секретном протоколе» от 23 августа не упоминался.

Сочинение Ингеборг Фляйшхауэр – это лоскутное одеяло, слепленное из мифов, фрагментов подлинных документов и свидетельств, которые сочетаются с самыми низкопробными фальшивками и домыслами автора. Дело при этом усугубленное массой ошибок, путаницы и подтасовок. Между тем «историки» в один голос признают его единственным фундаментальным исследованием по истории советско-германского договора о ненападении. Что же касается «секретных протоколов», то Фляйшхауэр даже не пытается усомниться в их подлинности. Но это следовало сделать хотя бы для соблюдения ритуала, ведь она писала свою книгу еще до того, как были найдены «оригиналы» протоколов, и, возможно, даже до того, как Съезд народных депутатов признал факт их существования. Я очень невысоко оцениваю умственный уровень лиц, считающих себя учеными-историками, но, даже делая поправку на женскую логику, книга Фляйшхауэр не имеет ни малейшего отношения к исторической науке, ибо в ней грубо попираются самые основные принципы научного познания.

Вообще, учеными называть современных «историков» нельзя ни при каких обстоятельствах. Потому что наука, не обладающая математическим аппаратом – это шарлатанство. Зачем «историку» знание абстрактных законов численных соотношений? Объясню на элементарном примере. Я, усомнившись, в существовании «секретных протоколов» могу математически доказать, что они являются фальшивкой. Возьмем весь фонд архивных дипломатических документов, имеющих отношение к Германии и России, скажем, за последние 100 лет. Изучив их, мы придем к выводу, что 5 % всех документов имеют сомнительные места. Ну, пусть даже 10 %. Где-то число неверно проставлено, где-то фамилия написана с ошибкой, где-то исправления от руки сделаны. А где-то межгосударственный договор забыли скрепить сургучной печатью или не оприходовали его в канцелярии по всем канонам бюрократического искусства. Скрепя сердце, я даже готов допустить, что при улаживании пограничного спора была

использована неправильная карта. Но в любом случае 90 % всего документального фонда будет оформлено по всем канцелярским канонам.

Для выявления доли документов с ошибками и неточностями не обязательно изучать под лупой сотни тонн бумаг. Достаточно методом случайной выборки проанализировать тысячу документов, а полученный результат считать неизменным для всей массы архивного материала. Этот прием называется экстраполяция

– логико-методологическая процедура распространения (переноса) выводов, сделанных относительно какой-либо части объектов или явлений на всю совокупность (множество) данных объектов или явлений.

Теперь вычленим из всего фонда источников корпус документов, связанных с «секретными протоколами». И вот тут окажется, что ошибки, неточности, нарушение практики оформления бумаг и путаница присутствуют более чем в 10 % случаев. Следовательно, в этом деле не все чисто. Если количество «досадных недоразумений» превышает 25 %, то мы можем уверенно говорить, что фальсификаторы приложили руку к искажению истины. Математики назвали бы такой прием методом корреляционного анализа (обработка статистических данных, заключающаяся в изучении коэффициентов (корреляции) между переменными). За точность термина не ручаюсь, поскольку у меня в школе по математике выше тройки никогда не было, но суть, надеюсь, ясна.

Вам любопытно, какой процент всех документов, касающихся «секретных протоколов» содержит признаки недостоверности? Я сам удивился, но результат действительно впечатляющий

– 100 %. И это при том, что я работал не в самих архивах, а исследовал документы по открытым источникам. Если хоть где-то употребляются слова «сфера интересов», «сфера влияния», «секретный протокол» или подобные ключевые слова – значит, мы неминуемо наткнемся на какой-нибудь «маячок» – фальшивые архивные реквизиты, нарушение правил делопроизводства, применение непрофессиональной терминологии, грамматические ошибки, сомнительное происхождение из частного архива, рудименты перевода с английского, путаница с географией, датами, и т. д.

Кстати, о датах. Хронология – основа исторической науки. Всякий ученый от истории должен уверенно владеть методами хронологического анализа. Попробуем применить их к корпусу источников по «секретным протоколам» Молотова – Риббентропа. Первое, с чем мы столкнемся – это громадное количество событий, датировать которые невозможно. Вот навскидку:

- когда проводилась яковлевская пресс-конференция по случаю обнаружения «оригиналов» протоколов;
- когда Безыменский ездил со своей миссией в Бонн;
- когда Подцероб со Смирновым составили акт приема-передачи пакета документов, включающих «секретные протоколы»;
- когда союзники захватили микрофильмы фон Леша;
- когда (и сколько раз) Вульфсон ездил в Германию на поиски «секретных протоколов»;
- когда проводились заседания депутатской комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года;
- когда членами комиссии Яковлева был утвержден проект Постановления Съезда;
- когда Яковлев получил от Ковалева «служебную записку Смирнова-Подцероба»;
- когда проводились многочисленные экспертизы документов, на которые ссылался Яковлев в своем докладе Съезду народных депутатов;
- когда были рассекречены «секретные протоколы» в РФ;
- когда были осуществлены публикации текстов протоколов Молотова – Риббентропа в журналах «Вопросы истории» и «Новая и новейшая история»;

– когда Риббентроп звонил из кабинета Сталина Гитлеру, согласовывая раздел «сфер интересов»;

Некоторые события в принципе не могут быть датированы, и потому их нельзя считать достоверными и даже вероятными. К их числу относится, например, беседа бывшего молотовского переводчика Павлова с писателем-фантастом Карповым.

Но давайте оперировать лишь точно датированными событиями и документами. Например, расположим в одной колонке сведения о запротоколированных беседах Молотова с Риббентропом, где они касались условий секретных договоренностей, а в колонке напротив поместим тексты отчетов Шуленбурга Риббентропу об этих встречах. По идее они должны совпасть по смыслу очень точно. На деле же мы видим в них множество явных нестыковок (см. главу «Сувалки»). Но даже если фальсификаторы идеально согласовали одни фальшивые документы с другими, мы добавляем в нашу хронологическую таблицу третью колонку, где отражены реальные события того времени. И вся концепция «сговора» Молотова – Риббентропа рассыпается (подробности см. в главах «Гальдер», «Граница»). Калибруется наша хронологическая шкала по третьей колонке (реальные события), и если документы плохо соотносятся с реальностью, значит, есть повод заподозрить позднейший подлог.

Хронологические «маячки» наиболее ярко светят, когда мы имеем дело с подложными мемуарами. Ведь их составители пользуются не своей памятью, а подгоняют описываемые события под «общеизвестную» версию хронологии. И если в этой «общеизвестной» версии появится ошибка, то все псевдо-мемуаристы ошибутся одинаково. Либо наоборот, каждый ошибется по-разному, но в одном и том же месте. Примером тому может служить сюжет о том, кто и когда звонил Гитлеру из кабинета Сталина (см. главы «Гаусс», «Риббентроп», «Павлов, «Херварт»).

Статистический анализ ошибок – очень эффективный прием ученого, желающего разоблачить подлог. Дело в том, что в реальной жизни человек стремится к минимизации ошибок. Сама жизнь заставляет свои ошибки исправлять, потому что он сталкивается с их очень неприятными последствиями. А в корпусе фальшивых документов ошибки лишь накапливаются, наслаиваясь друг на друга. Происходит это потому, что фальсификаторы отражают в своих подделках не реальность, а свои представления о ней, которые зачастую неверны. Например, неизвестные нам умельцы, сляпав карту «распила» Польши с автографами авторов сделки, отразили более позднее состояние государственных границ, нежели оно было в реальности образца 1939 г.

На базе этой неверной карты возник «секретный протокол» о разделе Литвы», где слишком уж грубая путаница с Сувалками потянула за собой целый шлейф фальсификаций. В итоге одна ошибка не только кочует из одного подложного источника в другой, но и провоцирует появление новых ошибок при попытке устранить ее с помощью очередной фальшивки. Скажем, виртуальный конфликт вокруг «кусочка Литвы» был улажен с помощью виртуальной сделки купли-продажи. Все бы ничего, да только номинирована сделка в несуществующей валюте – золотых долларах. Ладно, хоть не в платиновых пиастрах.

Иногда два или три фальшивых источника могут относительно точно стыковаться друг с другом, если их фабриковали одни и те же люди, либо очередной подлог совершался на базе предыдущего. Но и в этом случае фальсификация выявляется путем перекрестного анализа всех доступных источников. Возьмем хрестоматийный уже пример с «кусочком литовской территории». Если у Гаусса Риббентропа и Хильгера этот «кусочек» не имеет никакой географической привязки, и потому противоречия не возникает, то у депутатов Верховного Совета Литовской СССР речь идет о «треугольнике Сувалки», а у Семиряги Сувалки передаются Германии вместе со всей территорией Литвы 23 августа, а не 28 сентября 1939 г., как у всех прочих (см. главу «Сувалки»). Несогласованные попытки географически локализовать «кусочек Литвы» приводят к еще большим противоречиям. Отсюда делаем вывод, что документальная

база под этими попытками локализации отсутствует, а имеет место лишь различная интерпретация высказываний Гаусса и Риббентропа.

Я могу еще долго избивать банду фальсификаторов истории, находя все новые и новые противоречия в состряпанных ими «секретных протоколах» Молотова – Риббентропа и сопутствующих фальшивках, но не буду лишать любознательного читателя удовольствия сделать это самостоятельно. Разоблачение исторических фальшивок – увлекательнейшее дело!

Алексей Кунгуров

<http://kungurov.livejournal.com>

2007–2012 гг.